

—

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ:**

**ИСТОРИОГРАФИЯ
И
ТЕОРИЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

9 VI
—
B-84

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:
ИСТОРИОГРАФИЯ И ТЕОРИЯ

КІЕВ НАУКОВА ДУМКА 1988

ББК

12 + 11 (294) + 10

В84

Авторы

Ю. Ю. Кондуфор, А. В. Санцевич, В. В. Румянцева, С. З. Заремба, В. А. Нерод, А. В. Молодчиков, Ф. П. Шевченко, Е. Е. Маркова, Т. А. Балабушевич, В. В. Панашенко, Н. Н. Яковенко, Е. Ф. Сидоренко, Ф. М. Шабульдо, Н. С. Костинская, Н. Ф. Котляр, Е. П. Степанович, Л. П. Маркитан

Редакционная коллегия

Ю. Ю. Кондуфор (ответственный редактор), Т. А. Балабушевич (ответственный секретарь), А. В. Санцевич, Ф. П. Шевченко

Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория / Кондуфор Ю. Ю., Санцевич А. В., Румянцева В. В. и др.; Редкол.: Ю. Ю. Кондуфор (отв. ред.) и др.— 1988.— 280 с. Имен. указ.: С. 271—278. ISBN 5-12-000119-X

В монографии обобщаются итоги исследований в области важнейших вспомогательных исторических дисциплин — хронологии, исторической географии и картографии, палеографии, дипломатики, нумизматики, геральдики, сфрагистики, иконографии и др. Проведена классификация этих дисциплин по их функциям и методам, раскрыта их эволюция, намечены задачи, требующие дальнейшей разработки.

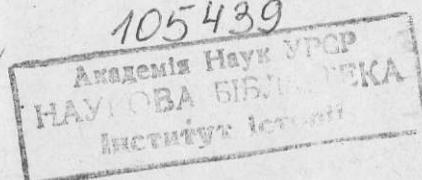
Авторы уделяют значительное внимание использованию творческих результатов в области вспомогательных дисциплин в научно-исследовательской работе историков.

Для историков, преподавателей и студентов вузов, пропагандистов, всех интересующихся развитием исторической науки.

Утверждено к печати ученым советом Института истории АН УССР

Редакция исторической литературы

Редактор Н. С. Шафета

В 0503000000—392 КУ-1-153-88
M221(04) — 88

ISBN 5-12-000119-X

© Издательство «Наукова думка», 1988

ВВЕДЕНИЕ

Вспомогательные исторические дисциплины... Нет такого исторического исследования, в котором в определенной степени не использовались бы их приемы, методы или материалы.

Коммунистическая партия ориентирует обществоведов на все большую практическую отдачу науки. «Время ставит вопрос,— подчеркивалось на XXVII съезде КПСС,— о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику»¹. Это полностью относится и к исторической науке.

Широкое применение разработок в области различных вспомогательных исторических дисциплин активно содействует повышению идейно-теоретического и качественного уровня исследований. Большинство этих дисциплин возникло и развивалось в связи с изучением источников по древней и средневековой истории. Древние рукописи, старинные монеты, гербы, печати и другие исторические памятники многое могут рассказать историку о прошлом. Их глубоким изучением занимаются специалисты в области палеографии, нумизматики, геральдики, сфрагистики. В исторических исследованиях неоднократно высказывалась мысль о том, что применение вспомогательных исторических дисциплин целесообразно только при изучении отдаленных периодов истории. Такое утверждение представляется нам несостоятельным. Разработки по вспомогательным дисциплинам необходимы для всех периодов истории. Следует учитывать, что в ходе исторического развития изменяются функции источников, роль отдельных исторических дисциплин. Поэтому наряду с традиционными исследованиями в данной области необходимо серьезное внимание обращать на качественные разработки по советскому периоду и новейшей истории в целом.

В нашей стране возникли исторические документы нового характера, отражающие права и обязанности освобожденного от эксплуатации человека. Для эффективного использования этих источников необходимы дипломатический анализ, сравнительное изучение их

формуляров. Несомненно, что роль вспомогательных исторических дисциплин будет все больше возрастать вместе с расширением диапазона исследований по всем периодам исторического процесса.

В нашей стране вышло в свет немало работ по отдельным вспомогательным историческим дисциплинам. Они в основном представлены исследовательскими трудами и научно-прикладными разработками, призванными непосредственно помочь историку в его исследовательской работе (хрониками событий, таблицами различных мер, образцов почерков, альбомами изображений монет, гербов, печатей и др.).

В нашей монографии дан аналитический обзор научной литературы как по всей системе вспомогательных исторических дисциплин, так и по отдельным из них, показаны перспективы дальнейшего их развития.

Книгу подготовили Ю. Ю. Кондуфор (введение), А. В. Санцевич (гл. I, XIII), С. З. Заремба, В. А. Нерод (гл. II), А. В. Молодчиков, Ф. П. Шевченко (гл. III), Е. Е. Маркова (гл. IV), Т. А. Балабушевич (гл. V), В. В. Панащенко, Н. Н. Яковенко (гл. VI), Ф. М. Шабульдо, Н. С. Костинская (гл. VII), Е. Ф. Сидоренко (гл. VIII), Н. Ф. Котляр (гл. IX), В. В. Румянцева (гл. X, XI, XII), Е. П. Степанович, Л. П. Маркитан (гл. XIII). Именной указатель подготовила Л. Н. Кузьмина.

ГЛАВА I

СИСТЕМА ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В исследовательской работе историк изучает огромное количество источников, литературы, других материалов. Важным средством познания этих многочисленных свидетельств о прошлом являются вспомогательные исторические дисциплины, входящие в состав источниковедения как субдисциплины и не носящие в большинстве межпредметного характера. Они разрабатывают особые методы и приемы изучения источников или методы исследования специфических источников¹. В данной монографии сделан историографический анализ достижений и намечены задачи дальнейших исследований на материале отечественной истории по следующим важнейшим вспомогательным историческим дисциплинам: хронологии, исторической географии и картографии, топонимике, палеографии, дипломатии, метрологии, нумизматике, геральдике, сфрагистике, генеалогии, иконографии.

Мы не будем рассматривать такие отдельные научные дисциплины, как историография, архивоведение, археография, библиотековедение, библиография, языковедение, которые часть исследователей склонна относить к вспомогательным историческим дисциплинам. Заметим, что определенные сведения по упомянутым отраслям знаний не только полезны, но и необходимы историкам. Однако, выяснение этого вопроса — задача отдельного исследования.

Большинство вспомогательных исторических дисциплин возникло в связи с изучением памятников древней и средневековой истории. Дореволюционные историки изучали близкие по характеру дисциплины (например, геральдику и сфрагистику, палеографию и эпиграфику и др.), прослеживали определенные связи между ними. Эти исследования в значительной степени имели прикладной характер: готовились пособия для преподавателей и студентов высших учебных заведений. Заметную роль в развитии вспомогательных дисциплин сыграли Петербургский и Московский археологические институты².

Термин «вспомогательные исторические дисциплины» стал широко применяться на рубеже XIX и XX вв.³ Так, в трудах Н. П. Лихачева, преподававшего в конце XIX в. в Петербургском археологическом институте курс дипломатики, палеография и хронология названы как «вспомогательные исторические знания»⁴. Ю. В Арсеньев, читавший в Московском археологическом институте в начале XX в. курс геральдики, определял геральдику и сфрагистику как систему сведений, которые «получают совершенно определенное место в ряду вспомогательных исторических знаний, как дисциплин, и служат необходимыми вспомогательными средствами при изучении исторических памятников, дают весьма важное пособие как для истории, так и для археологии»⁵. Таким образом, отдельные вспомогательные дисциплины выделялись как важное средство познания исторического процесса.

Однако следует подчеркнуть, что в дооктябрьский период разработки по вспомогательным историческим дисциплинам, как и по всему источниковедению, проводились дворянскими и буржуазными учеными, выполнившими классовый социальный заказ. В их работах отражались идеологические взгляды историков и археологов, формировавшиеся в связи с их социальным положением в классовом обществе.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории нашей страны и всего человечества. Началась плодотворная эпоха и в развитии исторической науки, которая за истекшие годы прошла путь, насыщенный значительными событиями, определенными достижениями.

На первом этапе развития советской исторической науки (октябрь 1917 — середина 30-х годов) происходили становление ее, организация научных сил, создание первых кадров советских историков⁶. В эти годы А. М. Большаков подготовил первое учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. Однако, изучая археологию, вопросы истории Древней Руси, вспомогательные исторические дисциплины он рассматривал как составные археологии («археологические дисциплины»)⁷, что свидетельствовало об ограниченности подхода автора к ним. Ведь часть этих отраслей знаний имеет непосредственное отношение не к предметам материальной культуры, а к письменным источникам. Правда, значительный материал для исследований по нумизматике, эпиграфике добывается археологами. Вообще же А. М. Большаков следовал традиции дореволюционной историографии, которая включала в объект исследования археологии не только вещественные источники, но и древнерусские письменные памятники.

Книги А. М. Большакова пользовались в свое время популярностью. Последующие издания его дополнились новыми разделами об исторических дисциплинах. Так, издание четвертое включало антропологию, археологию, палеографию, эпиграфику, сфрагистику, нумизматику, геральдику, генеалогию, метрологию, хронологию, ис-

торическую географию, языковедение, дипломатику, библиотековедение, архивоведение, историографию. Оно имело целью ознакомить учащихся с широким кругом знаний, необходимых для успешной работы в области исторической науки. Важным дополнением к тексту были рисунки различных источников (преимущественно археологических) и таблицы⁸.

Рассмотренное пособие А. М. Большакова было определенным шагом на пути к рассмотрению комплекса вспомогательных исторических дисциплин, хотя каждая из них в данном случае интерпретировалась изолированно от других. Только в кратком предисловии подчеркивалось их общее значение. Подобный подход к ним сохранился еще многие годы. Но успехи в изучении отдельных дисциплин способствовали углублению знаний в области их системы.

Во второй половине 20-х годов центром изучения вспомогательных исторических дисциплин стал факультет языкоznания и материальной культуры Ленинградского университета (ямфак), где большое внимание уделялось древнему периоду русской истории, источниковедению, архивоведению, палеографии, археографии, дипломатике.

В течение ряда лет на ямфаке лекции по дипломатике и археографии читал А. И. Андреев, истории русского летописания — М. Д. Приселков, источниковедению — С. Н. Валк⁹. Работа историков Ленинградского университета в области вспомогательных дисциплин положила начало научной школе исследования исторических источников.

К рубежу 20 — 30-х годов относится начало разработки методики исторического исследования с марксистско-ленинских позиций. Этой проблеме посвящены труды А. В. Шестакова, Г. П. Саара и С. Н. Быковского¹⁰, в которых уделялось большое внимание вспомогательным историческим дисциплинам. Так, Г. П. Саар в специальном разделе (с. 23—56) относит к вспомогательным историческим дисциплинам историческую географию, антропологию, этнографию, языкоznание, археологию, эпиграфику, нумизматику, метрологию, хронологию, сфрагистику, геральдику, палеографию, дипломатику и кратко их характеризует. Кроме того, он считал, что другими историческими дисциплинами является статистика, право, социология, политическая экономия, история техники и генеалогия.

С. Н. Быковский включал в изложение материал по вспомогательным историческим дисциплинам в связи с раскрытием приемов исследования исторических источников. Так, он касался палеографии при изучении почерка, материала источника, филиграней, метрологии — при рассмотрении меры веса, поверхности и т. д. В конце книги (с. 151—201) приводится список литературы по вспомогательным историческим дисциплинам (антропологии, археологии, генеалогии, геральдике, дипломатике, исторической географии, лингвистике, метрологии, нумизматике, палеографии, сфрагистике, хронологии, эпиграфике, этнографии).

Таким образом, советские исследователи указанного периода выделили сравнительно стабильный список вспомогательных исторических дисциплин (правда, с одновременным привлечением и некоторых уже обособившихся наук, а также отдельных дисциплин межпредметного характера), кратко охарактеризовали каждую из них. Вместе с тем в 20-х — первой половине 30-х годов наметилась тенденция к чрезмерному социологизированию в исторической науке, которое проявлялось в том, что обобщениями, абстракциями, не подкрепленными тщательным изучением источников и соответствующей научной литературы, подменялся конкретно-исторический анализ. Такое положение было решительно осуждено Коммунистической партией.

Важную роль в развитии исторических исследований имели постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах (1934), об учебниках истории (1936), ставшие важным стимулом в работе ученых, в том числе специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин. Успешно исследовались отдельные актуальные вопросы этой тематики. Определенным итогом работы стало опубликование в издательстве АН СССР фундаментального сборника статей¹¹. В предисловии книги отмечалось, что задачей вспомогательных исторических дисциплин является «изучение некоторых специфических групп исторических источников, исследование памятников, ... обогащение историографического синтеза дополнительными фактами...»¹². Это было крайне важно в силу выполнения задачи изучения фактов, а не схем и общих суждений, отходящих от полноты исторических событий.

Редактор А. С. Орлов самокритично отмечал, что статьи «еще не достигают высокого научного уровня в смысле проникновения марксистской методологией», но полезны «по значимости их фактического материала и по педагогическому значению»¹³.

Сборник состоял из четырех разделов: I, II и IV посвящены источниковедческому анализу западноевропейских и восточных памятников, часть которых хранится в нашей стране; раздел III — материалам по истории России. Конкретные статьи относятся к отдельным источникам или довольно узким темам в областях палеографии, эпиграфики, дипломатики, хронологии, сфрагистики. Уровень издания высок: многие статьи снабжены репродукциями рассматриваемых памятников, имеют резюме на иностранных языках. Несмотря на отмеченные выше недостатки, а также значительную фактографичность, данный сборник положил начало постоянным публикациям по вспомогательным историческим дисциплинам.

Частично к этой тематике обращались авторы серийного сборника «Проблемы источниковедения», десять выпусков которого вышло в 1933—1962 гг. Преимущественно публиковались статьи по палеографии, дипломатике, хронологии, исторической картографии периодов феодализма и капитализма. Слабо представлены вспомогательные исторические дисциплины по советскому периоду (только в

некоторых сборниках включены по 2—3 материала из, примерно, 20), что свидетельствует о недостаточности разработки этой тематики в источниковедческом плане. Например, в выпуске IV опубликовано таких материалов 2, в выпуск VII — 3. Во многих выпусках ни одного материала. Тем не менее важное значение имела статья постановочного характера С. И. Якубовской, в которой автор еще в 1955 г. выдвигала вопрос об изучении и публикации источников советского периода¹⁴.

Это относилось и к вспомогательным историческим дисциплинам, в области которых только начала разрабатываться тематика советской эпохи.

С точки зрения развития вспомогательных исторических дисциплин интерес представляют опубликованные в сборниках «Проблемы источниковедения» обстоятельные статьи (с библиографией) о видных специалистах в этой области¹⁵.

Развитию исследований по рассматриваемым дисциплинам содействует издание (начиная с 1968 г.) ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» Ленинградским отделением Археографической комиссии АН СССР. Одним из основателей и ответственным редактором сборника был С. Н. Валк. В издании широко проявилась ленинградская школа специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам. В выпусках ежегодника публикуются статьи и сообщения по конкретным вопросам вспомогательных дисциплин (палиографии, дипломатике, сфрагистике, метрологии, исторической географии, хронологии и др.). Уже в предисловии к первому выпуску было отмечено, что в издание включаются материалы не только по источникам средневековья, но и советского периода¹⁶. Публикуются также статьи на материале зарубежной истории.

Несмотря на обилие и содержательность исследований по отдельным вспомогательным историческим дисциплинам, только с начала 80-х годов они стали рассматриваться в ежегоднике как единый комплекс.

В 1964—1972 гг. на Украине издавалась серия сборников на тему «Исторические источники и их использование», в которой также большое внимание уделялось вспомогательным историческим дисциплинам¹⁷. Эти сборники, создававшиеся совместно Институтом истории АН УССР и Архивным управлением при Совете Министров Украинской ССР, содержали материал по архивоведению, анализу архивных источников. На страницах сборников немало места отводилось исследованиям на материалах советского периода. Широко представлены темы по истории Украины. Вопросы о комплексе вспомогательных исторических дисциплин в этих сборниках не поднимались.

Это же характерно и для выпускавшегося в Свердловске сборника «Вспомогательные исторические дисциплины»¹⁸, в котором помещены статьи по таким дисциплинам, как хронология, историческая

география, метрология, сфрагистика, подготовленные на материалах Урала.

Учитывая то, что в последующих главах анализируется научная литература об отдельных дисциплинах, ограничимся здесь только краткой характеристикой трудов, непосредственно посвященных совокупности вспомогательных исторических дисциплин.

Анализ развития комплекса вспомогательных исторических дисциплин впервые был предпринят А. А. Зиминым в 1964 г. применительно к архивному делу¹⁹. Впоследствии к этому вопросу неоднократно обращались советские историки Л. В. Черепнин, В. И. Буганов, С. О. Шмидт, В. Л. Янин и др.²⁰ Как отмечал С. О. Шмидт, на современном этапе в области вспомогательных дисциплин²¹ наблюдается «значительное расширение фронта исследований»²², которое прежде всего проявляется в интересе ученых к интеграции этих отраслей знаний, к изучению их в комплексе, что имеет большое познавательное и практическое значение для исторического исследования.

Изданы учебные пособия, монографии по отдельным дисциплинам. К сожалению, еще нет исследовательских трудов монографического плана о системе вспомогательных исторических дисциплин. Такие учебные пособия, как книга А. М. Большакова, содержат сумму очерков по отдельным дисциплинам, подбор которых зависит от установок учебной программы и от круга научных интересов авторов. Так, в 1963 г. опубликовано учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам, подготовленное преподавателями Киевского университета²³. В предисловии авторы правильно отмечали, что в дореволюционное время вспомогательные исторические дисциплины «не касались документов новой и новейшей истории», и выдвигали важную задачу изучения источников нового и новейшего времени, истории КПСС, советского общества. «В этих условиях вспомогательные исторические дисциплины развиваются по-новому соответственно новым задачам»²⁴.

В пособии вполне обоснованно подчеркивалось, что «все вспомогательные исторические дисциплины, которые используются в исследовательской лаборатории ученых-историков, имели и имеют классовое содержание, видоизменяются в своем развитии...»²⁵. Авторы сделали попытку дать характеристику, раскрыть предмет и метод каждой из вспомогательных исторических дисциплин, показать, как критически оценивать и определять познавательную значимость разных исторических источников. Этим они имели намерение заполнить существующий пробел в советской историографии.

Правда, отбор дисциплин был не вполне обоснованным. Так, В. И. Стрельский наряду со вспомогательными дисциплинами — метрологией, геральдикой, сфрагистикой и исторической географией — включил и отдельные дисциплины — источниковедение и архивоведение, а С. А. Яковлев подготовил главу об археографии. В пособие входили также разделы по дипломатике и хронологии (А. А. Вве-

денский), палеографии (В. А. Дядиченко) и нумизматике (А. Д. Руденко).

Значительное внимание использованию вспомогательных исторических дисциплин при работе над историческими источниками уделил А. П. Пронштейн²⁶, который подчеркивал, что привлечение этих дисциплин зависит от конкретных задач, которые приходится решать исследователю, от исторического периода и проблемы, которыми он занимается. Особенно широко пользуются историки данными вспомогательными историческими дисциплинами при работе над архивными материалами. Здесь каждый исследователь выступает одновременно и как палеограф, и как специалист в области метрологии, хронологии, геральдики и др.

Автор вполне обоснованно пишет о необходимости историку знаний в области других общественных наук: языкоznания, истории народного хозяйства, государства и права, политической мысли, истории материальной культуры. Но почему-то эти отрасли других наук (как и историографию — отрасль исторической науки) он называет специальными историческими дисциплинами²⁷.

В написанном совместно с В. Я. Кияшко учебном пособии А. П. Пронштейн относит к вспомогательным историческим дисциплинам таковые, которые «разрабатывают общие и частные вопросы методики и техники исторического исследования»²⁸. Таким образом, и само источниковедение у него представлено как вспомогательная дисциплина.

В то же время он отмечает, что с 1970/71 учебного года в план пединститута введен курс вспомогательных исторических дисциплин, который включает палеографию, хронологию, метрологию, нумизматику, историческую географию — особенно важные в практической работе учителя-историка²⁹. Это вполне реальный отбор вспомогательных дисциплин, который нуждается только в некотором дополнении (геральдикой, сфрагистикой, дипломатикой, генеалогией, топонимикой и иконографией) для использования в исследовательской работе.

В рассматриваемое пособие включена глава об археологии, изучающей вещественные исторические источники. Несомненно, что знакомство с этой наукой полезно учащимся, но это отнюдь не вспомогательная дисциплина.

Основные этапы развития вспомогательных исторических дисциплин в нашей стране раскрыты в учебном пособии Е. И. Каменецкой³⁰, которая, правда, основное внимание уделяет освещению достижений отдельных из них, а в заключительной части книги высказывает соображения относительно дальнейшего развития вспомогательных исторических дисциплин. Вышло новое вузовское пособие по вспомогательным историческим дисциплинам, во введении к которому дается определение дисциплин, кратко излагаются история их развития в нашей стране, приемы использования³¹. Главы посвящаются традиционным для вузовского преподавания

дисциплинам, о которых шла речь выше. Оригинальной является глава о генеалогии, которую авторы сопоставляют с системой социального этикета, то есть с различными титулами, званиями, рангами, в частности, рассматриваются советские воинские звания, награды.

В конце 70-х — первой половине 80-х годов опубликованы важные исследовательские статьи о развитии вспомогательных исторических дисциплин в их комплексе³². Н. А. Соболева обобщенно характеризует важнейшие сдвиги в области вспомогательных исторических дисциплин на современном этапе, которые в основном сводятся к расширению их творческого диапазона. Отмечается широкая организация симпозиумов, конференций, совещаний по этим дисциплинам в целом, а также по отдельным, что содействует координации и развертыванию исследовательской деятельности. Увеличивается число изданий, в частности вузовских пособий по этим дисциплинам.

Автор отмечает изменение структуры комплекса вспомогательных исторических дисциплин, пишет об «исключении» из него ряда этих дисциплин. Н. А. Соболева имеет в виду источниковедение, архивоведение, археографию и др.³³ На наш взгляд, здесь следовало бы писать не об «исключении», а об уточнении, совершенствовании состава этих дисциплин. Что касается документоведения, которое упоминается среди «исключенных», то, как нам кажется, оно должно занять важное место при анализе источников нового и новейшего времени (в дополнение к дипломатике и палеографии).

На современном этапе к числу самостоятельных исторических дисциплин Н. А. Соболева относит изучение филиграней (филиграфнологию), которыми ранее занималась палеография. К нумизматике можно включить такие подразделы, как фалеристика (наградные знаки), бонистика (изучение банкнотов и казначейских билетов).

Отмечается возрастание исторических исследований с широким применением материалов и методов ряда вспомогательных исторических дисциплин, особенно сфрагистики, нумизматики, исторической географии. Происходит взаимный обмен техническими приемами между различными дисциплинами (так, метод картографирования стал активно применяться в нумизматике, для обозначения мест обнаружения кладов).

В области каждой вспомогательной дисциплины все глубже разрабатываются теоретические вопросы: предмет той или иной дисциплины, переосмысление ее задач, методологический аспект, методические приемы изучения тех или иных источников³⁴. Таким образом, углубляются теоретические основы этих дисциплин, расширяется сфера применения их данных в историческом исследовании.

Комплекс вспомогательных исторических дисциплин теоретически осмысливается на страницах одноименного ежегодника³⁵. Н. Е. Носов выдвинул положение, что эти дисциплины должны разрабатывать такие отрасли, следовательно и проблемы источнико-

ведения, которые требуют и специальных знаний, и специальных приемов анализа, всей совокупностью которых не всегда владеет (да и не может владеть) исследователь, занимающийся изучением конкретных исторических сюжетов в области экономической, социальной и политической истории или истории культуры. Эта общая характеристика данных дисциплин представляется нам правильной.

Невозможно вести разработку вспомогательных исторических дисциплин вне общей системы современных исторических знаний и главное — общей научной проблематики. Только органическая связь источниковедческого и исторического анализа, их взаимное обогащение могут дать наиболее плодотворные научные результаты. Отсюда необходимо максимально полное привлечение для исторических исследований данных вспомогательных исторических дисциплин³⁶.

Н. Е. Носов поставил вопрос о глубоком и всестороннем исследовании творческого наследия крупнейших отечественных специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин — А. С. Лаппо-Данилевского, А. М. Шахматова, А. И. Андреева, С. Н. Валка, А. А. Зимины и др.

Следует шире применять новые источниковедческие методы в области тех дисциплин, которые имеют дело с массовыми данными, изучать возможности и результативность математических приемов анализа как формы обработки исторических источников.

Необходимо создание справочников по отдельным вспомогательным историческим дисциплинам различного типа — учебных пособий, картографических материалов и альбомов, например, образцов письма и филиграней и т. д. Подготовка справочных изданий не снимает необходимости научной разработки каждой исторической дисциплины. Обращается внимание на исследование вспомогательных исторических дисциплин, касающихся новой и новейшей истории, советского периода, ибо эта область источниковедения имеет существенные особенности.

Л. Е. Шевелев рассматривает место и роль вспомогательных исторических дисциплин в источниковедении, раскрывает различные точки зрения на определение, общую характеристику и место среди исторических знаний вспомогательных дисциплин. Автор дает заслуживающее внимания распределение этих дисциплин по их функциям в историческом исследовании: 1) занимающиеся источниками изучением отдельных специфических групп исторических источников; 2) исследующие различные виды источников с какой-либо одной стороны (например, почерк письменных источников, упоминание в них единицы меры, географического названия и пр., знание которых необходимо для источниковедческого анализа). Отнесение некоторых вспомогательных исторических дисциплин к одной из этих групп не абсолютно и определяется главными их задачами³⁷.

Ученый выделяет и третью группу вспомогательных исторических дисциплин, в состав которой включает археографию и архивовед-

дение. На наш взгляд, это неправомерно, ибо указанные дисциплины имеют дело не с отдельными видами источников или определенными их сторонами, а с целой их совокупностью.

К сожалению, в статье Л. Е. Шевелева только упоминаются «иконографические источники» (с. 19), а следовало бы раскрыть значение иконографии как перспективной дисциплины, занимающейся ими. Автор сопоставляет точки зрения различных исследователей на вспомогательные исторические дисциплины. Так, С. О. Шмидт даже предложил «различать вспомогательные исторические дисциплины и дисциплины, вспомогательные по отношению к исторической науке»³⁸. Ко вторым он относит все те отрасли знания, которые могут быть полезны историку в его исследовательской работе, не только гуманитарные, но и естественнонаучные.

С таким распределением вполне можно согласиться: все эти отрасли знаний необходимы исследователю. Но в данной монографии мы ограничиваемся только первой категорией — собственно вспомогательными историческими дисциплинами.

Л. В. Черепнин справедливо отмечал, что уровень развития вспомогательных исторических дисциплин в значительной мере определяет степень профессионального мастерства, проявляющегося в исторических исследованиях³⁹. В советской исторической науке, развивающейся на основе марксистско-ленинской методологии, вспомогательные дисциплины должны были получить новое качество. Проникновение марксистской методологии в среду этих дисциплин было особенно сложным, ибо весьма большую роль в них играли накопление конкретного материала и разработка чисто технических приемов исследования, которые, будучи взяты сами по себе, являлисьнейтральными в отношении идеологии.

Именно творческий марксизм-ленинизм направлял историков на поиски новой методологии в разработке вспомогательных дисциплин. Л. В. Черепнин правильно отметил, что основным методологическим положением было все большее проникновение в область вспомогательных дисциплин духа историзма, стремление исследователей изучать внутренние закономерности развития тех явлений, которыми занимаются отдельные дисциплины. Подобный подход давал возможность шире и глубже использовать материал вспомогательных дисциплин при постановке и решении важных общеисторических проблем. Автор статьи подчеркивал также важное значение применения классового анализа⁴⁰, совершенствования специальной методики, определяющей профиль отдельных дисциплин.

В связи с расширением исторических исследований по проблематике нового и новейшего времени, советского периода отечественной истории Л. В. Черепнин выдвинул вопрос об изучении документов более поздних эпох, а также о создании новых вспомогательных дисциплин на основании применения методов, разработанных (конечно, в переосмысленном виде), на письменных памятниках древности и средневековья. Это чрезвычайно важный, актуальный воп-

рос и сформулирован он Л. В. Черепниным довольно продуманно и осторожно. Многие авторы выдвигают его решительнее, но и преимущественно умозрительно, не опираясь на конкретный материал, хотя уже и есть некоторые работы в области вспомогательных исторических дисциплин применительно к источникам нового и новейшего времени, советского периода.

В первом учебном пособии А. А. Введенского, В. А. Дядиченко, В. И. Стрельского по данной проблеме, написанном на основе марксистско-ленинской методологии, выдвигался новый раздел палеографии — очерки XX в. и советского времени, машинописные тексты. Авторы предлагали его называть неографией⁴¹. Подобной точки зрения придерживаются многие другие источниковеды⁴².

Плодотворную, на наш взгляд, идею выдвинули авторы упомянутого пособия относительно укрупненной вспомогательной дисциплины — эмблематики по источникам советского периода⁴³, которая могла бы соединить функции сфрагистики, геральдики, фалеристики и др. Для советской дипломатики авторы отводят изучение актов с нормативным, юридическим содержанием. В то же время они ставят вопрос об изучении всех документов делопроизводства при помощи одной подобной дисциплины.

В рассматриваемом нами плане написана статья А. И. Гуковского, который, опираясь на решения Всесоюзного совещания историков 1962 г., стремился раскрыть значение использования вспомогательных дисциплин при изучении истории советского общества⁴⁴. Автор правильно отмечал, что в данном случае историку приходится иметь дело с огромным количеством источников, с их совершенно новыми видами. Среди них он называл кинофотодокументы, фонозаписи, телевизионные материалы.

А. И. Гуковский предлагал в палеографическом плане изучать системы множительной аппаратуры, шрифты машинок, свойства красок, особенности типа грифелей, лент и пр. Для большинства исследований по советскому периоду, в частности для внешней критики рассматриваемых документов, эти рекомендации представляются надуманными. Установление внешней стороны документа обычно производится без изучения шрифта, ленты пишущей машинки и т. д.

Заслуживает внимания предложение А. И. Гуковского заменить дипломатику изучением современного делопроизводства. Ведь действительно, по сравнению с древним периодом в современном делопроизводстве удельный вес актового материала чрезвычайно уменьшился. Возникает необходимость в функционировании универсальной вспомогательной исторической дисциплины, которая осуществляла бы внутреннюю критику широкого круга документов, с которыми приходится сталкиваться исследователю советского периода. Вероятно, этой дисциплине наибольше подходит название документоведение.

Обоснованно А. И. Гуковский поставил вопрос о расширении функций хронологии, подключая к ней и составление хронологических указателей и таблиц⁴⁵. Автор привлек внимание к таким дисциплинам иконографического цикла, как филателия, филокартия, изучающих огромное количество полезных исследователю изобразительных средств.

В плане генеалогии А. И. Гуковский призывал изучать родословные видных исторических и культурных деятелей, выдающихся представителей рабочего класса и колхозного крестьянства.

Ответственные задачи стоят перед исследователями исторической географии советского периода. В центре их внимания огромные стройки в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и др. Историческая география должна оказать помощь историкам в связи с многочисленными изменениями административного деления, переименованием населенных пунктов, преобразованиями их⁴⁶.

Таким образом, вспомогательные дисциплины по источникам советского периода преимущественно рассматриваются в плане той или иной постановки задач. Рассмотренные нами тематические сборники «Вспомогательные исторические дисциплины», «Источниковедение истории советского общества» содержат немало материалов по отдельным источникам, их комплексам, по советскому периоду, но не помещают статей в разрезе вспомогательных исторических дисциплин, их развития. В статье Г. А. Трухана о современных исследованиях и проблемах источниковедения истории советского общества вспомогательные дисциплины даже не упоминаются, как будто для советского периода они не являются интегральной составной частью источниковедения⁴⁷.

Много места частным вопросам вспомогательных исторических дисциплин советского периода отводилось в ежегодниках «Історичні джерела та їх використання». В выпуске 1 В. П. Сидоренко подняла вопрос о составлении научной хроники истории Украинской ССР советского периода. Она рассматривала его как составную часть исследований вспомогательной дисциплины хронологии послеоктябрьского периода. В статье освещалась основная тематика отбираемых дат исторических событий. Подчеркивалось значение составления хроники важнейших событий современной истории⁴⁸ республики. Впоследствии В. П. Сидоренко принимала активное участие в составлении такой хроники.

В упомянутом ежегоднике опубликованы также материалы по сфрагистике, филигранологии советского периода⁴⁹. Собственно в иконографическом плане рассматривались кинофотодокументы как исторический источник⁵⁰.

По отдельным вспомогательным дисциплинам на материале советского периода публиковались статьи в научной периодической печати.

Для всех этих материалов характерной является определенная ограниченность тематики. Так, в сборниках «Історичні джерела...»

преимущественно рассматривались печати первых лет Советской власти, когда было большое разнообразие этих источников, шли поиски стабильных образцов. Это же касается и печатей революционных организаций. Столь же немногочисленны и тематически узки отдельные выступления по советской геральдике. Отрадным представляется обращение историков к дипломатическому анализу советских документов⁵¹.

Однако конкретно по традиционным вспомогательным историческим дисциплинам на материале советского периода публикаций очень мало. В значительной степени это связано с тем, что обычные письменные источники дают исследователю основные сведения по разрабатываемой тематике, а источники, связанные с вспомогательными дисциплинами, — сравнительно мало.

Поэтому при рассмотрении материала советского периода целесообразно было бы прибегать к комплексной дисциплине, в центре которой была бы символика нашей эпохи. Еще в 1962 г. А. А. Введенский писал, что развитие эмблематики советских знамен, орденов, грамот ударников труда и отличников труда заслуживает основательного и вдумчивого изучения⁵². В. И. Стрельский считал, что предметом изучения эмблематики должны быть гербы, символы и эмблемы, знамена, филиграни, экслибрисы, поскольку они прежде не стали предметом изучения какой-либо специальной дисциплины⁵³. А. И. Бабенко обратил внимание на чрезвычайное богатство и разнообразие советской эмблематики, которая отражает самые разнобальные стороны жизни страны⁵⁴. Он упоминал гербы, различные нагрудные знаки, жетоны, экслибрисы и т. д. Эмблематика имеет существенное значение для анализа исторических источников, в частности дает возможность установить время и место возникновения документа. Эмблемы принадлежат к внешним признакам исторических источников и могут быть использованы для их научной критики.

Итоги становления данной вспомогательной исторической дисциплины подводятся в содержательной статье Е. И. Каменцевой⁵⁵, которая обосновывает появление новой дисциплины, исходя из тесной связи, существующей между геральдией, сфрагистикой и нумизматикой. «Объединяют их общие эмблемы», — заключает она. Исследовательница призывает «отдать должное роли и месту геральдических, сфрагистических и нумизматических источников для всех периодов исторического развития. Однако традиционные исторические дисциплины — сфрагистика, геральдика и нумизматика — не охватывают всей массы эмблем...» (с.36). И действительно, для этих дисциплин характерен строгий отбор источников — печати, гербы, монеты, а в советскую эпоху мы видим изображение эмблем и на различных значках, жетонах, грамотах, отличиях за трудовую и воинскую доблесть, др.

Советские эмблемы отражают те идеалы и принципы, на которых государство строит свою деятельность. Поэтому предметом исследо-

105439

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
Інститут Історії

вания эмблематики должны быть прежде всего государственные гербы и флаги СССР и союзных республик — официальные государственные эмблемы, изображения которых устанавливаются Конституцией СССР и конституциями союзных республик, а также специальными законодательными актами.

Именно эти эмблемы являются основной символикой на самых разнообразных источниках — печатях, знаменах, орденах, медалях, монетах, бумажных денежных знаках, облигациях, лотерейных билетах, знаках учреждений и организаций, гербах городов, значках, марках, почтовых штемпелях, открытках, грамотах и др. Отправным моментом в изучении практической эмблематики являются знания в области государственных эмблем. Исследование может идти по двум путям: 1) по соответствующим источникам, их видам; 2) тематически. Преимущественно эмблематика советская изучается по видам источников. Так, вышли работы о государственных флагах страны Советов, об истории их создания⁵⁶. В альбоме флагов государств мира, составленном К. А. Ивановым, специальный раздел посвящен государственным флагам СССР, а истории их создания — статья. Слабее исследуется государственная эмблематика союзных республик.

Значительный материал по эмблематике дают советские почтовые марки, вызывающие интерес не только коллекционеров, но и историков. Заметим, что этот источник содержит обширные сведения по эмблематике, иконографии, что рассматривалось на страницах исторической периодической печати⁵⁷. Эти миниатюры широкой палитрой изобразительных средств отражают самые разнообразные стороны жизни нашей страны, содержат огромную портретную галерею.

Кроме марок, по советскому периоду истории нашей Родины существует огромное количество источников изобразительного характера: документальные кинофотоматериалы, а также разнообразные картины, рисунки. В тематическом разрезе такие иллюстрации группируются в различные альбомы, буклеты и пр. В исторических исследованиях широко применяются различные изобразительные средства как иллюстрации к тексту. Специальные архивы и отделы в архивах занимают кинофотодокументы, которые широко используют историки в своей работе. Еще в 1926 г. Совнарком РСФСР издал декрет о передаче Центральному архиву РСФСР «негативов, фотоснимков и кинофильмов, отображающих общественно-политические явления и имеющие историко-революционный интерес»⁵⁸.

Сталкиваясь с огромным количеством разнообразных изобразительных средств, историк должен уметь производить их источниковедческий анализ. Однако среди вспомогательных исторических дисциплин до сих пор только эмблематика (как и некоторые традиционные дисциплины — геральдика, сфрагистика, нумизматика, вексилология, фалеристика) изучает изобразительные средства символического характера. Непосредственные изображения исторической

действительности изучаются вспомогательной дисциплиной — иконографией.

Вышеизложенное свидетельствует о всевозрастающем уровне исследований по вспомогательным историческим дисциплинам. Их достижения не только оказывают большую помощь историческому исследованию, но нередко сливаются с ним. Это особенно заметно в исторической географии и нумизматике.

Примерами такого комплексного исследования могут быть труды А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова по исторической географии, в которых раскрываются общие процессы социально-экономического и политического развития страны. Так, в монографии А. Н. Насонова впервые в советской исторической науке прослежен процесс роста государственной территории средневековой Руси на широком фоне тех социальных сдвигов, которые обусловили этот процесс⁵⁹.

М. Н. Тихомиров создал фундаментальное обобщающее исследование по исторической географии страны в XVI в., одновременно раскрывающее как общие черты, так и особенности социально-экономического и политического развития отдельных районов⁶⁰.

В подобных трудах велик удельный вес историко-географического материала и конкретных обобщений по нему, но в то же время, привлекая огромное количество разнообразных источников и литературы, авторы вносят существенный вклад в собственно историческое исследование социально-экономического и политического развития страны. Это дает возможность вести комплексную научную разработку с широкими выводами и обобщениями общеисторического характера.

Сочетание исследований в области вспомогательных исторических дисциплин и собственно истории наблюдается в монографии Н. Ф. Котляра о денежном обращении на территории Украины периода феодализма. Здесь он широко применил методы нумизматического и историко-географического исследований⁶¹. Автор обобщил развитие монетного обращения на территории Украины более чем за тысячелетний период (VIII — первая половина XIX в.). Найденные монеты соответствующих периодов отмечены на включенных в монографию 9 картах.

Разрабатывая данную тему, Н. Ф. Котляр широко ознакомился с архивными материалами, посвященными кладам, в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, в ЦГИА СССР (в Ленинграде), ЦГИА УССР (в Киеве), в архиве Всеукраинского археологического комитета (находится в Институте археологии АН УССР). В результате работы в архивах обнаружено много описаний кладов, ранее не известных в нумизматике. Более половины выявленных автором находок монет совсем не упоминается в литературе⁶².

Итак, в исследовании Н. Ф. Котляра, кроме нумизматического метода, широко применялись историко-географический (топографический) и исторический методы изучения необходимого материала. Все это свидетельствует о плодотворности интеграции методов

различных вспомогательных исторических дисциплин и собственно исторического метода.

Приведенные выше примеры сочетания методов вспомогательных исторических дисциплин с историческим исследованием свидетельствуют как о большой полезности, так и об ограниченности каждой из этих дисциплин: «отдельная из них занимается определенным источником или его характерной стороной».

В силу этого обстоятельства данные дисциплины издавна называются вспомогательными. В послевоенный период, видимо, в связи с существенными достижениями в области этих дисциплин возникла тенденция называть их «специальными». По этому поводу знаток дисциплин Л. В. Черепнин писал: «Важно не то, как называть дисциплины, до сих пор именовавшихся «вспомогательными». Важно, как определить их предмет, содержание, задачи»⁶³. Историк подчеркивал, что и на современном этапе их вспомогательная функция сохранилась. Заметим от себя, что это их основная функция. К тому же подобную функцию в историческом исследовании нередко выполняют и такие самостоятельные науки, как археология, этнография, антропология, языкоzнание (в частности текстология), а также такие важные отдельные дисциплины, как архивоведение, археография, библиотековедение, библиография и др.

Относительно термина «специальные исторические дисциплины» Л. В. Черепнин обоснованно заметил: «Слово «специальные» само по себе мало что говорит: каждая научная отрасль специальна, то есть имеет свою специфику, содержит комплекс специальных знаний»⁶⁴. А в чем эта специфика состоит, в названии не раскрыто.

Для исследователей большое значение имеет ознакомление с системой, комплексом вспомогательных исторических дисциплин, которому до сих пор уделялось мало внимания. Отдельными специалистами высказывались разнообразные, часто противоречивые мнения об их составе.

Монографии по общему источниковедению обычно строятся с выделением глав по отдельным видам или типам источников, а вспомогательные дисциплины как субдисциплины источниковедения в этих трудах обычно обходятся.

Только в последние годы им стало уделяться несколько больше внимания в обобщающих трудах. Так, Л. В. Черепнин правильно подчеркивал, что источниковедение опирается на вспомогательные исторические дисциплины и «на их основе, с привлечением их материала и выводов, строит теорию и методику изучения памятников прошлого, которую те же дисциплины, в свою очередь, используют»⁶⁵.

В монографии об источниковедении и его методе В. В. Фарсобин наряду с общими вопросами источниковедения (его предмет, эвристика, историческая критика) рассматривает такие важные вспомогательные исторические дисциплины, как палеография и дипломатика,

тесно связанные с анализом и критикой разного вида письменных источников⁶⁶.

Нам не представляется целесообразным, как это делает В. В. Фарсобин, включать в число вспомогательных исторических дисциплин филологическую дисциплину — текстологию, так как функцию изучения содержания письменных источников (как теперь принято считать не только актов) выполняет дипломатика⁶⁷.

По нашему мнению, археография, которую также рассматривает в книге автор, не относится к вспомогательным дисциплинам, так как она имеет свою специфическую сферу деятельности, связанную с разработкой и изучением методов издания исторических источников, а также с практической работой по публикации источников⁶⁸. Эта сфера непосредственно не связана с исследовательской работой историка и поэтому не может быть для него вспомогательной. Это иное применение источников по сравнению с написанием труда по истории.

В историографической литературе высказываются различные точки зрения на состав и количество вспомогательных исторических дисциплин. Выше мы это показали на примерах соответствующих учебных пособий. В статье «Вспомогательные исторические дисциплины» Советской исторической энциклопедии их насчитывается 14 (т. 3. — Стб. 837), в каталоге Центральной научной библиотеки АН УССР — 12 и т. д.

В значительной степени такое положение объясняется тем, что обычно исследователи занимаются одной или несколькими близкими по предмету вспомогательными историческими дисциплинами. Отсюда известное преувеличение значения той отрасли знания, которая исследуется, а также стремление к «дисциплинотворчеству». Если используется какой-либо новый источник (например, с надписями на бересте), то обязательно должна возникать новая вспомогательная историческая дисциплина (в данном случае берестология), хотя есть эпиграфика, изучающая надписи на твердых предметах, в том числе и на дереве (нет гранитологии, мраморологии, а берестология есть?).

Несомненно, что большое количество обнаруженных археологами надписей на бересте требует их разностороннего научного анализа. Но логично было бы этот анализ производить эпиграфическим методом с привлечением приемов палеографии, дипломатики. Берестяные грамоты вполне могут рассматриваться в специальном разделе эпиграфики.

В этом смысле весьма рациональным является высказывание Н. А. Соболевой применительно к исторической метрологии: «Историческая метрология как бы выделила из себя ряд разделов: раздел, связанный с весовыми единицами, тесно соединился с реконструкцией древних монетных систем; раздел, связанный с линейными единицами, составляет основу некоторых исторических исследований по земельному и налоговому обложению»⁶⁹.

В связи с рассматриваемым вопросом Л. В. Черепнин писал: «Возникла новая дисциплина — кодикология, изучающая рукописные книги в плане многообразной проблематики (как памятники литературы, материальной культуры, искусства), выясняющая социальный и профессиональный состав писцов, общественный резонанс появления памятников письменности, ареал и степень их распространения, функции, выполняемые в обществе, связь с определенными библиотеками, исторические судьбы этих книг и т. д.»⁷⁰.

Такое обширное перечисление задач свидетельствует о том, что речь идет не о предмете дисциплины, имеющей свой специфический исследовательский метод, а об истории определенного источника. В этом чувствуется стремление каждому виду (типу) источника выделить отдельную историческую дисциплину. Но в этом нет никакой необходимости, ибо предмет вспомогательной дисциплины не обязательно связан с определенным видом источника (что особенно наглядно видно на примере дипломатики, которая, возникнув в связи с анализом только актов как источника, превратилась в дисциплину внутренней критики всех письменных источников), а прежде всего со специфическим исследовательским методом.

На основании проведенного выше анализа исторической литературы о совокупности вспомогательных исторических дисциплин попытаемся определить систему, комплекс этих дисциплин, приводя соответствующие обоснования. Прежде всего следует иметь в виду, что эти дисциплины отнюдь не равнозначны, в историческом исследовании используются в различной мере в зависимости от темы и периода исследования.

Поскольку история человечества развивается в пространстве и времени, каждому исследователю необходимы глубокие знания в области соответствующих вспомогательных дисциплин: хронологии и исторической географии (а также картографии). Это несомненно ведущие вспомогательные дисциплины⁷¹ и составляют *первую* их группу.

⁴ Велико значение хронологии в каждом исследовании историка. Обычно выделяют две задачи, стоящие перед дисциплиной: 1) установление взаимоотношения между различными системами времязисчисления, их взаимного согласования; 2) выработка принципов перевода дат с одной хронологической системы на другую и осуществление этих принципов. На современном этапе прикладные задачи этой дисциплины значительно расширились. Это касается вопросов достоверности источников и точности упоминаемых дат, уточнения последовательности событий, указанных в источниках, решение с помощью данных и методов хронологии вопросов о происхождении и составе источников и т. д. Хронология считается одной из наиболее важных вспомогательных дисциплин, потому что основным условием изучения любого отрезка истории является знание последовательности событий, точная их датировка⁷².

Эта дисциплина должна заниматься также разработкой принципов и методов составления отдельных хроник, а также хроник событий по конкретным исследовательским темам, рассмотрением критерииов отбора фактического материала для них и т. д. Подобные разработки уже начинают появляться⁷³.

Исследуя любую тему, историк обязательно должен разобраться в общей (внешней) хронологии освещаемых событий. Обычно он сам составляет хронику данных событий на основе материалов периодической печати, архивов, трудов предшественников и др. Это очень трудоемкая, но необходимая работа. После этого перед исследователями открывается новый, более сложный этап работы, уже обобщающий, во время которого разрабатывается внутренняя, синхронная хронология. С одной стороны, события размещаются в хронологической последовательности по определенным этапам, периодам, с другой — по тематическим линиям, рубрикам, на которые разделяется исследуемое явление.

Таким образом, практическая работа по хронологии является неизменной составной частью каждого исторического исследования. В этом отношении весьма полезными являются хроники исторических событий по различным курсам, темам и периодам истории.

Следует иметь в виду, что для всех периодов истории (в том числе и современной) важно установление точных дат событий. Известно, что до 1 (14) февраля 1918 г. в нашей стране существовал старый стиль (по юлианскому календарю). Поэтому в исторической литературе принято, что до этой даты события обозначаются по старому стилю, а после — по новому (григорианскому календарю).

Однако для определения юбилейных дат исторических событий и лиц следует их переводить на новый стиль. Это же касается и дат рождения и смерти. Для родившихся до революции целесообразно давать дату по старому стилю и рядом (в скобках) по новому. На практике в этом господствует неразбериха. Часто дату рождения дают по старому стилю, а смерти по новому, что несоразмеримо. Такая путаница существует даже в биографических справках об известных историках. Например, украинский советский историк, член-корреспондент АН УССР Н. Н. Петровский родился 2 (14) ноября 1894 г., а в Советской исторической энциклопедии (Т. 11.— Стб. 110) указывается неправильно дата его рождения 14 (26) ноября. Это объясняется тем, что в своих документах историк указывал правильно (как сравнимую) свою дату рождения по новому стилю, а в редакции энциклопедии отнесли ее к старому стилю. А член-корреспондент АН УССР И. А. Гуржий, наоборот, в документах указывал дату своего рождения по старому стилю (15 ноября 1915 г.), нигде не оговаривая это. В БСЭ (3-е изд.— М., 1972.— Т. 7.— С. 453) поставлена соответствующая дата неправильно — 2 (15) ноября.

В метрических документах дореволюционной России указывались даты рождения и крещения. В результате этого также случа-

лись ошибки. А. П. Довженко в своих документах ошибочно указывал вместо даты рождения дату крещения, которая попала во многие справочные издания (см., например, Радянська енциклопедія історії України. — Т. 2. — С. 53). Хотя действительно он родился 29 августа (10 сентября) 1894 г., всюду фигурирует дата 11 сентября (по новому стилю)⁷⁴.

Подобные примеры (их можно было продолжить) свидетельствуют, насколько важны историку, исследующему любой период, сведения по хронологии для уточнения дат событий, составления их хроник.

Насколько хронология необходима историку для уяснения временного фактора исследуемой темы, настолько ему же важна историческая география для разработки пространственных параметров темы. При помощи историко-географического метода определяются регион исследования, места изучаемых объектов, их изменения в пределах избранного автором периода.

Географическая среда является внешней, естественной основой жизни человеческого общества, поэтому «всякая историография должна исходить из природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»⁷⁵.

Изучение прошлого историко-географического фактора на современном этапе приобретает особо важное значение в связи с усложнением экологической обстановки. Приблизительно такое же значение, как в хронологии имеет составление хроник, так и в исторической географии — применение картографического метода. Составление карт, атласов, разработка методики их создания приобретает решающее значение для наглядной конкретизации историко-географического материала. Картографические средства (карты, схемы, диаграммы и пр.) широко применяются и в собственно исторических трудах.

Близка к исторической географии вспомогательная историческая дисциплина топонимика, изучающая географические названия населенных пунктов, улиц, площадей (топонимы), рек, озер, каналов (гидронимы), гор, долин и других частей ландшафта (оронимы).

Географические названия всегда историчны и дают представление о происхождении, принадлежности населенных пунктов, о занятиях их обитателей, о маршрутах древних путей и способах передвижения. Однако толкование различных географических названий требует большой и вдумчивой работы, специальной языковедческой подготовки. В повседневной работе историк должен учитывать многочисленные изменения географических названий (особенно за годы Советской власти). Согласно принципу историзма в трудах следует приводить только те наименования, которые существовали в изучаемый историком период, желательно при первом упоминании в скобках называть и современное.

Историку важно также следить за изменениями административно-территориального деления, приводить его соответственно изуча-

мому периоду. В настоящее время в периодической печати преимущественно приводится современное административно-территориальное деление при описании событий отдаленного прошлого, что является неправильным.

Мы кратко рассмотрели вспомогательные исторические дисциплины, посвященные источникам, отражающим такие важные параметры исторического процесса, как время и пространство. Знания в области этих исторических дисциплин крайне необходимы каждому историку.

Следующая, *вторая* группа этих дисциплин характеризует определенные стороны письменных исторических источников. И среди них прежде всего следует назвать палеографию, занимающуюся вопросами изучения развития письма в разнообразных его аспектах. Эта дисциплина имеет большое, зачастую решающее значение для изучения древнейших периодов истории, когда преобладали рукописные письменные источники, а также первопечатные книги. Историк должен обладать определенными палеографическими знаниями, чтобы прочесть старый текст. Палеография также содействует установлению места и времени создания источника, если в нем нет на это прямых указаний, его подлинности. Эта дисциплина выявляет закономерности развития письма. История письма органически переплетается с системой образования, готовящей писцов⁷⁶.

В. Н. Малов правильно поставил вопрос о тесной связи палеографии с эпиграфикой, папирологией, добавим от себя — берестологией. Он отмечал: «Каким бы важным ни был вопрос о письме материале, сам по себе он не может изменить сущность той или иной графической формы, ее внутреннюю «идею»⁷⁷. Но особенно это важно для исторического исследования. Поэтому можно сделать вывод, что фактически палеография является в своей области профилирующей дисциплиной, а эпиграфика, папирология, берестология, а также филигранология, занимающаяся водяными знаками на бумаге, разделами этой дисциплины.

Следующей важной дисциплиной в рассматриваемом подразделе является дипломатика. Распространено мнение, что объектом изучения дипломатики являются акты, которыми называют документы самых различных видов. В прямом, узком понимании слова акты — это сделочные, договорные документы. Отсюда дипломатика проводит источниковедческий анализ актов⁷⁸. Однако ныне объект исследования дипломатики воспринимается более расширенно. В. В. Фарсабин дает ей такое определение: «Дипломатика — дисциплина, изучающая формуляры (то есть перечни составных частей текста в определенной последовательности) памятников письменности различных периодов истории, включая современные»⁷⁹.

Но для исследующего историка особую ценность представляют методы дипломатического изучения, которые прежде всего предусматривают формулярный анализ документа, предполагающий исследование внутренней формы источника, в том числе и его содержа-

ния⁸⁰. В частности, предусматривается разбор документа с точек зрения историко-политической, историко-экономической, историко-юридической, историко-географической. Нам представляется весьма плодотворным охват дипломатикой целого комплекса документальных материалов (не только актов). Это значительно расширяет диапазон использования исследователем ее методики.

Высказываются мнения об использовании в качестве вспомогательной исторической дисциплины текстологии, о чем наиболее обстоятельно написал В. В. Фарсобин⁸¹. А С. М. Каштанов включает ее в качестве интегральной части дипломатики⁸². Нам кажется, что языковедческая сторона анализа источника, которую в основном изучает текстология, не должна занимать большого места, а внимание историка следовало бы концентрировать на социологическом параметре документа. Для этого вполне достаточны методы палеографии и дипломатики.

Среди рассматриваемой группы вспомогательных исторических дисциплин заметное место принадлежит метрологии. В течение многовековой истории человечества различные меры (длины, площади, объема, веса и др.) часто менялись, даже в разных местностях одной страны при одинаковом названии были различными. Поэтому вопросы их конкретного содержания, сопоставления с современными метрическими мерами имеют огромное значение для исследователя. Выяснением всех этих сложных вопросов и занимается метрология, которая, как уже упоминалось выше, имеет свои специфические разделы.

Отдельные источники изучают ряд традиционных дисциплин, которые и составляют третью группу. Генеалогия занимается родословиями. Другие традиционные вспомогательные дисциплины изучают источники эмблематического, символического характера. К ним принадлежат нумизматика, занимающаяся монетами (родственная дисциплина, рассматривающая бумажные деньги — бонистика), геральдика — гербами, сфрагистика — печатями, вексиллология (от «вексиллум» — войсковая хоругвь в Риме) — флагами, знаменами разных видов и родов, фалеристика — наградными знаками.

Определенные знаки (символы) возникают с появлением частной собственности как отметина скота, вещей, принадлежащих определенному лицу. С развитием классового общества развевается целая система символических знаков — монеты, гербы, печати, различные награды, которые отмечают принадлежность к роду, городу, государству, к определенным общественным слоям и организациям. В этих символах содержится объяснение (преимущественно весьма условное) государственного строя, географического положения, природных условий, экономики, преданий, религиозных верований, традиций страны или соответствующих характерных признаков города, рода и т. д.

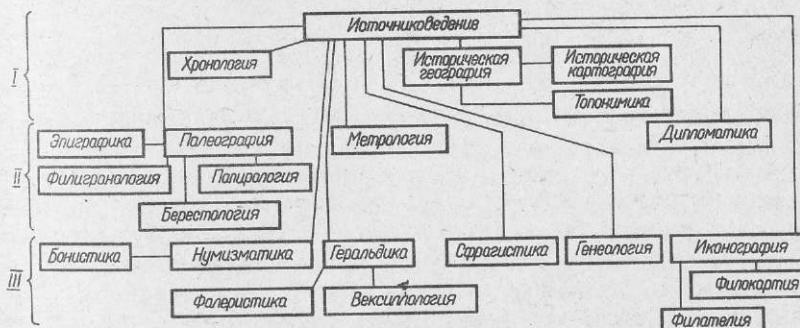
Рассматриваемые упомянутыми выше вспомогательными дисциплинами источники эмблематического характера, распространявшие-

ся в период феодализма, имеют большое значение для исторического исследования. Их разработка и использование при помощи методов этих дисциплин являются весьма эффективными.

К данной группе вспомогательных исторических дисциплин принадлежит иконография, занимающаяся обычными (не символическими) изображениями: репродукциями картин, гравюр, миниатюрами летописей, рукописных и первопечатных книг. Ее подразделениями для историка могут служить богатые по содержанию материалы филателии (почтовые марки) и филокартии (открытки). Эти две последние упомянутые дисциплины до сих пор преимущественно разрабатывались любителями-коллекционерами. Но перспективы использования историками этих материалов, часто совершенно уникальных, велики.

Рассмотренные три вида вспомогательных исторических дисциплин, часть из которых может составлять разделы более универсальных из них, считаем возможным выразить как систему в виде приведенной ниже таблицы № 1. В ней не отражены выделяемые некоторыми специалистами дисциплины, связанные с определенными видами или типами источников (летописеведение, кодикология и др.), исследовательские методы которых в значительной степени совпадают с традиционными вспомогательными историческими дисциплинами — палеографией, дипломатикой и др.

Таблица 1

В ходе исторического развития видоизменяются и вспомогательные исторические дисциплины. В новое и новейшее время, в советский период все сокращается функция хронологии переводить даты с одного летоисчисления на другое. Одновременно в связи с невиданным ростом информации возникает все большая необходимость в составлении хроник, отборе фактического материала для них. Расширяется диапазон деятельности исторической географии.

Обилие источников влечет за собой укрупнение вспомогательных исторических дисциплин. Это особенно ярко видно на примере рассмотренной выше второй группы этих отраслей знаний. Исследователю уже не рационально заниматься отдельными сторонами письменных источников, которых множество. Необходима единая

дисциплина — документоведение, или делопроизводство, активно использующая методы палеографии и дипломатики для всесторонней критики (внешней и внутренней), анализа источников. С введением метрической системы мер значительно сокращается применение метрологии. В данный период уменьшается удельный вес генеалогических исследований, ибо они не дают той системы знаний об определенных слоях общества, как при феодализме.

Возникает необходимость в укрупнении дисциплин и третьей группы. Е. И. Каменцева справедливо отмечает: «Каждый из видов эмблематических источников сообщает слишком мало сведений. Эмблематические источники в отдельности оказались не в силах конкурировать с письменными источниками. Поэтому встал вопрос об изучении эмблем не изолированно по видам, а в совокупности»⁸³. Кроме того, следует иметь в виду, что основные символы советского периода (красная пятиконечная звезда, серп и молот, колосья и пр.) характерны для источников различных видов.

На современном этапе, кроме гербов, печатей, монет, появляется множество значков, знаков отличия, наград за добросовестный труд в различных областях жизни. Во всех этих знаках отражается советская символика. Возникает необходимость их изучать, обобщать опыт создания, направлять дальнейшее изготовление этих эмблем, что привело к возникновению новой вспомогательной исторической дисциплины — эмблематики, имеющей свои подразделы⁸⁴.

По сути дела, в плане эмблематики на материале истории советского общества работают исследователи истории советского периода в области геральдики, сфрагистики, нумизматики, вексиллологии.

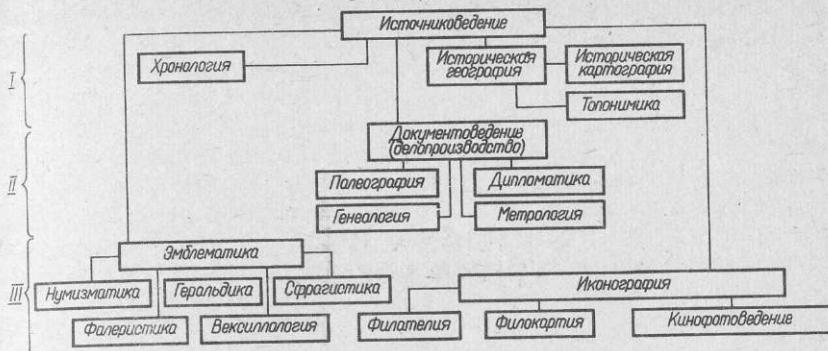
В определенной исторической обстановке возрастает значение отдельных вспомогательных исторических дисциплин. Так, при усиленной эмиссии бумажных денег (в периоды революций, войн и т. п.) весьма целесообразными оказываются для исторических исследований изыскания в области бонистики, занимающейся банкнотами. Они проясняют положение не только в области финансов, но и всю экономическую обстановку в стране.

В новое и новейшее время, в советский период значительно расширяется диапазон иконографии. Кроме упомянутых выше видов изображений, ей приходится заниматься огромным массивом фотокинодокументов, ярко отражающих колорит эпохи, зачастую в движении, развитии.

Таким образом, для советского периода таблица, отражающая систему вспомогательных исторических дисциплин, будет в известной степени видоизменена (табл. 2).

Наши общие выводы о системе вспомогательных исторических дисциплин на материале отечественной историографии были сделаны на основе обобщения чрезвычайно полезного опыта советских исследователей этих дисциплин, широко раскрывших их основные черты. Разумеется, высказывались и противоречивые, даже взаимно

Таблица 2

исключающие точки зрения. Приходилось выбирать наиболее рациональные, на наш взгляд, варианты.

Этот анализ показал, что развитие вспомогательных исторических дисциплин самым тесным образом связано с размахом исторических исследований; чем больше дают дисциплины изучающему прошлое историку, тем успешнее они развиваются. В общем же, за последний период в этой области наблюдаются значительные успехи. Возрастает теоретический уровень этих дисциплин, а также и прикладных разработок в их области. Это связано с общим подъемом советской исторической науки.

Перед исследователями, занимающимися этими дисциплинами, стоят ответственные и сложные задачи. Прежде всего необходимо и далее поднимать их теоретический уровень, устранять разнобой в их оценках, о чем шла речь выше. Следует совершенствовать историкам методику разработки источников при помощи приемов, которые дают вспомогательные исторические дисциплины. В этом отношении могут оказать особо значительную помощь конкретные исследования в области этих дисциплин.

В последующих главах обобщается опыт отечественных исследований в области отдельных дисциплин и выдвигаются основные задачи их дальнейшего развития. Этим самым данная коллективная монография подведет на современном этапе определенные итоги состояния как всей системы вспомогательных исторических дисциплин, так и ее интегральных частей.

ГЛАВА II ХРОНОЛОГИЯ

Одной из важнейших вспомогательных исторических дисциплин является хронология, которая позволяет достоверно реконструировать последовательность исторических событий, изучает системы и способы летоисчисления и календарный отсчет времени в историческом развитии, разрабатывает методику перевода дат на современное летоисчисление, определяет и уточняет датирование источников и событий. Хронология как отрасль исторических знаний возникла в XVI в. в связи со значительным развитием изучения истории, сформировалась как отдельная дисциплина в XVIII в.

В дооктябрьской и советской историографии хронологию принято разделять на математическую (астрономическую) и историческую (техническую)¹. Но такое разделение лишено теоретического обоснования, ибо, собственно, другой хронологии, кроме исторической, просто не существует. Однако следует иметь в виду и то, что все системы исчисления времени основываются на знаниях астрономии и предусматривают математические расчеты.

Упомянутое разделение возникло на первоначальном этапе развития хронологии. В то время историки представляли задачи хронологии как чисто механическую работу — перевод дат при помощи таблиц и математических формул на действующую систему времязисчисления, то есть как редукцию дат. И в этом отношении она действительно стояла близко к точным наукам. Между тем к разработкам по хронологии относится также составление хроник исторических событий, биографических хроник, хронологических указателей к обобщающим работам. Это можно рассматривать как прикладную часть хронологии. Поэтому перечень датированных исторических событий является хронологическим указателем, «хроникой», но не «хронологией», как это определяется еще во многих работах.

В отличие от хронологического указателя под хроникой событий следует рассматривать те работы, в которых перечисляются не только датированные события, но и раскрывается, с определенной

степенью подробности, их основное содержание, указывается при этом источник, на основании которого датируется событие.

Основоположники марксизма-ленинизма придавали большое значение хронологическим выпискам и указателям, хроникам, синхронистическим таблицам². Когда в 1920 г. вышла из печати книга «Русская история в самом сжатом очерке: Ч. 1, 2 (От древнейших времен до второй половины 19-го ст.)» М. Н. Покровского, Владимир Ильич письмом поздравил автора с этим событием и одновременно заметил: «Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим указателем. Поясню свою мысль; примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской, с указанием страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую»³. В. И. Ленин особенно подчеркивал, что хронология, как и всякая другая отрасль обществоведения, имеет классовый характер. Таким образом, предмет хронологии включает в себя не только изучение системы летоисчисления, календарный счет времени в историческом развитии, перевод дат событий на современное летоисчисление, их уточнение, но и раскрытие содержания отдельных специфических понятий, принципы и приемы составления хроник, в том числе биографических, хронологических указателей, синхронических таблиц и др.

Ныне накопился большой опыт исследований в области хронологии. Еще ученые Киевской Руси изучали времяисчисление своего и других народов, его астрономические основы. Например, в «Изборнике» Святослава (1073) содержится краткое описание знаков Зодиака, их изображение, названия месяцев с различным толкованием и пр. Но самым известным памятником хронологии эпохи Киевской Руси по праву считают «Хронологические статьи» Кирика, сохранившиеся в трех рукописных списках — Погодинском XV в.⁴, Мазуринском XVIII в.⁵, Румянцевском начала XIX в.⁶ Это сочинение привлекало внимание многих исследователей⁷.

При создании его автор пользовался византийскими хронологическими таблицами, греческими церковными книгами типа «Шестоднева», «Богословия Дамаскина». Он раскрыл такие календарные понятия, как продолжительность года, отсчет месяцев по солнечно-му и лунному календарю, описал календарные категории пасхалий⁸, при помощи которых можно вычислить день пасхи. Кирик основывался на византийской эре от «сотворения мира» и юлианском календаре с сентябрьским началом года.

В исторических источниках периода средневековья в большинстве случаев датировка событий происходила посредством указания на тот или другой религиозный праздник, дата которого зависела от дня пасхи. То есть вместо полной даты отмечалось, что то или другое

событие происходило в день определенного церковного праздника или за несколько дней до или после него. Поэтому знание средневековых пасхалий, умение переводить такую датировку на современное летоисчисление — обязательное условие знаний современного медиевиста.

В последующий период на Руси были распространены как переводные книги с древнегреческого, латинского и других языков, так и работы отечественных авторов, отражающие различные календарные расчеты.

В XV — XVI ст. в Западной Европе составлялись астрономо-астрологические календари. Активное участие в этом принимал доктор медицины, философии и искусства Юрий Котермак из Дрогобыча⁹, который преподавал в Болонском, а затем в Краковском университетах. В Баварской государственной библиотеке в Мюнхене сохранилось в рукописных копиях два его календаря-альманаха.

С развитием книгопечатания в XV в. стали популярными календари, в большинстве случаев называвшиеся месяцесловами и содержащие даты церковных праздников. Эти источники полезны историкам для изучения летоисчисления, суточного отсчета времени. В архивных фондах нашей страны хранится много месяцесловов рукописных и печатных XVI — XVIII вв.¹⁰ Определенный научный интерес при хронологических разработках представляют «Сказания лунные», «Лунники»¹¹. В них, как и в месяцесловах, большое внимание уделялось астрономическим основам календаря и различным математическим расчетам. Месяцеслов — это фактически календарь с обозначением месяцев и дней всего года, определением их значения (церковного и гражданского), раскрытием небесных явлений.

5 мая 1581 г. в Остроге был издан трактат Андрея Рымши «Которогося месяца шло за старих веков дело короткое описание», вошедший в историю под названием «Хронология Андрея Рымши». Это сочинение является первым известным печатным стихотворным произведением в восточнославянской литературе. Дошедший до нас в одном экземпляре, трактат А. Рымши хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Отдел редкой книги, 1,2,3, № 3¹²). Несмотря на определенную религиозную окраску, сочинение представляет собой в основном календарный трактат светского характера, ценный с точки зрения хронологии. В частности, автор отмечает, что в XVI в. на Украине летоисчисление велось по новой эре («от рождества Христова»). Оно помогает изучить происхождение современных украинских названий месяцев. Главной же целью сочинения была защита древнего восточнославянского летоисчисления от наступления католицизма. Именно этим определялось его общественно-политическое звучание.

В защиту юлианского календаря (старого стиля) выступали другие прогрессивные деятели того времени — Х. Филалет, Я. Лятос, Г. Смотрицкий. Например, Г. Смотрицкий в 1587 г. в Остроге издал

книгу «Календарь римски новы»¹³, в котором резко выступал против григорианского календаря и его проповедников. В 1596 г. епископы И. Потей и К. Терлецкий в ватиканской типографии издали кириллицей на украинском языке календарь, в котором предлагали новый пасхальный ключ. Этим изданием они пропагандировали григорианский календарь, пытаясь ввести его на Украине и в Белоруссии одновременно с насаждением Брестской юнии 1596 г.¹⁴ Но этого им достичь не удалось.

Таким образом, до XVIII в. работа в области отечественной хронологии шла по прикладной, практической линии как составление календарей, своеобразных календарных таблиц, справочников для определения различных церковных праздников, пасхалий и т. д.

С XVIII в. дошли до нас преимущественно рукописные работы по хронологии, содержащие не только упражнения в календарных расчетах, но и определенные экскурсы в историю летоисчисления. Как писал один из авторов такого сочинения «абшитованный войсковой канцелярист» П. Е. Полянский (1700—1785): «Мню яко всякъ иже в хронологію в літочисленіахъ не согласіє єже»¹⁵. Такой интерес и привел к опубликованию в XVIII в. ряда работ обобщающего характера по хронологии. К ним относится первый отечественный учебник по хронологии ректора Киевской академии И. Я. Фальковского, в котором значительное внимание уделялось истории летоисчисления, методике перевода дат на современное летоисчисление¹⁶. Следует отметить, что творчество И. Я. Фальковского слабо изучено. Рукописи ученого, сохраняющиеся в ЦНБ АН УССР, составляют общей сложностью 92 тома. Своих исследователей ждут учебники, философские трактаты, а также работы по математике, астрономии, поэзии И. Я. Фальковского¹⁷.

В «Киевском месяцеслове на 1800 год» И. Я. Фальковский предложил новые способы быстрого вычисления в хронологии и астрономии. Значительное влияние на формирование взглядов И. Я. Фальковского имели Г. Сковорода и Вольтер¹⁸.

Систему таблиц для перевода дат по древней истории на юлианский календарь в XIX в. разработали П. В. Хавский и Н. В. Степанов¹⁹. Остаются полезными и ныне хронологические таблицы и календарь Н. И. Горбачевского²⁰, обеспечивающие возможность переводить даты с латинских, польских, немецких источников XIV — XVIII вв., в которых есть сведения по отечественной истории, на юлианский календарь.

В дооктябрьский период издано немало работ прикладного характера — хроник, в основном перечисляющих исторические события последовательно. Но работы такого типа в силу классовой ограниченности их дворянско-буржуазных авторов представляли собой преимущественно перечень дат жизни и деятельности царской фамилии, других представителей господствующего класса, а также ряда событий политической, военной истории²¹. Их фактический материал, нередко основанный на значительной источниковый базе,

при определенном критическом подходе может быть использован историком-марксистом.

Богатый фактический материал содержит рукописная работа «Хроника Южной Руси» И. М. Вагилевича — украинского писателя, ученого, одного из первых галицких просветителей²². В хронике события, относящиеся в преобладающей степени к истории украинского народа, даны в форме хронологических таблиц (1300—1791 гг.). Но автор не просто составил указатель наиболее важных дат по истории Украины, а пытался путем сопоставления сведений из различных источников и работ определить датировку событий. Широко представлена хроника событий по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., классовой борьбе, истории казачества. В рукописном виде сохранились и «Хронологические таблицы к общей истории» И. М. Вагилевича. Они помогают выяснить исторические взгляды автора²³.

В XIX — начале XX в. издана научно-популярная литература по истории календарей и систем летоисчисления²⁴. Наиболее обобщающие работы такого типа принадлежат М. Лалошу²⁵. Историю летоисчисления на Украине исследовали Н. Сумцов и А. Добрянский²⁶. В частности, Н. Сумцов на документальном материале раскрыл тщетность всяческих попыток католической церкви ввести григорианский календарь на Украине и в Белоруссии и использовать его как средство окатоличения и полонизации восточных славян. Системы летоисчисления определялись соответствующим политическим, экономическим и культурным развитием страны. Так, общность исторического развития русского, украинского и белорусского народов обусловила родственность русской, украинской и белорусской хронологии. Во многих архивохранилищах нашей страны содержатся рукописные календари, в действительности представляющие собой дневники различных лиц²⁷. В ряде таких календарей есть сведения об астрономических явлениях (землетрясениях, затмениях луны, солнца), международной жизни и др.

Дореволюционные историки уделяли особенное внимание изучению древнерусской хронологии. В. Татищев, Н. Карамзин, описывая историю Древней Руси, встретились с весьма сложными вопросами — какой был год (сентябрьский, мартовский или январский) в определенные периоды Руси, ведь без этого невозможно правильно осветить события в хронологической последовательности и перевести даты на современное летоисчисление²⁸. П. Хавский считал, что мартовский год (новогодие 1 марта) более ранний сентябрьского (новогодие 1 сентября), другие, в том числе М. Погодин, — что мартовский год более позже сентябрьского и что летописцы вели летоисчисление с марта, а церковь — с сентября²⁹.

В работах по хронологии дворянско-буржуазных авторов (П. Афанасьев, М. Острогорский, Ю. Гиттис, А. Сукрухо и др.)³⁰ преобладали даты деятельности царей, других правителей, политических и государственных деятелей. События же классовой борьбы,

истории народных масс обычно не фиксировались. Отдельные издания посвящались истории церкви.

Показательно отношение В. И. Ленина к таким работам по хронологии. Например, в 1916 г. Владимир Ильич, прочитав в Цюрихской кантональной библиотеке книгу буржуазного историка — бисмаркианца Г. Энельгафа «История новейшего времени от Франкфуртского мира до настоящего времени», резко отмечал: «Прехарактерно, что идиот автор, с педантической аккуратностью дающий даты и пр. о каждом царьке, о родне царьков, о выкидышах нидерландской королевы ... и т. п., — не упомянул ни звуком восстания крестьян в Румынии в 1907 г. ...»³¹. Этим вождь пролетариата подчеркивал, что хронологии как научной дисциплине свойственны классовость, партийность. Даже при рассмотрении хронологических таблиц, указателей важно устанавливать социально-классовые позиции их составителя. После ознакомления с книгой Г. Энельгафа В. И. Ленин составил две хронологические таблицы, являющиеся образцом марксистского подхода к отбору исторических событий. В частности, он выделил главные события рабочего, революционного и национально-освободительного движения, а также демократические социальные реформы.

Определенный научный интерес представляют хронологические заметки Н. Арцыбашева по периоду Древней Руси, помещенные в основном в подстрочниках его исследования³², а также разработки А. Энгельмана по хронологии Ливонии XIII — XIV вв., посвященные периоду интенсивных связей между Ливонией и Украиной³³.

В дооктябрьской историографии есть исследования о развитии летописной хронологии, в которых определяются хронологическая сетка летописей и соответственно летоисчисление периода создания летописей. Хронологию древнерусского летописания начал исследовать М. Погодин, затем А. Шахматов³⁴.

Следует отметить, что работы дореволюционных историков по хронологии как исследовательского, так и прикладного характера, полезны для нас, в частности, тем что они написаны на основании источников, которые до нас не дошли.

В конце XIX — начале XX в. углубляется разработка методов определения дат по формулам, таблицам, изучаются системы деления суточного времени и др.³⁵ Существенное значение для исследования хронологии Древней Руси имели работы Н. Степанова, в которых рассматривалось древнерусское летоисчисление, анализировались хронологические системы летописей³⁶. Его считают основателем изучения древнерусских стилей летоисчисления. Д. Святский раскрыл роль астрономических явлений, зафиксированных летописцами, в изучении хронологической канвы летописей и систем летоисчисления³⁷.

Таким образом, хронология как вспомогательная (специальная) историческая дисциплина продолжала формироваться в XVIII — начале XX в. В то время многие отечественные историки

изучали хронологию древнерусских летописей, определяли и уточняли даты исторических событий, составляли различные хронологические таблицы, справочники и др.

Исследования в области хронологии связаны с изучением народного календаря, который широко рассматривается в этнографической литературе³⁸. В этом календаре даты исторических событий представляются в народной интерпретации по обрядам, природным явлениям, фактам общественно-политической, народнохозайственной жизни.

Народные календари начали изучать прогрессивные дореволюционные ученые Я. Ф. Головацкий и М. А. Максимович³⁹. Великий украинский революционер-демократ, писатель и ученый И. Я. Франко исследовал народный календарь своего родного с. Нагуевичи (теперь с. Ивана Франко) и соседних сел⁴⁰. Определенное внимание данной проблеме уделяли другие дореволюционные историки и этнографы⁴¹.

Знание народного календаря помогает ученому шире использовать этнографические материалы в своих исследованиях, четко устанавливать соответствующие даты исторических событий.

Несмотря на определенные достижения в изучении отечественной хронологии, в большинстве работ дооктябрьского периода не определены четко хронологические понятия, не выработана терминология, слабо изучена история календаря в России, на Украине и в Белоруссии, много нерешенных вопросов в летописной хронологии.

После Великой Октябрьской социалистической революции наблюдаются положительные изменения в области хронологии, как и других отраслей советской исторической науки. В 1918 г. В. И. Ленин подписал «Декрет о введении в Российской Республике западноевропейского календаря»⁴². Почти во всех странах Европы тогда уже бытовал григорианский календарь. Вместе с другими декретами Советской власти он распространялся и на Украинскую ССР. В связи с введением в стране григорианского календаря повысился научный интерес к изучению истории летоисчисления. В том же 1918 г. вышла небольшая книга И. Полака по истории календарей, в частности о григорианском, выдержанная несколько изданий (каждое новое издание соответственно автором расширялось)⁴³.

В 20-х годах опубликован ряд работ, в которых освещались формы и методы отсчета времени у разных народов, вопросы истории календарных систем. К данной группе изданий относятся работы О. Добиаш-Рождественской, Н. Идельсон⁴⁴. В уже упомянутом курсе лекций по вспомогательным историческим дисциплинам А. Большакова отдельный раздел посвящен раскрытию предмета хронологии и ее некоторым вопросам. Появлялись и специальные работы по методике уточнения дат, хронологии битв, в частности по древнему периоду⁴⁵. Определенное внимание уделялось изучению народного календаря, методам отсчета лет в прошлом, особенностям счета времени в древности на Украине и др.⁴⁶

Импульс для активизации работы в области хронологии дало постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В нем указывалось, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат»⁴⁷.

18 мая 1934 г. ЦК КП(б) Украины принял постановление «О преподавании гражданской истории и географии в политехнической школе», в котором, в частности, подчеркивалась необходимость «при преподавании истории в средней школе обеспечить прохождение и закрепление в памяти учащихся прочного понимания всего течения и развития исторического процесса в его историко-хронологической последовательности, прочного знания конкретного исторического материала...»⁴⁸. Эти постановления сыграли положительную роль в улучшении преподавания курса истории в школах и вузах, способствовали развитию научно-исследовательской работы ученых в области хронологии.

Институт истории Украины АН УССР подготовил хронологический указатель «Хронология истории Украины». Первый выпуск, в котором представлены важнейшие события в хронологической последовательности по истории СССР и зарубежных стран от древнейших времен до реформы 1861 г. (подготовил и опубликовал в 1938 г. Н. Н. Петровский). Второй выпуск «Хронология истории Украины», который охватывает период 1861—1917 гг., подготовил И. Премыслер и издал в 1940 г. в Киеве.

Издано несколько научно-популярных работ по истории календарей⁴⁹. Наиболее обстоятельными в этом плане являлись работы В. А. Россовской, В. К. Никольского, Я. И. Шура⁵⁰. Так, В. А. Россовская подробно рассказывает об астрономической основе календарей, останавливаясь на истории египетского, юлианского и григорианского, древнегреческого, древнееврейского и других календарей. Определенное внимание уделяет истории эр, летоисчислению в России Я. И. Шур, который написал в научно-популярной форме о важнейших этапах развития и совершенствования календаря, о научных основах его построения.

В 1939 г. в курсе лекций по вспомогательным историческим дисциплинам Н. Устюгов⁵¹ сделал впервые в советской историографии попытку специально рассмотреть основные вопросы хронологии. Первое советское учебное пособие по русской хронологии опубликовал Л. В. Черепнин⁵². В книге в сжатой форме освещена история летоисчисления в России, раскрыта методика перевода дат на современный календарь. Продолжалось составление таблиц с существенным их уточнением для перевода дат на современное летоисчисление⁵³.

Наиболее фундаментальные и совершенные учебники по хронологии принадлежат перу Е. И. Каменцевой⁵⁴. В учебнике для вузов «Хронология» значительное место уделено истории лунного и солнечного календаря, исчислению времени народов СССР. В книге характеризуется русская система времени, летоисчисления народов Закавказья, Средней Азии, Прибалтики, Украины, Белоруссии. Пользезен справочный материал для решения задач на время и использование данных хронологий при работе с источниками.

В 60—70-х годах издано несколько работ, в которых значительное внимание уделялось летоисчислению на Украине⁵⁵. В исследовании календарных систем значительную работу провел член комиссии по истории астрономии Астрономического совета АН СССР С. И. Селешников⁵⁶. Наиболее обширным в данной проблематике является его краткий календарно-хронологический справочник, который выдержал два издания.

Министерство высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для вузов издало несколько книг, освещавших историю летоисчисления в целом в нашей стране и, в частности дают методику перевода дат на современное летоисчисление, определение дат по различным стилям, раскрывающих наиболее известные календарные системы⁵⁷. Но в них слабо освещена история летоисчисления на Украине, в Прибалтике и Белоруссии. Так, этому в книге И. П. Ермолаева уделено полторы страницы, причем ошибочно утверждается, как и в других современных изданиях по хронологии, что на землях Украины и Белоруссии, которые входили в XIV — первой половине XVII в. в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, в конце XVI в. был введен григорианский календарь и все им пользовались⁵⁸.

Имеет существенные успехи советская историческая наука в изучении хронологии письменных источников⁵⁹. Особенно значительную работу по изучению хронологии древнерусского летописания провел Н. Г. Бережков. После смерти ученого Институт истории АН СССР издал его фундаментальную книгу «Хронология русского летописания»⁶⁰. Сущность исследования Н. Г. Бережкова заключалась в установлении научно обоснованных дат событий, которые описаны или упоминаются в летописях. Опорными датами при этом ученого были солнечные и лунные затмения, а также «полные даты» (т. е. указание дня недели, месяца, числа и года события). Автор впервые в отечественной историографии внес ясность о мартовском и ультрамартовском обозначении годов в древнерусском летописании.

Особенную ценность составляет его хронологический комментарий в Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской I летописи старшего извода. В работе хронологическому анализу подверглись также летописи Переяслав-Сузdalская, Симеоновская, Новгородская I младшего извода, Московский свод XV в., частично Радзивилловская и Троицкая. Результаты исследования указанных летописей

представлены в виде таблиц, графически изображающих события каждого года, отраженные в летописи. Научную ценность представляют приложения. Н. Г. Бережков изучил хронологию древнерусского и русского летописания по XIV в. включительно. Но это не означает, что проблема изучения хронологии древнерусского летописания исчерпана, здесь много невыясненных, противоречивых и малоисследованных вопросов.

На основании хронологического анализа летописей Самовидца, Г. Грабянки, С. Величко, изучения других источников С. З. Заремба сделал выводы о том, что григорианский календарь до Великой Октябрьской социалистической революции не был в употреблении на Украине, в период средневековья им пользовались только некоторые представители господствующих классов. Автор обосновал вероятность существования рождественского года на Украине, внес ясность о времени употребления январского года, эр, им уточнена датировка более 100 событий, охарактеризован народный календарь на Украине периода средневековья⁶¹. Продолжается успешная работа и в плане развития прикладной хронологии. В этом положительный опыт накоплен в Днепропетровском госуниверситете⁶².

Ведется изучение народного календаря на Украине⁶³. Предстоит большая исследовательская работа, в частности, по истории народного календаря в отдельных регионах, по приемам и методам народной датировки событий в период средневековья. Учитывая тот факт, что на протяжении значительного исторического периода часть украинских земель пребывала под властью магнатско-шляхетской Польши, что, естественно, наложило отпечаток на датировку документов того периода, заслуживают внимания и достижения современнойпольской историографии в изучении хронологии. В этом плане представляет научный интерес учебник польской хронологии, изданный Институтом истории Польской Академии наук⁶⁴. В плане изучения истории календаря следует упомянуть книгу Т. Голунской-Барановой (издана в 1969 г.), посвященную названию украинских месяцев⁶⁵.

В исторических трудах, энциклопедических изданиях, документальных сборниках не всегда учитывают особенности датировки событий в различные периоды, что приводит к неточностям и ошибкам. Следует иметь в виду, что когда в документе указана полная дата⁶⁶, в том числе и день недели, то при помощи расчетов (таблиц) легко определить, по какому календарю (юлианскому или григорианскому) датирован документ. Дни недели этих календарей никогда не совпадают. Кроме того, все документы необходимо датировать по тому самому календарю (стилю), что в оригинале, а в скобках давать дату по современному стилю. То есть, если документ датирован по юлианскому календарю (ст. ст.), то так его и оставлять, а в скобках указать по григорианскому календарю (н. ст.). Если же в оригинале документ датирован по григорианскому кален-

дарю (н. ст.), то естественно, нет смысла давать в скобках дату по старому стилю.

При издании документов следует придерживаться единственно правильного уже закрепленного правила: «Документы, составленные в России до 1 февраля 1918 г., датируются по старому (юлианскому) стилю, а документы, составленные с 1 февраля 1918 г.— по новому (григорианскому) стилю»⁶⁷. Исключение составляют важнейшие исторические события, происходившие до 1 февраля 1918 г. (воссоединение Украины с Россией, Великая Октябрьская социалистическая революция и др.), а также даты рождения деятелей, когда первой приводится цифра по юлианскому календарю (ст. ст.), а в скобках — по григорианскому (н. ст.). Отступления от этих общепринятых правил случаются в работах историков в результате все еще недостаточного внимания к изучению хронологии.

Перед исследователями хронологии стоят ответственные задачи. Еще слабо изучается летоисчисление древних славян, периода Киевской Руси, последующих периодов (XIV — XVIII вв.), особенно на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, на Кавказе и Средней Азии, хронология древнерусского, русского, украинского, белорусского летописания и других письменных источников, история народного календаря. Необходимо проводить большую работу по уточнению времени возникновения отдельных исторических источников, датировка событий. Важной задачей, например, историков Украинской ССР является создание учебника по украинской хронологии для вузов, специальных пособий для школ, научно-популярных работ по истории календарей. Например, ценной была бы работа по изучению хронологии «Повести временных лет», народного календаря «Слова о полку Игореве», хронологии Галицко-Волынской летописи и др. Необходимо усилить работы и по прикладной хронологии, готовить хроники важнейших событий. В этом плане имеются определенные успехи. Так, с 1956 г. издательство «Советская Россия» совместно с Государственной публичной исторической библиотекой РСФСР издают «Календарь знаменательных и памятных дат». Он выходит ежемесячно отдельным изданием и включает перечень важнейших дат месяца. Назрела необходимость написания и фундаментальной работы «История УССР в данных», а также работ типа — «Киевщина в данных», «Полтавщина в данных» и т. д.

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала глубокие преобразования во всех областях жизни страны. Это полностью относится и к характеру исследований в области хронологии. По мере развития прикладные задачи этой вспомогательной исторической дисциплины значительно расширились. Советские историки больше стали использовать ее данные и методы при изучении

исторических проблем, особенно при определении достоверности и точности событий, указанных в источниках⁶⁸. Значительный удельный вес составляют разработки, относящиеся к прикладной хронологии — составлению и опубликованию хроник (летописей) событий по важнейшим проблемам исторического процесса. Это в равной степени относится к тематике как дооктябрьского, так и советского периодов. Хроники по дореволюционной проблематике, или частично посвященные ей, имеют некоторые особенности. Они отражают преимущественно события революционного, освободительного движения⁶⁹.

Процесс составления хроник связан прежде всего с необходимостью максимального привлечения различных архивных документов, особенно неопубликованных. Значительную ценность представляют документы РСДРП, которые хранятся в партийных и государственных архивах, в фондах жандармско-полицейских и судебно-следственных учреждений. В них содержатся документы (требования стачечных комитетов, заявления и жалобы рабочих, корреспонденции в большевистскую печать и др.), раскрывающие историю революционного движения⁷⁰. Составителям хроник необходимо учитывать тенденциозность оценки собранного материала в упомянутых выше фондах, поскольку правящие классы царской России всяческиискажали, замалчивали многие факты революционного движения. Важнейшим источником для хроник революционного движения являются большевистская легальная и нелегальная пресса, листовки, брошюры. Нельзя сбрасывать со счета и буржуазную прессу, содержащую сведения, например, о революционном движении 1905—1907 гг. Разумеется, и в данном случае необходим классовый подход при анализе фактических материалов.

Использование названных источников приобретает значение при изложении хроники наиболее важных фактов: крупных революционных событий, деятельности организаций РСДРП, продолжительных стачек.

Составление хроник (летописей) советского периода осуществляется путем отбора материала из архивов, периодической печати, разнообразных документальных публикаций и др. и точного указания источника, освещавшего эти события и факты.

Поскольку при составлении хроник советского периода используются (в основном) материалы и факты, датированные по новому стилю, практически уменьшается применение конкордации (согласования) и редукции (перевода хронологических дат из одной системы летоисчисления в другую), что является характерной особенностью традиционной исторической хронологии, например, периода феодализма. Вместе с тем исследователю советского периода в ряде случаев также приходится проводить определенную работу по уточнению дат⁷¹.

В плане дальнейшей разработки на надлежащем теоретическом уровне хронологии как вспомогательной исторической дисципли-

ны по тематике послеоктябрьского периода важное значение имеет анализ опубликованных отечественных хроник (летописей) событий⁷². Указанные публикации можно разделить тематически на определенные группы:

1. *Издания о жизни и деятельности создателя большевистской партии и Советского государства В. И. Ленина*⁷³. Из общего числа указанных работ по данной тематике важнейшее место принадлежит фундаментальному изданию «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924». Оно наиболее полно отражает факты и события из жизни вождя мирового пролетариата и Советской страны. В книге, подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, по годам, месяцам, дням, а в темах, охватывающих советский период,— по часам и даже минутам — скрупулезно прослеживается весь жизненный путь Владимира Ильича Ленина. В издание включено свыше 39 тыс. фактов из жизни вождя — в несколько раз больше, чем приводится в «Датах жизни и деятельности В. И. Ленина», опубликованных в томах Полного собрания его сочинений⁷⁴. В качестве источников в хронике использованы произведения и документы В. И. Ленина, партийные и советские документы, статьи, речи, письма соратников и современников вождя, воспоминания, а также периодические издания, отдельные монографические работы. На основе архивных документов установлено более половины фактов из жизни и деятельности В. И. Ленина, включенных в тома. Важное место принадлежит переписке В. И. Ленина. Свыше 6 тыс. ленинских документов (писем, записок, заметок, телеграмм и т. д.) полностью или частично впервые опубликованы в биографической хронике. Многие источники (например, настольные календари из ленинского кабинета в Кремле) послужили для установления и уточнения фактов биографии вождя. Важное значение имели также ленинские надписи (маргиналии) на книгах, журналах, газетах и других печатных изданиях.

В первых трех томах биографической хроники освещена жизнь и революционная деятельность В. И. Ленина до марта 1917 г. Особое внимание удалено борьбе вождя за создание и укрепление пролетарской партии нового типа. С четвертого тома раскрывается деятельность В. И. Ленина в годы подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, социалистического строительства.

Каждый факт, приведенный в книге, имеет ссылки на самые достоверные опубликованные и архивные материалы. Следует отметить тщательно составленные указатели имен, географических названий; наименований организаций, предприятий, учреждений, которые помогают читателю ориентироваться в многочисленных ценнейших материалах фундаментального издания.

В книге «Ленин и культурная революция. Хроника событий (1917—1923)» приводятся факты биографии В. И. Ленина, относящиеся к культурной жизни страны, часть которых затем дополняет-

ся отрывками из его произведений, партийными и государственными документами, или иллюстрируется отрывками из воспоминаний активных участников борьбы за социалистическую культуру, современников вождя. Книга снабжена примечаниями, в которых содержатся краткие сведения (в порядке упоминания в тексте) о руководящих центрах и учреждениях культуры, органах печати Советской России, деятелях культурного фронта и др.

Несмотря на определенные достижения в исследовании жизни и деятельности создателя большевистской партии, Советского государства В. И. Ленина, по изучению богатства гениального ленинского идеяного наследия во всех сферах политической, экономической и культурной жизни советского общества еще предстоит большая работа. В частности, темами исследования могут стать углубленные разработки проблем хронологии, связанные с деятельностью В. И. Ленина по образованию Союза ССР, с развитием экономики и культуры Украины, Белоруссии, Закавказья, Средней Азии и других регионов Советской страны, с внешней политикой нашего государства, а также с международным коммунистическим и рабочим движением.

II. Хроники и летописи по истории Коммунистической партии и Ленинского комсомола⁷⁵. Общими принципами отбора различных исторических фактов характеризуются изданные в разные годы хроники важнейших событий истории партийных организаций Белоруссии, Молдавии, Казахстана и Латвии. Большинство материалов упомянутых хроник почерпнуто из научной литературы, документальных сборников, периодической печати. Многие документы выявлены в Центральном партийном архиве при ЦК КПСС. В хронике истории Компартии Белоруссии использованы также хранящиеся в партархиве Института истории партий при ЦК Компартии Белоруссии воспоминания старых большевиков и активных деятелей революционного движения Белоруссии. Составители этой хроники наряду с датой сообщения выделяют и географическое место события, что позволяет быстро ориентироваться в потоке информации.

Историю республиканских партийных организаций составители стремились осветить как неразрывную часть разносторонней деятельности трудящихся всей страны, преподнести их в тесной связи с событиями общепартийными.

Таким образом, хроники важнейших событий истории республиканских и местных партийных и комсомольских организаций имеют большое научное и практическое значение, раскрывая основную канву руководящей и направляющей деятельности Коммунистической партии.

III. Хроники по всеобщей истории, международным отношениям, двусторонним связям СССР и социалистических стран⁷⁶. Сводом важнейших событий политической, экономической и культурной жизни народов различных стран и континентов является переизданная в 1968 г. в Москве хроника по всемирной истории, созданная

в ГДР. Книга охватывает новейшую историю человеческого общества. Особенностью этой хроники является то, что исторические события в ней не только фиксируются под соответствующей датой, но и в подавляющем большинстве объясняются причины их возникновения, а также их ход и значение. Составители хроники в своей работе второго придерживались также принципа синхронности, поскольку различные события ими фиксируются параллельно во многих странах.

Каждый новый исторический период во всемирной хронике открывается разделами, освещающими крупные достижения в области техники и естественных наук, международные конференции и договоры, а также важнейшие вехи международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений. В результате воссоздается широкая цельная панорама общественного развития как отдельных народов и стран, так и всего мира в указанный исторический период.

Безусловно, что в подобных всемирных хрониках освещаются только важнейшие исторические события. Поскольку в этих изданиях не содержатся ссылки на источники информации, они используются в основном как учебные и справочные пособия.

Значительно расширяет творческие возможности исследователей, преподавателей и студентов вузов цикл изданных хроник-летописей важнейших событий двусторонних международных связей: советско-польских, советско-венгерских, советско-болгарских, советско-чехословацких, советско-кубинских отношений. Подготовленные в разные годы сотрудниками учреждений Академии наук УССР, эти хроники отражают важнейшие события, охватывая обширный комплекс отношений Советского Союза, в том числе Украинской ССР, с каждой из социалистических стран. Материалы хроник касаются отношений между братскими партиями, политических, экономических, культурных, военных связей, освещают взаимосвязи различных общественных организаций. Основой для составления хроник послужили материалы периодической печати, различных сборников документов, сообщений телеграфных агентств и другие источники. Факты даны в хрониках как с указанием на источник, так и без ссылок на них. Учитывая положительные отзывы общественности на эти издания, желательно продолжить разработку хроник, посвященных дружбе и сотрудничеству СССР с Румынией, ГДР, Монголией, Вьетнамом и другими социалистическими странами.

К данной группе хроник относится «Летопись внешней политики СССР. 1917—1978», в которой с помощью документальных и хроникальных материалов отражены основные внешнеполитические акции Советского государства более чем за шесть десятилетий его существования. Справочник «Хроника международных событий», издававшийся ежегодно московским Институтом международных отношений в 1958—1968 гг., представляет собой краткий хронологический перечень важнейших международных событий за истекший

год: международных соглашений по политическим вопросам, торговых и культурных связей, правительственный переговоров, односторонних и двусторонних парламентских и правительственные заявлений, коммюнике и др. В справочник включены также сообщения о деятельности международных организаций и их органов, о проходивших международных фестивалях, выставках, конгрессах и съездах по отраслям науки и техники. Приводимые фактические сведения имеют ссылку на источники — центральные газеты и журналы.

IV. *Тематические хроники по истории СССР*. Это в основном издания, играющие важную научную роль в исследованиях, пропаганда важнейших, особо значимых исторических событий в жизни страны, таких, как Великая Октябрьская социалистическая революция, Великая Отечественная война и др.

Большую тематическую группу представляют хроники, посвященные Великому Октябрю, установлению и упрочнению Советской власти⁷⁷.

В. И. Ленин придавал большое значение собиранию фактических материалов для написания истории Октябрьской революции. В 1921 г. в беседах с М. Н. Покровским и В. В. Адоратским он подчеркивал необходимость быстрее зафиксировать в виде книги или хотя бы хроники массу важнейших факторов, сопровождавших возникновение Советской власти, первые шаги ее учреждений и т. д. Такая книга была бы, по мнению В. И. Ленина, прежде всего необходимым справочным пособием, особенно для подрастающего молодого поколения⁷⁸.

Первая такая хроника издана в 1923 г.⁷⁹ В период 1923—1930 гг. Комиссия по изучению истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпарт) издала также шеститомную хронику событий Великой Октябрьской социалистической революции⁸⁰. Это издание не потеряло своего научного значения и в наши дни. Ряд хроник истории Великого Октября появился в 30—40-е годы⁸¹.

Новый качественный этап в историографии Великой Октябрьской социалистической революции начался после XX съезда КПСС. Особенно большая работа была проделана советскими историками в связи с 40-летним юбилеем Великого Октября.

Многотомное издание «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий» (М., 1957—1962), подготовленное сотрудниками Института истории АН СССР, охватывает чрезвычайно важный в истории нашей страны период, насыщенный огромным количеством разнообразных событий. Короткие сообщения хроники последовательно, изо дня в день (с указанием даты события, его места, источника информации) воссоздают картину нарастания революционной ситуации в стране, расстановки классовых сил, показывают руководящую роль В. И. Ленина и партии большевиков в подготовке и проведении Октябрьской революции.

Данная крупномасштабная хроника не только свела воедино большой конкретно-исторический материал, содержащийся в издан-

ных ранее местных хрониках, посвященных Великому Октябрю⁸². Прежние хроники были на научной основе дополнены фактами из ряда архивов, непериодической печати, монографий, а также мемуарной литературы. Например, в томе 4 хроники широко использованы материалы профсоюзов, фабзавкомов и других массовых организаций трудящихся, документы центральных, республиканских, местных архивов, различные сборники документов и др.

Материалы в хронике располагаются по датам событий. Когда же точную дату не удавалось установить, события располагались по датам сообщений о них. Каждый том хроники снабжен солидным справочным аппаратом (схемой территориального расположения материала хроники, списками наиболее встречающихся сокращений и использованных источников, указателями имен и географических названий), что помогает читателю ориентироваться в текстовом материале хронологического издания. События в хронике датированы по старому стилю и в основном помечены тем числом, когда они происходили. В процессе составления хроники составители по-новому подошли к датировке декретов Советского правительства, доказав необходимость руководствоваться не датой публикации декретов, а днем их утверждения⁸³.

В книге «Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. 26 октября — 10 января 1918 г.» (М., 1962) продолжается рассмотренная выше четырехтомная хроника, охватывающая период от II до III Всероссийских съездов Советов. Руководствуясь теми же приемами и методами работы, авторы этой хроники большое внимание уделяли особенностям становления Советской власти на местах, творческой революционной инициативе трудящихся масс в создании советских органов власти. Наряду с уже опубликованными материалами в хронике были использованы также работы, подготовленные к изданию сектором публикации Института истории АН СССР.

Важное задание имеет цикл хроник событий, посвященных деятельности ЦК РСДРП(б) — ЦК РКП(б) в 1917—1919 гг.⁸⁴ Различные сведения этого издания отражают не только огромную деятельность ЦК нашей партии, но и содержат многочисленные факты по истории местных партийных организаций, воспроизводят их разнообразную деятельность по претворению в жизнь указаний В. И. Ленина, партии в знаменательные исторические периоды: от Февральской буржуазно-демократической революции до Великой Октябрьской социалистической революции, в первый год существования Советского государства, годы гражданской войны и отражения вооруженной империалистической интервенции. Исследователи, изучающие историю КПСС, найдут в хронике материалы, помогающие конкретизировать ряд вопросов в процессе научной работы. В конце книги приводятся сведения о партийных организациях, с которыми поддерживал связи и осуществлял переписку ленинский ЦК, данные о системе построения партийных организаций в то

время. Большую ценность представляют краткие биографические сведения о более чем 1500 видных партийных и государственных деятелях свыше 750 республиканских, губернских, уездных, городских организаций и ячеек партии всей страны. В данном издании мы имеем, таким образом, полезное сочетание хроники со справочником.

На должном научном и теоретическом уровне подготовлена хроника важнейших историко-партийных и революционных событий Великого Октября на Украине. В это издание составители включили большое количество важных малоизвестных фактов. Систематизация документальных материалов проведена на основе строго научных критериев. При освещении событий каждого дня прежде всего расположены материалы, раскрывающие идеиное и организационное руководство В. И. Лениным, ЦК РСДРП(б) деятельностью местных партийных организаций. Затем даются материалы по губерниям, о революционном движении в армии и т. д. К каждому приведенному в хронике историческому факту имеется ссылка на один или несколько источников. Обычно приводятся месяц и день события. Лишь в отдельных случаях указывается приблизительная дата (когда не удалось точно установить время события).

Обширная группа хроник посвящена революционным событиям Великого Октября в ряде областей (губерний) молодой Советской страны. Исключительная ценность этих хроник состоит в широком использовании разнообразных местных документов, архивных материалов, периодической печати и других источников. В хронике революционных событий в Вологодской губернии широко использованы, например, воспоминания старых большевиков, участников событий Великого Октября.

На основе большой источниковской базы воссоздается правдивая картина деятельности большевиков по осуществлению партией стратегии и тактики в Октябрьской революции, по руководству революционной борьбой народных масс за большевизацию Советов, создание Красной гвардии, укрепление боевого союза рабочего класса и беднейшего крестьянства, тесное единение народов Советской республики в революционной борьбе. Особенно глубоко отражены эти события в хрониках, созданных на материалах Москвы и Московской губернии, Одессы, Саратовского Поволжья. Авторский коллектив хроники о революционных событиях в Саратовском Поволжье, кроме того, стремился преодолеть недостаток значительной части прежних работ, в которых почти не освещались роль и деятельность буржуазных партий, борьба с ними большевиков. Такой подход безусловно содействовал более разностороннему познанию сложного и противоречивого революционного процесса. Составители хроники революционных событий в Донбассе в ходе поисковой работы, стремясь дать полное и исчерпывающее освещение важнейших событий, выявили 1800 разнообразных новых документов, из которых в книгу включили особо показательных около 800. Составители же хроники революционных событий в Крыму столкнулись

с трудностями, связанными с недостатком источников. В годы гражданской войны и империалистической интервенции почти не сохранились комплекты многих изданий большевистской периодической печати, а также архивные документы. В известной мере выручали микрофильмы крымских газет 1917—1920 гг., полученные из Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Кроме того, составителями была использована хроника «Революция в Крыму», напечатанная в сборнике Испарта (1927 г.).

Рассматривая хроники краеведческого плана, следует иметь в виду, что географические рамки прежнего административно-территориального деления обычно далеко не соответствуют делению наших дней. Так, в исследуемые периоды большая часть территории Донбасса входила в состав Екатеринославской и Харьковской губерний. В хронику революционных событий Саратовского Поволжья включены также события, происходившие в двух заволжских уездах Самарской губернии, исторически тяготевших к Саратову и позже вошедших в состав Саратовской губернии. В связи с этим особо важное значение приобретают в областных хрониках географические указатели.

Значительное число хроник освещает события периода Великой Отечественной войны⁸⁵.

Объемная книга «СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Краткая хроника» (в 1970 г. вышло второе издание, исправленное и дополненное) отражает важнейшие события трудного и героического периода истории нашей Родины. Составители черпали фактические данные в основном из периодической печати с частичным привлечением архивных и других материалов (ссылки на источники даются в подстрочных примечаниях). В книге использованы также материалы, присланные Институтами истории АН УССР и АН БССР, что свидетельствует о значительном удельном весе в книге событий, происходивших на Украине и в Белоруссии.

В годы Великой Отечественной войны территория Украинской ССР являлась ареной крупнейших боевых действий советских войск, партизанских соединений. Крупномасштабную хронику, посвященную Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, создали научные сотрудники Института истории АН УССР. Выполнена большая работа по сверке опубликованных материалов в печати с архивными документами, уточнению дат событий и т. д. Ценным вкладом в летопись Великой Отечественной войны является краткая хроника о деятельности войск ПВО страны, изданная в 1981 г.

Особый подраздел составляют хроники об отдельных важнейших событиях Великой Отечественной войны, таких, как оборона Одессы, Ленинграда. Так, хроника «Блокада день за днем. 22 июня 1941 г.—27 января 1944 г.» отражает беспримерный подвиг, совершенный в годы Великой Отечественной войны защитниками осажденного Ленинграда. Хроника охватывает 951 день блокады. В

сжатой публицистической форме автор дает краткое описание основных событий каждого дня героической ленинградской эпопеи. В основу материалов хроники легли архивные документы, газетные сообщения, факты из ряда послевоенных изданий. Книга иллюстрирована фотоснимками, имеет указатели имен и литературы.

К подобного рода изданиям долгие годы будут обращаться исследователи периода Великой Отечественной войны, широкие круги советской общественности.

Специалисты в области хронологии, работающие в Украинской ССР, много делают для создания летописи современной истории республик. В. И. Ленин в свое время отмечал: «... то, что происходит все с большей и большей быстротой перед нашими глазами, есть тоже история»⁸⁶.

С 1962 г. публикуются выпуски хроники «Летопись коммунистического строительства», составляемой по материалам общесоюзных, республиканских, областных и городских газет⁸⁷. Выбор такой источниковой базы объясняется огромным количеством фактических материалов, содержащихся на страницах периодической печати и подлежащих тщательному отбору и анализу. Эти источники отражают все важнейшие события современной истории.

Путем отбора наиболее характерных и типичных фактов хроник воссоздается картина героических трудовых свершений трудящихся промышленности, работников сельского хозяйства, народной интеллигенции на пути строительства и дальнейшего совершенствования социалистического общества. Большое место занимают материалы о тесных братских связях, нерушимой дружбе и взаимопомощи советских республик. Хроника информирует о многочисленных связях УССР со странами социалистического содружества, о деятельности республики в ООН, на международной арене, где УССР активно выступает за сохранение мира и безопасности народов. События за каждый день излагаются в хронике в следующем порядке: события общеполитического характера, затем факты, относящиеся к промышленности, сельскому хозяйству, общественной и культурной жизни республики.

В печати информация о событиях не всегда точно датируется. Поэтому факты, датированные в источнике только месяцем, без точного указания дня, в хронике помещаются в конце информации за соответствующий месяц. События, датированные лишь годом, приводятся в конце текстового материала за год.

Выпуски хроники «Летопись коммунистического строительства» иллюстрированы. Издание широко используется историками, преподавателями, аспирантами, пропагандистами, лекторами, учителями, ибо дает им важные сведения непосредственно по следам исторических событий, когда еще не увидели свет соответствующие научные и публицистические труды.

Составителями хроник по истории союзных республик проделана определенная работа. Но необходимо ее дальше развертывать,

чтобы хроники широко охватывали различные исторические периоды советской эпохи.

К тематической группе изданий по истории СССР относятся также хроники экономической, культурной, научной, художественной жизни в стране⁸⁸. В 1967 г. опубликована хроника «Экономическая жизнь СССР. 1917—1965» (1-е издание хроники за 1917—1959 гг. вышло в 1961 г.). В ней на важнейших фактах в хронологической последовательности раскрывается народнохозяйственное развитие страны. Приводятся источники информации: органы периодической печати, архивы или документальные публикации. Немало сведений дается по документам отдельных предприятий.

Свидетельством возросшего интереса советских ученых к конкретно-историческим вопросам культурного развития СССР является выход в свет 5-томной хроники «Культурная жизнь в СССР. 1917—1977», подготовленной Институтом истории СССР АН СССР. Хронологические рамки отдельных этапов культурного строительства не всегда совпадают с временными рамками общей периодизации истории советского общества (это связано, как отмечено в предисловии к хронике, с особенностями духовной культуры как относительно самостоятельной сферы жизни, со специфическими закономерностями). В данном издании принята следующая периодизация: 1) становление советской культуры (1917—1927); 2) решающие успехи культурной революции (1928—1941); 3) завершение культурной революции, полная победа социалистической культуры (1941—1965); 4) развитие культуры в условиях совершенствования социалистического общества.

Составители хроники путем тщательного отбора наиболее важных по значению фактов дают систематическое изложение событий культурной жизни советского общества за огромный период.

С 1975 г. осуществляются ежегодные выпуски «Хроники художественной жизни», задача которых состоит в ознакомлении широких кругов общественности с основными событиями в жизни Союза художников СССР, научных искусствоведческих центров и художественных музеев страны. В хронике выделены сведения о международных выставках в СССР, всесоюзных, республиканских, а также о выставках мирового искусства, проводившихся музеями страны, сведения об участии советских художников в международных выставках за рубежом, советских выставках за рубежом и зарубежных в СССР и др. Все данные о конференциях, семинарах, выставках, открытии новых памятников расположены в алфавитном порядке городов, где они проходили, а внутри — по хронологическому принципу. Основные разделы хроники: 1) съезды и пленумы; 2) награждения, присуждения званий; 3) конференции, симпозиумы, семинары; 4) выставки; 5) новые памятники и мемориалы.

Примером последовательного применения традиционных научных принципов составления хроник является издание «50 лет

советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917—1967». В нем содержится разнообразная информация: даты принятия постановлений ЦК КПСС по исторической науке, декретов и постановлений Советского правительства в этой области, сведения о создании новых центров, многотомных коллективных изданий, серийных публикациях и т. д. Приводится информация о дискуссиях, крупнейших научных конференциях, совещаниях, съездах и заседаниях. Эти ценные первичные справочные материалы позволяют проследить процесс развития исторической науки в СССР, а также в отдельных регионах страны. Фундаментальная хроника — ценное справочно-информационное пособие, облегчающее работу специалистов в области развития исторической науки. Можно согласиться с пожеланием, высказанным А. В. Санцевичем в рецензии на книгу, чтобы продолжение этой хроники до наших дней выходило систематически, хотя бы раз в 5 лет⁸⁹.

В целом, проанализировав тематические хроники по отечественной истории, следует отметить значительный объем проделанной работы. Вместе с тем нерешенной остается кардинальная задача — создание многотомной истории СССР, охватывающей в комплексе важнейшие события экономической, общественно-политической и культурной жизни.

V. *Хроники событий в отдельных областях, городах*⁹⁰. Большой интерес проявляется к составлению местных хроник в областях и городах нашей страны. Так, хроника событий в Магаданской области посвящается всему советскому периоду. Поскольку эта область была образована в 1953 г., то предыдущий период рассматривается под углом зрения событий на территории современной области. Книга иллюстрирована, имеет список источников и литературы, именной и предметный указатели.

Охватывая огромные исторические периоды — с момента возникновения городов и до наших дней — некоторые хроники, естественно, включают лишь самое ограниченное количество хронологических дат.

Не во всех хрониках, посвященных городам, соблюдены научные принципы подготовки этих изданий. Одни летописи городов (Новосибирска, Ашхабада) содержат указания на источник использованных материалов, другие (Вологды, Бийска) не имеют таких ссылок. События подчас излагаются фрагментарно, без тщательного предварительного отбора фактов. В хронике истории Ашхабада имеются неоправданно большие временные промежутки между сообщениями, даются отдельные несущественные факты. А в хронике за 1973 г. помещено только одно сообщение — о пребывании 29 ноября — 1 декабря в городе партийно-правительственной делегации из братской Монголии.

Практические потребности хронологического изложения исторических событий в различных отраслях знаний служат также толчком к появлению хронологических подборок материалов в

журналах и других периодических изданиях. Один из таких примеров — публикация в 1977—1978 гг. в «Українському історичному журналі» хроники событий об участии большевиков Украины в Великой Октябрьской социалистической революции. В продолжающемся периодическом издании «Вопросы истории естествознания и техники» в 1977 г. публиковалась хроника о деятельности Академии наук СССР в первый год Советской власти. Хронологические подборки материалов о строительстве Советских Вооруженных Сил систематически печатаются на страницах «Военно-исторического журнала».

Вполне закономерно рассматривать публикуемые в различных периодических изданиях хроники как полезный предварительный материал для создания развернутых крупномасштабных хроник, как ценные вспомогательные сведения для написания фундаментальных коллективных научных трудов, индивидуальных монографий.

С целью совершенствования курсов по отечественной и всеобщей истории практикуется публикация различных специальных хронологических таблиц, указателей дат. Эти материалы можно классифицировать как приложную хронологию.

«Придавая важное значение воспитанию советских граждан в духе патриотизма,— отмечала газета «Правда» в передовой статье «Воспитание историей»,— КПСС требует совершенствовать формы и методы изучения истории Отечества. При этом необходимо добиваться повышения эффективности всей системы исторического образования, улучшения качества и содержания школьных программ и учебников, преподавания истории и обществоведения в средней школе, курса истории КПСС в вузах»⁹¹. Важная роль в этом принадлежит и разработкам в области исторической хронологии. Историки должны внимательно анализировать хронологию фундаментальных, преимущественно коллективных трудов, проводить сравнения отбора конкретных фактов в произведениях на одну и ту же тему. Это поможет выяснению системности в привлечении фактического материала⁹². Не следует упускать из виду и то, что исследования советских историков по хронологии, базирующиеся на принципах марксизма-ленинизма, способствуют разоблачению фальсификаций буржуазных авторов.

Исследования по исторической хронологии должны охватывать широкий спектр вопросов в плане изучения хронологии важнейших источников, установления точных дат событий, сопоставления различных календарных систем, перевода их на новый стиль с целью проведения во всех трудах единой хронологической канвы, а также выполнения прикладных задач — составления различных хроник по важнейшим проблемам исторической науки с разработкой рациональной методики их подготовки.

ГЛАВА III ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

События развиваются в пространстве в определенных географических условиях. Поэтому важно исследовать, помимо других, пространственную сторону исторического процесса. Географическая среда в определенной мере влияет на развитие и изменения в обществе. В связи с этим историку крайне необходимы знания в области важнейшей дисциплины — исторической географии.

В. К. Яцунский правильно отмечал, что «историческая география изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию прошлых эпох... Историческая география как отрасль научного знания, будучи значительно моложе исторической науки и географической науки, возникших, как известно, в древнем мире, все же существует уже несколько столетий»¹.

С марксистско-ленинской позиции на основе периодизации, принятой в исторической науке, В. К. Яцунский определил предмет исторической географии, которая «должна дать характеристику физической, экономической и политической географии данной страны или территории на соответствующем отрезке времени. Основными элементами этих характеристик должны быть: 1) физико-географический ландшафт данной эпохи; 2) население с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории; 3) география производства и хозяйственных связей; 4) география внешних и внутренних политических границ, а также важнейших исторических событий»².

Дальнейшее углубленное изучение предмета, метода и задач исторической географии проводили, кроме В. К. Яцунского³, Л. Г. Бескровный, И. А. Гольденберг⁴, И. А. Гуржий⁵, а также авторы⁶ вузовского учебника по этой дисциплине.

Возникновение исторической географии относится к XIV в., когда под влиянием Великих географических открытий и идей Возрождения стали успешно развиваться естественные и гуманитарные науки. В нашей стране В. М. Татищев⁷ одним из первых в XVIII в. привлек внимание к исторической географии. Определенные вопросы исторической географии отражены в трудах дореволю-

ционных ученых И. М. Болтина⁸, Н. П. Погодина⁹, Н. П. Барсова¹⁰, С. М. Середонина¹¹ и др. Они, каждый по-своему, подходили к знаниям в области исторической географии в соответствии с конкретными задачами, которые решались при создании научных трудов. Положительным было освещение широкого круга историко-географических вопросов, введение в научный оборот многих неизвестных или малодоступных источников.

Первые труды историко-географического характера появились на Украине в начале XIX в. и были посвящены отдельным историко-географическим объектам, преимущественно описанию определённых территорий и населенных пунктов в их историческом развитии. Первого ректора Киевского университета М. А. Максимовича можно считать одним из родоначальников изучения исторической географии на Украине. В его работах освещается заселение южной части территории и древняя топография отдельных местностей Украины, содержится описание городов, сел, полков и сотен. В целом он опубликовал 40 трудов о Киеве, Киевщине, Переяславщине, Волыни и других местностях Украины¹².

В первой половине XIX в. А. А. Скальковский изучал историю Новороссийского края, города Одессы, Новой Сечи¹³. На основании архивного материала, статистических сведений он дал историко-географическую характеристику Юга Украины. Во второй половине XIX в. усилилось внимание ученых к разработке исторической географии на Украине. Значительно расширилась тематика исследований, разрабатывались новые историко-географические проблемы, в частности, о заселении территории, административно-территориальном устройстве, хозяйстве и торговле. Расширилось использование новых исторических источников, прежде всего архивных, а также возрос интерес к картографическим материалам.

Важный этап в развитии исторической географии на Украине связан с творческой деятельностью Д. И. Багалия. Он выступал с теоретическими статьями¹⁴ и лекциями по исторической географии. Значительное место в его трудах занимали вопросы колонизации и расселения населения Украины, особенно в ее южной части, и географического картографирования¹⁵.

В историко-географических трудах А. М. Лазаревского о заселении Украины содержатся описания Стародубского, Прилуцкого и Нежинского полков, г. Батурина, Полтавщины, Лубенщины, Конотопского уезда, рек Черниговского полка, переселения украинцев в Тамбовский край. Во многих работах ученый обобщал опыт использования источников для изучения исторической географии Украины¹⁶.

В дореволюционный период Д. И. Яворницкий широко исследовал топографию Запорожской Сечи¹⁷. Значительный историко-географический аспект просматривался в книге об Украине французского военного инженера Г. Л. Боплана, который в 1630 — 1648 гг. находился на службе у польского правительства и занимался

сооружением укреплений. В его работе приведены ценные сведения по истории, географии, культуре и этнографии Украины¹⁸.

Историк права М. Ф. Владимирский-Буданов опубликовал ряд работ, посвященных населению Украины от XIII до конца XVII в.¹⁹

Важный вклад в историческую географию вносит работа П. Голубовского о древних народностях на территории Украины до нашествия орд Батыя, охватывающая время IX — XIII вв.²⁰

В целом следует отметить, что в дореволюционное время в области исторической географии Украины работало много ученых, творческое наследие которых составляет более 1 тыс. названий монографий и статей. Был собран и введен в научный оборот значительный фактический материал по исторической географии, а также описанию архивных, литературных и картографических источников. Наибольшее внимание уделялось Киеву, Харькову, Екатеринославу, Одессе, Запорожской Сечи, Новороссии, Северному Причерноморью, Днепру и другим рекам.

Несмотря на значительное количество и объем опубликованных и рассмотренных выше работ по исторической географии, они преимущественно относились к довольно узкой, локальной тематике периода феодализма. Недостаточно исследовались обобщающие темы, слабо изучались теоретические основы исторической географии. Мало внимания уделялось проблемам экономического развития — промышленности и ремесел, сельскому хозяйству, торговле, политической истории, а также картографическому отображению добывших материалов.

Новый этап в развитии исторической географии Украинской ССР начался в советское время, когда она, на основе марксистско-ленинской методологии, стала важной научной дисциплиной. В этом процессе становления и развития прослеживаются два основных периода.

Первый из них приходится на 1920—1930 гг., когда значительное число как старшего поколения научных работников, так и молодых ученых достаточно активно занимались исследованиями в области исторической географии. Был издан ряд работ, стал выходить ежегодник «Історико-географічний збірник» (1927—1931).

Исторической географией в этот период преимущественно занимались сотрудники АН УССР. Основное внимание уделялось изучению территории, границ, народонаселения в разные исторические эпохи. Одновременно появились работы по вопросам экономического развития, делались попытки теоретических обобщений.

С этой точки зрения заслуживает внимания статья С. Рудницкого, который широко показал развитие исторической географии, начиная с XVI в., изменения в понимании и объектах исследования этой науки. Он пришел к правильному выводу о наличии вполне достаточного научного материала, который можно рассматривать с позиций исторической географии²¹.

Многие научные работники, успешно проявившие себя в исследованиях по исторической географии в дореволюционное время, продолжили эту деятельность и после победы Великого Октября. Например, А. И. Андриашев, который до революции опубликовал монографию «Очерки истории Волынской земли до конца XIV ст.» (Киев, 1887), подготовил и издал в 20-х годах исследования о Киевской, Переяславской землях, о колонизации Сиверской земли.

Д. И. Багалий выступил с крупной монографией о заселении Южной Украины²², а Д. И. Яворницкий выпустил альбом фотографий с историко-географическим обзором и книгу о Степной Украине²³.

Значительное количество научных работ по исторической географии было опубликовано в «Записках історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук», «Збірниках історико-філологічного відділу ВУАН», «Київському збірнику історії й археології, побуту й мистецтва» (К., 1930.— № 1).

В четырех томах «Історико-географічного збірника» в научный оборот введено много новых архивных материалов, освещены вопросы исторической географии Украины, преимущественно периода феодализма. В то же время издан ряд монографий, имеющих непосредственное отношение к исторической географии» книги К. Г. Воблого по экономической географии Украины²⁴, И. К. Воло-годцева — о развитии украинских городов²⁵, А. Барановича — о населении Волынского воеводства в первой половине XVII в.²⁶ С начала 30-х годов наблюдалось свертывание историко-географических исследований.

Новый этап в развитии исторической географии относится к послевоенному периоду. Видные советские ученые Б. Д. Греков,²⁷ М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков, Б. А. Рыбаков, В. Т. Пашуто и др. активно разрабатывали указанную тематику, результатом чего стало появление ряда фундаментальных исследований, часть которых имеет прямое отношение к исторической географии Украины.

На Украине также были опубликованы работы по исторической географии: об исторических местах событий Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., городах Украины второй половины XVII ст., этническом составе населения Украинской ССР, о территории и городах Галицкой Руси²⁸.

В послевоенные годы внимание ученых привлекали методологические вопросы исторической географии, что отразилось в уже упомянутых работах В. К. Яценского, Л. Г. Бескровного и И. А. Гольденберга, И. А. Гуржия и других исследователей.

С точки зрения развития исторической географии в Украинской ССР большое значение имела подготовка и издание многотомной серии «Історія міст і сіл Української РСР». Впервые в советской историографии детально был исследован широкий круг вопросов истории и современного общественно-политического, экономического и культурного развития трудящихся УССР в тесных

взаимосвязях с географической обстановкой. Каждой области посвящен отдельный том, который состоит из историко-экономического обзора, обзоров районов, городов и крупных сельских населенных пунктов. Сообщалось много сведений историко-географического характера: точное название пункта, его изменения, указывалось местоположение относительно природных факторов (водных хранилищ, рельефа), путей сообщения, а также численность населения по состоянию на 1 января года издания конкретного тома. Приводились археологические находки, выявленные на территории, давалась характеристика хозяйства, состава населения, его занятий, застройки и благоустройства населенного пункта, его культурного развития.

Значительное место занимают материалы о трансформации населенных пунктов — приводятся сведения о процессе их возникновения и развития, изменений административного положения и подчиненности. Сообщается о первом упоминании населенного пункта в документах, важнейших общественно-политических событиях. Это многотомное издание удостоено Государственной премии СССР.

Многие историко-географические работы печатаются в общесоюзных периодических изданиях и научных сборниках. На Украине историко-географическая тематика отражена в таких изданиях, как «Вісник АН УРСР», «Український історичний журнал», «Історичні джерела та їх використання», «Архіви України», научных записках и сборниках высших учебных заведений республики²⁹.

Вопросам исторической географии посвящены пять тематических сборников, два из которых издавались под названием «Український історико-географічний збірник»³⁰, а три — «Історичні дослідження. Вітчизняна історія»³¹. Всего в этих сборниках опубликованы 67 статей многих ученых, которые разрабатывают актуальные вопросы исторической географии.

Содержание сборников разнообразно. Особенно важны статьи по методологическим, теоретическим вопросам, отражающим вклад основоположников марксизма-ленинизма в развитие исторической географии³², задачи исследований по этой дисциплине³³ и др. В. Г. Сарбей в статье об историко-географическом труде «Ленин. Историко-биографический атлас» (М., 1970)³⁴ большое внимание уделил вопросам революционных связей В. И. Ленина с Украиной.

В историко-географическом плане написана статья В. И. Ересяко о распространении произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, первых социал-демократических организаций на Украине³⁵. Ряд статей в сборниках освещает административно-территориальное деление и устройство Украины на различных исторических этапах. Вопросам возникновения и развития городов, в частности Киева и других населенных пунктов, также посвящено несколько работ. Многие материалы рассказывают о народонаселении Украины как в дореволюционный, так и советский периоды. В отличие от историко-географических сборников предвоенного периода в рассматриваемых изданиях важное место занимают вопросы экономического развития

Украины от древнейших времен до современности. Освещается в историческом разрезе развитие промыслов и промышленности, сельского хозяйства, функционирование хозяйственных связей, торговли. Ряд статей посвящен историко-географической характеристики процессов культурного развития Украины, в частности образования, книгоиздательского дела и пр.

Для успешного развития исторической географии важную роль играет источниковедческая основа, включающая специфические картографические материалы, которые дают возможность точно устанавливать границы, административное деление, обозначать в пространстве исторические объекты, места важнейших событий.

Для работ в области исторической географии существует большая источниковая база, которая сосредоточена в союзных, республиканских и областных архивах и библиотеках. Важные материалы по исторической географии Украины сохраняются в центральных библиотеках Союза ССР и нашей республике.

Ценные историко-географические документы сконцентрированы в архивах Киева — Центральном государственном историческом архиве УССР, Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства УССР, Киевском областном государственном архиве, Львовском, Харьковском и других областных архивах республики. В Центральной научной библиотеке АН УССР материалы по исторической географии и картографии Украины находятся в специализированных отделах картографии, рукописей и книговедения. В отделе картографии насчитывается около 5 тыс. названий карт и книг, в которых представлена Украина от древности (например, карты Г. Боплана) до новейших поступлений. Карты отражают важные стороны развития экономики, производительных сил, науки и культуры, главные исторические события, политico-административное устройство на различных этапах истории.

В отделе рукописей широко представлены описательные и архивные материалы по исторической географии. Так, в собрании рукописей А. М. Лазаревского сохранено много древних актов, статистических сведений, имеющих непосредственное отношение к исторической географии Украины. Научную ценность представляет рукописный альбом карт Де-ля-Флюза. В архиве Н. М. Белозерского находятся материалы о Болоховской земле, Волынской, Подольской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской губерниях, Слободской Украине, Новороссийском крае. В этом же отделе находится библиография трудов В. Ляскоронского, который активно занимался исследованиями исторической географии Украины.

В отделе книговедения в зарубежных изданиях XV — XVII вв. содержатся карты и текстовые работы об Украине. Ценная коллекция материалов по данной проблематике хранится в фондах Государственной научной библиотеки АН УССР во Львове (около 10 тыс. исторических карт и атласов). Здесь сосредоточены карты, издан-

ные в Париже, Лондоне, Вене, Женеве и других западноевропейских городах, отображающие территорию Украины.

Многочисленные соответствующие материалы находятся в Центральном государственном архиве древних актов СССР, Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, в Рукописном отделе библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде и др. Так, в отделе картографии Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина насчитывается около 1,5 тыс. карт и атласов, на которых отображена Украина на различных исторических этапах.

В Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде сохраняются многочисленные карты Левобережной и Слободской Украины, Новороссии XVIII ст., а также карты деления Правобережной Украины на губернии в 1794—1795 гг. Историко-географические материалы содержатся в Государственной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Путеводителем по картографическим источникам Москвы и Ленинграда об Украине XVIII в. может служить статья В. М. Кабузыана и Г. П. Махновой³⁶.

Следует добавить, что карты и другие историко-географические источники по Украине находятся в архивах и книгохранилищах Польши, Австрии, Франции и других стран. Одни из них известны, например, по работам М. В. Кордта³⁷, другие требуют еще изучения. Введение их в научный оборот будет способствовать дальнейшему развитию исторической географии в Украинской ССР.

На современном этапе перед исследователями исторической географии стоят ответственные задачи, связанные с повышением теоретического уровня разработок и увеличением их практической отдачи.

Уже упоминалось, что исторические события и явления связаны с определенной территорией. Если обратиться к украинской проблематике, то следует отметить довольно выразительную географическую контрастность украинских земель. Украина включает такие географические регионы: Карпатский, Полесский, Лесостепной и Степной. В этих регионах исторически обусловленные события и явления происходили не одинаково и не одновременно, что в определенной степени объясняется естественными географическими условиями.

Не может быть обойденным и то обстоятельство, что упомянутые регионы охватывали не только территорию Украины, но и другие страны. Так, Карпатским регионам охвачены части Польши, Словакии, Румынии и Венгрии, Полесьем — Белоруссия, Степным — значительная часть России. И упомянутому обстоятельству должно уделяться внимание. Необходимо показать конкретное, особенное и общее, характерное для упомянутых регионов и стран.

Следует учитывать то, что территория, на которой издавна проживает украинский народ, на протяжении столетий была расчленена. Украинские земли находились в составе разных государств.

Различие в положении земель проявлялось в их административном делении, социально-экономическом и культурном аспектах. Хотя этому вопросу и уделялось внимание в дооктябрьской и советской литературе, данная тема требует дальнейшего углубленного изучения.

Заслуживают внимания процесс и степень освоения украинских земель в разные периоды истории. Широкое изучение этого вопроса откроет большие возможности в исследовании других исторических проблем.

История стала наукой, которая основывается на объективных законах развития общества. Перед исторической географией стоят задачи раскрыть это на основе систематизированных фактов, свидетельствующих о пространственных изменениях в разных областях жизни общества.

Социально-экономическое развитие в разные периоды истории приобретает своеобразные направления и характерные черты. Этот сложный процесс всегда проходил и проходит на определенной территории. И чтобы его раскрыть на надлежащем научном уровне, следует учитывать взаимодействие общества и природно-территориального фактора. Так, земледелие имеет свою многовековую историю, в которой не может быть обойденным географический фактор. Пока этому мало уделялось внимания в исследованиях, посвященных истории сельского хозяйства, в частности на Украине в разные периоды истории.

Важным является изучение территориального размещения промыслов и ремесел в период феодализма, промышленности в эпоху капитализма. Этому вопросу уделил большое внимание В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» и других произведениях. В. И. Ленин выработал методику историко-географического изучения развития промышленности и этим создал методологическую основу для дальнейших исследований этой проблемы.

Коммунистическая партия и Советское правительство в условиях совершенствования социализма уделяют большое и постоянное внимание развитию всех отраслей народного хозяйства, учитывая при этом многообразие природных условий в разных регионах СССР. И это должно найти обстоятельное освещение в исследованиях историко-географического направления.

Трудящиеся массы — производители материальных и духовных ценностей «... составляют цвет страны,— писал В. И. Ленин,— ее силу, ее будущность»³⁸. Именно трудящиеся в конечном счете являются определяющей силой общества.

В отличие от буржуазной исторической науки, советские историки уделяют первостепенное внимание положению и роли народных масс на всем протяжении исторического процесса. Это полностью относится к историко-географическим работам, в которых следует шире показывать миграции населения, разнообразные изменения в его составе в ходе исторического процесса.

Основываясь на конкретных фактах, исследователь определяет важное, характерное и типичное для определенного этапа исторического развития. Речь идет о том, чтобы установить для научных обобщений и выводов «фундамент из точных и бесспорных факторов, на который можно было бы опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные, а всю **совокупность** относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без **единого исключения...**»³⁹. Факты историко-географического исследования приходится заимствовать из различных по характеру и содержанию источников. Это усложняет работу, требует квалифицированного подхода. М. Н. Тихомиров справедливо отметил то обстоятельство, что исследователь в области исторической географии почти всегда должен прорубывать дорогу в чащах источников, идти нехожеными тропами⁴⁰.

Использование различных источников в исторической географии связано с рядом обстоятельств. При исследовании первобытного общества приходится обращаться, главным образом, к археологическим, а также в меньшей мере к антропологическим, этнографическим и другим источникам. С использованием письменности археологические источники приобрели большую выразительность, как об этом свидетельствует содержание многотомного труда «Археология Украинской ССР», в которой находим как текстуальное, так и картографическое отображение изменений, происходивших в древности на территории современной Украины⁴¹.

Значительно расширился спектр памятников истории с развитием письменности (появились летописи и хроники, акты, переписи населения, статистические и другие источники). Особое значение для исторической географии имеет такой вид источников, каким являются картографические материалы разных времен, о которых речь пойдет подробно в следующей главе.

Упомянутыми и другими источниками пользуются не только историки, но и специалисты других отраслей знаний. Поэтому историко-географические исследования должны вестись в творческом контакте с археологами, экономистами, юристами, этнографами, языковедами, искусствоведами и другими специалистами. Такой комплексный подход открывает широкие перспективы для научных исследований в области исторической географии. В работах по этой дисциплине следует также учитывать достижения по истории географии, физической географии и другим отраслям знаний.

В ходе применения общепринятых в исторической науке аналитико-синтетического, сравнительно-исторического, ретроспективного, статистического и картографического научных методов при историко-географических исследованиях особое внимание уделяется пространственно-временной локализации исторических фактов, явлений и процессов⁴². Это осуществляется как путем соответствующих описания и обобщения, так и посредством составления определенных карт, схем и т. д.

В. И. Ленин уделял значительное внимание составлению географических карт и атласов, несущих широкую информацию и раскрывающих характерные черты изучаемых явлений и событий⁴³. Карты — эффективное средство распространения наглядной информации и знаний. Зрительное восприятие человеком явлений и событий играет важную роль в формировании его мировоззрения, содействует выработке тех или иных эмоций и оценок увиденного. Материал собранный, систематизированный, обобщенный на картах — это не просто иллюстрация, а результат проблемного исследования. Картографическое отображение событий и явлений занимает важное место в ходе исторического исследования.

Таким образом, историографический образ основных достижений в области исторической географии свидетельствует о благоприятных перспективах дальнейших исследований. В тесном сотрудничестве со специалистами всей страны ученые республики несомненно достигнут новых творческих успехов.

ГЛАВА IV ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТОГРАФИЯ

Термин картография в России вошел в литературу в середине XIX — первой четверти XX в. и употреблялся в различном понимании применительно к истории карт, их изготовлению и печатанию, картографическим проекциям, топографии, геодезии и, наконец, как науки о географической карте и методах ее составления¹. Такой взгляд на картографию длительное время препятствовал ее развитию.

До революции не существовало научной дисциплины — историческая картография, а содержание исторической географии в XVIII в., например, сводилось к определению по карте мест исторических событий, изучению истории внешних и внутренних политических границ, исследованию географии населения прошлого. И не случайно термин география тогда часто употреблялся в смысле картография².

После Великой Октябрьской социалистической революции сложилось марксистское понимание предмета, метода и задач исторической картографии. Современная историческая картография как научная дисциплина разрабатывает и изучает теорию и методы создания и использования исторических карт и атласов. Разработка исторической картографии ведется в пределах общей системы современных исторических и картографических знаний и проблематики.

Содержание исторических карт включает пространственное изображение исторических объектов, характеризующих определенный период прошлого во взаимосвязи с окружающей средой. В исторической картографии широко применяются «старые» карты — тематические карты различного содержания, представляющие интерес для историков, хотя уже утратившие оперативное значение. «Старые» карты и атласы сыграли существенную роль в создании новых исторических произведений, в том числе Атласа истории Украинской ССР, и поэтому мы рассмотрим кратко их развитие на материале отечественной истории.

Научная картография получила большое развитие в трудах древнегреческого математика, астронома и картографа К. Птолемея.

Его первое систематизированное собрание из 53 карт мира и крупных территорий земли с полным основанием можно считать атласом, который на многие века (почти 14 ст.) приобрел силу непоколебимого авторитета³. Первые изображения очертаний Украины, рек — Днепра с порогами, Волчьей, Кальмиуса, Карпатских гор, Черного моря, города Киева и других мест, размещение племен и народов, населявших Европейскую Сарматию, заключены именно в картах Птолемея, вызывая интерес у дореволюционных исследователей и наших современников⁴.

В XVI в. в эпоху разложения феодальных отношений и зарождения капиталистических, в период великих географических открытий, изобретения книгопечатания и гравирования, резко возросло практическое значение картографии. Именно в это время в Нидерландах — центре западноевропейской картографии, издают труды А. Ортелий и Г. Меркатор. А. Ортелий стал известным как составитель первых исторических карт. В 1570 г. он опубликовал систематизированное собрание из 70 карт. Термина «атлас» тогда не было, и автор назвал свое сочинение «Зрелище шара земного». В 1579 г. в него были включены первые исторические карты Римской империи, Древней Греции и др.⁵

В последующих изданиях число исторических карт возросло до 38, включая «Древнюю Европу», на которой различима и территория Украины. После смерти А. Ортелия его труды были опубликованы в первом атласе исторических карт «Рагегон».

Г. Меркатор подготовил капитальный «Атлас» (1585.— Ч. 1; 1595.— Ч. 2). По точности и богатству содержания, специально разработанной проекцией морских карт, по внутреннему единству труда представлял новое явление, результат подлинного научного творчества⁶. До 1637 г. атлас переиздавался 40 раз на разных языках.

Изучение картографических произведений раннего периода очень важно. Они дают материал по истории заселения, развития торговых путей, населения, в том числе украинских земель⁷.

С начала своего развития русская картография отличалась полевым характером исходных материалов. Первыми отечественными картами, на которых достоверно изображена значительная территория Украины, были русские карты-чертежи XVI — XVII ст., создаваемые в политических, экономических и военных целях.

Б. А. Рыбаков считает, что рукописная карта России, привезенная в Рим русским послом Д. Герасимовым примерно в 1525 г., является древнейшей русской картой. Она изготовлена на основе переписи населенных пунктов, дорожников, чертежей и послужила источником для составления за границей карт Российской государства XVI в.⁸

Самым значительным произведением русской картографии конца XVI в. была военно-дорожная карта — Большой чертеж «Всего Московского государства по все соседние государства», охвативший

значительные территории Украины, Крыма и Северного Кавказа. В 1627 г. новый Большой чертеж был дополнен «Чертежом Полю до Перекопи» территорией между Доном и Днепром, татарскими шляхами от Москвы до Крыма с подробным географическим описанием Российского государства.

М. А. Максимович⁹ в работах по отечественной истории использовал сведения книги Большого чертежа, карт Г. Боплана и других картографических источников XVI — XVII вв. об Украине, особенно в области административно-территориального деления украинских земель. Данные Большого чертежа использовались в дворянской историографии и в трудах советских исследователей¹⁰.

В 1668 г. в Разрядном приказе дьяком Д. Башмаковым была произведена опись 248 чертежей отдельных городов, крепостей, частей Русского государства и всей территории Европейской России¹¹. Карты-чертежи создавались до XVIII в. без определенных правил в ограниченном количестве¹². Они мало походили на современные карты. Однако научный анализ этих источников свидетельствует об их практической ценности, широком кругозоре и тщательной работе составителей¹³.

В 1650 г. в г. Руане издана книга «Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании» Г. Боплана. На основе собранных материалов и собственных измерений он создал атлас первых масштабных карт Украины, которые отражают существование системы поселений, укреплений, путей (в том числе речных), растительности от Карпатских гор до пределов р. Дона. Есть у Г. Боплана и «Карта Днепра от Киева до Черного моря» с подробным отображением близлежащих территорий, плана Кодацкой крепости и др. Ему принадлежит также восемь отдельно изданных подробных, раскрашенных акварелью карт воеводств и Украины в целом. Карты Украины и описание к ним для того времени были настоящим открытием, и хотя они не лишены ошибок, ими можно пользоваться и ныне при определенных условиях¹⁴.

М. Г. Крикун¹⁵, исследуя историю образования Брацлавского воеводства, в числе других использовал карты Г. Боплана, на которых впервые определялась эта территория. Сравнивая картографические и другие источники, он пришел к выводу, что Г. Боплан значительно преувеличил земли воеводства на середину XVII в., отражая политику украинско-польской шляхты, желающей захватить побольше земель для Речи Посполитой. Интересную работу выполнил Г. В. Боряк. Он сравнил положение Киева на картах XV — XVIII вв. и зафиксировал с помощью детальных карт Г. Боплана, «что это первое в картографии Украины масштабное панорамное изображение Киева, где видна застройка городских территорий на конец XV — начало XVI в.» Таким образом, карта дала дополнительные сведения к документальным источникам по исторической топографии Киева в период, предшествующий появлению планов¹⁶.

В. Г. Ляскоронский, изучив атлас Г. Боплана, другие иностранные карты, произвел идентификацию географических названий, часть из которых искажена, описал границы воеводств, относящихся к Украине, и составил географический указатель к картам¹⁷.

Начало XVIII в. отмечено в России крупными картографическими работами, которые проводились в связи с преобразованиями Петра I, внешней политикой царизма.

Государственный деятель И. К. Кирилов подготовил в 1734 г. «Атлас Всероссийской империи», состоящий из 15 карт. Создать этот атлас его побудило, в частности, то обстоятельство, что иностранцы многие районы России изображали искаженно, незаселенными, что не соответствовало действительности¹⁸. Атлас Кирилова является итоговым достижением исторической картографии первой трети XVIII в. В нем Украину можно изучать по Генеральной карте Российской империи, где нанесены государственные, административные границы и города. Этой картой широко пользовались в России и за рубежом до 70-х годов XVIII в.¹⁹

В 1737 г. Академией наук издан на русском языке первый учебный красочный «Атлас сочинений к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг», в котором содержалось 27 карт и таблиц, в том числе 2 карты России, остальные — зарубежных территорий.

В 1739 г. при Академии наук был создан картографический центр России — Географический департамент, который изготовил 250 карт и планов²⁰. Важное значение имело создание под руководством математика Л. Эйлера «Атласа Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям, с приложеною притом Генеральною картою Великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге 1745 г.». Атлас состоял из 19 карт Европейской России, отражающих исторические сведения об украинских землях первой половины XVIII в. Впервые для всех карт применены общие условные знаки. Современники ставили это издание в один ряд с лучшими атласами Западной Европы.

М. В. Ломоносов, возглавлявший Географический департамент с 1757 по 1765 г., подготовил в 1762 г. исправленное издание академического атласа.

В конце XVIII в. были изданы пять обстоятельных географических атласов. Наиболее ценным из них оказался «Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий 1792 г.» под редакцией А. М. Вильбрехта. При его составлении учитывались новые данные, главным образом материалы Генерального межевания и академических экспедиций. Атлас отличался согласованностью содержания и единообразным оформлением карт и поэтому заменил долго служивший Атлас

России 1745 г.²¹ Это издание стало достижением русской картографии конца XVIII в. и широко использовалось нами при подготовке атласа истории Украинской ССР.

Планы, карты и рукописные атласы Генерального межевания губерний (1765 г.—40-е годы XIX в.) оказали влияние на формирование представлений об атласах у русских картографов²². Ценные также для исторической картографии и описания к губернским атласам, содержащие многочисленные историко-краеведческие сведения. Карты XVIII в., особенно Запорожья и реки Днепр, высоко ценил в качестве исторического источника видный украинский историк Д. И. Яворницкий²³.

Я. Р. Дацкевич считает, что интерес к «старым» картам Украины впервые проявился в конце XVIII — в начале XIX в. при использовании их в исторической географии и топонимике, а в начале XX в. история картографии сформировалась на Украине как отдельная историческая дисциплина. На протяжении длительного времени Л. А. Пономаренко²⁵ успешно применяет планы Киева XVIII — начала XIX в. как исторический источник, показывает значение дореволюционных картографических, географических, топографических и других материалов для современных исторических исследований.

В XVIII — начале XIX в. происходило формирование общих представлений относительно детальности показа, содержания и художественного оформления карт, которые часто близки к современному. Предпосылки создания отечественных исторических атласов были заложены еще в XVIII в., а развернулось соответствующее картографирование с начала XIX в. Атлас «Начало Российского государства в исторических картах, хронологических и генеалогических таблицах», представленный Х. А. Шлецером в 1809 г., был первым в России изданием историко-этнографического характера и включал шесть исторических карт.

В 1827 г. был выпущен (в 1834 г. переиздан) капитальный «Географический атлас Российской империи...» составленный В. П. Пядышевым, содержащий огромную историко-географическую информацию, «превосходившую по полноте, удобочитаемости и оформлению заграничные атласы того времени»²⁶. Украина в нем представлена на подробных административных картах губерний — Подольской, Волынской, Киевской, Херсонской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической Бессарабской и землях Войска Донского.

В 1829 г. вышел в свет, а в 1845 г. переиздан «Атлас исторический, хронологический и географический Российского государства», составленный И. Ахматовым на основании «Истории» Карамзина. В нем содержатся подробные сведения о пространственном аспекте исторического развития страны, в том числе о древних обитателях Украины, о Херсонесе, о расселении племен в разные времена, нашествий на славянскую землю готов, гуннов и других завоевателей, о положении украинских земель вплоть до 1450 г. Кроме того,

карты снабжены описанием важнейших исторических событий конкретных хронологических периодов, что во многом объясняет назначение и построение карт.

Научные результаты в исследовании городов и этнографии отражены в Атласе Н. И. Павлищева (1-е изд. — Варшава, 1845; 2-е изд. — Спб., 1873). В нем впервые столь подробно даны населенные пункты и территориальное деление в 1600 г., нанесены железнодорожные заводы в 1725 г., Отечественная война 1812 г., границы России с XII по XVIII в. При составлении использовался Атлас 1745 г., что привело к повторению ошибок, например, при нанесении границ уездов и губерний²⁷. Во втором издании 1873 г. границы расселения племен, расположение княжеств и земель уже соответствовали научным представлениям XIX в., были сделаны необходимые дополнения военно-историческими картами. Этот Атлас стал определенным вкладом в русскую историческую картографию²⁸.

В 1850 г. Н. Зуев издал «Исторический атлас для древней, средней и новой истории», в котором указывались историко-географические области и границы государств до 1812 г. В XIX в. были опубликованы многочисленные учебные исторические атласы, а также статистический. В 1860 г. Н. Зуев подготовил «Учебный атлас Российской империи» — незаурядное произведение, в котором содержались карты Волынской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Подольской губерний, области Бессарабской и земель Войска Донского. К атласу приложены статистические таблицы с подробной характеристикой губерний, ярмарок России, в том числе украинских с оборотом не менее 50 тыс. рублей серебром в год.

В 1865 г. вышло первое издание учебного атласа по русской истории, выполненное под руководством Е. Замысловского и Л. Каракова для учебников истории С. М. Соловьева, и Д. И. Иловайского. Атлас дает более широкую информацию, чем другие атласы за счет историко-географических заметок для объяснения карт и планов, перечня главных водных путей сообщения древней Руси и указателя названий местностей. Атласы, изданные в 1865—1887 гг. Е. Замысловским, были высоко оценены до революции²⁹. Советские исследователи считают их лучшими историческими картами XIX в.³⁰, несмотря на их уязвимое место — «изображение границ племен, территорий и государств», что ярко видно при сопоставлении с атласом Н. И. Павлищева³¹.

Характерным произведением периода после буржуазных реформ 60—70-х годов XIX в. стал «Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России (1863—1873)», составленный Д. А. Тимирязевым. Это была первая попытка историко-экономического картографирования на основании статистических данных. В. И. Ленин неоднократно обращался в своей работе к этому атласу, критически используя его материалы.

«Учебный атлас по средней, новой, новейшей и русской истории», составленный в 1879 г. на основании использования атласов Павлищева и Замысловского, показывает Европу с половины IV в. по 1830 г. и Россию с 969 г. по 1796 г. Территория Украины прослеживается по этим картам в обобщенном виде, давая информацию о расселении народов, административном устройстве, территориальных присоединениях и соседних государствах. Подробно подана лишь часть Крыма и района войны 1855—1856 гг.³²

Н. Н. Торнау в 1893 г. создал «Учебный атлас по русской истории», переизданный 4 раза за 20 лет. Последний вариант отличался от предыдущих тщательным подбором карт, их масштабов и формата. Однако и в нем, как и в других исторических учебных атласах, не нашли отражение экономико-исторические сюжеты. В атласе содержались сведения о Киевском княжестве XIII в., Тмутаракани до 1094 г., Правобережной Украине, Диком поле, украинских городах, территориальных изменениях, в результате которых отдельные части Украины временно входили в состав различных государств на протяжении XI—XVIII вв.

Среди фундаментальных исследований конца XIX — начала XX в. следует отметить труды В. А. Кордта, которые заслуживают высокой оценки современников, являясь ценным вкладом в картование Украины. Его атлас³³, преимущественно факсимильныхrepidukций (более 70) средневековых карт России, Украины и соседних государств XV—XVII вв., а также научные комментарии к ним представляют большой интерес для историков и картографов.

Среди капитальных произведений начала XX в. справочную ценность представляет «Большой всемирный настольный атлас Марса» под редакцией Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальского, изданный в 1905 г. В нем содержатся обширные данные о политической, социально-экономической истории, размещении «народов по языкам и племенам» и пр. Этим атласом нередко пользовался В. И. Ленин.

В 1904 г. А. Яблоновский подготовил «Исторический атлас Польской Речи Посполитой», вторая часть которого посвящена украинским землям с отражением населенных пунктов на рубеже XVI—XVII вв. и площадей латифундий.

В дореволюционных русских исторических атласах современная территория УССР прослеживается на разных тематических картах историко-географического содержания с древнейших времен до начала XX в. (на политико-административных, археологических, этнографических, военных, реже хозяйственных, картах о населении, образовании). Главное место в дореволюционных исторических атласах все же занимали вопросы присоединения, расширения, освоения территорий государств с применением военной силы³⁴. История экономики, несмотря на высокий уровень изданных карт и атласов, включалась довольно редко³⁵. Не находили отражения такие важные вопросы, как история народных масс, классовой борьбы, культуры и т. д. Не всегда объективное освещение истории

приводило к ее фальсификации, geopolитическим и шовинистическим вымыслам³⁶.

Рассмотренные исторические атласы еще недостаточно исследованы. При критическом подходе к ним можно существенно углубить наши представления о многих сторонах исторического процесса, раскрыть специфические территориальные особенности его развития. Таким образом, для историков более широкое изучение дооктябрьских картографических источников имеет серьезное научное значение.

После Великой Октябрьской социалистической революции в связи с новыми грандиозными планами молодого советского государства, коренным образом изменилось развитие отечественной исторической картографии. Развитие производительных сил, учет и изыскания природных ресурсов, электрификация всей страны, обеспечение обороноспособности страны, вовлечение широких трудящихся масс в экономическое строительство — все это определяло первоочередные задачи картографии. Ленинские идеи и документы об издании атласов стали программой, методологической основой дальнейшего развития советской картографии.

В работах советских картографов раскрывается марксистско-ленинский подход к анализу действительности — отображение в системе достоверных событий и явлений в динамике и взаимосвязи, отнесение фактов к конкретным историческим датам, выделение главного, преобладающего в картографируемой теме, наглядность и удобочитаемость графического воплощения, дополнение карт справочным материалом сохраняют свою актуальность и являются основными принципами, определяющими идейную, научную и политическую базу развития картографии, в том числе исторической³⁷.

Широко используя труды классиков марксизма-ленинизма, партийные документы в сочетании с архивными, картографическими, современными социологическими, статистическими и другими материалами, советские картографы создают разнообразные географические атласы, включая и исторические.

Советские исторические атласы отображают события и явления социально-исторического порядка, имеют конкретную идейно-политическую направленность. При использовании исторических зарубежных атласов следует обращать внимание на идеологический подход и методику разработки каждой карты, так как в них часто в открытой, а иногда и завуалированной форме отображаются выгодные эксплуататорским классам агрессивные устремления, намеренное искажение действительности, тенденциозность в характеристике СССР и социалистических стран.

За годы Советской власти издано большое количество атласов, содержащих ценный материал по исторической картографии.

В 1928 г. был издан «Русский исторический атлас» К. В. Кудряшова, начатый им еще в 1910—1912 гг. с предисловием М. Н. Попковского. В атласе из 58 карт 26 посвящены частично или пол-

ностью политической и экономической истории. Он и ныне представляет для исследователя справочный материал при изучении некоторых вопросов истории, хотя не лишен недостатков³⁸.

«Атлас Союза Советских Социалистических Республик» (1928) наглядно отразил ленинскую национальную политику — образование СССР, республик Закавказья и Средней Азии. На его 36 картах, на дополнительных кальках показаны изменения политico-административного деления после 1. 01. 1927 г., а также развитие экономики и культуры Советского Союза. Атлас стал значительным картографическим достижением³⁹.

Одной из ранних попыток создания советского историко-экономического атласа было подготовленное в 1928 г. В. К. Яцунским издание «Наглядные пособия по истории народного хозяйства России XVIII — XIX вв.»

Первым в советский период на Украине был опубликован в 1928 г. Л. Клеваным небольшой учебный «Географічний атлас України», составленный на материалах переписи 1926 г. В нем, наряду с картами природы, имеются карты административного деления, промышленности, торговли, этнографии и др.

Индустриализация страны Великого Октября, грандиозные социалистические преобразования экономики нашли отражение в ряде атласов промышленности и пятилетних планов. В 30-е годы были заложены основы комплексного картографирования, отражающие характерную черту социалистического строительства молодого Советского государства — всестороннее развитие производительных сил⁴⁰.

Итогом свершений советских картографов за первое 20-летие после Великого Октября был «Большой советский атлас мира», который дает информацию по многочисленным важнейшим вопросам физической, экономической и политической географии СССР. Его первый том увидел свет в 1937 г., второй — в 1940 г. В Атласе помещен ряд исторических карт по колLECTIVизации крестьянских хозяйств на 1928, 1930, 1933 и 1936 гг., территориальному разделу мира между империалистическими державами, финансовой зависимости от них других стран, рынкам сбыта и сырья империалистических держав и др. На картах роста городов в СССР, плотности населения, машиностроительной и металлообрабатывающей, топливной промышленности имеются врезные карты на Донбасс. На карте пищевой промышленности Европейской части СССР врезными являются карты Винницкой и Киевской областей. Это свидетельствует о высоком удельном весе топливной и сахарной промышленности в общесоюзном разделении труда. Во втором томе БСАМ дается экономическая карта УССР и Крымской АССР. Составители Атласа воплотили в жизнь многие указания В. И. Ленина. БСАМ по праву считается важным произведением в области комплексного картографирования в нашей стране.

В 1938 г. к 20-летию Красной Армии первый опыт военных картографов в области создания мелкомасштабных карт увенчался выходом в свет оригинального военно-исторического «Атласа команда ПККА», в котором на 39 картах и таблицах отражены историко-географические сведения, важные в целях обороны отечества.

С середины 30-х годов после принятия постановления СНК и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школе, об учебниках истории, наметился серьезный перелом в развитии советской учебной исторической картографии, выразившийся в создании нового типа исторических карт глубокой идеальной направленности. В них были преодолены прежние ошибочные взгляды на историю⁴¹.

Среди учебных исторических атласов следует отметить «Альбом схем по истории гражданской войны в СССР», вышедший в 1939 г. под редакцией А. Н. Де-Лазари.

Во время Великой Отечественной войны картография полностью обеспечивала запросы фронта в точных топографических картах, а гражданская историческая картография практически не разрабатывалась.

В послевоенный период развитие советской картографии определялось практическими задачами времени, но оно имело свои особенности, главная из которых состояла в развитии комплексного исторического картографирования. Первый научно-справочный «Атлас карт и схем по русской военной истории» (М., 1946) подготовил Л. Г. Бескровный. «Атлас офицера» 1947 г. содержит 214 страниц карт по изучению всеобщей и военной истории, политической географии. До 1958 г. он являлся основным источником при составлении учебных исторических карт.

В 1946—1956 гг. издан ряд исторических учебных атласов. Заслуживает внимания «Атлас истории СССР» под редакцией К. В. Базилевича, И. А. Голубцова и М. А. Зиновьева (Ч. 1.—1948; Ч. 2.—1949; Ч. 3.—1950). По богатству содержания, научности, методике, периодизации атлас отличается от предыдущих, так как в нем впервые, хотя и схематично, отражен общий процесс исторического развития нашей страны с древнейших времен до наших дней. В нем освещаются политическая история, классовая борьба, развитие экономики и социальных отношений⁴².

Еще в 1939 г. была начата работа над советским Морским атласом, который уже в послевоенные годы был опубликован (в 3 т.). В частности, т. 3 (Ч 1.—1958; Ч 2.—1963) под редакцией Л. А. Демина⁴³ полностью посвящен военно-исторической тематике, начиная с IX и до середины XX в. В качестве приложения к каждой части отдельно изданы описания к картам с изложением хода исторических событий и необходимыми объяснениями относительно связи этих событий. В целом т. 3 является самым крупным произведением советской исторической картографии. Военно-экономические карты позволяют видеть зависимость способов ведения войны от уровня

и развития производительных сил; политические — обстановку накануне войны, расстановку сил, послевоенные территориальные изменения; военно-исторические — ход военных действий в целом, отдельные сражения и операции. Оригинальные карты Морского атласа по содержанию, тщательности и глубине обработки исходного фактического материала не имеют себе равных в мировой историко-географической практике⁴⁴. В нем значительное количество карт посвящено событиям, происходившим на территории Украинской ССР.

В 1952 г. вышел в свет Атлас новой истории под редакцией А. В. Ефимова и А. П. Аверьянова из 48 карт, которые характеризуют исторические события всеобщей истории с 1648 по 1870 г. Трехтомный школьный атлас истории СССР, опубликованный в 1953 г., включает по сравнению с предыдущим изданием новые карты, на которых отражены события классовой борьбы с начала XIX в. до 1861 г., подготовившие буржуазные реформы 60—70-х годов XIX в.

Выдающимся произведением послевоенных лет является фундаментальный настольный «Атлас мира», изданный в 1954 г. под редакцией А. Н. Баранова и составленный в традиции БСАМ, имеющий международное значение. Атлас дает справочную информацию не только географического, но и социального характера⁴⁵. В нем имеются научно-справочные карты УССР, Донбасса, Крыма и Черного моря.

Высокую оценку в СССР и за рубежом получил впервые изданный в 1959 г. «Атлас по истории географических открытий и исследований». В его основу положена периодизация историко-географических событий и исследований соответственно этапам социально-экономического развития. На 80 картах раскрывается тема колониальной экспансии, раздела и передела мира. Серия карт по истории картографии, сопровождающая каждый из четырех разделов, показывает, как постепенно расширялось познание мира, уточнялось изображение земного шара, как совершенствовались приемы картографирования⁴⁶.

«Атлас новейшей истории зарубежных стран», изданный в 1964 г. под редакцией В. М. Хвостова и А. П. Аверьянова, состоит из 44 карт, отражающих важнейшие исторические события всемирной истории после Великой Октябрьской социалистической революции. В нем наряду с историко-политическими картами содержатся данные о развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры, которые раскрывают преимущества социалистической системы над капиталистической⁴⁷.

В том же году был опубликован первый советский академический «Атлас народов мира», состоящий из двух частей: картографической — 71 карта и текстовой. В атласе имеются и карты «Народы Европейской части СССР», «Народы Украинской ССР и Молдавской ССР», выполненные в единой системе классификации народов, принятой в советской этнографии — по языковым семьям и группам,

что позволяет показать близость и историческое родство народов, проживающих в СССР.

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции вышел в 1967 г. «Атлас развития хозяйства и культуры СССР». На его 230 картах подводятся итоги экономического и культурного развития советского общества за соответствующий период.

К числу замечательных оригинальных трудов, вышедших к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, принадлежит историко-биографический атлас «Ленин», в котором в соответствии с хронологическим-проблемным принципом показаны основные этапы жизни вождя, его теоретическая и организаторская деятельность, торжество идей ленинизма. 105 карт и планов городов, другие материалы атласа подразделяются на 5 групп — биографические, отображающие отдельные периоды жизни и деятельности Ленина; карты, иллюстрирующие распространение его произведений; тематические, отражающие многогранную деятельность В. И. Ленина на посту главы Советского государства; обзорные, содержащие сведения о географии ленинских мест, музеев, мемориалов, изданий произведений, а также карты и диаграммы, дающие представление о торжестве идей ленинизма⁴⁸.

Издание качественно нового исторического атласа было положительно встречено общественностью. Так, В. Г. Сарбей, отмечая оригинальность этого историко-географического издания, показал революционные связи В. И. Ленина с Украиной и приложил карту с указанием времени нахождения его родных на Украине с 1896 по 1921 гг.⁴⁹

К 50-летию образования СССР в 1972 г. впервые издан историко-экономический атлас «Образование и развитие Союза ССР», содержащий 57 карт и 34 диаграммы и таблицы. В нем отображены в хронологической последовательности становление и развитие многонационального Советского государства, подъем экономики и культуры в СССР на всех этапах социалистического строительства, героизм и боевое единство народов СССР в борьбе с фашистскими захватчиками, послевоенное восстановление народного хозяйства, достижения в области экономики, науки, культуры каждой республики и всего государства, торжество ленинской национальной политики Коммунистической партии. УССР специально представлена на картах экономики и культурного строительства.

В 1974 г. был повторно опубликован «Атлас офицера», который отличается от издания 1947 г. по структуре, объему и содержанию. В наибольшем — военно-историческом разделе, состоящем из 255 карт, отражены в хронологической последовательности важнейшие события военной истории от античного периода до наших дней. Основное внимание удалено событиям, характеризующим военное искусство, в частности советского периода.

Примером текущего картографирования стали атласы девятой — одиннадцатой пятилеток, отражающие важнейшие экономические и социальные достижения страны⁵⁰.

Капитальные комплексные картографические произведения и многочисленные оригинальные исторические карты 60—70-х годов, крупные многотомные издания по истории позволили перейти к подготовке научно-справочного Атласа истории Коммунистической партии Советского Союза, изданного в феврале 1976 г. Авторы атласа в оригинальном картографическом воплощении отобразили основные этапы героического пути КПСС в тесной связи с исторической обстановкой, показали важнейшие свершения трудящихся нашей Родины в процессе осуществления политики Коммунистической партии, международное положение СССР и мировой революционный процесс⁵¹.

Н. Н. Баранский, теоретически обосновавший значение экономико-географического фактора в развитии крупнейших городов, отмечал, что он является категорией исторической и меняется во времени⁵². На современном историческом этапе города рассматриваются как сложные территориальные и социально-производственные системы, взаимодействующие с окружающей средой. Возникла необходимость в картографическом изучении их бурного экономического, социального и культурного развития, изменений их границ и административного деления. Уже вышли в свет атласы Ленинграда⁵³ и Киева.

В 1982 г. к 1500-летию основания Киева и 60-летию образования СССР был издан атлас «Київ. Історичний огляд (карти, ілюстрації, документи)», представляющий многовековой исторический путь славного города. Развитие Киева на картах и в текстах показано в неразрывной исторической связи с развитием братских народов СССР⁵⁴.

Мы кратко охарактеризовали только важнейшие советские атласы исторического характера или содержащие исторические сведения. Но и этот обзор свидетельствует о больших достижениях историков, географов и картографов.

Попутно с созданием исторических атласов и карт проводились другие исторические и картографические исследования обобщающего плана. Так, Ю. М. Критский осветил методологические и историографические проблемы исторической картографии, указал на повышение теоретического уровня историко-картографических обзоров, уточнил предмет и задачи исторической картографии, констатировал интенсификацию в деле изучения старых карт. Рассматривая исследования Б. А. Рыбакова по картам Московии и Л. А. Гольденберга о картографическом источниковедении как крупный вклад в науку, можно отметить, что теоретическое обобщение опыта использования дооктябрьских исторических карт по картографированию только начато⁵⁵.

Значительный интерес исследователей привлекают вопросы методики изучения и использования «старых» карт. В оригинальной монографии А. В. Постникова «Развитие картографии и вопросы использования старых карт» (М., 1985.—213 с.) параллельно с рассмотрением общего хода истории мировой картографии с древнейших времен до конца XIX в. раскрывается уникальное свойство карт служить цennыми историческими свидетельствами, характеризующими различные стороны исторического процесса, связанного с территориальными аспектами. Заслуживает внимания методическая работа по использованию карт XVIII в. в качестве источника для реконструкции уездных границ XVII в., выполненная Я. Е. Водарским⁵⁶.

Л. А. Гольденберг отметил ряд основных перспективных направлений в исследованиях советских ученых по картографированию России в XV — XVIII вв., что представляет значительный интерес, особенно для молодых ученых⁵⁷.

Вопросы источниковедческого анализа «старых» карт рассмотрены в работах Б. А. Рыбакова, О. М. Медушевской, Л. Г. Бескровного и др.⁵⁸ Авторы отметили тесную связь, взаимопроникновение источниковедческого и исторического исследования, острую необходимость разработки теоретических и методологических проблем изучения «старых» карт с позиций системного анализа.

Ряд статей посвящен общей классификации исторических карт, которые подразделяются по содержанию на историко-географические, историко-этнографические, историко-политические, историко-экономические, военно-исторические, по истории культуры, историко-демографические, историко-археологические, по истории географических открытий и исследований, исторические карты-персоналии. Многие авторы делятся опытом работы по составлению исторических карт и атласов, что очень важно для дальнейшего развития исторической картографии⁵⁹.

Отдельные разработки посвящены вопросам топонимики в исторической картографии. Они особенно важны при выборе исходных материалов для создания новых исторических карт⁶⁰. Еще в 1950 г. В. К. Яцунский отмечал значение учебных исторических атласов, констатировал, что буржуазная наука не смогла создать исторического атласа академического типа и эта задача стоит перед советской наукой⁶¹. В этой ответственной работе важное значение имеют труды обобщающего плана по общей, а также исторической картографии, отражающие значительный творческий опыт отечественных картографов и историков.

К 60—70-м годам относится практическая постановка вопроса о разработке и составлении научно-справочных атласов по истории СССР, союзных республик, всемирной истории.. Опыт подготовки и издания рассмотренных выше исторических атласов, значительный размах картографических исследований позволили приступить к важной и сложной работе — подготовке исторических атласов,

координацию которой осуществляет Научный совет по исторической географии и картографии при Институте истории СССР АН СССР. Вопросы подготовки фундаментальных обобщающих исторических атласов широко обсуждались на конференциях, съездах, на страницах всесоюзной печати: определялись научное и практическое значение атласов, их источниковая база, структура, содержание, оформление и др.⁶²

Начиная с 1965 г. «Український історичний журнал» начал публиковать материалы, обосновывающие необходимость подготовки атласа истории УССР. В. К. Яцунский на основании опыта отечественной и мировой исторической картографии сделал ряд методических предложений относительно разработки атласа: карты украинских земель представлять в пределах современной территории; историю населения отображать в трех аспектах — национальный состав, численность и классовая структура; не вводить специальных карт природы; разрабатывать методику картографирования социальных явлений⁶³. Эта статья вызвала широкий отклик ученых Украинской ССР разных специальностей⁶⁴. На основании высказанных предложений представлялось целесообразным подробно, показать в атласе размещение археологических памятников, культурные связи древнего населения, изменения политico-административного устройства Украины с древнейших времен до современности, национально-колонизаторскую политику царизма, социально-экономическую историю, деятельность учреждений культуры и частично изменения физико-географических условий прошлого.

Процесс отработки структуры, списка карт и методических принципов атласа истории УССР был длительным и трудоемким. Соответствующие вопросы поднимались и на страницах специализированного «Украинского историко-географического сборника»⁶⁵.

В 1987 г. Институт истории АН УССР в координации с Институтом археологии и общественных наук АН УССР окончил научную разработку и составление Атласа истории Украинской ССР в двух частях. В нем на основе марксистско-ленинской методологии и с привлечением многочисленных источников, в том числе архивных, картографическими средствами показана многовековая история украинских земель.

Новизна и актуальность темы потребовала проведения ряда подготовительных мероприятий: изучения первоисточников, сборников документов, крупных научных монографий, статистических и картографических материалов советского и, критически оцененных, дореволюционного времени, которые обеспечили высокий идеиный и научный уровень данного исследования. Историческому картографированию предшествовала также работа, связанная с классификацией изучаемых объектов, выделением их типов, установлением пространственно-временных и количественных параметров, динамическим системным отображением исторических событий и явлений, выбором территориальных единиц и способов изображения.

Первая часть атласа —«Карты событий и явлений на украинских землях с древнейших времен до 1917 г.» объединяет четыре раздела: «Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. Восточные славяне и зарождение феодальных отношений. 500 тыс. лет до н. э.—Х в. н. э.»; «Украинские земли в эпоху феодализма. IX—XVIII вв.»; «Украина в период кризиса феодально-крепостнической системы и в эпоху капитализма XIX в.»; «Украина в эпоху империализма».

Вторая часть, посвященная советскому периоду, включает пять разделов: «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война на Украине 1917—1920 гг.»; «Украинская ССР в период строительства и укрепления социалистического общества в СССР. 1921—1941. Положение западноукраинских земель под иноземным гнетом»; «Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг.»; «Украинская ССР в годы восстановления народного хозяйства и в период завершения строительства социализма. 1945—1960»; «Украинская ССР в период совершенствования социалистического общества. 1961—1985 гг.» На соответствующих картах найдут отображение важнейшие вопросы социально-экономического, политического и культурного развития Украины с древнейшего периода и до наших дней.

В 1981 г. директор Института истории АН УССР академик АН УССР Ю. Ю. Кондуфор в своем интервью⁶⁶ охарактеризовал состояние и перспективы подготовки первого в республике научно-справочного исторического атласа, отметив, что его издание станет значительным вкладом в сокровищницу отечественной науки.

Определенный вклад в развитие исторической картографии на современном этапе внесли ученые республики в процессе подготовки многотомной «Истории Украинской ССР», «Украинской советской энциклопедии», различных монографий. Их исследования находятся в русле общесоюзных. Работы посвящаются вопросам методики, истории картографии, научной разработке и составлению политико-административных, историко-экономических карт в различные исторические периоды, описаниям картографических коллекций, содержащих карты украинских земель и др.⁶⁷

Краткое рассмотрение хода развития отечественной исторической картографии показывает, что ее основные особенности определялись запросами практики, уровнем развития науки, а также назначением исторических карт. Анализ историко-картографической литературы показал, что в этой области преобладающим типом исследований является рассмотрение картографических произведений, написание очерков о жизни и деятельности составителей карт.

Отмечая определенные достижения в области исторической картографии, следует констатировать малочисленность монографических обобщений и глубокого теоретического осмыслиения накопленного опыта с позиций марксистско-ленинской методологии, работ по

исследованию «старых» карт, планов, атласов с позиций системного и источниковедческого анализов.

В качестве основного направления развития украинской исторической картографии в настоящее время и в перспективе следует считать разработку и составление оригинальных исторических карт и атласов для научных и практических целей, вузов и школ, фундаментальных монографий. При выполнении этих задач необходимо обобщить имеющийся опыт не только отечественного, но и зарубежного исторического картографирования, выявить, описать и сохранить все важнейшие картографические источники и материалы к ним по нашему региону в архивах, библиотеках и других учреждениях страны для их практического использования при подготовке картографических произведений, в том числе и атласов факсимile исторических карт.

Готовящиеся в настоящее время исторические атласы СССР и УССР будут фундаментальным итогом огромной работы советских ученых в области исторической географии и картографии.

ГЛАВА V ТОПОНИМИКА

Топонимика — дисциплина, изучающая «историю создания, преобразования и функционирования географических названий»¹. Ее называют языком, архивом, летописью земли². В научной литературе существуют различные названия — топонимика, топономастика, а также топографическая ономастика, топономатология, географическая ономалогия³. Наиболее распространено понимание топонимики как отрасли лингвистики, составной части ономастики. Однако всестороннее изучение возникновения многих географических названий невозможно без выяснения их исторического контекста. Таким образом, топонимика находится на стыке лингвистики и исторической науки. Ниже мы сконцентрируем внимание на историческом аспекте данной дисциплины.

Практическое применение топонимических методов в исторической науке все больше распространяется и представляет важные сведения для исследования этногенеза, границ расселения, истории культуры, многих проблем социально-экономической истории и, прежде всего, исторической географии.

Большое значение истории географических названий уделял Ф. Энгельс. Его труд «Франкский диалект» написан главным образом на топонимическом материале, на основе которого Ф. Энгельс убедительно установил пределы расселения франков на Рейне перед их нашествием на Галлию в V ст.⁴

Топонимика опирается на разнообразные источники. Древнейшими следует считать археологические данные — сведения античных надписей, которым в нашей стране посвящена значительная литература⁵.

Богатейший материал для отечественных топонимических исследований содержат произведения Геродота, других древнейших писателей о Скифии и Кавказе, собранные и изданные в русском переводе в начале нашего века⁶.

Важным источником являются древнерусские летописи, содержащие самые разнообразные данные. Из начальной (древнейшей) летописи историко-географический материал был извлечен

Н. П. Барсовым⁷. Обстоятельные сведения по топонимике исследователь может найти в опубликованных и архивных документах по периоду феодализма⁸.

Огромный топонимический материал содержит серия «Древнейшие источники по истории народов СССР». Многие их данные, зафиксированные до начала XIV в. древнерусскими летописями, собраны в недавно изданном «Словнику літописних назв»⁹.

Важны для изучения топонимии Украины различные юридические акты по истории землевладения. Громадное количество таких документов, лишь в незначительной мере опубликованных и введенных в научный оборот, хранится в архивах¹⁰. Информативны как топонимические источники духовные и договорные акты русских князей¹¹, украинские грамоты XIV — XV вв.¹² Большинство топонимов средневековых украинских письменных источников собраны в двухтомном «Словнику староукраїнської мови XIV — XV ст.»¹³.

Богатейшие данные содержит известное, но, к сожалению, сегодня мало используемое издание — «Архив Юго-Западной России», особенно ч. 5 — «Акты о городах», ч. 7 — «Акты о заселении Юго-Западной России» и ч. 8 — «Акты о землевладении в Юго-Западной России XV — XVIII вв.»¹⁴. Недостаточно еще используется топонимистами Генеральная опись Малороссии, хранящаяся в ЦГИА УССР в Киеве¹⁵. Для Галиции комплексный материал содержит Йосифинская и Францисканская метрики¹⁶, а также крупные магнатские фонды — Потоцких, Ляскоронских, Сангушко, Жевусских из фондов ЦГИА УССР во Львове и Киеве. Кроме центральных, интересные сведения содержат и фонды местных архивов, к сожалению еще мало вовлекаемые в научный оборот. Поэтому весьма важны попытки осветить содержание этих фондов как топонимических источников¹⁷.

Для правобережных и западноукраинских земель большое значение в установлении географических названий XVI — XVIII вв. и их происхождения имеют материалы люстраций — описаний королевских имений. Часть этих документов изучена, но значительное количество не опубликовано. Интересны материалы Генерального межевания XVIII в. Хотя об этих источниках и содержащихся в них картах написано немало¹⁸, однако об экономических примечаниях исследователи вспоминают лишь походя. Они же содержат богатейший материал, как и географические описания, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР¹⁹.

Важным источником являются исторические и географические карты, атласы. Интересно описание не дошедшего до нас Большого чертежа — Генеральной карты Руси, некоторых границ, важнейших путей и населенных пунктов, бассейнов рек. Эта «Книга Большому чертежу» издавалась уже несколько раз. Одно из наиболее состоятельных изданий источника выполнено К. Н. Сербиной²⁰.

Для изучения топонимов России и Левобережной Украины полезны фундаментальные географические словари, изданные в

конце XVIII в. и XIX в.²¹ По Галиции, Северной Буковине и Правобережной Украине большой материал содержит «Географический словарь королевства Польского и других славянских стран», изданный в Варшаве²².

Стремление объяснить происхождение названий географических объектов относится к древности, но лишь в конце XVIII в. ученые Европы стали рассматривать топонимию как важный информативный материал. В России начало этой работы связано с именем В. Н. Татищева. На украинских землях собирание собственных названий объектов имело место с 80-х годов XVIII в. среди сотрудников Черниговского наместничества²³. Готовился историко-географический словарь в Галиции²⁴.

В XIX в. топонимика выступает не только составной частью историко-географических трудов, но и приобретает самостоятельное значение в творчестве ряда исследователей России²⁵. На Украине²⁶ М. А. Максимович написал ряд работ, содержащих меткие наблюдения в этой области²⁷.

Многие авторы пользовались этимологическим принципом, но не всегда последовательно излагали конкретные факты. Однако ценно то, что они впервые поставили топонимику на службу истории и заложили основы для ее дальнейшего развития²⁸. Н. И. Надеждин обратил внимание на важность изучения географической номенклатуры для исторической географии России²⁹.

На Украине во второй половине XIX — начале XX в. опубликовано значительное количество топонимического словарного материала, преимущественно регионального характера. Некоторые из этих работ до сих пор сохраняют ценность³⁰.

В исторических работах М. М. Кордубы³¹ использованы топонимы в качестве справочного материала, в частности при изучении путей первичного замечания определенной территории, колонизации края в древние времена и др.³²

Таким образом, у дореволюционных историков топонимика развивалась как прикладная историко-географическая дисциплина³³.

После Великого Октября заметно оживление разработок в этой области. В 20-е годы при Академии наук УССР работала топонимическая комиссия³⁴. Однако были и серьезные просчеты. Так, А. И. Соболевский без достаточных оснований считал, что некоторые гидронимы Украины принадлежат к какому-то индоевропейскому языку, который можно назвать скифским³⁵.

Современные историки отмечают некоторую субъективность в определении древнего топонимического горизонта на европейской территории в довоенных разработках, что объясняется несовершенством методов анализа, а также ограниченностью познаний исследователей. Не учитывалась в достаточной мере сложность топонимической карты нашей страны. Значительная часть ее номенклатуры и теперь во многом остается неясной³⁶.

После Великой Отечественной войны активизировалась систематическая работа, особенно в конце 50-х — 60-е годы. Возникли и оформились топонимические центры в разных республиках, в том, числе в Украинской ССР.

Изданы монографии, сотни статей по географическим названиям, проведено более 30 конференций, совещаний, семинаров. Опубликована обширная библиография по топонимике (ономастике)³⁷.

Исследования по местным терминам, транскрипции названий, их стандартизации в Москве проводит отдел географических названий Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэрофотосъемки и картографии Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Подобной работой занимается топонимическая комиссия Московского филиала Географического общества СССР, филологический факультет МГУ, академические институты географии, языкоznания, русского языка, этнографии, славяноведения и балканстики. Географические названия — объект исследований топонимической комиссии Географического общества СССР в Ленинграде, филологического факультета Ленинградского госуниверситета.

На Украине плодотворно функционирует ономастическая комиссия АН УССР, уделяющая большое внимание топонимике. Регулярно проводятся ономастические конференции, издаются их материалы (в 1966—1976 гг. вышло 15 выпусков «Повідомлення української ономастичної комісії»), отдельные топонимисты работают в университетах республики.

Вопрос об изучении географических названий поднимал Л. А. Булаховский³⁸. К. К. Цилуйко, изучая топонимику Полтавщины³⁹, создал программу сбора материалов⁴⁰.

Программу спецкурса для вузов разработал Ю. А. Карпенко⁴¹, исследовавший развитие топонимии, в частности, Буковины⁴². На основании многолетнего изучения этого сложного региона автор доказал, что для его топонимии характерна восточнославянская основа⁴³. Ю. А. Карпенко внес вклад и в изучение топонимии Северо-Восточной Одесчины⁴⁴. Сравнительная молодость ойкономии этого региона (как правило, не ранее XVIII в.) составляет ее особенный научный интерес. В степях между Южным Бугом и Днестром после 1791 г., когда этот край вошел в состав Российской империи, были повторены, своеобразно промоделированы топонимические процессы, которые для других славянских земель безвозвратно поглотило время.

В работе В. В. Лободы разработана топонимика Днепро-Бугского междуречья. В этом историко-лингвистическом исследовании приводится информация, способствующая установлению происхождения названия, переходного наименования⁴⁵.

В Институте языкоznания АН УССР вопросами топонимики много лет занимается А. С. Стрижак.⁴⁶ Он вместе с К. К. Цилуйко и другими учеными осуществили большую работу по изучению

гидронимов Украины, подготовили лингвистический и историко-географический труд — словарь гидронимов Украины, в котором собрано свыше 20 тыс. основных названий рек и водостоков, 24 тыс. гидронимических вариантов. Многие исторические источники впервые введены в научный оборот⁴⁷.

Первой послевоенной работой, посвященной использованию топонимики в исторической науке, была статья С. Б. Веселовского⁴⁸, не утратившая актуальности. В ней топонимика впервые в советской историографии охарактеризована как вспомогательная историческая дисциплина. Заслугой С. Б. Веселовского является рассмотрение разных видов миграций географических названий. В одних случаях топоним принесен переселенцами и является реальным следом колонизационного движения. В других заимствование слова свидетельствует только о культурных влияниях и т. д. Автор выделяет колонизационное движение двух видов: народное, массовое, действительно колонизационное движение и переселение отдельных лиц. С. Б. Веселовский рассматривал также возможность определения характера заимствования топонимических терминов, наметил четыре группы в названиях: несомненно словесные, массово-колонизационные, лично-переселенческие и сомнительные.

Разработка задач этой исторической дисциплины была продолжена А. И. Поповым⁴⁹. Отмечая широкие возможности топонимики для изучения древних племенных расселений, автор предостерегает от прямого примитивного использования, что может привести ко многим ошибкам. Топонимический материал должен привлекаться к исследованию с учетом дополнительных данных, с историческими сведениями, данными археологии и т. п.

В подобном плане написана статья В. А. Никонова о применении топографического материала в этнографическом исследовании⁵⁰, в которой акцентируется внимание на комплексном использовании источников.

А. И. Попов ставил вопрос изучения двойных переводных названий (билингв), а также установления наиболее распространенных массовых типов названий данного края. Весьма существенно установление соответствия смысла географического названия его реалиям, естественно-географическим характеристикам объекта⁵¹.

Польский исследователь В. Ташецкий признавал, что история каждого народа, в большей или меньшей степени, отражается в топонимике, но считал, что она полностью принадлежит к предмету языковедения⁵². Возражая ему, авторы редакционной статьи сборника «Вопросы географии», посвященного географическим названиям, отметили, что топонимию рождает общество и для общества, следовательно, изучение ее может быть только наукой общественной. Нужно не отмежевываться от истории, а неустанно выяснять, как исторические условия определяют выбор географического названия. Это — основной закон топонимики⁵³.

Существенное значение для развития восточнославянской топонимики имеют работы белорусского ученого В. А. Жучкевича, который предложил для каждой территории классифицировать названия по историческому принципу. Становление топонимики происходило не равномерно, а вместе с изменением социально-экономических условий и способа производства менялось и отношение общества к географической среде⁵⁴.

Наиболее древние топонимы связаны, по мнению В. А. Жучкевича, с названием рек. С появлением и ростом поселений их названия становились главными ориентирами. С распространением выплавки и обработки железа стали появляться названия Рудня, Дымарка и т. п. С переходом к земледелию как основному виду хозяйственной деятельности возникли названия типа Жары, Рубежи. По мере роста древних поселений эти термины вытесняются топонимами Городок, Городище, Селище. Антропонимы намного обогатили топонимию. С обособлением ремесла в отдельную отрасль возникли названия сел Ткачи, Ковали, Млыны.

Следуя этому же принципу, В. Д. Дьяченко остановился на отражении факторов истории, этнографии и природы в названиях населенных пунктов. Но автор не учитывал топонимы, связанные с материальной культурой⁵⁵. Между тем они поддаются историческому анализу, поскольку возникают в периоды развития и распространения определенного ремесла.

Углубленно занимается топонимикой О. А. Купчинский. Основной предпосылкой использования ее для изучения заселения он считает полноту материала и его исчерпывающий анализ с точки зрения языкоznания. После этого необходимо произвести пространственное исследование названий, определить территорию однотипных названий и ее пределы, закономерности размещения топонимов и динамику их развития во времени, пространственные связи и зависимость между топонимами и данными этнографии, элементами геоморфологии — почвами, ландшафтом, водным режимом и т. д.⁵⁶ Кроме того, важное, а для древних топонимов решающее значение имеет установление хронологии словообразовательных типов названий (чего не учитывал В. Д. Дьяченко). Применяя выработанные принципы, О. А. Купчинский изучил один из важнейших типов славянских географических названий, оканчивающихся на -ичи и раскрыл их распространение на основе языкового анализа структурных частей, социально-исторической основы возникновения и исторических данных.

Автор пришел к выводу, что появление этих топонимов можно отнести к VI в., но продуктивным этот тип названий был и позднее. Топонимы на -ичи распространены от истока Лабы до истоков Днепра и Оки. Территориальная целостность топонимов, несмотря на историко-языковую и пространственную изменчивость, указывает на этническое единство его образования в прошлом. Это единство восходит к ранней эпохе славянского мира и отождествляется

с территорией прародины славян. Часть этой территории находится на восточно-славянские земли, в том числе на Украину.

Результаты исследования дали О. А. Купчинскому возможность опровергнуть утверждение об исторической непродуктивности наименований на -ичі на восточнославянских землях, о существовании их только на пограничных с Польшей землях и об их возникновении под влиянием польского языка. Данные исследований О. А. Купчинского⁵⁷ свидетельствуют о противоположном: о распространении и сравнительной продуктивности названий на -ичі на исследуемых землях, об их автохтонном характере. Таким образом, изучение лишь одного типа географических названий позволяет сделать выводы, важные и в политическом отношении.

Исследования форманта -ивцы дало возможность получить новые сведения о заселении территории Украины⁵⁸. Существование в Подолии большого количества названий на -івці Д. Г. Бучко объясняет влиянием миграционных процессов и заселением в XVI — XVII в. Этот тип названий мало распространен на Юге Украины, в основном заселявшемся в XVII — XIX в. Суффикс -івці тогда уже не был там продуктивным топонимическим формантом, вместо него получил распространение суффикс -ка, -івка. Топонимы с этим формантом в Подолии — явление более позднее.

Таким образом, исследование происхождения и путей распространения отдельных типов географических названий на определенной территории дает возможность получить представление о времени и этапах ее заселения⁵⁹.

Однако нередко на основании наличия в разных странах или их областях тождественных либо сходных топонимов историки делают слишком далеко идущие, а зачастую и произвольные выводы о направлении и масштабах миграций и даже об этническом происхождении населения. Так, польский автор Ю. Скшипек считал, что первоначальный ареал вятычей и радимичей — территория Мазовии, Прикарпатья и Волыни. Единственный его аргумент в пользу включения Прикарпатья и Волыни в этот ареал — тождество трех географических названий на западноукраинских землях и в центре России: Перемышль и Перемышляны в Галиции и над Окой, Звенигород во Львовской и Московской областях, Волынь как название края и малоизвестного села в России. Приведенные топонимы Ю. Скшипек считал достаточным доказательством для вывода, что древнейшее население над Бугом и к югу от Бреста, а также на территории более поздней Перемышльской земли было вятыческим и радимическим⁶⁰. Кроме того, также автор указывал на «сходство звучания» названий Коломна и Коломыя. При этом Ю. Скшипек даже не ставил вопрос о времени возникновения поселений с одинаковыми либо сходными названиями.

Как отмечает Я. Д. Исаевич, одинаковых либо сходных топонимов в славянских странах множество. Только в «Списке русских городов ближних и дальних» указаны такие именные древние города

России, Украины и Белоруссии: Переяслав в Приднепровье, Переяславль Залесский к северу от Москвы, Галич на Прикарпатье и в Костромской земле, Дорогобуж на Волыни и в Смоленской земле, Хотын на Днепре и к югу от Рыльска, Вышгород на Днепре и Оке и Вышеград на Дунае. Это свидетельствует о культурных и языковых контактах, миграционных процессах, подлинный характер которых, их масштаб можно определить лишь в результате системного анализа всех источников.

Констатация сходства либо созвучия недостаточна. В связи с отсутствием либо неизученностью источников преждевременные категоричные выводы о механизме возникновения топонимов либо этнонимов. Наличие одинаковых племенных названий (волынские и чешские дулебы, южнославянские хорваты и др.) несомненно отражает родство различных групп славянства. Однако, несмотря на гипотезы лингвистов и археологов, вопросы перемещения, заимствования либо расчленения топонимов еще далеки от решения.

Когда же в топонимическом исследовании совмещается применение лингвистических методов с привлечением исторических источников, можно прийти к надежным заключениям. Примером могут быть работы Я. Д. Исаевича о западной границе Киевской Руси, которая оставалась польско-украинской этнической гранью в течение столетий⁶¹.

В истории Галицко-Волынского княжества глубокий анализ топографических названий поселений Волыни и Галиции произведен И. П. Крипъякевичем, что позволило сделать вывод об их существовании еще в тот давний период. Это касается более трети современных поселений региона⁶².

Е. С. Компан при изучении ремесла и его организации на Украине в XVII в. широко прибегала у топонимам как исходной точке исследований⁶³. К интересным выводам, как отмечала она, может привести сопоставление антропонимии и топонимии. П. П. Чучка собрал около 6 тыс. фамилий украинского населения Закарпатья и, сопоставив их с топонимами различных сел Украины, установил, что большинство жителей Раховского района или их предки пришли из горных местностей, входящих в состав Ивано-Франковской, Черновицкой, Тернопольской областей Украины. Выводы подтверждаются данными исторических источников.

Успешно применял топонимический материал П. К. Федоренко при изучении развития добычи и обработки железа и меди. Нанесенные на карту топонимы типа Рудня, Рудковка, Руда и др. показали территорию от Черниговского Полесья до Карпат, связанную с данным производством⁶⁴.

Ученые Украинской ССР успешно изучают и микротопонимы, которые редко фиксируются на картах и обычно не указываются в справочниках⁶⁵. Так, М. С. Гронский на основании скрупулезного исследования архивных данных по микротопонимике XVIII в. установил место древнего городища на окраине Яворова, определил

возникновение первых поселений вокруг него. О. А. Купчинский, обобщая материалы исследований, отмечает, что микротопонимы с основами Грань, Межа, Гранычне, Заоры, как правило, определяют границы сел, древних поветов и земель, а Переезд, Волок, Переездока, Мосты — древние трассы сухопутных и водных путей.

Топонимические исследования дают плодотворные результаты в области краеведения. Но к этому следует подходить со всей ответственностью. Многие популярные издания не используют научной литературы, допускают, к сожалению, ошибки. Так, в книге Ю. М. Кругляка «Ім'я вашого міста» вообще не упоминается, что город Кременец (Тернопольская область) встречается в Ипатьевской летописи. В журнальном варианте объяснения топонима Кременец об этом говорится, но летописная форма названия,озвучная современному украинскому, не приводится⁶⁶. Еще более неудачно толкование им названия г. Бахмач (Черниговская область). Неправильно указано и время основания: 70—80-е годы XIX в. Название же выводится из соседнего села, которое, в свою очередь, выводится по А. Знойко от тюркского — баштан. Между тем у А. Н. Насонова указывается, что г. Бахмач упоминается в Черниговской области наряду с Белавежью, Уненежем и Всеволожем в Ипатьевской летописи под 1147 г.⁶⁷ Существует также р. Бахмач, приток Борзы. В основе топонима лежит appellativ тюркского происхождения. Возможно, как считает Г. И. Срезневский, это связано с древнерусским бахматъ — низкорослая лошадь.

Первое систематическое исследование древнерусской топонимики, основанное на многочисленных исторических свидетельствах, подготовил В. П. Нерознак⁶⁸.

В 26-томной «Истории городов и сел Украинской ССР» собраны толкования наименований всех крупных населенных пунктов на территории республики⁶⁹. Хотя не со всеми объяснениями можно согласиться, это издание стало важным этапом в изучении топонимики республики⁷⁰.

За двухвековую историю топонимики как науки в ней разработана стройная система методов⁷¹. Одним из важнейших является картографический, разработкой принципов применения которого много лет занимался Е. М. Поспелов. Он раскрыл тесную связь топонимики и картографии⁷². Исследователь отмечал, что топонимические данные и методы исследования необходимы картографам для одного из важнейших элементов карты — подписей названий, а картография снабжает топонимику исходным материалом — картой, дающей свод названий и изображающей названный объект во взаимосвязи с другими элементами местности, что при топонимическом исследовании крайне важно.

Роль топонимики в исторической географии и картографии возрастает на современном этапе, особенно в связи с подготовкой исторических атласов по истории СССР в целом и союзных республик. Подготовка многочисленных исторических карт поставила на

повестку дня разработку общих принципов отражения на них старинных наименований населенных пунктов. Московские ученые создают картотеку исторических наименований⁷³.

Советская эпоха принесла новые географические названия. Города, села и улицы называются именами героев и исторических деятелей в честь выдающихся революционных событий. Производятся многочисленные переименования. К сожалению, иногда исчезают исторические, традиционные названия, несущие важную информацию. В научной литературе, на страницах газет поднимается вопрос о том, чтобы новые наименования получали новые улицы и населенные пункты, а названия с вековой традицией сохранялись. В последнее время ряду исторических городов и улиц возвращены их древние названия. Участвовать в процессе создания названий географических объектов, способствовать восстановлению необходимых для патриотического воспитания исторических названий — важная научная и общественно-политическая задача советских ученых.

Перед наукой стоят ответственные задачи в деле интенсификации глубоких топонимических разработок, призванных активно содействовать разносторонним актуальным исследованиям, в частности в исторической географии и картографии.

Историко-
художественное
дело
Часть

ГЛАВА VI ПАЛЕОГРАФИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

В изучении рукописных источников особое место принадлежит палеографии. Как вспомогательная историческая и специальная источниковедческая дисциплина¹ палеография является необходимым ключом к познанию исторического прошлого. В зависимости от системы алфавита, существуют различные виды палеографии.

В данной главе рассматривается славяно-русская палеография, начало развития которой относится к первой четверти XIX ст. Оно неотделимо от систематического изучения рукописных памятников, составления и публикации их описей. Обобщение большого рукописного материала предопределило создание основополагающих трудов по славяно-русской палеографии. Первые авторы таких трудов — филологи И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, В. Н. Щепкин, Е. Ф. Карский, которые в ходе работы над рукописями и лекционными курсами создали оригинальные обобщающие труды по русской, украинской и белорусской палеографии, представляющие яркую картину поступательного развития этой дисциплины.

В своем лекционном курсе И. И. Срезневский осветил историю письменности у славян и дал палеографическое обозрение датированных памятников древнерусской письменности (рукописей, надписей, монет) по столетиям. Он определил предмет и задачи палеографии достаточно широко, включая «знание происхождения, видоизменений и распространение письмен»², датирование рукописей по хронологическим приметам начертаний букв, материал и орудия письма, украшения, переплеты и заставки рукописных книг, складки грамот, а также надписи на камне, дереве, металле и пр. выделившаяся ныне в особую отрасль знаний — эпиграфику.

А. И. Соболевский на фоне общей истории просвещения охарактеризовал возникновение и состояние книжного дела на Руси и славянской рукописной книги в разные исторические периоды. Особое внимание ученый уделил начертанию наиболее характерных знаков уставного, полууставного и частично скорописного письма

с XI по XVII в. Отдельную главу (седьмую) книги он посвятил анализу орфографии рукописей различных земель, в том числе среднерусских, киевских, галицко-волынских. «Данные, которыми пользуется палеография,— писал А. И. Соболевский,— писчий материал, письмо (или начертания букв), орнамент и орфография рукописей»³.

Русский лингвист и славист В. Н. Щепкин, опираясь на фактический материал и научные обобщения, создал «Учебник русской палеографии» (М., 1918—1920). В книге рассматривается широкий круг вопросов: цели и методы палеографии, материалы и орудия письма, технические приемы и палеографические приметы, различные виды и почерки древнего письма, украшения и всестороннее описание рукописей.

Палеографию В. Н. Щепкин называл «вспомогательной исторической дисциплиной историко-филологического разряда, исследующей письменные памятники с внешней стороны с целью определить время и место их возникновения». Эпиграфику ученый рассматривал как особую отрасль знаний⁴.

«Учебник русской палеографии» В. Н. Щепкина, сохранивший свою научную ценность до нашего времени, переиздан в 1967 г. под названием «Русская палеография».

Ученый-славист Е. Ф. Карский подготовил фундаментальный труд «Славянская кирилловская палеография» (Л., 1928; факсимильное изд.— М., 1979), представлявший собой итог его многочисленных исследований и прочитанных им курсов по славянской палеографии в учебных заведениях Варшавы и Ленинграда. В книге глубоко исследованы палеографические источники, пособия, материал, на котором сохранились письмена, формат и переплет рукописей, юридические документы, принадлежности письма, орнамент, история славянского кирилловского письма, глаголица, обозначение чисел в старинных рукописях, знаки препинания, надстрочные и другие знаки, вязь, криптография и тайнопись, установлены писцы книг, разные изводы рукописей и пр. Книга снабжена глаголической азбукой и образцами письма.

Палеографию Е. Ф. Карский называл дисциплиной археологической, занимающейся «исследованием разных древностей, остатков старины». По его мнению, общую цель палеографии составляет исследование «происхождения, видоизменения и распространения письмен и всего относящегося к последним: материала, на котором писали, способа письма, писцов и т. п.»⁵.

Искрывающая полнота рассмотрения всех главнейших вопросов истории славянского кирилловского письма, изобилие справочно-библиографического материала (указатели рукописных хранилищ, описей рукописей, датированных памятников XI—XIV вв.), наличие тщательно подобранных образцов письма обеспечивают научную ценность книги Е. Ф. Карского и в наши дни. В 1979 г.

«Славянская кирилловская палеография» Е. Ф. Карского переиздана издательством «Наука».

И. М. Каманин впервые подготовил научно-теоретическую работу обобщающего характера по украинской палеографии, состоящую из двух частей: теоретической, под названием «Главные моменты в истории южнорусского письма в XV — XVIII вв.» и прикладной — более 80 наиболее характерных образцов украинского письма из рукописных кодексов, актовых книг и отдельных документов⁶. Рассматривая письмо в историческом аспекте, И. М. Каманин акцентировал внимание на украинской скорописи, определяя четыре периода ее развития.

Характеризуя украинскую скоропись первого периода (вторая половина XV — первая половина XVI в.), И. М. Каманин отмечал ее сходство с полууставным письмом, архаичность, отсутствие внешних влияний. Для письма этого периода автор применял название «уставная скоропись», предложенное И. И. Срезневским.

Сопоставляя соответствующее письмо второго периода (вторая половина XVI в.) с русским и польским, И. М. Каманин подчеркивал близость украинской и русской скорописей, их внешнее сходство с готическим латинским письмом. Этот период украинской скорописи автор рекомендовал называть готическим.

В течение третьего периода (конец XVI в. до середины XVIII в. на Левобережной Украине и до конца третьей четверти XVII в. на Правобережной Украине) ученый выделял в украинской скорописи наличие нового стиля начертания букв, связанного с деятельностью школ, основанных братствами в Остроге, Луцке, Владимире и Киеве. Последнее послужило основанием для названия третьего периода — школьный, или латинский.

Четвертому периоду (от начала XVIII до XIX в.), по наблюдениям И. М. Каманина, присущее существенное влияние северорусского письма на украинскую скоропись, что значительно отразилось на форме и способе изображения букв.

И. М. Каманин делал попытку разработки методики анализа письма по характеру линования бумаги и расположения на ней текста, соотношению расстояний между буквами, словами и строчками. Методом измерения букв И. М. Каманин с помощью изобретенных им инструментов показал возможность определения особенностей украинского и русского письма XVI — XVII вв.⁷

Таким образом, в дооктябрьский период сформировались основные направления палеографических исследований рукописных материалов, их научно-теоретического обобщения и практического применения. Утверждалось понимание палеографии как дисциплины с присущими ей задачами и практической основой.

Палеографическими исследованиями в ту пору занимались преимущественно филологи, исследуя главным образом рукописные материалы, написанные, как правило, уставом или полууставом.

Меньше внимания уделялось изучению письма исторических актов и документов, написанных в основном скорописью.

Советские историки значительно расширили аспекты и тематику палеографических исследований, показали их общественную функцию, использование для исторических выводов⁸. В предвоенные и послевоенные годы были изданы учебные пособия по палеографии для вузов М. Д. Приселкова, Н. С. Чаева, Л. В. Черепнина, А. Т. Nikolaевой⁹, в которых понимание предмета и задач палеографии существенно расширено. Так, М. Д. Приселков палеографией считал «накопленную совокупность наблюдений над внешним видом рукописей (книг и грамот) как датированных, так и недатированных, но относимых более или менее вероятно к известному времени (по внешним данным, данным языка, данным источниковедения и истории искусства и по содержанию текста)»¹⁰.

Исторический подход к палеографии положен в основу книги Л. В. Черепнина «Русская палеография». При определении предмета дисциплины автор подчеркивал, что она изучает развитие внешних признаков письменности в связи с общими закономерностями в жизни человеческого общества с тем, чтобы своими наблюдениями практически помочь исследователям в их работе над письменными памятниками¹¹. «Наблюдения за изменениями внешних признаков памятников письменности (и прежде всего графики), — утверждал автор, — дают материал не только для правильного чтения рукописных текстов, но и для определения времени и места их возникновения, их авторов, их литературного состава и истории создания, установления их подлинности, выявления подделок»¹². В книге Л. В. Черепнина освещается развитие письма и внешних данных рукописных источников на фоне общей исторической периодизации.

Новая постановка вопроса о предмете, задачах, методах и значении палеографических исследований нашла широкий отклик среди ученых-историков. Иную позицию заняли некоторые филологи. Так, Л. П. Жуковская относит к предмету и методам палеографии лишь изучение древнего письма, определяя палеографию как историю письма. При этом она отрицает правомерность включения в задачи палеографии установление подлинности текста, умение читать древние рукописи (относя последнее только к области лингвистики), изучение индивидуальных почерков, графологические исследования. Хронологические рамки палеографии Л. П. Жуковская ограничивает первой четвертью XIX в.¹³

В ходе полемики возникли новые вопросы развития отечественной палеографии, а именно: о необходимости с научной аргументацией определить периодизацию истории русского, украинского и белорусского письма, о расширении хронологических рамок палеографических исследований, включая XIX и XX вв. и пр. Несмотря на значительное расхождение мнений, советские ученые-палеографы, как справедливо заметила М. В. Кукушкина, «сходятся в самом

главном: палеография изучает рукописные памятники, написанные на пергамене и на бумаге, а также на бересте»¹⁴.

В последние десятилетия значительно вырос интерес советских ученых к палеографическим исследованиям. Палеографическим анализом письма сопровождаются старинные рукописи, изданные сотрудниками Института языкоznания АН Украинской ССР в серии «Пам'ятники української мови», а также в ряде трудов ученых разных научных направлений. Актуальные вопросы украинской палеографии с описанием наиболее характерных особенностей в развитии украинского письма впервые были кратко изложены историком В. А. Дядиченко¹⁵.

Развитию научных разработок по палеографии способствовало издание ряда практических руководств, альбомов, учебных пособий для студентов, архивистов, начинающих историков¹⁶. Наряду с этим активизировалось изучение ряда отраслей по проблемам русской и украинской палеографии. Над исследованием русского полуустава XVII в. или «книжного письма», как тогда называли этот тип письма, плодотворно работает Л. М. Костюхина¹⁷. Изданная ею работа «Книжное письмо в России» (М., 1974) основывается непосредственно на материале рукописных книг XVII в. Эволюцию полууставных почерков автор рассматривает в связи с общими условиями развития рукописного дела в России, производит классификацию почерков по основным формам начертания и общему стилю, а также выявляет датирующие признаки письма.

Развитие архивного дела в стране, возрастающие темпы источниковедческих исследований, археографической работы способствовали активизации изучения документальной деловой письменности. Изданный до Октябрьской революции И. С. Беляевым «Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV – XVIII ст.» (1-е изд.— М., 1907; 2-е изд.— М., 1911) уже не удовлетворял советских палеографов. Новый и существенно значимый материал для разработки палеографии упомянутой письменности появился в работах И. Ф. Колесникова, прежде всего в его итоговой статье¹⁸. Основную задачу палеографии документальной письменности автор видел в необходимости «научить правильно читать скоропись, как типовое письмо, во всем разнообразии скорописных почерков...: почерки центральных учреждений и местных, белое письмо и черновое, сокращения и условные знаки, все графические особенности русской, украинской и белорусской письменности и, наконец, индивидуальные почерки исторических лиц»¹⁹. И. Ф. Колесников поддерживал необходимость правильного понимания содержания рукописи, что было непосредственно связано со знанием как литературного языка (русского, украинского, белорусского) с местными особенностями каждого из них, так и канцелярского того времени, а также типичных форм составления разных грамот и актов делопроизводства, их формуляров.

Большое внимание И. Ф. Колесников уделял также рассмотрению с палеографической точки зрения документов и актов делопроизводства учреждений приказного строя²⁰.

Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин одной из составных частей определения предмета палеографии выделяли умение безошибочно читать старое письмо²¹. Материал о специфике русской, украинской и белорусской скорописи занимает видное место в книге Л. В. Черепнина «Русская палеография»²².

Изучая гражданский шрифт, А. Шицгал сделал определенные выводы о русской скорописи²³. По его мнению, в графике русского письма с середины XVI в. отмечалось некоторое воздействие греческой скорописи, а со второй половины XVII в. русское письмо начало освобождаться от этого влияния и в определенной мере приближаться по своему начертанию к киевской скорописи и отчасти к латинскому письму. А. Шицгал проследил непосредственную связь между скорописью и гражданским шрифтом начала XVIII в. «Высказавшееся в палеографии мнение, что введение гражданского типографского шрифта в России сыграло большую роль в изменении графики русского письма в начале XVIII в. надо признать необоснованным,— писал ученый.— Здесь скорее имел место обратный процесс: русский гражданский шрифт был создан на основе рукописного почерка начала XVIII в. ²⁴ Но автор не исключал возможности того, что после введения гражданского шрифта последний оказал некоторое воздействие на графику письма.

В последние десятилетия, в связи с работой историков и лингвистов по изданию ряда памятников XVI — XVII вв., заметно повысился интерес к исследованию делового письма, его особенностей в отдельных регионах страны²⁵.

Графике русской скорописи XVIII в. («так непохожей на старую громоздкую скоропись XVII в.») посвящена статья Н. Г. Королевой и А. К. Панфиловой²⁶. На основании анализа изменений буквенных начертаний 76 документов авторы пришли к выводу, что новые черты письма появились прежде всего в письме М. В. Ломоносова и в документах центральных учреждений. Анализу различных буквенных написаний посвятили немало работ филологи.

Повысился интерес к исследованию украинского делового письма. Эволюция графики украинской скорописи второй половины XVII в. на деловых материалах Левобережной Украины в непосредственной связи с развитием образования и деятельности административных учреждений исследуется в книге В. В. Панащенко²⁷. Тщательный анализ графики и составленные автором таблицы эволюции скорописи документов генеральной войсковой канцелярии, актовых книг Лохвицкой, Миргородской, Остерской ратуш и Полтавского городского управления дали возможность сделать обобщающие выводы о характерных особенностях украинской скорописи второй половины XVII в. и классифицировать ее по стилю на четыре группы.

И. Н. Иваницкая на основании исследования графики письма украинской скорописи на Слободской Украине сделала заключение о том, что в указанном регионе оно развивалось под влиянием киевской и московской скорописи²⁸.

Характеризуя письмо Львовщины, П. И. Захарчишина утверждает, что ему в XVI — XVII вв. были присущи особенности славяно-кирилловского письма, а при взаимосвязях в развитии украинского, латинского и польского письма во Львове украинское более влияло на латинское и польское, нежели наоборот²⁹. Освещаются и особенности письма актовых книг кременецких судов XVI в.³⁰

Дальнейшее исследование палеографии документального письма неразрывно связано с повышением интереса ученых к теоретическим обобщениям в этой области. Внимание Н. Н. Розова привлекло определение термина «скоропись»³¹. Автор отметил, что под этим термином принято понимать две различные категории — тип письма и почерк. Известно, что в пределах одного типа письма существует множество почерков (почерком называется письмо с индивидуальной манерой графического начертания букв). Н. Н. Розов утверждает, что скоропись «как принципиально новый и резко отличающийся в своей графической основе тип письма не следует путать со скорописанием — понятием скорее психологическим, чем графическим. И сохранившийся материал дает основание говорить о скорописи (как о типе письма) не ранее, как с начала XVI в.»³².

Скоропись как тип письма функционировала в XVIII в. По мнению П. Н. Беркова, после реформы Петра I 1708 г. (введение гражданского шрифта) рукописные начертания букв длительное время в основном оставались прежними. Но с годами наблюдалась тенденция к подражанию формам гражданского шрифта. Начал вырабатываться новый тип письма. Относительное завершение этого процесса автор относит к 1771 г. Новое письмо возникло, как утверждает П. Н. Берков, на основе «парадной» скорописи под влиянием гражданского шрифта³³.

Ныне ученые все чаще поднимают вопрос о необходимости палеографического исследования всех документов нового времени (XIX — XX вв.). При этом одни считают целесообразным выделить эту отрасль в новую дисциплину под наименованием «неография», «неопалеография», «неотерография» или «письмоводство», другие остаются сторонниками включения ее разделом в палеографию. «Вполне закономерно,— утверждал Л. В. Черепнин,— сохранить закрепленное традицией название «палеография» и применительно к разделу этой дисциплины, посвященному более поздним памятникам письменности, сознавая при этом, конечно, условность термина³⁴.

С обоснованием методики палеографического анализа письменных источников XIX — XX вв. выступил С. А. Рейсер³⁵. По его мнению, палеографическому анализу подлежат: материал письма (бумага, грифельная доска, чернила), орудия письма (гусиное

и металлическое перья, карандаш, шариковая ручка), способы записи (писарь, пишущая машинка, стенография, магнитофон), а также графика письма (т. е. почерк).

После Великой Октябрьской социалистической революции получил развитие новый раздел палеографии — исследование нотных крюковых рукописей.

При палеографическом анализе источников ученые успешно используют данные внешнего оформления рукописей, их художественного украшения (орнамент, миниатюры, заставки, концовки, инициалы и др.)³⁶. Особое значение для палеографического анализа имеет работа Т. Б. Уховой³⁷, описавшей 347 художественных украшений рукописей. Автор осуществила систематизацию рукописей по орнаменту, выделила датирующие приметы в пределах трети столетия, а также частично по месту их создания. Рецензируя эту работу, Е. Л. Немировский отмечал, что Т. Б. Уховой удалось установить факт повторяемости в рукописях не только отдельных мотивов, но и схем распространения целых заставок. Это «дало ей возможность говорить о существовании в нашей книжности своеобразного образца — «орнаментального подлинника», которым руководствовались мастера древнерусской книги»³⁸.

На более широком материале продолжил изучение древнерусской рукописной книги А. Н. Свирин³⁹. При использовании художественного убранства украинских рукописных книг для их палеографического анализа особое значение имеет исследование Я. П. Запаско⁴⁰. На большом, тщательно изученном материале автор анализирует эволюцию орнамента, заставки, концовки, инициалов украинских рукописных книг в течение XII — XVIII вв., а также определяет хронологические рамки действия художественных стилей.

Интенсивное развитие палеографии за годы советской власти, значительный рост объема палеографических материалов и разнообразие методов его исследования сопровождались более узкой специализацией внутри этой дисциплины и, в итоге, выделением ряда самостоятельных научных отраслей знаний. Так, изучение письма на гвердом материале (дерево, камень, металл, керамика, штукатурка и пр.), нанесенного острым орудием без красящего вещества, выделилось в самостоятельную дисциплину — эпиграфику. В отличие от палеографии, эпиграфика занимается изучением письма не только по форме его начертаний, но и содержания написанного текста. «Эпиграфика владеет самостоятельным разделом своеобразных исторических источников, исследуя их целиком, и палеографически, и исторически, от особенностей почерка до исторических лиц или событий, упоминаемых в исторической записи»⁴¹, — утверждает Б. А. Рыбаков, который также считает, что русская средневековая эпиграфика — «раздел исторической науки, занимающейся формой и содержанием надписей, сделанных не на основном материале (пергамен, береста, воск, бумага), а на различных предметах или случайных, не предназначенных для этого поверхностях»⁴².

Отделение русской эпиграфики от палеографии произошло накануне Октябрьской революции, а становление ее в самостоятельную научную дисциплину — в советское время⁴³. Первые шаги в эпиграфике сводились к сортированию материала преимущественно археологами, первые теоретические обобщения по палеографии надписей на предметах материальной культуры принадлежат И. А. Шляпкину⁴⁴. Важную роль для исследования эпиграфического материала сыграл справочник по русским надписям, составленный А. С. Орловым⁴⁵. Практическое изучение древнерусских надписей как исторического источника с определением целей и методов эпиграфических исследований начали Б. А. Рыбаков⁴⁶, Н. Г. Порфиринов и М. К. Каргер⁴⁷. Особую роль и значение для развития эпиграфики имеет составленный Б. А. Рыбаковым «Свод датированных русских рукописей XI — XIV вв.», который является первым глубоко научным и практическим пособием по этой дисциплине.

Значительную часть двухтомного издания «История культуры Древней Руси» (М.; Л., 1948, 1951), подготовленного Академией наук СССР, составляют эпиграфические материалы.

В последующие годы в силу многочисленности и разнообразия надписей происходило совершенствование методов их фиксации и исследования, т. е. специализации внутри самой эпиграфики. Отдельно изучаются надписи на культовых и бытовых предметах, глиняных сосудах, орудиях ремесла, ювелирных изделиях, монетах, печатах, слитках и пр.

Одним из самых обширных разделов отечественной эпиграфики является исследование надписей-граффити на стенах древнерусских зданий. Эта тематика неоднократно привлекала внимание историков⁴⁸. В 20—40-е годы граффити были обнаружены в Старой Ладоге, Новгороде, Владимире, Боголюбове, Переяславе-Залесском, Звенигороде, Рязани, Киеве и Зарубе⁴⁹.

Значительные успехи достигнуты в изучении граффити киевского Софийского собора. Начал изучение этих надписей Б. А. Рыбаков⁵⁰, определивший основные методы работы над ними: сопоставление граффити с рукописным, эпиграфическим, нумизматическим материалом, исторический анализ содержания надписей. Эту работу успешно продолжил С. А. Высоцкий, который в течение архитектурно-реставрационных работ в киевском Софийском соборе выявил и расшифровал около 300 надписей и рисунков-граффити XI — XVII вв. Среди них — памятные, поминальные, относящиеся к фрескам надписи, записи об исторических событиях, близких летописным, магические и бытовые рисунки.

Многолетний труд С. А. Высоцкого завершился монографиями⁵¹, в которых не только опубликованы, датированы и снабжены историческим комментарием выявленные граффити, но и разработана методика их поисков и фиксации, а также принципы их датировки.

Возрождение интереса к исследованию граффити привлекло внимание многих ученых к памятникам древнерусской архитектуры, в том числе в Киеве, Владимире, Новгороде и Смоленске⁵². Наиболее глубоко исследованы А. А. Медынцевой 253 граффити Софийского собора в Новгороде⁵³. Автор рассматривает их как важный исторический источник, сопоставляя текст надписей с берестяными грамотами и надписями Софии Киевской. Опубликованные исследовательницей глаголические граффити дают дополнительные сведения о распространении и роли глаголической письменности на Руси.

Кроме специфики отдельных видов эпиграфических материалов наблюдается деление этого материала и по хронологическому принципу: XI — XIV и XV — XVII вв. Большинство эпиграфических памятников XV — XVII вв. представлены надгробиями, каменными и керамическими плитами и т. п. Исследованиями подобного материала занимаются преимущественно ученые Москвы, а также Новгорода и Пскова.

Основными задачами эпиграфики, по мнению М. П. Сотниковой, является « дальнейшее выявление и фиксация, определение и систематизация эпиграфического материала, выработка принципов точной датировки и создание справочно-хронологических таблиц, сопоставление русских надписей с южнославянскими, кирилловскими, библиографирование надписей»⁵⁴.

К палеографии непосредственно примыкает сравнительно новая дисциплина — кодикология. По определению А. Д. Люблинской, кодикология детально изучает всю материальную сторону средневековых рукописных книг и их судьбы⁵⁵. В отличие от палеографии, изучающей древнее письмо независимо от характера рукописи, кодикология изучает рукописные книги в целом, а не только и не столько их письмо. «Кодикология,— увержал Л. В. Черепнин,— изучает рукописные книги в плане многообразной проблематики (как памятники литературы, материальной культуры, искусства), выясняет социальный и профессиональный состав писцов, ареал и степень их распространения, функции, выполняемые в обществе, связь с определенными библиотеками, исторические судьбы и т. д.»⁵⁶

Термин кодикология (от латинского *codex* — книга) предложил французский ученый Альфонс Дэн в 1949 г. В задачу кодикологии он включал историю рукописей, рукописных собраний, составление каталогов и библиографирование каталогов, изучение торговли рукописями, их использования и т. п.⁵⁷ Таким образом, термин кодикология сравнительно нов, а предмет и задачи этой дисциплины имеют глубокие исследовательские и практические традиции.

Кодикологические изыскания в нашей стране берут свое начало от выявления и изучения рукописных книг, которыми занимались прогрессивные русские ученые-филологи — А. Н. Пыпин, Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский, В. К. Никольский, П. И. Житецкий, Е. Ф. Карский и др. Украинские рукописные книги

занимали значительное место в исследованиях И. Я. Франко, Н. И. Петрова, В. Н. Перетца, М. Н. Сперанского, С. И. Маслова, П. Н. Попова и др.

Ныне комплексным изучением русской рукописной книги плодотворно занимается Н. Н. Розов⁵⁸. Исследование исторических рукописных сборников как одного из видов светской рукописной книги XVIII в. на Украине впервые осуществила Е. М. Апанович⁵⁹. Изучая сборники в развитии и в связи с условиями их возникновения и использования, автор раскрывает историю создания этих сборников, их состав и социальную направленность, читательскую среду, а также их значение как исторических источников.

Параллельно с интенсивным развитием палеографии формировалась в отдельную вспомогательную филологическую дисциплину текстология, задачей которой являются установление основного текста произведения, организация (кодификация) этого текста и его комментирование⁶⁰. Исследования рукописей в таком направлении имеют давнюю традицию. Но сам термин — текстология — появился в середине 30-х годов XX в., и впервые введен Б. В. Томашевским в книге «Писатель и книга. Очерки текстологии» (Л., 1928). Новый термин — текстология — признан научной общественностью⁶¹. В объект исследования текстология включает фольклор, древнюю литературу и литературу нового времени. Сущность молодой дисциплины состоит в установлении единого целостности текста, генеалогии дошедших и утраченных текстов, установлении основного текста и его авторства. По мнению С. А. Рейсера, «забота о тексте — о его точности, подлинности, доступности — приобретает общественное значение... Вопросы текстологии приобрели теперь общественно-политическое звучание»⁶².

В послевоенные годы по инициативе академика М. Н. Тихомирова Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР провела огромную работу по выявлению рукописного наследия в книгохранилищах нашей страны. Составлен «Предварительный список»⁶³, включающий 1500 рукописных книг XI — XIV вв., написанных пером и чернилами на пергаменте и бумаге. В 1984 г. опубликован «Сводный каталог рукописных книг, хранящихся в СССР. XI — XIII вв.» Значительная часть этих рукописей является объектом текстологического изучения.

Среди многочисленных текстологических исследований, осуществленных советскими филологами, внимание привлекают «Киевские глаголические листки» — один из древнейших старославянских памятников письменности, относимых большинством лингвистов к X в. К XI Международному съезду славистов, который состоялся в Киеве в 1983 г., Институт языкоznания АН Украинской ССР осуществил факсимильное издание памятника отдельной книгой с приложением обобщающего научного исследования В. В. Нимчука⁶⁴.

В отличие от исследователей древних текстов, допускающих множественность научно-подготовленных текстов⁶⁵, текстология новой литературы признает лишь один основной текст. Установление такого текста является первой и важнейшей задачей текстологии при подготовке к изданию произведений из литературного наследия.

Одним из признанных путей датирования средневековых рукописей служит исследование их бумаги и филиграней (водяных знаков). Об использовании бумажных водяных знаков при определении возникновения рукописей в начале XX в. подготовил первую работу любитель истории, вологодский купец И. П. Лаптев⁶⁶. К опубликованной им книге приложены 170 изображений водяных знаков.

Предмет и задачи таких исследований более четко определены в названии книги московского художника и археолога К. Я. Тромо-нина — «Знаки писчей бумаги. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и не старинные дела, на которых не означенено годов» (М., 1844). В ней опубликовано 1872 варианта водяных знаков.

Большая заслуга в исследовании водяных знаков на бумаге принадлежит Н. П. Лихачеву⁶⁷, капитальные труды которого по фактическому материалу и структуре изданий не имели себе равных не только в России, но и в других странах.

Значительный вклад в дальнейшее совершенствование изучения водяных знаков внес советский ученый С. А. Клепиков⁶⁸. В отличие от предыдущих исследователей, С. А. Клепиков хронологически и тематически расширил предмет этой отрасли палеографии, включив филиграни XIX — XX вв. и особую разновидность фирменных знаков — штемпели. Автор предложил новую методику исследования филиграней, основанную на историческом подходе. Главное внимание он обращает не на эмблематическую часть знаков, а на буквы в их составе и расшифровку отдельных инициалов. По его инициативе и с его комментариями и послесловием издана работа А. А. Герклитова⁶⁹.

В изучении бумажных водяных знаков весомое место занимают работы ряда других советских ученых⁷⁰. Методике историографии и библиографии филигранологии также посвящены содержательные исследования⁷¹.

В годы Советской власти на Украине была издана первая книга о филиграях⁷². Опубликованные в ней водяные знаки (1336 изображений) отражают преимущественно гербовые эмблемы польских шляхетских родов. Предисловие к книге с кратким обзором филиграноведения написал С. И. Маслов.

Существенный вклад в развитие украинской филигранологии представляет фундаментальное исследование О. Я. Мацюка⁷³. В книге представлены филиграни и штемпели бумажных мельниц на

современной территории Украинской ССР за период от начала XVI в. по 20-е годы XX в. Автор подробно рассматривает технологию производства, сортность, размеры и формат бумаги, водяные знаки на ней, источниковедческое значение филиграней. В книге кратко излагается история 146 бумажных мельниц и фабрик. Особую ценность представляет каталог из 173 таблиц, насчитывающих 655 репродукций филиграней и штемпелей, большинство которых автор выявил на документальном материале архивов Украинской ССР и библиотек. Книга снабжена обширным вспомогательным аппаратом: хронологическим указателем бумажных мельниц и фабрик, описью и расшифровкой филиграней, указателем изображений на водяных знаках, хронологическим указателем филиграней, а также указателем источников, из которых взяты филиграни и штемпели.

В результате бурного развития филигранологии за годы советской власти возник вопрос о выделении ее в самостоятельную историческую дисциплину. Наряду с исследованиями филиграней и штемпелей филигранология изучает технологию производства бумаги, историю бумажных мельниц и фабрик, генеалогию фабрикантов, геральдику фирменных водяных знаков и их значение, экономические связи страны — производителей бумаги со странами-потребителями, историю торговли бумагой и пр.⁷⁴

Происходит поступательное развитие филигранологии и в международном масштабе. С 1959 г. периодически созываются международные съезды историков бумаги, в 1960 г. основано Международное общество историков бумаги⁷⁵.

Независимо от признания за филигранологией статуса самостоятельной исторической дисциплины или отдельной отрасли палеографии, значение ее для исторической науки несомненно. Л. В. Черепнин правильно отмечал, что «изучение бумажных водяных знаков имеет вспомогательное значение. Однако топология и хронология водяного знака — это ключ к выяснению условий возникновения исторических источников. А топология и хронология источника помогают правильному пониманию исторических явлений, ими освещаемых»⁷⁶.

В ХХ в. письменные источники средневековья значительно пополнились новым видом рукописей — берестяными грамотами. В процессе изучения берестяных грамот, открытых в Новгороде, а затем в Смоленске, Вытебске, Старой Руссе и других городах, выработана методика их исследования, сложилась четкая форма их публикаций. В серийном издании А. В. Арциховского, М. Н. Тихомирова и В. И. Борковского «Новгородские грамоты на бересте» из раскопок 1951—1963 гг. каждая береста получила порядковый номер с соответствующими археологическими, терминологическими, лингвистическими и палеографическими комментариями.

Исследованием берестяных грамот занимались также Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин, Д. А. Авдусин, Л. П. Жуковская и др.⁷⁷ В 1955 г.

издан сборник материалов «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (М., 1955).

Исходя из материала (береста), на котором писали, а также из способа нанесения на него письма (посредством надавливания и процарапывания острым орудием письма без красящего вещества), ряд ученых называет берестяные грамоты рукописями-граффити или новым видом эпиграфических памятников⁷⁸. Д. С. Лихачев в рецензии на книгу В. Л. Янина предлагал выделить исследование берестяных грамот в самостоятельную дисциплину — берестологию⁷⁹. По мнению Л. В. Черепнина, «за последние двадцать лет выросла новая вспомогательная дисциплина — берестология (берестография, берестографика)... Сложилась берестология как специальная источниковедческая дисциплина, на которую ложится комплексная разработка методов анализа текстов, написанных на бересте, и которая является вспомогательной для историков»⁸⁰.

Палеографическое исследование берестяных грамот продолжается: разработана методика их прочтения, установления даты при помощи стратиграфии и дендрохронологии⁸¹. Палеографический и лингвистический анализ письма берестяных грамот используется при исследовании делового документального письма, граффити на архитектурных зданиях и других письменных памятниках средневековья.

Краткий историографический обзор исследований в области отечественной палеографии и сопредельных с ней исторических дисциплин свидетельствует о достижениях в их всестороннем развитии. Вместе с тем выдвигаются новые ответственные задачи. Необходимо совершенствование методики и терминологии этих важных для историка отраслей знаний.

В дальнейшем развитии палеографических исследований существенная роль принадлежит научно подобранным и факсимильно изданным образцам письма. Ввиду недостаточности таких изданий и отсутствия монографий, раскрывающих особенности разных типов письма, исследователь оказывается фактически неподготовленным к использованию множества рукописных документов. В плане дальнейшего расширения и совершенствования общих курсов по палеографии насущной задачей остается создание обобщающих трудов по типам письма с учетом графических его особенностей по отдельным регионам, создание общих курсов украинской и белорусской палеографии с разработкой их периодизации, исследование взаимосвязи и взаимовлияния русского, украинского и белорусского письма с письмом других славянских народов.

ЛАТИНСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

Значительная часть рукописного наследия, созданного на украинских землях в XV — XVIII вв., написана на латинском и польском

языках. Такие рукописи являются объектом исследования латинской палеографии. Вопрос об актуальности фактографического осмыслиения «латинской ветви» письменных культур украинского и белорусского народов, длительное время входивших в состав Польско-Литовско-Белорусского государства, впервые был поднят в начале 60-х годов советскими учеными И. Н. Голенищевым-Кутузовым, П. Н. Берковым и др.⁸² Проблемы изучения памятников латинской письменности Украины и Белоруссии как одного из существенных факторов культуры восточного славянства широко рассматривались на V Международном съезде славистов в 1963 г.

В конце 70—80-х годах этот вопрос поднимался в работах советских ученых, рассматривавших многообразные проявления духовной жизни украинского и белорусского народов на фоне польско-литовско-восточнославянского комплекса культур, нередко проявлявшегося в форме специфических пограничных явлений межнационального характера⁸³. Наличие параллельно со славяно-русским латинского ответвления в украинской письменной традиции является исторически обусловленным явлением в становлении украинской культуры. На Украине на протяжении длительного периода употреблялось несколько языков обеих алфавитных систем — кириллической и латинской. При этом параллельно с церковнославянским, славенороссийским и староукраинским языками в судебно-административной сфере, школьном обиходе и частично — в области светской литературы и домашнего быта применялись языки-посредники — латынь и польский⁸⁴. С употреблением этих двух языков связан основной круг источников, составляющих предмет исследования латинского письма, распространенного на Украине в XV—XVIII вв. Среди них важное место принадлежит рукописным памятникам школьного обихода, поскольку латынь школы и науки сыграла определенную роль в развитии общепросветительных явлений культуры и формировании светских научных знаний на Украине, сопровождавших ломку средневекового мировоззрения. Только в рукописном отделе Центральной научной библиотеки АН УССР хранится около 200 рукописей на латыни философских курсов и почти столько же — курсов поэтики и риторики XVII — первой половины XVIII в.⁸⁵ Являясь уникальным продуктом зарождающейся научной традиции, латинские памятники школьного обихода заслуживают особого внимания палеографии и сопредельных с ней дисциплин: текстологии и кодикологии. Без применения палеографических приемов невозможно установить столь важные для истории образования моменты, как вкрапление индивидуальных текстовых вставок, различия в школьном и научном комментировании, редакционные дополнения и др. С другой стороны, кодикологический анализ упомянутых рукописей способствовал бы уяснению географии распространения списков учебных курсов, обстоятельств их возникновения, социального состава и образовательного уровня читательской среды.

Обширнейшим разделом латинского палеографического наследия на Украине являются памятники судебно-административного делопроизводства и частноправовые акты, составляющие комплекс документальных источников по истории Украины периода феодализма. Среди них выделяется огромный массив актовых книг, которые на протяжении XV — XVIII вв. велись при канцеляриях разных судов и административных органов. Сохранившиеся судебно-административные книги западноукраинских земель и Подолии насчитывают свыше 7 тыс. томов; хронологически восходя к 20-м годам XV в.; на Правобережной Украине они охватывают период с 40—50-х годов XVI в. и составляют около 2 тыс. томов, содержащих более 5 млн самостоятельных актов-записей⁸⁶. В этом массиве преимущественно латиноязычными являются книги, относящиеся к западноукраинским землям и Подолии. На Правобережной Украине, где действовало русско-литовское право, номинально гарантировавшее сохранение украинской письменности, акты на латинском и польском языках появились в конце XVI в. Со временем их количество увеличивалось, после 1670 г. они полностью вытесняют украинские записи в книгах, оставляя для последних только обрамляющую рамку формуляра⁸⁷. Латинский и польский языки проникали и в частный быт шляхты, состоятельных горожан и духовенства, что отразилось в письмах, дневниках и личных бытовых записях. Полноценное практическое использование указанных актовых и документальных источников невозможно без овладения практическими навыками в области палеографии.

Исследование графических особенностей латинского письма, применявшегося на Украине, важно не только в прикладном отношении. Приживаясь здесь в своеобразной ситуации билингвистического соседства с равноценным по общественной значимости конкурентом — кириллицей, причем нередко в условиях буквального совмещения на одной странице, латинское письмо заимствует многие принципы кирилловской графики, образуя уникальное с точки зрения палеографии смешение, возникшее на стыке двух столь крупных письменных систем, как кириллическая и латинская. Изучение подобного редкостного явления представляет интерес не только для истории письма, но и для изучения культурных связей в целом. С другой стороны, очевидное влияние латинского письма на украинскую скоропись неоднократно отмечалось как дореволюционными, так и советскими палеографами⁸⁸, но глубокий анализ этого процесса до сих пор не проведен. Задачей современной палеографии, по определению Л. В. Черепнина, является «объяснение всех мельчайших изменений графики, исходя... из специфических факторов, воздействующих на эволюцию письменности»⁸⁹. Поэтому латинское документальное письмо требует тщательного изучения как один из источников влияния на формирование украинской скорописи.

Латинский язык использовался на Украине и в эпиграфических надписях: на цихах ремесленных цехов, печатях, ювелирных издели-

ях, надгробиях, поминальных плитах, культовых и частных строениях и др. Ныне имеется только попутная регистрация упомянутых надписей в работах краеведческого, нумизматического, сфрагистического либо искусствоведческого характера. Собирание надписей, изучение специфики их выполнения, датировка, выявление сопутствующих исторических реалий, систематизация, теоретическое обобщение — вот круг вопросов, которые предстоит решить в процессе обработки латиноязычных эпиграфических памятников, возникших на Украине. Изданые в соответствующем эпиграфическом своде, они могут стать источником ценной информации для всех, кто изучает прошлое.

К объекту своих исследований современная палеография, кроме письма рукописей, подключает и печатные шрифты с целью осмыслиения первичных истоков их графики, а в условиях широкого распространения книгопечатания — для выявления обратного воздействия печатного текста на формирование рукописной нормы. Объем латино-польского печатного наследия типографий, действовавших на Украине, довольно значителен. Книги латинской и польской печати, содержавшие резкие выступления против национально-религиозного угнетения населения Украины, издавались в типографиях Львова, Добромиля и Паневец уже в конце XVI — начале XVII в.⁹⁰ С целью более эффективной борьбы против католицизма и унионии с 1633 г. книгопечатание на латинском и польском языках налажено в Лаврской типографии; латино-польскими являются свыше трети изданий за первые два десятилетия деятельности Черниговской типографии (1680—1700), в их числе — произведения известных деятелей украинского просвещения и культуры Лазаря Бараповича, Иоанникия Галятовского, Ивана Величковского, Степана Яворского и др.⁹¹ При отсутствии печатных каллиграфических пособий по латинскому письму упомянутые издания могли выступать в роли косвенного эталона, определявшего графический облик латинских почерков, вошедших в употребление на Украине, что подсказывает необходимость их всестороннего палеографического исследования.

Итак, объем источников и круг проблем, стоящих перед украинской отраслью латинской палеографии, весьма обширен. Трудности на пути решения этих проблем обусловлены главным образом многогранностью задач, возникающих в процессе исследования графики латинского письма на Украине, где каждому выводу предшествует двойная черновая работа, промежуточные этапы которой таковы: 1) фиксация графического облика исследуемых образцов; 2) выявление западноевропейских истоков конкретных латинс-

ких почерков, вошедших в употребление на Украине; 3) сопоставительный анализ европейских прототипов и местных латинских образцов письма с целью обнаружения сходных и отличительных черт между ними; 4) объяснение внутреннего механизма формирования местных особенностей, невозможное без параллельного анализа украинского кирилловского письма соответствующего хронологического периода и функциональной сферы использования.

Перечисленный трудоемкий палеографический анализ, удовлетворяя прикладным задачам палеографии, является также необходимой предпосылкой решения теоретической задачи, стоящей перед палеографом: дать объективную оценку изученному явлению в системе ценностей украинской культуры. Особое значение в теоретическом осмыслении данного вопроса приобретает принцип историзма в палеографическом исследовании, приоритет разработки которого, как отмечал Д. С. Лихачев, принадлежит советской школе латинской палеографии, основанной видным историком-медиевистом О. А. Добиаш-Рождественской⁹². Связь письма с общими чертами духовной и материальной культуры эпохи, усиленное внимание к социологическим аспектам развития письма, установление его эволюции в тесной взаимообусловленности с историей культуры, языка, и косвенно — социально-экономической и политической жизни — эти вопросы находятся в центре интересов представителей школы О. А. Добиаш-Рождественской, А. Д. Люблинской и ее учеников⁹³. Построенный на принципе историзма теоретический аспект палеографического исследования особенно важен применительно к задачам латинской палеографии на Украине, где латинское письмо, будучи на фоне национальной письменной традиции элементом чужеродным, и в ареалах распространения, и в графике косвенно отражало сложную диалектику культурных связей, переплетавшихся с борьбой за сохранение отечественной культуры в условиях польско-католической экспансии.

Количество работ, посвященных латинскому письму, употреблявшемуся на Украине, пока невелико и охватывает только документальные курсивы деловой сферы применения. Первое беглое упоминание о нем содержится в упомянутой выше работе И. М. Каманина⁹⁴.

В советское время вопрос о взаимосвязи графики украинского кирилловского и латинского письма впервые был поднят в статье П. И. Захарчишиной, которая выдвинула предположение о большей степени влияния украинского письма на латино-польское в львовском регионе, нежели наоборот⁹⁵. Сомнения в правомерности этой гипотезы вызывает количественное преобладание латинского письма

на западноукраинских землях, где после судебной реформы 1434 г. языком делового общения повсеместно стала латынь, широко распространенная здесь и ранее, еще в документах Галицко-Волынского княжества⁹⁶. Однако окончательный ответ на этот вопрос может дать, разумеется, только подробный палеографический анализ украинских и латино-польских почерков львовского региона.

Важное прикладное значение латинской палеографии, состоящее в овладении суммой практических навыков, дающих возможность правильно читать, датировать и локализировать средневековые рукописи, отражено в статьях Э. И. Ружицкого⁹⁷.

Латинскому письму документов Правобережной Украины конца XVI — первой половины XVII в. посвящена кандидатская диссертация и несколько статей Н. Н. Яковенко⁹⁸. Анализируя пути и этапы проникновения разнотипных образцов западноевропейского письма на Украину и их взаимодействие с кириллицей, Н. Н. Яковенко применила методику, разработанную французским палеографом Ж. Маллоном и широко используемую современными советскими и зарубежными палеографами⁹⁹. Суть указанной методики заключается в особенном внимании к техническим приемам процесса письма. Количественные характеристики значительного числа рассмотренных образцов помогли выявить общие и отличительные черты между украинскими вариантами латинского письма и их западноевропейскими прототипами, а также определить направление и этапы графической эволюции курсивов, употреблявшихся на Украине, соответствовавшие, как установлено исследовательницей, общеевропейской тенденции движения от готики к гуманистической стилистике.

Анализируя внутренний механизм формирования отличительных признаков латинского письма на Украине, Н. Н. Яковенко впервые в отечественной палеографии предприняла реконструкцию простейшего канона письма, которому обучались и на который в большей или меньшей степени ориентировались пишущие. Ведь в школе, как правило, прививались лишь навыкиrudиментарного (в палеографической терминологии — «элементарного») письма, что происходило в процессе заучивания азбуки при копировании книжных (рукописных либо печатных) вариантов букв. Изучение элементарных латинских почерков, характерных для Украины, показало, что простейшая местная модель представляла собой как бы «промежуточный» вариант между латинскими кирилловским алфавитом, использовавшийся на начальном этапе знакомства с латинской грамотой с целью облегчения самого процесса обучения.

В результате сопутствовавшего исследованию анализа контактов латинских курсивов с кирилловской скорописью высказаны

предположения о причинах формирования тех ее особенностей, которые дали основание И. Каманину наметить различия в графическом облике киевского, кременецкого, луцкого и других региональных типов скорописи. Согласно наблюдениям Н. Н. Яковенко, эти различия в главных чертах определялись, с одной стороны, степенью взаимопроникновения элементов латинской и кирилловской графики, что зависело от локальных особенностей социальной и культурной обстановки в конкретном регионе, а с другой — интенсивностью проявления такой общей тенденции развития и латинского и кирилловского письма нового времени как стремление к максимальной быстроте написания и прочтения.

Заканчивая краткий обзор проблематики разработок по латинской палеографии на Украине, следует отметить, что перед ней, как и перед славяно-русской, стоит множество задач учебно-прикладного характера, реализация которых важна для практического и теоретического развития дисциплины. Прежде всего назрела необходимость издания палеографических альбомов и таблиц, а также введения курса латинской палеографии на исторических факультетах университетов. Это могло бы стать серьезной предпосылкой для подготовки высококвалифицированных специалистов в области латинского письма XV — XVIII вв. на Украине, вооруженных соответствующими профессиональными знаниями для критического анализа известных, а также введения в научный оборот новых источников по отечественной истории периода феодализма.

ГЛАВА VII ДИПЛОМАТИКА

Дипломатика представляет собой вспомогательную историческую дисциплину, задачей которой является изучение содержания и формы актов. Цель исследования в дипломатике состоит в том, чтобы, «во-первых, определить происхождение различных групп актов и их роль в эволюции общественных отношений и, во-вторых, добыть из актовых источников фактическую основу для исторических построений разных планов — подготовить источник к использованию в исторических целях»¹. Таким образом, специалисты в области этой дисциплины разрабатывают теорию и методику изучения и использования актового материала как исторического источника. Поскольку же предметом дипломатики является особый вид источников — акты, с присущей им специфической формой отражения действительности, данной дисциплине свойственны также особые приемы источниковедческого анализа. Наиболее характерный среди них — формулярный анализ акта, предполагающий исследование как внутренней формы источника, так и его содержания.

Занимая в ряду исторических дисциплин специфическое место, дипломатика не может обойтись при изучении актового материала без элементов палеографического, текстологического, хронологического и т. п. анализа. Такое перекрещивание и соприкосновение вспомогательных исторических дисциплин обусловлено особенностями их современного развития: как дифференциацией, так и интеграцией, что связано со сложной природой исторического источника, многообразием содержащейся в нем информации, диалектическим единством его содержания и формы.

Термин «дипломатика» ведет свое начало от древнегреческого прилагательного διπλός — сложенный вдвое, сдвоенный. В древнем Риме термин *diploma* (мн. ч. *diplomata*) обозначал сложенные вдвое бронзовые пластинки с текстом. Дипломы служили в качестве удостоверений для курьеров; документов, удостоверяющих права и льготы отставных воинов-ветеранов; императорских грамот, содержащих определенные привилегии. В средние века дипломами стали называть исходившие от верховной власти разнообразные пожалова-

ния, имевшие характер публично-правовых грамот, актов. Термин дипломатика в качестве наименования новой дисциплины ввел во всеобщее употребление француз Жан Мабийон в классической работе по актовому источниковедению (1681).

Как и некоторые другие вспомогательные исторические дисциплины дипломатика возникла в связи с критикой актовых источников при выявлении подделок. Проверка подлинности актов, необходимость которой обусловливалась борьбой за землю и феодальные привилегии, производилась в официальных канцеляриях еще в средневековье. Элементы научной критики актов использовались гуманистами эпохи Возрождения в их борьбе против папской курии и католической церкви для доказательства подложности древних документов, которыми освящались господство и привилегии папства и духовных феодалов². Сложившаяся к середине XVII в. система критики документа была представлена в обширном труде иезуита Д. Папеброха, посвященном описанию деяний святых католической церкви³. Ж. Мабийон в своем труде характеризовал стиль документов и грамот, их внешние (формальные) признаки, удостоверяющие подлинность и указывающие на дату создания актов, подверг критике некоторые положения и приемы Папеброха, привел сведения о виллах французских королей, указанных в дипломах, что весьма важно для их датировки. Книга содержит также подборку образцов письма, необходимых для палеографического анализа, и сборник древнейших документов. Работа Ж. Мабийона была по достоинству оценена источникovedами стран Западной Европы. В конце XVII — XVIII в. западноевропейская дипломатика развивалась под ее влиянием.

В XIX — начале XX в. буржуазная историческая наука обращается к массовой публикации актового материала, его систематизации и исследованию. Дальнейшее развитие получил весь комплекс вспомогательных исторических дисциплин, объект изучения которых составляет письменный исторический источник.

Характерной особенностью буржуазной дипломатики является преимущественный интерес к формальной стороне акта, поскольку изучение его содержания официально не входило в ее задачи. Идеалистическая методология формальной дипломатики обусловила усиленную разработку ее представителями вопросов истории личного состава канцелярий, палеографических особенностей документов, их скрепления печатями, а также изучение внешних признаков подлинности акта или же общих черт и специфики развития формуляра.

Отечественная дипломатика длительное время развивалась в том же направлении, что и западноевропейская. В практике судебной экспертизы, о которой сохранились документальные свидетельства, преобладали скорее черты общего документоведения, чем дипломатики как таковой. С. М. Каштанов, проанализировав известные случаи установления подлинности документов в судебно-админист-

ративных учреждениях Русского государства на протяжении двух первых веков его существования, пришел к выводу, что «во время судебных процессов применялись в примитивном виде методы палеографии (определение почерков), сфрагистики (некоторое знание правил и способов прикрепления печатей), документоведения (различение оригиналов и списков, проверка вступительной и удостоверительной частей), текстологии (сличение текстов), общего источниковедения (проверка имен, географических названий, выяснение наличия в документе определенных частей, в которых должны были содержаться имена или географические названия)»⁴. Вместе с тем определенная система практических навыков составления ряда разновидностей актов и, следовательно, их формуляров, была хорошо известна на Руси еще со времен существования раннефеодального Древнерусского государства. В летописном материале той эпохи содержится более 100 разнообразных древнерусских актов, вышедших из великокняжеской и княжеских канцелярий⁵. Составители этих документов должны были знать смысл формулярных статей как современных им, так и предшествовавших актов, творчески перерабатывать их в соответствии с выдвигаемыми общественной жизнью требованиями делопроизводства. Поэтому именно их следует считать первыми дипломатистами-формуляроведами⁶.

Эта же среда поставляла и определенное число «подписчиков», т. е. тех, кто изготавлял подложные письменные документы, известные в довольно значительном количестве. Особенно нередки они среди жалованных грамот, купчих, закладных и прочих документов, которыми феодалы разных рангов пытались закрепить за собой имущественные права и привилегии⁷.

В связи с возрастанием роли архивных материалов как действенного средства в борьбе за политическое объединение русских земель в единое Русское централизованное государство московской великокняжеской канцелярией в XIV — XV вв. было развернуто изучение сложившегося делопроизводства: систематизировались документы, вырабатывались формулы, соответствовавшие новым политическим задачам и интересам московской великокняжеской власти. Одним из результатов этой деятельности явилось создание при великокняжеском и митрополичьем скрипториях специальных сборников копий поземельных актов и формулярников княжеских грамот⁸. Копийные книги не только обеспечивали лучшую сохранность документов, но и служили практическим целям делопроизводства.

Период собственно практического развития отечественной дипломатики завершился в первой половине XIX в., когда началась интенсивная публикация большого количества актового материала и появились первые исследования по отдельным вопросам ее проблематики. Н. И. Новиков в 20-томной «Древней Российской Вивлиофонке» (1782) опубликовал значительное число списков с «редких грамот», их описаний и «росписей их». В первой трети XIX в. развернула издательскую деятельность специальная комиссия при

Московском архиве Коллегии иностранных дел во главе с ее организатором — государственным деятелем конца XVIII — начала XIX в. и меценатом Н. П. Румянцевым. Члены комиссии выступили с широкой программой разработки русской истории, результатом претворения в жизнь которой явилось издание в 1813—1828 г. пяти томов актов русских и зарубежных архивов под названием «Собрание Государственных грамот и договоров» (1813—1828). Однако массовая публикация актового материала была осуществлена созданной в 1834 г. в Санкт-Петербурге Археографической комиссией. На протяжении большей части XIX — начала XX в. ею были изданы имеющие научное значение и в настоящее время «Акты юридические» (1838), трехтомник «Акты, относящиеся до исторического быта Древней России» (1857—1884), а также многотомные серии: «Акты исторические» и «Дополнения к актам историческим», «Акты, относящиеся к истории Западной России» (1846—1855), «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» (1863—1892), «Русская историческая библиотека» (1872—1918). Важную роль в развитии исторических исследований на Украине сыграл актовый материал 35-томного «Архива Юго-Западной России», изданного в 1861—1914 г. Киевской комиссией для разбора древних актов. Большое количество разнообразных актов опубликовано на рубеже XIX — XX вв. в отдельных тематических подборках и документальных коллекциях, а также периодических изданиях исторического характера.

Ввод в научный оборот значительного массива актового материала — основного источника по социально-экономическим и политическим проблемам древней и средневековой отечественной истории — создал солидную основу для развития источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, в том числе и дипломатики. Еще в XVIII в. М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов и другие русские ученые сформулировали идею критического подхода к источникам и наметили его основные приемы. В дипломатике, задачи которой все еще отождествлялись с задачами общей критики источников, на первый план выдвигалось изучение конкретных разновидностей актов X — XVII вв., методов установления их подлинности.

А. И. Лаптев предпринял попытку обобщить опыт по дипломатическому исследованию рукописей⁹. В 1819 г. С. Г. Саларев дал краткий обзор главных разновидностей русских актов, в том числе «крепостей», т. е. купчих, закладных, поступных, а также сдаточных, полных, отпускных, раздельных, духовных, отказных и межевых, заемных кабал, поручных и т. п.¹⁰ Это была первая попытка классификации актового материала. К тому же времени относится публикация в Москве анонимного исследования «Об актах крепостных, завещательных, договорных, заемных и вексельных», в котором дано определение акта как «знака, утверждающего принадлежность какой-либо вещи, или отношение одного человека к другому», рассмотрены отдельные его разновидности, воспроизведены образцы

формуляров старинных частных актов. Профессор Киевского университета А. Федотов-Чеховский подготовил и издал собрание русских юридических актов XV — XVII вв., которому предпослав дипломатический обзор «правых грамот», характеризующих судопроизводство, организацию государственного управления, феодальное землевладение и т. д.¹¹

В дипломатическом плане характеризовались различные виды грамот, актов. Но в целом теория дипломатики в XIX в. разрабатывалась слабо. Введение в научный оборот большого количества актового материала потребовало его тщательной классификации и применения новых методов исследования. Но не хватало специалистов в области дипломатики.

В конце XIX в. дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина преподавалась в университетах и в Московском археологическом институте. Оказать им помощь в подготовке квалифицированных кадров историков-дипломатистов и в развертывании исследовательской работы над документами призван был Петербургский археологический институт, организованный в 1877 г. русским историком, юристом, археографом и архивистом Н. В. Калачевым.

Изучение актового материала средневековой Украины началось в первой половине XIX в., и поначалу также преимущественно ставились задачи установления аутентичности документа. Развернулось дипломатическое изучение на Украине древнерусских грамот. Обобщающий очерк о дипломатике актов, бытовавших на украинских, белорусских и русских землях Великого княжества Литовского в XIV — первой половине XVI в., напечатал источникoved и историк права, профессор Харьковского (впоследствии Киевского и Московского) университета И. Н. Данилович. Одновременно профессор Харьковского университета К. Паулович предпринял попытку изложить теоретические основы дипломатики, но построил свой курс на материале западноевропейской дипломатики.

Во второй половине XIX в. продолжалась разработка вопросов преимущественно древнерусских грамот и украинских актов XIV — XVI вв.

На рубеже XIX — XX вв. историк-архивист М. Каманин посвятил ряд исследований разоблачению фальсификаций документов истории отдельных грамот галицких князей, а также гетмана Богдана Хмельницкого¹². Очерк истории актовых книг на Украине, возникших в крупнейших удельно-княжеских архивах, дал О. И. Левицкий¹³. По отдельным вопросам дипломатики украинских средневековых актов было опубликовано несколько работ также в Одессе, Львове и Варшаве. Им уделяли внимание представители буржуазной исторической науки Польши и Румынии¹⁴.

В конце XIX в. в буржуазной историографии России усилился интерес к вопросам социально-экономических отношений — появляются работы по истории феодального землевладения, крестьянства, городов. Историко-экономические исследования послужили стиму-

лом для интенсивного дипломатического изучения частноправовых актов, составивших их источникную основу. Существенный вклад в развитие этого направления сделал основатель в отечественной дипломатике школы формуляроведения А. С. Лаппо-Данилевский, начавший свою деятельность с анализа одной из книг крепостных актов конца XVI в. и издания собрания двинских актов, значительную часть которых составляли частные акты¹⁵. Разработанную свою методику анализа актов А. С. Лаппо-Данилевский проиллюстрировал на примере служилых кабал позднейшего типа¹⁶.

Еще в 1899 г., после избрания в академики, А. С. Лаппо-Данилевский возглавил археографическую работу в российской Академии наук. Ему было поручено составить «План издания архивных документов XVI — XVIII вв.», который он и представил в 1900 г. В плане обосновывалась идея издания преимущественно частных актов, для чего была выбрана коллекция грамот Коллегии экономики, где эти акты содержались в большом количестве (около 15 тыс. единиц)¹⁷. Последующие почти два десятилетия А. С. Лаппо-Данилевский возглавлял подготовку к изданию этих грамот как теоретик-дипломатист и археограф: Группировавшиеся вокруг него ученики и последователи составили школу русской дипломатики частных актов. А. С. Лаппо-Данилевский и его школа разработали в предреволюционные годы общую методику изучения актов и начали исследования отдельных разновидностей частных актов. В специальном сборнике статей были рассмотрены некоторые вопросы методики исследования частных актов, охарактеризованы их отдельные разновидности¹⁸. Хотя в большинстве этих работ вне поля зрения остались общественные отношения, отразившиеся в актах, они имели положительное значение: в них определены характерные, общие черты формуляра различных видов актов, выявлены основные клаузулы (составные его части), выработана терминология¹⁹. В 1917 г. С. Шумаковым издана еще одна обобщающего характера работа, посвященная частным актам. Автор сделал плодотворную попытку классифицировать разновидности актового материала²⁰.

Первые два десятилетия XX в. отмечены более интенсивной разработкой теоретических вопросов русской буржуазной дипломатии. Усилилось влияние на русских ученых теоретического опыта, накопленного западноевропейской дипломатикой. На ее принципах, примененных к отечественному актовому материалу, был, в частности, построен курс лекций по дипломатике, который вел в начале XX в. на археографическом отделении Московского археологического института Н. Н. Ардашев²¹.

Н. П. Лихачев, читавший спецкурс тогда же в Петербургском археологическом институте, был наиболее видным представителем того направления формальной дипломатики, целью которого являлось скрупулезное исследование внешних признаков подлинности письменного источника. К дипломатике он относил палеографию, хронологию, сфрагистику, подчеркивал ее тесную связь с историей

учреждений-фондообразователей, «из которых проистекали акты», а также с лингвистикой, геральдией, генеалогией, археологией, нумизматикой и другими «отраслями исторического ведения»²². Подобное расширенное толкование предмета и выделение определения степени достоверности документальных материалов как основной задачи дипломатики было традиционным для дипломатистов дореволюционной России²³.

Но наивысшего развития русская буржуазная дипломатика достигла в работах А. С. Лаппо-Данилевского и его учеников, представлявших другое направление — формуляроведение. Их теоретические разработки обобщены и приведены в систему в «Очерк русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского²⁴. Эта работа стала своеобразным итогом процесса ограничения предмета дипломатики познанием формы документа и совершенствования формулярного способа его исследования. Начало этому методу в России было положено в середине XIX в. историковедческим изучением актового материала²⁵. Суть его состоит в фиксации при помощи картографирования изменений клаузул формуляра определенного вида актов, что дает возможность проследить в пространстве и во времени эволюцию его структуры и, следовательно, выделить внутривидовые типы формуляров, подвергнуть их научной систематизации и анализу.

В «Очерке русской дипломатики частных актов» более широко и последовательно, чем в предшествующих теоретических разработках по отечественной дипломатике, применены категории общего источниковедения: анализ (внешняя и внутренняя критика), синтез и др.

По определению А. С. Лаппо-Данилевского, дипломатика — это «учение о документах и актах», она «изучает их как источник и как явление». По этой причине «дипломатика естественно распадается на две части, которые можно назвать: документальным источниковедением и документальным построением актов. Документальное источниковедение выясняет принципы и приемы интерпретации и критики актов. Документальное построение выясняет происхождение актов, их состав, разновидности их формуляров, выработанных в разных канцеляриях, способов их удостоверения и т. п.»²⁶. Основной материал по методике исследования актов и документов изложен в двух разделах.

В первом из них, названном «Документальное источникование», приоритет отдается интерпретации акта, т. е. познанию его смысла (герменевтике). «Вообще интерпретация акта стремится установить то значение, какое составитель акта хотел придать ему», — так объяснял предназначение этой логической операции А. С. Лаппо-Данилевский²⁷. Достичь указанную цель помогает правильное прочтение документа, определение его вида и проч. Следующая операция — это критика источника, которая устанавливает его научную ценность для реконструирования исторической действитель-

ности. Как ее существенная часть рассматривается выяснение подлинности источника, устанавливаемая на основании его внешних и внутренних признаков.

Анализу и синтезу посвящен раздел «Документальное построение частных актов». Анализ частного акта как таковой подразделяется на предварительный (его целью является определение места и времени происхождения документа), дипломатический и юридический. «Дипломатический анализ акта,— писал А. С. Лаппо-Данилевский,— устанавливает типический формуляр данной группы актов»²⁸. Юридический анализ в методике исследования играет вспомогательную роль. Он нужен для определения границы между публичным и частным актом, правового характера отраженной в нем сделки, юридического значения конкретного вида частных актов, древности и др. Синтез акта «состоит в выяснении того, что придает ему некоторое единство»²⁹.

Теория дипломатики и методика формулярного анализа разрабатывались А. С. Лаппо-Данилевским с идеалистических позиций. В советской источниковедческой литературе справедливо отмечалось, что «конкретно-историческая действительность очень часто оставалась за пределами исследования этого ученого»³⁰, а установление условного, «среднего», формуляра того или иного вида акта «затушевывало реальные общественные отношения, отразившиеся в акте»³¹. Отдельные стороны теории и методики дипломатического исследования актов, разработанных А. С. Лаппо-Данилевским, были подвергнуты конструктивной критике его учениками Г. М. Котляровым³² и С. Н. Валком³³, а впоследствии многими советскими учеными. Указав на существенные недостатки и изъяны, они в конечном итоге признают важную роль научного творчества А. С. Лаппо-Данилевского в развитии отечественной дипломатики. Он впервые поставил вопрос о подходе к актам не только как к источнику, но и как к историческому явлению. Предложенный им формулярный анализ стал специфическим методом и главным отличительным признаком дипломатики как науки, позволил в условиях комплексного изучения письменных памятников уточнить присущие только ей задачи и тем самым занять более определенное место в системе других исторических дисциплин.

Диалектический материализм создал методологическую базу научного познания исторических источников. Утверждение марксистско-ленинской методологии в отечественном источниковедении «потребовало изучения акта как явления конкретной общественной жизни, выяснения его классового содержания и политической направленности. Встал вопрос об отражении в актовых формулярах и их эволюции реальной действительности со всеми ее противоречиями и происходившими в ней изменениями. Одной из центральных проблем дипломатики сделалась проблема соотношения формы и содержания актов»³⁴. Активное участие в становлении советской дипломатики приняли лучшие представители школы А. С. Лаппо-Да-

нилевского, вставные на позиции марксизма, синизма — С. Н. Валк, А. И. Андреев, А. А. Шилов и др.

Особенно плодотворно продолжал изучение частных актов С. Н. Валк. В 1922 г. была опубликована его работа, в которой исследовались грамоты полные в связи с развитием крепостного права³⁵. В 1924 г. по поводу выхода в свет первого тома «Сборника грамот Коллегии экономии» им напечатан краткий очерк истории русской дипломатики частного акта³⁶, в котором раскрыты причины перехода от анализа публично-правовых актов к анализу частных актов, свершившегося во второй половине XIX в., отмечен тот факт, что до развертывания работ по изданию грамот Коллегии экономии, предпринятой Академией наук, их дипломатическое исследование в течение десятилетий осуществлялось «путем разработки отдельных групп материала, оперирования случайными, а не методическими приемами изучения, без сознания преемственности научного труда»³⁷. Уже в ранних своих работах С. Н. Валк поставил задачу воссоздать историю русского частного акта, а затем исследовал эту проблему на протяжении многих лет. Он наметил основные этапы эволюции акта с древнейших времен до XVI в. В интерпретации С. Н. Валка она предстает как процесс исчезновения из акта «элементов доактовых форм укрепления сделок» и усиления его «удостоверительного аппарата»³⁸.

Исследование ученого по истории частного акта осталось незавершенным. В вышедшем в 1937 г. очерке «Начальная история древнерусского частного акта» дан лишь обзор литературы по этому вопросу и предпринята попытка определить время появления этого акта. Обосновывая положения, что частный акт появился в Пскове (либо Полоцке) и Новгороде в XIII в., а «на территории удельных княжеств» остальной феодальной Руси лишь во второй половине XIV в., С. Н. Валк произвел анализ палеографических и дипломатических признаков нескольких наиболее ранних из сохранившихся актов³⁹.

Выводы С. Н. Валка относительно датировки древнейших частных актов оспорил М. Н. Тихомиров, настаивавший на подлинности всех поставленных под сомнение актов на основании произведенного им дополнительного палеографического и дипломатического анализа⁴⁰. Его общий вывод таков: «Древняя Русь была не бесписьменной страной и знала публичные и частные акты уже в XII в., а вероятно, и ранее — в XI в., что вполне совпадает с нашими представлениями о высоте русской культуры в киевское время»⁴¹. Тем не менее вопрос о подлинности древнейших актов Киевской Руси нельзя считать окончательно решенным. Необходимость его дальнейшего изучения подтверждают новейшие разыскания⁴². Никем не оспоренной остается и предложенная С. Н. Валком схема эволюции частного акта.

В конце 20-х годов формуляроведческое направление в украинской дипломатике наиболее полно отразилось в работе львовского

историка и источниковеда И. П. Крипякевича, подвергшего формулярному анализу универсалы Б. Хмельницкого⁴³. Ученый определил формулярный состав гетманских универсалов и их типическую форму, что дало возможность четко отличать подлинные универсалы от подложных, сделать попытку изучить практику канцелярии гетмана, изменения в его титулатуре и т. д. Проведенное И. П. Крипякевичем дипломатическое изучение универсалов Б. Хмельницкого сохраняет научное значение, оставаясь единственным формуляроведческим исследованием по украинской дипломатике.

В 30-х годах в исследованиях актовых разновидностей утверждается подход к акту как к историческому явлению, непосредственно связанному с конкретной общественной средой и обусловленному ею. Так, И. И. Смирнов в связи с процессом закрепощения русского крестьянства установил три этапа в развитии формуляра послужных грамот XVI в.⁴⁴

В апреле — мае 1939 г. историк и источниковед С. Б. Веселовский читал аспирантам Историко-архивного института в Москве лекции, в которых особое внимание обращалось на внутреннюю и внешнюю критику документов, характеризовалась дипломатика как научная дисциплина, раскрывалось значение учения о формулярах правительственныех и частных актов, «трафаретных оборотов языка памятников» для «правильной интерпретации толкования документов и использования их для исторического исследования»⁴⁵. Дипломатику С. Б. Веселовский определял как дисциплину, «главной задачей которой является критика первоисточников со стороны их формы, в широком смысле слова, т. е. со стороны их оформления, внешних признаков». Вместе с тем он подчеркивал, что «дипломатическая критика документов не ограничивается выяснением подлинности или подложности тех или иных документов и времени их написания и, выходя за пределы так наз [ываемой] внешней критики, оказывает большую пользу исследователю в некоторых вопросах внутренней критики, т. е. критики документа со стороны содержания».

Отметив тенденцию к ограничению предмета дипломатики «критикой актов, правительственныех и частных, преимущественно юридических», С. Б. Веселовский подчеркивал, что «современная дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина значительно расширила поле своего исследования и вышла далеко за пределы того учения, которое первоначально называлось дипломатикой». Наблюдения С. Б. Веселовского относительно дипломатики и ее методов исследования, несмотря на их фрагментарность, представляют немалый научный интерес, свидетельствуя о значительном развитии исследований в области этой дисциплины. Преподавание дипломатики проводилось также в Ленинградском и Киевском университетах.

В 1940 г. Н. Н. Коробков опубликовал очерк истории дипломатики, в котором освещается также методика дипломатического иссле-

дования актов, ставится вопрос о предмете и задачах дисциплины, принципах классификации актов и т. д.⁴⁶ Лекции С. Б. Веселовского и работа Н. Н. Коробкова показывают, что их авторы исходили из всестороннего анализа дипломатикой актов как источников и памятников исторической действительности. Характерное для А. С. Лаппо-Данилевского искусственное раздвоение процесса изучения актового источника между источниковедением и документальным построением отвергнуто советской дипломатикой⁴⁷.

Во второй половине 30-х годов была развернута подготовка к научному изданию всех сохранившихся актов до начала XVI в.— необходимой источниковой основы для дальнейшего развития вспомогательных исторических дисциплин, в том числе — дипломатики.

В послевоенное время развитие советской дипломатики определялось задачами разработки методики изучения большого количества актового материала, введенного в научный оборот его систематической публикацией в 40—50-х годах и продолжавшейся в последующие десятилетия. Все более укреплялись марксистско-ленинские методологические основы советской дипломатики, ее связь с источниковедением. Важнейшую роль в этом сыграла работа Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV — XV вв.»⁴⁸, в которой автор творчески применил к анализу актового материала и законодательных памятников средневековой Руси методологию исторического материализма, сформулировал применительно к рассматриваемому им комплексу источников ряд требований и методов исследования⁴⁹. Тем самым был открыт новый этап в развитии советской дипломатики. «Глубоко ошибочным является тот путь,— подчеркивал Л. В. Черепнин,— которым шли буржуазные историки и юристы,— путь простой сводки заимствованных из разных грамот статей в общий единый текст. Марксистский диалектический метод требует, напротив, выяснения происхождения тех исторических явлений, которые нашли свое отражение в актовом формуляре, в его изменяющихся правовых нормах»⁵⁰. Ученый отмечал, что при работе над этими документами исследователь должен анализировать социальную обстановку, в которой возник акт, с целью выяснения политического смысла его составления, проводить текстологический анализ групп связанных между собой актов, определять соотношение, в котором они находятся, характер и смысл изменения текста, исследовать историю феодальных архивов и влияния новых политических ситуаций на степень сохранности актов, их переделку и подделку. Исходя из этого Л. В. Черепнин предпринял удачную и плодотворную попытку реконструкции архивов, сложившихся в процессе образования Русского централизованного государства в XIV — XV вв. История феодальных архивов, содержание документов были проанализированы в их взаимосвязях. При этом эволюция формуляров актов дана исследователем в связи с основными этапами развития поземельных отношений, с изменениями в государственно-политическом устройстве.

ве и внутренней политике великокняжеской власти, с характером феодального правосознания в XIV — XV вв.

Особое внимание Л. В. Черепнин уделил изучению копийных сборников, в составе которых до нашего времени дошло почти 2/3 актов — княжеской документации, поземельных актов феодалов, а также законодательных кодексов. Он установил, что «копийные книги представляют собой не просто механическую сводку списков с единичных актов», а особый вид источников, создание которых было связано с «важными явлениями из истории феодального общества в различные периоды, с моментами обострения классовых и внутриклассовых противоречий»⁵¹. Фундаментальный труд Л. В. Черепнина во многом определил направленность поисков и методику исследования советских историков при изучении документальных материалов феодальной эпохи.

К проблемам дипломатики Л. В. Черепнин неоднократно обращался в своих последующих трудах⁵².

Для советской дипломатики 50 — середины 80-х годов характерна интенсивная разработка нескольких исследовательских направлений в актовом источниковедении. Продолжается изучение конкретных разновидностей актового материала: правовых, губных, таможенных грамот, служилых кабал, крестьянских порядных и докладных и др., все более при помощи специальных методов дипломатики⁵³. Особое внимание уделяется анализу формуляра древнерусских актов, духовных и жалованных грамот. Изучение жалованных грамот как важнейшего источника по истории иммунитета феодального землевладения было начато Л. В. Черепниным, наметившим основные этапы эволюции их формуляра. С. М. Каштанов, которого жалованные грамоты интересовали как средство великокняжеской политики и в связи с вопросами истории местного управления в Русском государстве, на основе тщательного анализа их формуляра прослеживает малейшие колебания иммунитетной политики правительства в XVI в.⁵⁴

Начатое Л. В. Черепниным изучение копийных книг продолжили С. М. Каштанов, Л. И. Ивина, а также А. А. Зимин⁵⁵, развившие и конкретизировавшие выводы своего предшественника. Л. В. Черепнину и С. М. Каштанову возражали Н. Е. Носов и А. И. Копанев⁵⁶, считавшие, что копийные сборники — это подборки переписанных наиболее важных документов, созданные с целью «сохранности и удобства пользования ими монастырскими властями», и поэтому судить об этих документах следует по тому значению, которое им придавали их составители, а не в более позднее время, когда с них снимали копии. Копийные книги различного характера исследовали другие историки⁵⁷.

Дипломатика украинского акта примерно до середины 60-х годов разрабатывалась весьма слабо. Ее проблематика сводилась, в сущности, к выявлению подлогов и фальсификаций документов⁵⁸. Отдельные обзоры формы актов проводились во вступлениях к

публикациям документального материала эпохи феодализма. И. Свенцицкий продолжал изучение древнерусских грамот, начатое им в 30-х годах⁵⁹, западноукраинских грамот XIV — XV вв.⁶⁰

В 1963 г. Киевский университет издал лекции по дипломатике А. А. Введенского⁶¹, в которых уделялось внимание подлогам и фальсификации исторических документов, а также развитию отечественной дипломатики, задачу которой ученый видел в том, чтобы «критически проверить правдоподобие актов и при помощи дипломатического анализа выявить подделанные или фальсифицированные акты, неприемлемые для воссоздания исторического процесса»⁶².

Интенсификации научных изысканий по дипломатике способствовало издание выпусков сборника «Історичні джерела та їх використання». Авторы рассматривали формальные признаки актовых книг, дипломатику украинских актов XIII — XVII вв., изменения формуляра актовых документов Волынского облисполкома в связи с эволюцией формы их констатирующей и постановляющей частей⁶³.

Характерным для работ ученых Украинской ССР являлось то, что в них преимущественно исследовались вопросы, связанные с аутентичностью и подделкой актов, либо особенности их формальных признаков⁶⁴.

Начиная с 70-х годов в работах по источниковедению истории феодальной Украины все большее внимания уделяется взаимосвязи формы и содержания документов, характеристике их видовых отличий. В связи с этим все чаще применяются некоторые приемы исследования из арсенала дипломатики. Особенно это характерно для источниковедческих исследований Н. П. Ковальского, который в работах (изданных в Днепропетровске в 1977—1984 гг.) о массовых источниках по социально-экономической истории, классовой борьбе народных масс Украины в XVI — XVII вв., произвел классификацию актов по их содержанию и видовым признакам внутри крупнейших документальных комплексов, в отдельных случаях выяснил соответствие содержания документа его оформлению, изменения его структуры в пределах вида и др. Вместе с тем следует отметить, что изучение актового материала источниками республики на основе специфического для дипломатики подхода не получило широкого распространения.

Интенсивные исследования по разным проблемам и направлениям актового источниковедения, совершенствование методики анализа обусловили потребность в дальнейшей разработке теоретических основ дипломатики. В 60-х годах были предприняты попытки рассмотреть итоги развития советской дипломатики, наметить дальнейшие перспективы ее развития⁶⁵.

В статье Я. Р. Дацкевича, посвященной украинской советской дипломатике, освещена история становления дисциплины на Украине, выдвинуты конкретные задачи по повышению уровня исследовательских работ. Дипломатику Я. Р. Дацкевич определял как дисциплину, изучающую виды, происхождение, структуру и содержание

грамот и других актовых источников с целью установления их аутентичности, времени создания и т. д. Выступая против ограничения объекта дипломатики актами юридического характера, он разделяет мнение о двойственности содержания и задач ее, подчеркивая, что, будучи составной частью общего источниковедения, она прежде всего занимается критикой акта как исторического источника, и вместе с тем, исходя из специфики своего объекта, изучает его и как памятник духовной культуры определенной эпохи.

Повышение уровня развития дипломатики на Украине Я. Р. Дашкевич ставит в прямую связь с улучшением качества исследовательских работ по истории средневековой Украины, интенсификацией изучения вспомогательных исторических дисциплин, активизацией археографической деятельности в области издания документальных источников по истории Украины феодального периода, подготовкой соответствующих кадров. Им же определены некоторые проблемы дипломатики украинского средневекового акта, нуждающихся в безотлагательной теоретической разработке⁶⁶.

Следует отметить, что, к сожалению, многие из выдвинутых в конце 60-х годов задач в области развития дипломатики на Украине остались неосуществленными и поэтому сохраняют свою актуальность и поныне. Новые возможности для оживления дипломатических исследований в республике открываются в связи с участием историков УССР в подготовке к изданию актов Литовской метрики, которая осуществляется Институтом истории АН СССР совместно с Академией наук ПНР⁶⁷.

Проблемы развития отечественной дипломатики на современном этапе нашли свое теоретическое обоснование в работах С. М. Каштanova⁶⁸. Он четко определил значение дипломатики как исторической дисциплины, имеющей свои специфические объекты и методику изучения⁶⁹. С. М. Каштанов уточнил предмет дипломатики, ограничиваясь актами с древнейшего времени до конца XVIII в. и исключительно договорного содержания⁷⁰, что предполагает их отделение от прочих актовых документов (законодательных, просительных, процессуальных и т. п.) и самой дипломатики от документоведения.

«Специфическим методом и одновременно главным отличительным признаком дипломатики как науки,— подчеркивает С. М. Каштанов,— является формулярный анализ, в котором широкое применение находит дипломатическая текстология и дипломатическая статистика»⁷¹. Главной задачей этого анализа является воссоздание формуляров определенных небольших групп документов внутри актовой разновидности, индивидуальные формуляры которых совпадают целиком или частично. Проблему установления подлинности актовых материалов С. М. Каштанов не относит к числу главных задач дипломатики, а считает ее неизбежным побочным результатом дипломатического исследования⁷². Разработанные С. М. Каштановым в его «Очерках русской дипломатики» и других работах методика конкретного дипломатического анализа и такие важные

вопросы теории дипломатики, как ее предмет и задачи, связь с другими дисциплинами, система классификации актов имеют большое научное значение, составляя основу этой исторической дисциплины на современном этапе ее развития.

Нельзя не заметить однако, что в своей теоретической части труды ученого выполнены в русле той из двух главных тенденций развития вспомогательных исторических дисциплин, которая ведет не только к совершенствованию методических приемов, но и к сужению круга исследуемого ими материала и в конечном счете к их дифференциации. Между тем современная историческая наука ставит перед вспомогательными историческими дисциплинами задачи расширения круга исследуемых ими источников и хронологических рамок за счет документов нового и новейшего времени.

С позиций необходимости учитывать тенденцию к интеграции вспомогательных исторических дисциплин и расширению их предмета исследования было подвергнуто критике сформулированное С. М. Каштановым определение дипломатики как дисциплины, изучающей лишь документы сделочного характера⁷³. За принципиальное расширение предмета дипломатики в направлении изучения всех памятников письма — актовых и повествовательных — высказался В. В. Фарсобин⁷⁴, который предложил обосновать предмет дипломатики, исходя из ее функции, а не объекта исследования⁷⁵. Исходные позиции критических замечаний В. В. Фарсобина подверг критике Л. В. Черепнин, отметив, в частности, недостаточную обоснованность его предложения размежевывать вспомогательные дисциплины только лишь по их функциям в изучении источников⁷⁶.

Н. А. Соболева, рассматривая принципиальные расхождения во взглядах С. М. Каштана и В. В. Фарсобина на предмет дипломатики, указала путь разрешения полемики — это дальнейшая «практическая работа с новыми разновидностями документации, имеющей четко выраженный формуляр», разработка и углубление теоретических основ дипломатики, возможного на основании создания «монографического исследования о возникновении различных формуляров, их эволюции, причинах изменения и т. д.»⁷⁷.

Эти же задачи стоят и перед украинской советской дипломатикой, которой предстоит еще многое сделать в области формулярного анализа конкретных разновидностей актового и другого документального материала.

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ

В советский период приемы дипломатики, в частности формулярный анализ, распространяются на изучение различных документов новейшего времени. Постепенно все больше проявляется межвидовой характер документоведения. Как научная дисциплина документоведение изучает закономерности образования документов в раз-

личных областях человеческой деятельности, разрабатывает способы создания документов, организацию документооборота и построение систем документирования.

Объектом исследования данной дисциплины является документ как средство закрепления различным способом на специальном материале информации о фактах, событиях, явлениях объективной действительности и деятельности человека. Документ — остро социальный объект, создан человеком и для человека. Веками вырабатывались формы документов и методы работы с ними, рассчитанные на индивидуальные возможности и конкретные исторические условия. В результате складывались определенные параметры документов, рациональные приемы передачи информации и др. Все эти свойства документов обеспечили им широкое применение как в деятельности учреждений, так и в личном общении людей.

Основной методологической задачей документоведения является исследование генезиса документа. Конкретно-исторический анализ документов и их систем, условий и побудительных мотивов, формирование тех или иных черт документов позволяет отделить закономерно возникшие особенности от случайных, субъективных, а также прогнозировать развитие документов.

Успешному решению этой основной задачи способствует использование источниковедческих работ, из которых документоведение черпает богатый фактический материал, выводы⁷⁸.

Документоведение исследует способы составления документов в их историческом развитии, дает им общую классификацию и оценку, выдвигая задачи на перспективу. Эта отрасль знаний занимается также изучением применения различных видов документов в деятельности государственных учреждений, определенных лиц. При изучении отдельных документов анализу подвергаются функции, ими выполняемые. Рассмотрение документов в различных аспектах позволяет классифицировать их в целом.

При исследовании документов, их формуляров и реквизитов в историческом плане рассматриваются элементы, признаки и разновидности данных источников, автор, содержание, заголовки, индексы, датировки, подлинность и др. Таким образом, используются приемы внешней и внутренней критики документов. Особое внимание уделяется изучению содержания и разновидностей документов при различных способах документирования, характеристике их систем. Из поколения в поколение передавались приемы внешней критики документов: датирование по сортам бумаги с филигранями, особенности расцветки чернил, способы привешивания печатей, эмблематика на печатях и др. Внутренняя критика документов осуществлялась по их структурному, формулярному анализу⁷⁹. Постепенно складывались традиции создания документов, устанавливалось оформление документов — подписи, скрепы, печати и пр. С документоведением тесно связано делопроизводство.

Как система оно сложилось в XVI — XVII вв., — в период образования и развития централизованного Русского государства, создания аппарата государственного управления, центральных и местных органов власти и управления, нуждающихся в документировании своей деятельности.

Термин «делопроизводство» начал употребляться в органах управления Русского государства — приказах. Тогда же возникло и понятие «дело» как совокупность документов, отложившихся в процессе рассмотрения и решения того или иного вопроса. Это название возникло в связи с тем, что в государственных учреждениях, начиная с приказов, процесс рассмотрения и решения тех или иных вопросов («дел») назывался «производством дел».

По мере развития государства, расширения аппарата, возрастила необходимость в документальном отражении правовых норм, фактов и событий, связанных с деятельностью государства и его учреждений. Документы приобретают все большее значение в жизни и деятельности людей.

В отечественной литературе, по некоторым подсчетам, содержится более 40 различных формулировок понятия «делопроизводство»⁸⁰, но ни одно из них не могло полностью соответствовать целям документоведения. Длительное время существовали противоречивые точки зрения на вопрос о содержании делопроизводства. Одни специалисты отождествляли делопроизводство с управленческим трудом в целом, другие рассматривали его как сугубо вспомогательный участок работы, составляющий функцию только делопроизводственного обслуживающего персонала учреждений (работников канцелярий, секретарей).

Современное понятие «делопроизводство» включает в себя деятельность, охватывающую вопросы документирования и организации работы с документами в процессе управленческих действий. Зачастую только к изучению управленческой документации сводят функции документоведения, хотя на деле оно должно изучать всю совокупность документов, возникших в деятельности социалистического общества⁸¹.

Делопроизводство в советских учреждениях и организациях это — важный и ответственный участок их деятельности. С правильной постановкой делопроизводства неразрывно связана успешная работа государственного аппарата, учреждений, а отсюда во многом зависит качество создания документальной базы для изучения истории советского общества, накопленных в архивах письменных источников, раскрывающих созидательную работу советского народа. Если из делопроизводства советских учреждений, где каждодневно создается значительное количество документов, в архивы будут поступать неправильно оформленные документы, бессистемно сгруппированные в дела, то использование их в научных целях будет затруднено.

Совершенствование структуры, форм и методов работы учреждений, развитие техники вызвали появление новых видов и форм документов, средств и методов запечатления и обработки информации, новых ее носителей. Решение сложных задач, вставших перед делопроизводством, настойчиво требовало изучения и обобщения опыта его постановки в различных учреждениях, разработки методических пособий и теоретических разработок. Еще в 20-х годах в нашей стране, в том числе и в Украинской ССР, был издан ряд пособий по делопроизводству⁸². В них наряду с практическими рекомендациями, ставились теоретические и методологические вопросы, касающиеся проблем системы документирования и т. д. Этими работами, деятельность различных учреждений по научной организации труда было положено начало становления советского документоведения.

Первым обобщающим трудом по истории делопроизводства в СССР было учебное пособие К. Г. Митяева «Теория и практика архивного дела» (М., 1946), раздел которого был посвящен общему документоведению. В 1959 г. издано второе учебное пособие того же автора — «История и организация делопроизводства в СССР», в котором с марксистско-ленинских позиций рассматривались основные вопросы развития делопроизводства в учреждениях дореволюционной России и его современная организация в советских учреждениях.

Ряд работ посвящен истории делопроизводства советского периода, унификации административных документов в советских учреждениях и др.⁸³ Общим недостатком является их обзорно-описательный характер. Документоведение непосредственно связано как с общим источниковедением, так и с отдельными историческими дисциплинами, каждая из которых в своем плане изучает документальные материалы, возникшие в делопроизводстве. Делопроизводство и источниковедение изучают структуру, свойства документальной информации в историческом развитии.

Как известно, архивоведение и делопроизводство имеют общий объект изучения — документ. Для архивоведения важнейшей задачей является отбор из всей совокупности государственной, общественной и личной документации достаточно представительного массива, который мог бы объективно характеризовать историю общества при сравнительно ограниченном количестве дел. Архивы, призванные хранить и использовать документальные источники, выполняют свои задачи тем успешнее, чем лучше по содержанию и оформлению, богаче по объему информации и обстоятельнее систематизированы документы, созданные в делопроизводстве. Именно в архивах, где сосредоточиваются документы и выступают особенно рельефно все недочеты, допущенные в текущем делопроизводстве.

Советские историки-архивисты при научной обработке документальных материалов, поступивших в архивы для хранения и использования, стремятся максимально учесть исторические особенности

их возникновения и организации. Только при этом условии можно обеспечить сохранение исторически сложившихся взаимосвязей между документами и их комплексами и тем самым помочь правильному использованию исследователями этих ценных источников.

Круг задач документоведения постоянно расширяется, изменяется акцент в изучении отдельных категорий документов, их свойств и признаков. Различные стороны документов издавна интересуют специалистов многих наук: юристов интересует прежде всего функция доказательства историков — запечатление информации, работников информатики — коммуникативная функция⁸⁴. Особый интерес для историка представляет содержащаяся в документе информация о процессах, происходящих в обществе. Поэтому ее выделили в самостоятельную функцию документа — социальную.

Документоведение, наряду с изучением формальных признаков документа, изучает его содержание⁸⁵, социальное изучение. Именно поэтому в особые группы выделяются «нормативно-распорядительные акты», «документы коллегиальных органов», «письма», «заявления и жалобы трудающихся» и др. Особенно важно определить, какую социальную функцию выполняет тот или иной документ для историка, так как его работа основана на методе использования социальной информации, которая содержится в документах.

Более конкретно социальная функция выражается в создании информационного обеспечения общества в виде документов, наиболее рациональных при традиционных методах работы, а также форм, пригодных к обработке средствами вычислительной техники. Выполнение такого социального заказа связано с необходимостью новых подходов и организации научных исследований в документоведении.

В 60-х годах в организации научных исследований по документоведению использовался делопроизводственный подход. Для него характерно то, что документы рассматривались преимущественно с точки зрения их организации (учета, хранения, поиска) в текущем делопроизводстве. В связи с этим в орбиту изучения попадала лишь часть документов, так или иначе проходящих через делопроизводственные подразделения (канцелярии, общие отделы). При делопроизводственном подходе информационная сущность документа не затрагивалась, активное воздействие осуществлялось лишь на процессы, происходящие с уже составленными документами.

В начале 70-х годов на смену делопроизводственному подходу в организации научных исследований приходит так называемый системный. На его основе документы рассматриваются как информационная система, возникающая в качестве средства, способа достижения тем или иным уровнем управления заданной ему цели. Научные исследования направлены на информационную сущность, причем каждый документ или вид документа рассматривается не изолированно, а в комплексе. Новый подход заключается в переходе от использования только качественных информационных характеристик документов к количественным, позволяющим более точно оце-

нить объект исследования. Например, уже в настоящее время количественные характеристики используются при построении формуляров документов и размещении реквизитов, при определении необходимых объемов информации, установлении целесообразности тех или иных рационализаторских работ⁸⁶.

При изучении отдельных документов делопроизводства учитывается ряд характеризующих их признаков (разновидность, автор, адресат, содержание и др.), важнейшие из которых используются для составления так называемого формуляра документа⁸⁷.

Изучение формуляров документов, создаваемых в делопроизводстве, имеет большое научное и практическое значение. Оно помогает установить различные признаки документов, необходимые при их научной обработке и использовании в архиве.

Таким образом, формулярный анализ, который широко применяется в дипломатике, целесообразно распространять не только на акты, но и на другие виды источников. В советское время это положение получило новое подтверждение. Распространение приемов дипломатики на изучение документов новейшего времени свидетельствует о большом их значении для познания документов всех периодов и различных видов⁸⁸.

Научно-технический прогресс влияет на развитие всех наук и научных дисциплин, в том числе документоведения. Для определения основных направлений исследований в документоведении важно установить их связь с общими тенденциями научно-технической революции. Только на этой основе можно выдвигать на первый план документоведческих исследований наиболее актуальные вопросы, тесно связанные с развитием экономики и управления, совершенствованием документального обеспечения потребностей общества.

В советском документоведении дифференциация научных знаний привела к организационному оформлению этой научной отрасли и созданию специализированного научно-исследовательского учреждения для изучения и развития ее проблем — Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела.

Документоведение как научная дисциплина о функционировании документа в социальной среде испытывает на себе как прямое, так и косвенное воздействие научно-технической революции, которая вынуждает менять в определенной мере направление, формы и методы исследования. В результате разработки новых видов технических средств появились новые носители информации и принципиально новые способы ее фиксации. Естественно, для документирования возникает проблема их изучения: выявления состава реквизитов, способов удостоверения и др.

Для того чтобы в полной мере раскрыть и использовать возможности НТР для развития документоведения, необходимо тщательно изучать отечественный и зарубежный опыт разработки основ документоведения, историю документа и прогнозы информационного обеспечения различных сторон жизни общества.

ГЛАВА VIII ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТРОЛОГИЯ

Историческая метрология — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю мер — их возникновение и соотношение, складывание и развитие измерительных систем в хозяйстве разных народов, изменение мер и их систем во времени. Изучение единиц денежного счета относится к ведению нумизматической метрологии.

Четкое представление о мерах, употреблявшихся в прошлом, помогает исследователю глубже понять суть явлений экономической истории, лучше раскрыть смысл источников, которые ее отражают, и применить к изучению экономических явлений прошлого статистический метод.

Поле деятельности исторической метрологии простирается от древнейших времен вплоть до установления метрической системы измерения. Однако наибольшее для истории значение имеет познание мер эпохи феодализма, которые отличаются разнообразием и сложностью взаимосвязей и в значительной степени остаются неизвестными науке и по сей день.

В отечественной науке первые дошедшие до нас памятники метрологии относятся к XVI в. Они возникли в результате свойственного этому периоду роста экономики, развития внутреннего рынка и укрепления международных экономических связей. Во второй половине XVI в. была составлена и в первой половине XVII в. дополнена новыми сведениями так называемая «Торговая книга», о содержании которой красноречиво говорит ее пространное название: «Книжка описательная, како молодым людям торг вести и знати всему цену, и отчасти в ней описаны всяких земель товары различные, их же привозят на Русь немцы и иных земель люди торговые». Эта книга открывалась статьей «О весах и мерах», в которой характеризовалась подробно метрология того времени и представлялись кратные соотношения мер, употреблявшихся на рынке.

Метрологический трактат — «Статья о мерах» — содержался также в относящихся к тому же времени руководствах по арифметике — «Счетных мудростях»². В изданной в 1703 г. «Арифметике»

Л. Ф. Магницкого, популярной на Украине, метрологии уделялось особое внимание. В ней не только детально описывались меры, употреблявшиеся в Российском государстве, но и содержался экскурс в зарубежную историческую метрологию древности — иудейскую, греческую, римскую³.

В то же время появились и практические руководства по использованию отдельных видов мер. Метрологические наставления составителям писцовых книг, фиксировавших состав и хозяйственные возможности тяглого населения, содержали, например, «Книга сошного письма 7137. (1628 / 29) г.»⁴, «Роспись полевой меры 1709 г.»⁵ и межевые инструкции 1754 и 1766 гг.⁶

Свообразным метрологическим руководством явилась составленная в конце XVIII в. в связи с подготовкой нового законодательства о мерах «Выписка из законов о мерах и весах». Она не только содержала юридические сведения о мерах с середины XVII до середины XVIII в., но и комментировала соответствующие законодательные распоряжения⁷.

Главным образом практический интерес к мерам перерос в научный интерес к их развитию лишь в начале XIX в. Это отразилось прежде всего в научных трудах. Так, значительное внимание мерам уделил в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин. Первые в отечественной историографии специальные историко-метрологические работы написал сотрудник Комиссии по мерам и весам 1827 г. А. И. Ламберти. В его очерке истории мер на Руси с древнейших времен использованы данные летописей и других памятников письменности, а также материалы работы Комиссии мер и весов 1736—1742 гг.⁸

Еще более многочисленный материал исторических источников, в частности по древнерусскому периоду (данные «Русской Правды», летописей, хронографов, записок путешественников), привлек к историко-метрологическому исследованию П. Г. Бутков. Это свидетельствовало о становлении исторической метрологии как раздела исторической науки: на основании кропотливого анализа разнообразных исторических сведений была сделана попытка представить эволюцию мер длины, начиная с древнерусского периода. В его статье охарактеризовано большинство этих мер, впервые сделаны более или менее обоснованные выводы об их величинах и соотношениях, дано первоначальное представление о существовании их системы. Примечательно, что по более позднему периоду Бутков использовал некоторые украинские материалы⁹.

Возросший к середине XIX в. общий интерес к исторической метрологии отразила «Записка для обозрения русских древностей» Д. И. Яворницкого (Спб., 1851). Ученый обратился в «Записке» к читателям с призывом сообщать в Археологическое общество об отечественных культурных древностях, в том числе и метрологических. Имелся в виду сбор этнографических сведений об измерительных обычаях, орудиях, единицах измерения, их соотношении, проис-

хождении — отечественном или иностранном и т. п. Содержавшиеся в работе рекомендации сопровождались достаточно подробным очерком истории различных мер.

В середине XIX в. продолжала развиваться и прикладная метрология. В соответствующих работах на основании издаваемых источников описывались меры, применявшиеся в разных странах, иногда с историческими экскурсами. Не утратил справочного значения и поныне, например, труд Ф. И. Петрушевского, в котором в алфавитном порядке стран, их областей и торговых центров, начиная с древних Вавилона, Персии, Рима и Греции, излагаются разнообразные метрологические сведения и указываются величины конкретных измерительных единиц, их соотношения с современными мерами, называются их торговые стандарты¹⁰. Введение в книге носит теоретический характер, отражая главные достижения метрологической науки середины XIX в. Автор попытался дать общую характеристику мер по их видам и определить их взаимную связь, а также объяснить причины их разнообразия и показать его истоки, проследить эволюцию мер от первобытных до современных ему эталонных.

Значительный материал о мерах, применявшимся на Украине, содержался в статьях о метрологии польско-литовской, Галиции и Буковины, а также в описаниях мер стран, поддерживавших в прошлом торговые и культурные связи с Украиной, например, Молдавии, Валахии, Венгрии.

Со временем опубликованы новые справочные издания, содержащие материал, близкий к украинской метрологии. Архивариус Вильнского архива древних актов Н. Горбачевский опубликовал «Археографический календарь на 2000 лет», включавший статью «Литовско-польская метрология с переводом на русскую» и метрологические таблицы, посвященные метрологии Речи Посполитой¹¹. Измерительные системы и методы, принятые в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве, а позже — Речи Посполитой, в течение нескольких веков оказывали серьезное влияние на развивающуюся украинскую метрологию. Некоторые из этих мер функционировали и на Украине, особенно — в государственной сфере, хозяйстве крупных феодалов и торговле.

Таблицы польских и литовских единиц измерения составлены Н. Горбачевским, главным образом, на основании материалов правительственной Комиссии образцовых мер и весов 1827—1835 гг., имевшей целью введение на территории Российской империи новых общегосударственных измерительных стандартов. Вследствие этого в таблицах представлены в большинстве случаев сведения о мерах, упраздненных указом 1835 г., часть которых употреблялась на Украине, особенно на Правобережье.

Широкий историко-метрологический материал содержал составленный Н. Горбачевским «Словарь древнего актового языка»¹², представляющий несколько больший интерес, чем рассмотренная выше работа, для изучения украинской метрологии, так как в нем

учтены, кроме нормативных сведений, данные разнообразных исторических источников, прежде всего архивных, отразивших живую метрологическую практику прошлого.

Метрология как вспомогательная историческая дисциплина сложилась в России во второй половине XIX в. Тогда же положила начало украинской исторической метрологии статья А. Лобко¹³, который правильно отметил разнообразие мер на Украине в XVIII в. и на основании опубликованных и отчасти архивных источников дал общую характеристику метрологии воссоединенного с Россией Левобережья.

Это был переломный период, когда традиционные местные меры и измерительные обычаи на Украине столкнулись с унифицированными уже давно общегосударственными, действовавшими в Российской империи. Такое положение явилось причиной начатых в 20-е годы XVIII в. правительственные мероприятий, направленных на унификацию местных мер, которые со временем свелись к попыткам введения в метрологическую практику Левобережной Украины общегосударственных стандартов. Статью А. Лобко дополняет публикация приказа П. А. Румянцева-Задунайского в Малороссийскую коллегию о мероприятиях по введению единой системы мер на Украине. В статье и в опубликованном документе приведен выразительный материал, свидетельствующий о неудаче правительственные мероприятий по унификации мер. А. Лобко по этому поводу выразил сожаление и подчеркнул, что унификация мер на Украине в XVIII в. стала насущной экономической потребностью.

Статья А. Лобко оказалась единственной в дореволюционной историографии работой, посвященной изучению непосредственно украинской исторической метрологии. Однако ученые, занимавшиеся метрологией, с особым вниманием относились к древнейшим метрологическим свидетельствам, прежде всего к данным письменных источников по древнерусскому периоду. Метрология же Древней Руси послужила генетической основой для развития метрологии периода феодальной раздробленности, а позже — метрологии братских русского, украинского и белорусского народов.

Существенный вклад в разработку русской метрологии древнейшего периода внес Д. И. Прозоровский (1820—1894), которого в начале XX в. называли отцом русской метрологии. Он изучал историю мер разных видов, начиная с древнейших, используя при этом массовые печатные и архивные исторические источники — летописные, нормативные, мемуарные и др.¹⁴ В трудах историка обстоятельное развитие получило учение о систематическом характере мер по их отдельным видам. Довольно широко разработана история древнейшего слоя мер и выявлены тенденции и направления их дальнейшего развития. Все это дало возможность ученому создать первый в отечественной науке обобщающий труд (курс лекций) по исторической метрологии, явившийся опытом систематической обра-

ботки накопленного к концу XIX в. историко-метрологического материала¹⁵.

А. И. Никитский высказал ряд обоснованных положений, иногда гипотетического характера, о путях развития мер объема, земельных мер и др. в Древней Руси¹⁶.

В начале XX в. вышла в свет обобщающая работа С. К. Кузнецова, в которой подводились итоги исследований большого фактического материала. В ней дан подробный перечень метрологических источников¹⁷.

Таким образом, дореволюционная наука внесла вклад в изучение раннего периода развития метрологии восточнославянских народов. Было составлено общее представление об их содержании, системах, путях и закономерностях развития. Обращено было также внимание на разнообразие мер периода феодализма на Украине и сделана попытка объяснения этого явления.

Интерес к исторической метрологии после Великой Октябрьской социалистической революции был следствием общего в советской науке внимания к изучению социально-экономической истории, в отношении которой историческая метрология играет важную вспомогательную роль. Именно в послереволюционный период было положено начало систематическому изучению украинской исторической метрологии на марксистско-ленинской методологической основе. Первая статья А. З. Неселовского о мерах сыпучих тел на Подолии¹⁸ носила локальный характер. Данная тема привлекла внимание ученого в связи с тем, что в этом крае система мер сыпучих тел значительно отличалась от соответствующих показателей соседних украинских земель. Исследование осуществлено на основании скрупулезного сопоставления систематических данных люстраций отдельных староств Подолии за период с 1494 г. по конец XVI в.

Серия статей по метрологии опубликовал известный львовский историк К. Соханевич, продолживший изучение системы мер сыпучих тел на Подолии¹⁹. Однако для определения объемов отдельных мер он использовал источники другого рода, чем А. З. Неселовский, а именно данные о ценах на зерно. К. Соханевич исследовал также меры сыпучих тел Червонорусских земель, охватывавших территорию бывшего Галицкого княжества (по административному делению XV — XVIII вв. — Русское и Белзское воеводства)²⁰. Как справочник о мерах, употреблявшихся на территории Речи Посполитой, в том числе и на украинских землях, прежде всего — на Львовщине и Подолии, представляли интерес историко-метрологические таблицы, составленные К. Соханевичем и опубликованные в «Вадемекуме» Т. Вербовского²¹. В них были представлены меры, учреждавшиеся на коронных землях конституциями 1565 и 1764 гг. и в Литве — конституцией 1766 г. Примечания к таблицам содержали характеристику отдельных единиц измерения.

Метрологический поиск в советской исторической науке велся и в более общем плане. В 1927 г. опубликована статья И. Н. Ерофеева

о древних украинских мерах²². В ней подчеркнуто вспомогательное значение историко-метрологических разработок при изучении экономической истории. И эта их важная роль определена как главная для исторической метрологии. В статье подведены итоги метрологических наблюдений по истории феодальной Украины, а также исследований в области русской и польской исторической метрологии относительно мер на территории Украины начиная с периода Киевской Руси и до конца XVIII в. Ученый высказал мнение о влиянии на формирование древнейшей метрологии этих земель исторических, прежде всего торговых контактов с Римской империей, черноморскими греческими колониями, Византией и задунайскими землями. И. Н. Ерофеев правильно обратил внимание на возможность скрытых более поздними наслоениями древнейших заимствований в метрологии Юго-Западной Руси, появившихся на разных исторических этапах.

Автор рассмотрел историю некоторых украинских мер и определил их метрологические значения, главным образом — по нормативным документам государств, в состав которых входили украинские земли. Однако зачастую приводится и разрозненный материал. Поэтому метрологические выводы И. Н. Ерофеева могут служить лишь ориентиром для суждений о величинах мер в конкретно-исторических условиях их функционирования. Статья снабжена небольшим словарем метрологических терминов со ссылками на опубликованные источники и исторические труды, таблицами мер и денежного счета, материал для которых позаимствован, главным образом, из метрологических таблиц Н. Горбачевского, охарактеризованных выше. Несмотря на некоторые недостатки, статья и до сих пор остается единственным обобщающим трудом по украинской метрологии и сохраняет справочное и научное значение.

Продолжительное время метрологические исследования в нашей стране не проводились. Значение для дальнейшего изучения метрологии Украины имело создание обобщающих курсов русской метрологии. Начало этой работе было положено трудами Н. В. Устюгова в довоенные и первые послевоенные годы²³. В 1944 г. вышла также книга Л. В. Черепнина, охватывавшая развитие русской исторической метрологии с древнерусского периода вплоть до XX в.²⁴ В этих трудах детально, насколько позволяло состояние источников, рассматривалась метрология Древнерусского государства и Руси периода феодальной раздробленности, освещались экономические причины возникновения в период феодальной раздробленности территориальных различий в метрологии, особенно в мерах объема, в частности сыпучих тел. Отмечалась также преемственность мер древнерусского периода и периода феодальной раздробленности до эпохи позднего феодализма. Подчеркивался в значительной степени пережиточный характер мер XVI — XVII вв. Книга Л. В. Черепнина содержала краткий очерк польско-литовской метрологии и несколь-

ко общих замечаний об источниках по украинской и белорусской метрологии XVI — XVII вв. (с. 84—89).

В послевоенный период все более интенсивно разрабатывались социально-экономические проблемы истории Украины периода феодализма. С расширением их источниковедческой базы возрос интерес и к исторической метрологии. В 1949 г., разрабатывая вопросы феодальной экономики Украины конца XVI в., Д. Л. Похилевич попутно изучал волочную померу²⁵. Он уточнил устоявшееся в науке представление, что на размер волоки в Речи Посполитой влияло качество земли, доказав, что в соответствии с «Уставой на волоки» 1557 г. размер волоки-меры являлся всюду одинаковым. Размеры же волоки-надела на разных землях Великого княжества Литовского и позже — Речи Посполитой менялись в зависимости от принципа раздела земли. Таким образом, ученый решил важный вопрос о мере площади, употреблявшейся на Украине вплоть до конца XVIII в.

Статья Я. Д. Исаевича («Деякі питання української метрології...») положила начало новой серии работ по метрологии. Опираясь на опыт изучения исторической метрологии Галичины, Подолии и других земель Речи Посполитой XV — XVIII вв., особенно приобретенный в 30-е годы львовской школой историков-экономистов, а также на собственные наблюдения над материалами опубликованных и архивных источников, автор высказал соображения относительно перспектив развития на Украине историко-метрологических исследований. В науке наблюдалась недооценка разнообразия мер на Украине периода феодализма и недостаточное внимание уделялось факторам, которые воздействовали на меры и вызывали их изменения. Ученый предостерег от преувеличения значения метрологических заимствований в формировании украинской метрологии, а также от некритического распространения данных метрологических источников, возникших на материалах официальных документов Речи Посполитой, на метрологию украинских земель, пребывавших в ее составе. На основе печатных и рукописных источников Я. Д. Исаевич составил таблицу единиц измерения, употреблявшихся на украинских землях в XVI — XVIII вв.

В главе учебника по исторической метрологии «Вспомогательные исторические дисциплины» В. И. Стрельский развивал мысль о местном происхождении и национальной специфике украинской метрологии²⁶. В. И. Стрельский полагал, что в условиях польских, а также русских метрологических влияний украинскую местную метрологию можно наблюдать в более чистых формах по мере удаления от торговых и политических центров феодальной Украины, что полностью подтвердилось последующими исследованиями, в частности, на материале Левобережной Украины XVIII в. Ученый отметил необходимость изучения украинской метрологии при исследованиях по истории экономики Украины периода феодализма.

Благотворное влияние на развитие исторической метрологии Украины оказал опыт соответствующих исследований в РСФСР. Особенно следует отметить достижения в этой области Е. И. Каменцевой, написавшей в соавторстве с Н. В. Устюговым синтетическую монографию²⁷. В ней освещены основные этапы складывания и развития мер в связи с историей Российского государства и его метрологической политикой. Значительное внимание в ней уделено мерам периода Киевской Руси. Этот материал представляет несомненный интерес для генетически родственных украинской и белорусской метрологии и может послужить отправной точкой для изучения еще неисследованной метрологии большинства древнерусских княжеств периода феодальной раздробленности — Киевской, Галицко-Волынской, Черниговской земель, что имело бы значение не только для последующего изучения метрологии Украины, но также для метрологии России и Белоруссии.

Развитие русской метрологии в период позднего феодализма, которому отведено значительное место в монографии, является ценным материалом для исторических параллелей с метрологией воссоединенной с Россией Украины, неуклонно сближавшейся с русской, в эпоху угасания в ней региональных различий.

Метрологические исследования на Украине происходили в двух направлениях. Большинство работ по-прежнему содержало частные наблюдения историков, главный предмет изучения которых составляли другие области исторических знаний. Часть выходивших в последние годы статей содержала попутные историко-метрологические наблюдения, представляющие большой интерес для специалиста-метролога, но главным образом как дополнение к более глубоким метрологическим исследованиям²⁸. Существенным недостатком этих работ является бессистемность исследования историко-метрологических источников, их случайный характер.

Второе направление отражало систематические исследования историко-метрологического материала. В этих исследованиях неоднократно обращалось внимание на разнообразие мер периода феодализма на Украине. Бытовали не только одноименные меры разных фактических значений, но и разные измерительные системы, вступавшие в сложное взаимодействие. Это происходило из самого характера феодального хозяйства, в значительной мере натурального, что содействовало возникновению локальных метрологических групп. В условиях, когда каждый феодальный собственник олицетворял высшую власть на территории своего владения, меры разнообразились также и потому, что отражали разные формы и ступени эксплуатации трудящихся. Ведь право метрологического контроля всегда было атрибутом власти и орудием классового господства. Вследствие этих социально-экономических причин, а также специфики политической истории Украины, земли которой веками входили в состав соседних государств, нередко в каждом значительном населенном пункте Украины существовали особые измерительные

стандарты. Почти каждая из мер того времени, упоминавшаяся в источнике, содержит в своем названии географический определитель. Более того, судя по данным источников, для измерения продуктов или товаров одного вида существовало по несколько разных по фактическому значению одноименных мер. Известны также разнообразные способы использования одной и той же меры.

Таким образом, сведения случайных документов по исторической метрологии могут ввести в заблуждение даже искушенного исследователя. Адекватные историческому прошлому представления о метрологических системах можно получить лишь систематически изучая исторические источники. При этом синхронные материалы должны представлять исследуемый регион Украины, впоследствии и Украину в целом наиболее полно географически.

Показательно, что каждый из исследователей, так или иначе касавшийся возможностей и перспектив развития украинской метрологии, обращал внимание на тот факт, что использование нормативных документов, особенно государственных юридических актов, для реконструкции феодальных измерительных систем чревато серьезными фактическими ошибками. Это касается не только значений отдельных единиц измерения, но и их взаимосвязей между собой и построения их систем в целом. Действительно, метрологические материалы конституций Речи Посполитой имели в виду, прежде всего, меры, употреблявшиеся на территории польских земель. Направленные на унификацию мер, они не достигали цели по общим социально-экономическим причинам, из-за господства магнатско-шляхетской анархии в государстве, сводившей на нет даже экономически назревшие начинания правительства. Решения же местных сеймиков по вопросам метрологии вообще оставались лишь благими пожеланиями. Именно потому, например, нормативные источники по истории метрологии Речи Посполитой, в состав которой в течение столетий входили украинские земли, вовсе не упоминают о ведре. Между тем ведро, как свидетельствует массовый материал украинских источников, было наиболее распространенной на Украине мерой жидкостей (не только тарой), которая с древнерусских времен принадлежала к измерительным стандартам и продолжала оставаться таковой вплоть до новейших времен.

Более того, ориентация на нормативные источники неизбежно влечет за собой ложные теоретические построения. К ним прежде всего относятся не соответствующие исторической действительности представления о динамике развития метрологических систем, особенно на путях их унификации.

Однако не только большинство исследователей прошлого охотно использовало в трудах нормативные материалы, но зачастую с несколько повышенным вниманием к ним относятся и современные исследователи²⁹. Объяснить это можно прежде всего тем, что эти материалы более ярки и доступны, чем прочие историко-метрологические источники. Думаем также, что именно трудности выявления

источников по исторической метрологии стали одной из главных причин ее недостаточной исследованности. Поиск должен вестись в огромной массе письменных памятников по социально-экономической истории Украины. Именно они представляют истинное состояние метрологии прошлого. Источники эти разнообразны: это городские материалы, в частности отражающие развитие торговли, особенно — таможенные книги, актовые книги с записями о разнообразных торговых сделках, магистратские хозяйствственные документы и др. Особую ценность имеют систематические материалы, например, приходо-расходные книги, документы по управлению крупными феодальными хозяйствами (магнатскими и старшинскими), материалы ревизий, люстраций, переписей и т. п. Изучение их приводит к важным и, что особенно ценно — доказательным и надежным историко-метрологическим выводам. В историографии метрологии Речи Посполитой, в том числе украинской, следует отметить опыт широкого исследования одного из наиболее насыщенных метрологической информацией комплексов источников — ведомостей о ценах. Эти источники были изучены статистически в серии работ по истории цен в крупнейших городах Польши, а также Львове, в том числе и с точки зрения метрологии, в семинаре по социально-экономической истории Львовского университета под руководством Ф. Буяка в конце 20-х — начале 30-х годов. Одним из наиболее глубоких из этих исследований является труд С. Хощовского о ценах во Львове в XVI — XVII вв.³⁰

При общей недостаточной разработанности украинской исторической метрологии особое значение приобретает исследование подобных отдельных локальных комплексов источников. Примером такого исследования явился осуществленный Н. Ф. Котляром на материале львовских городских приходо-расходных книг за 1404—1426 гг. расчет значений для львовской и луцкой специальной меры веса — камня, с помощью которой взвешивались воск и другие ценные товары³¹. При этом автор обратил внимание на существование локальных отличий в величине камня даже в территориально близких местностях.

Несколько позже в Институте истории АН УССР подготовлено исследование метрологии Левобережной Украины XVIII в.³² Основным материалом для него послужили архивные документы, отражающие хозяйственную деятельность центральных и местных учреждений Левобережной Украины, коллекции письменных памятников, в частности богатая по содержанию коллекция Маркевича, а также мемуарная литература. Эти источники достаточно полно представили Левобережную Украину географически — по территории десяти ее полков — и последовательно отразили отдельные периоды ее истории. Исследование привело к выводам о внутренней стройности метрологии Левобережной Украины XVIII в., что было обеспечено прежде всего строгим соблюдением обязательного для исторической

метрологии принципа географического единства и хронологической последовательности изучаемых источников.

Изучение крупного комплекса историко-метрологических источников — Генеральной, так называемой Румянцевской, описи Левобережной Украины — ведется в Институте истории АН УССР и сейчас³³. Ученым удалось выявить региональное деление мер площа-ди и объяснить его социально-экономические истоки, определить метрологические значения отдельных единиц измерения, исследовать некоторые тенденции развития мер площа-ди на Украине XVIII в.

В массе источников историка-метролога непременно привлекают материалы о фальсификации мер. Этот вид источников редок, но несет в себе необычайно обильную информацию относительно объема, внешнего вида мер, способов измерений и т. п., ярко выявляет национальный колорит метрологии и ее местную специфику³⁴.

Не меньший интерес представляют реликты измерительных орудий. Старые «мерки», корцы, кварты и безмены входят в экспозицию исторических музеев и музеев народного быта. Кое-где в быту удержались и метрологические орудия и способы измерения. Однако этот вид источников еще ждет своего исследователя.

Недостаточно разработанной остается методика исследования метрологических источников. В связи с тем что упоминания об истинных объемах мер сыпучих тел, размерах мер площа-ди, величинах мер веса и т. п. встречаются в источниках редко (разве только в делах о фальсификации мер), особое значение приобретает метод компартиативного изучения данных разнообразных источников по одному предмету. Применение этой методики возможно на материалах ведомостей о ценах, ревизий и люстраций имений, переписей и т. п. Особенно интересны подобные документы, составлявшиеся по инициативе органов государственной власти. В них возможны сравнения фактически употреблявшихся мер местного происхождения с общегосударственными, литовскими, польскими, русскими, венгерскими стандартами.

Примерами применения подобной методики изучения метрологических источников являются проводившиеся в Институте истории АН УССР исследования данных ведомостей городских магистратов Левобережной Украины XVIII в. о ценах на продовольственные товары, представлявшиеся в центральные органы государственной власти, и Генеральной описи 1765—1769 гг., в которой размеры земельных площа-дей определялись не только в местных земельных мерах и мерах высева зерна, но и параллельно — в общегосударственных мерах — квадратных саженях и десятинах³⁵.

В изучении массового материала, каковым в большинстве своем и являются историко-метрологические источники, содержащие лишь названия мер без информации об их величинах, полезным может оказаться метод их статистического исследования. При создании трудов, фиксирующих все разнообразие мер, желательно картогра-

фирование результатов исследования. Метод синхронных и повременных карт поможет в определении динамики развития мер и измерительных систем, выявлении метрологических влияний.

Характерной чертой феодальной метрологии является высокая степень инертности мер и измерительных приемов. Это касается и древнейшего круга мер — антропометрических и других их видов, употреблявшихся в примитивном феодальном хозяйстве, которое мало способствовало прогрессивным изменениям в мерах и измерительных приемах. Основной чертой части мер, получивших широкое распространение в хозяйстве, являлась их неразрывная связь с измерявшимся продуктом, качества которого, характер производства, продажи и определял измерительное содержание этих метрологических единиц. Например, хозяйственная и торговая мера «папуша» обозначала пучок табачных листьев определенного размера, зависевшего от сорта и качества табака. Несмотря на то что меры эти были приблизительны по значению, им была свойственна необычная устойчивость, так же, как и хозяйственным формам, в которых они возникли. Крепко связанные с народным бытом и трудом, они пережили официальную метрологию периода феодализма и капитализма и, приспособившись к метрической системе, продолжают использоваться до сих пор. На традиционные народные меры почти не влияли государственные метрологические унификационные мероприятия. Однако развитие метрологии на них все же отразилось: усовершенствование способов измерения в период позднего феодализма и в капиталистическую эпоху приводило к параллельному использованию народных мер и более прогрессивных способов измерения, особенно в торговле. Это в отдельных случаях дает материал для определения величин наиболее распространенных народных мер.

Интерес к народной метрологии не угасает до сих пор. Первым ее исследованием стала статья Л. Дорошевич, в которой на общем фоне развития народных математических знаний описаны и сопоставлены народные меры, употреблявшиеся в начале XX в. в хозяйстве и торговле на Полтавщине и Волыни³⁶.

Этнографическое исследование народной метрологии имеет большое значение для дальнейшего развития историко-метрологических знаний. Ведь в большинстве случаев предметом ее изучения становятся метрологические реликты прошлого. Очень важно также, что исследователи народной метрологии, как правило, пытаются выяснить величины единиц измерения. К сожалению, известия относительно мер, употреблявшихся в прошлом, в этнографических работах не всегда датированы. Да и датировка не всегда надежна и требует дополнительной проверки.

Ныне этнографическое изучение метрологии расширяется³⁷. Собирается материал производственного характера, например, связанный с определением величины рыбного улова, исследуются исторические истоки измерения сыпучих тел мешками, сена веревками,

шерсти рунами и т. п.³⁸ Актуальной задачей этнографии и краеведения остается сбор этнографического материала по исторической метрологии, чему большое значение в свое время придавали Ф. И. Петрушевский, Д. И. Прозоровский, Д. И. Яворницкий.

С этнографическим изучением народной метрологии смыкается лингвистический анализ ее терминологии. Лингвисты вносят значительный вклад в развитие украинской исторической метрологии, поскольку их исследования, как правило, содержат этимологический анализ метрологической терминологии, что, естественно, требует исторических экскурсов. В статье И. Дзендзеливского, например, представлена эволюция народной метрологической терминологии Закарпатья, начиная с периода раннего феодализма³⁹. Украинская метрологическая лексика с древнейших времен до наших дней на территории всей Украины исследуется в труде В. А. Винника⁴⁰.

Среди работ, посвященных развитию украинской метрологической лексики, особый интерес представляют исследования метрологической терминологии исторических источников⁴¹. Перспективным представляется метод исследования, к которому прибег венгерский славист Э. Балецкий. Исследуя лингвистические источники на историческом фоне, ученый выявил венгерское происхождение употреблявшейся на Украине XVIII в. меры жидкостей — антала⁴².

Исследования метрологической лексики, как и этнографическое изучение метрологии, помогает раскрыть происхождение мер, употреблявшихся на Украине до введения метрической системы, показать их самобытный характер, механизм формирования измерительных систем, выявить повременные наслоения в системах, а также иностранные влияния, т. е. решать задачи историко-метрологического порядка.

Изучение метрологических терминов в их семантическом развитии имеет не только теоретическое, но и практическое значение для исторической метрологии. Оно помогает составить наглядное представление о таких широко распространенных в прошлом единицах измерения, как голова сахара, гуска соли, картуз табака, круг воска и других подобных и дать им количественные характеристики. Особенno это касается древнейшего слоя мер длины антропометрического происхождения, например сажени, локтя, пяди и других, а также единиц измерения, возникновение которых связано с орудиями труда или трудовыми процессами. Для дальнейшего изучения функций мер важны сведения о древнейшем значении таких метрологических терминов, как прут, шнур, корх, настрамок, топорище и т. п., выводы относительно того, когда слово приобрело метрологическое значение и какова была его роль вплоть до нашего времени. Заметим, что некоторые метрологические термины сохранили до сих пор первоначальный смысл, и выявление этого обстоятельства помогает формированию исторически правильного представления о мерах прошлого.

Большое внимание разработке вопроса о генезисе древнерусских мер уделено в трудах Б. А. Рыбакова. Ученый подверг критике историко-метрологические теории, которые сходство мер и измерительных систем у разных народов объясняли главным образом заимствованиями и миграциями их от народов более развитых к менее исторически развитым. Подобное сходство, утверждает Б. А. Рыбаков, обусловлено сходными условиями возникновения простейших древних мер. Так, исследование древнерусских мер длины, проведенное историком, показало, что в основе систем мер длины, лежат элементарно простые движения рук человека или частей его тела, и именно поэтому и схожи меры длины у разных народов.⁴³

Н. А. Шостын высказал мнение о возможности некоторых опосредованных Римом и Византией влияний Древнего Востока на складывающуюся метрологию Древней Руси.⁴⁴ В последующий период, особенно со времени завоевания западных земель Украины Польшей и включения большей части ее территории в состав Великого княжества Литовского, иностранные влияния на развитие местных мер проявляются более выразительно.

Историография отразила существование разных мнений относительно интенсивности влияний иностранной, главным образом польской, и в меньшей мере литовской метрологии на украинскую. Общепринятым считается мнение об автохтонности украинской метрологии, неизменно подтверждаемое конкретными разработками. Нет оснований считать значение иностранных влияний в формировании украинской метрологии решающим, хотя А. З. Барабой в свое время сильно его преувеличил, подкрепляя свои утверждения лишь несколькими примерами правобережных мер XVII — XIX вв.⁴⁵

Конечно же, украинская феодальная метрология формировалась именно тогда, когда украинские земли входили в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, и литовская, и польская метрология могла оказать на украинскую известное влияние. Причем следует думать, что на некоторые земли Украины влияние оказалось сильнее, чем на другие. Галичина, например, пребывавшая в составе Польского королевства уже в XIV в. и впоследствии поддерживавшая тесные связи с польскими землями, в частности в эпоху второго издания крепостничества, когда она включилась в европейскую торговлю через Польшу. Кроме того, более устойчивое здесь фольварочное и, особенно, магнатское хозяйство сыграло свою роль в насаждении польских мер в этом регионе. Однако и здесь местные меры были своеобразны и сильно отличались от польских. К. Соханевич, глубоко исследовавший галицкую метрологию XV — XVI вв., считал, что номенклатура украинских мер в Галичине неопровергимо свидетельствует об автохтонности местной метрологии, хотя и не исключал некоторых внешних влияний, в частности с Запада и Юга. На остальных же землях Украины иностранные метрологические влияния проявлялись значительно

меньше. Об этом ярко свидетельствует метрология Левобережной Украины XVIII в.

Тем не менее исторические международные параллели могут оказаться очень полезными в изучении украинской метрологии. Особое внимание хотелось бы обратить на белорусскую историческую метрологию. Исследования показывают, что значительная часть украинских и белорусских мер, употреблявшихся в период развитого феодализма, имела общее древнерусское происхождение⁴⁶. Кроме того, с XIV в., в период дальнейшего формирования измерительных систем, оба народа пребывали в сходных экономических и политических условиях, что также обуславливало в обеих метрологических системах возникновение общих черт.

Не следует упускать из виду и заимствования иностранных мер, происходившего, как правило, вследствие развития экономических контактов между различными районами. Среди мер иностранного происхождения, известных на Украине, можно назвать буту и антал, в которых измерялось вино, привозившееся на продажу соответственно из Молдавии и Венгрии, берковец — меру веса прибалтийского происхождения и др. Пути и время проникновения этих мер на Украину до сих пор остаются не изученными. Исключение составляют упомянутая работа Э. Балецкого об антале. Автор ее коснулся истории лишь в той мере, в какой исторические данные помогли ему в решении лингвистических задач. Выяснение времени и обстоятельств появления мер иностранного происхождения на Украине возможно лишь на достаточно широком общеисторическом фоне, так как в период феодализма это происходило, как правило, в ходе экономических контактов, чаще всего торговли, когда с товаром вместе по дальним международным торговым дорогам путешествовала и его мера.

Вообще историко-метрологические исследования тем обстоятельнее, а их выводы тем надежнее, если они не ограничиваются установлением величин единиц измерения, если меры рассматриваются как важное экономическое явление, а их развитие изучается как исторический процесс во всем богатстве его проявлений. Решение основных вопросов исторической метрологии — определения номенклатуры мер, их величин и взаимосвязей — должно вестись на фоне социально-экономического и политического развития, глубоко воздействовавшего на метрологию. Только изменениями условий политической и экономической жизни можно объяснить колебания значений единиц измерения и их хронологическую ограниченность. В результате подобного изучения украинской исторической метрологии можно будет преодолеть укоренившееся в науке представление о необыкновенном, почти непознаваемом разнообразии мер на Украине периода феодализма. Исследование метрологии Левобережной Украины XVIII в. показало, что несмотря на кажущуюся чрезвычайную пестроту, меры здесь пребывали в четких и устойчивых соотношениях и составляли стройные системы с региональными

отклонениями лишь в величинах. Выяснение обстоятельств и закономерностей формирования и развития метрологических систем на Украине является одной из важнейших задач. В частности, необходимо основательно исследовать украинскую метрологию Правобережья XVIII в. и всей Украины более раннего времени.

Изучение конкретного материала исторических источников поможет составить правильное представление о функциональном содержании древних мер. Напомним, что именно в нем польский метролог В. Куля видит одну из коренных причин разнообразия мер эпохи феодализма⁴⁷.

Интересы развития отечественной исторической метрологии требуют сосредоточения внимания на тех группах мер, которые отличались относительной стройностью своих систем и выполняли роль метрологических стандартов. Факторы, создававшие предпосылки для возникновения устойчивости в метрологических системах, существовали и в эпоху феодализма. К ним относились экономические контакты, имевшие место даже при господстве натурального хозяйства, прежде всего торговые — внешние и внутренние. Торговые меры получали более широкое распространение, чем меры, употреблявшиеся в феодальном хозяйстве. В соблюдении точности торговых стандартов были заинтересованы разные общественные слои, поэтому они отличались возможной в то время точностью и устойчивостью. В городах, торговых центрах феодального общества, и развивались тяготевшие к единству измерительные системы. Здесь же возникли и прогрессивные способы измерения. Важно отметить также то, что о городской торговле на Украине есть немало исторических источников.

Перспективным представляется картографирование мер в связи с географией городских рынков. Ожидает изучения вопросы организации метрологической службы в феодальном городе, а также изменения мер по актовой терминологии — «фальсификации», которую исследователи экономической истории Речи Посполитой, использовавшие материалы западноукраинских городов, связывают, в частности, с принудительной таксацией цен⁴⁸.

Нам приходится констатировать определенную локальную изученность исторической метрологии Украины: на систематических исторических источниках частично исследованы метрология Галичины, Волыни и Подолии XV — XVII вв. и Левобережной Украины XVIII в. И это выдвигает на ближайшее будущее задачу восполнения наших историко-метрологических знаний за счет исследования метрологии других земель Украины, желательно также на систематических исторических источниках. Задача подобных локальных исследований состоит в выявлении, с одной стороны — специфики метрологии отдельных земель, а с другой — того общего в их характеристиках, что объединяло метрологию Украины в единое целое.

Необходимостью является изучение мер в исторической последовательности начиная с древнерусского периода, когда закладыва-

лись основы измерительных систем, функционировавших в последующее время. Наименее изученным сегодня остается период складывания украинских измерительных систем, который, по-видимому, относится к эпохе формирования украинской народности. Большую трудность в этом представляет ограниченность социально-экономических источников, позволяющих вести историко-метрологические исследования. Однако пережиточный и застойный характер феодальной метрологии делает допустимым применение ретроспективного метода при изучении истории мер XIV — XVI вв.

Подобное исторически последовательное изучение метрологии отдельных земель Украины с непременным привлечением далеких и близких аналогий позволит со временем создать труды, в которых на основе критического обобщения опыта будет представлено развитие украинской метрологии во всей сложности и противоречивости. Это обеспечит надежную помощь исследователю проблем экономики феодальной Украины.

ГЛАВА IX НУМИЗМАТИКА

К наиболее исследованным советскими учеными вспомогательным историческим дисциплинам принадлежит нумизматика. Ее название происходит от греческого слова «номисма» — монета. Следовательно, нумизматика представляет собой науку о старинных монетах. Классическая нумизматика исследует монеты и монетное обращение начиная со времен возникновения чеканых денег в VII в. до н. э. и кончая рубежом XVIII и XIX вв.

Вскоре после появления первых монет родилось их коллекционирование. Уже в древнем Риме насчитывалось немало энтузиастов-коллекционеров, существовали крупные частные музеи, в которых хранились не только римские, но и более древние греческие монеты. В средневековье, как и в античной древности, монеты собирали короли и князья, купцы и образованные люди. Известно, например, что великий итальянский поэт Петрарка (1304—1374) был страстью коллекционером античных монет. Уже к середине XVI в. в Европе насчитывалось 850 крупных собраний монет, преимущественно частных.

В нашей стране коллекционирование древних монет берет начало в средневековье. Например, у патриарха Никона (согласно описи его казны 1656 г.) хранились даже византийские монеты X — XI вв., а в 1661 г. в Москве заезжему иностранцу показали целую коллекцию старинных русских монет. Видным коллекционером-нумизматом был Петр I, основавший в 1714 г. первый государственный музей Кунсткамеру, в составе которого было и монетное собрание. В 70-х годах XVIII в. были заложены основы нумизматической коллекции Эрмитажа.

Коллекционирование и родило особую отрасль вспомогательных дисциплин — нумизматику. В наше время принято считать, что нумизматика как область исторических знаний возникла в первой половине XVIII в. Первая лекция о монетах была прочитана в университете в Галле И. Г. Шульце в 1738 г. В XVI в. в европейских странах, главным образом в Германии, вышел ряд периодических изданий по нумизматике, имевших чаще всего название «Нумизмати-

ческие развлечения»¹. Но в современном смысле этого понятия нумизматика стала подлинной наукой только в XIX в.

Первоначально нумизматы занимались исключительно самими монетами: изучали их вес, размеры, изображения, легенды, классифицировали их, разделяли на типы и варианты. Из кладов отбирались наиболее ценные, нужные для исследований или для музеиных и частных собраний монеты, все же остальные переплавлялись как «не представляющие интереса». Постепенно ученые пришли к мысли, что каждый монетный клад является неизмеримо большей ценностью, чем составляющие его монеты.

Ведь кладовый комплекс можно рассматривать как слепок современного ему денежного обращения. Поэтому нумизматы принялись изучать монетное обращение, денежный рынок, что неминуемо расширяло рамки их исследований, вносило определенный вклад в разработку истории экономики. В наше время нумизматы успешно извлекают сведения общеисторического характера из своего специфического исследовательского материала. Примером подобных работ могут служить труды советского ученого И. Г. Спасского.

В предлагаемом вниманию читателя обзоре научной нумизматической литературы рассмотрены книги и статьи, посвященные денежному обращению и монетному делу на территории Украины эпохи феодализма (VIII — XVIII вв.). Поскольку денежное обращение на территории нашей республики в настоящем понимании этого термина, со всеми присущими ему функциями, началось во второй половине VIII в., мы открываем обзор анализом работ, в которых затрагивались вопросы бытования в указанном регионе куфических дирхемов. Эти арабские серебряные монеты буквально наводнили Восточную Европу в VIII — X вв.

Первую в нашей стране топографическую сводку находок куфических дирхемов составил в начале 40-х годов XIX в. Х. М. Френ, зафиксировавший сведения об известных ему 39 случаях обнаружения этих монет в пределах Российской империи². Необходимо отметить, что территория Украины — основной район находок арабских монет в Восточной Европе. Поэтому каждый исследователь обращения дирхемов должен посвятить немалую часть своего труда особенностям их бытования на будущих украинских землях.

Вскоре топография Х. М. Фrena была переиздана П. С. Савельевым на русском языке, пополненная списком новых находок, вместе с фундаментальным исследованием «О торговле Северо-Востока Европы в эпоху основания и утверждения Российской державы»³. Заметное воздействие на развитие исследований куфических монет произвели труды ученого-востоковеда В. В. Тизенгаузена, прежде всего большой каталог дирхемов с основательной вступительной статьей, в которой автор рассматривал и обращение этих монет на территории Украины⁴.

Следующая топографическая сводка находок куфических дирхемов в Восточной Европе появилась в начале XX в. Ее создание было

связано с большим количеством случаев обнаружения арабских монет после выхода в свет книги П. С. Савельева. Новую топографию составил знаток восточной нумизматики, многолетний сотрудник Эрмитажа А. К. Марков⁵. К сожалению, эта сводка лишена серьезной исследовательской статьи. И все же значение труда А. К. Маркова велико, поскольку количество зарегистрированных в нем случаев находок восточных монет вчетверо больше, чем у П. С. Савельева, что значительно расширило базу исследования.

Нумизматические изыскания ожились в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции. Это, в частности, касалось и восточной нумизматики. Используя топографию А. К. Маркова, П. Г. Любомиров написал работу о торговых отношениях Древней Руси со странами арабского Халифата⁶, но не достиг полного успеха, ибо ему недоставало знаний по нумизматике для научной интерпретации монетного материала. Вместе с тем сочинение П. Г. Любомирова послужило импульсом для дальнейшего исследования обращения арабских монет в Восточной Европе, в том числе на территории Украины.

Большой вклад в изучение закономерностей обращения куфических дирхемов на землях Восточной Европы в раннем средневековье внес советский нумизмат Р. Р. Фасмер. Он поставил вопрос об издании новой топографии находок восточных монет на территории нашей страны, учитывая нараставшее количество известий о новых находках этих памятников⁷. Ученому не удалось опубликовать собственную топографическую сводку находок куфических дирхемов на территории СССР, в которой, по его словам, насчитывалось 750 номеров.

В серии статей Р. Р. Фасмер впервые в нашей науке сформулировал четкую и научно обоснованную периодизацию бытования куфических дирхемов в Восточной Европе. Он сделал вывод, что интенсивное обращение арабских монет на восточнославянских землях началось в первые десятилетия IX в. и прекратилось в конце следующего, X в.⁸

Основные положения исследований Р. Р. Фасмера воспринял и развил В. Л. Янин. Он уточнил хронологические рамки обращения дирхемов в Восточной Европе и пришел к заключению, что арабские монеты начали попадать в названный регион не в начале IX, а в конце VIII в.⁹ Наблюдения автора этих строк над находками куфических дирхемов на территории Украины позволяют думать, что обращение этих монет в Юго-Западной Руси началось еще раньше — в середине VIII в.¹⁰ Мы исходим из того, что в Юго-Западную Русь арабские монеты попадали раньше, чем в другие земли Восточной Европы, следя вдоль водных и сухопутных путей, связывавших Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли с рынками Востока.

Куфические дирхемы были главными, но далеко не единственными монетами денежного обращения Юго-Западной Руси

VIII — IX вв. Вместе с ними на рынке функционировали византийские монеты, впрочем, не игравшие значительной роли, что подтверждается малочисленностью их находок¹¹, а также монеты древнерусской чеканки, златники и сребреники.

Древнейшим русским монетам конца X — начала XI вв. посвящена обширная научная литература. Длительное время споры велись вокруг атрибуции этих монет и даже относительно их сущности. В течение многих лет сребреники, в особенности носящие имя Ярослава, вообще отказывались считать монетами, видя в них печати, медали, жетоны и др. Нахodka двух кладов (Нежинского 1852 г. и Киевского 1876 г.), состоящих исключительно из сребреников, решила вопрос о признании их монетами.

В 1882 г. русский нумизмат И. И. Толстой издал фундаментальную монографию о древнерусских монетах¹², в которой относил все известные в то время сребреники к трем князьям: Владимиру Святославичу, его сыну Ярославу и пасынку Святополку. Ученый определил место сребреников и златников в современном им обращении, расшифровал легенды и изображения, высказал резонные соображения о причинах и обстоятельствах их чеканки. Неоднократные попытки поколебать классификационные построения И. И. Толстого (Н. П. Чернев, А. В. Орешников) оказались несостоятельными, как установлено в послевоенные годы. Недавно издано обобщающее исследование о древнерусских монетах, в котором подведены итоги сделанному предшественниками и дана всесторонняя оценка причин, обстоятельств и последствий монетных эмиссий на Руси конца X — начала XI в.¹³

И. Г. Спасский и М. П. Сотникова установили, что, начиная чеканку древнерусских монет, правящая верхушка Руси руководствовалась прежде всего мотивами политического и идеологического характера. Возникнув под влиянием византийского и арабского монетного дела, древнерусские монеты, тем не менее, обнаруживают большую оригинальность, что выражалось как в особом характере их изображений и легенд, так и в технических особенностях их изготовления. Своими монетами молодое Древнерусское государство свидетельствовало о собственном суверенитете, о том, что оно заняло достойное место среди ведущих держав Европы и Азии.

Основной экономической причиной чеканки сребреников (златники слишком редки, чтобы можно было всерьез говорить об их сколько-нибудь действенном участии в обращении) принято считать стремление киевского князя восполнить естественную убыль денежной массы на рынке, образовавшуюся вследствие прекращения притока куфических дирхемов с Востока в начале XI в. Но немногочисленные сребреники, так же, как и византийские монеты, оказались неспособны обеспечить потребности рынка. В течение XI — XII вв. чеканенные монеты постепенно выходили из употребления, попадали в клады или утрачивали покупательную способность.

из-за потерь в весе в процессе обращения. Наступал так называемый безмонетный период.

Современная наука пришла к выводу, что в начале XII в. (а в Юго-Западной Руси еще раньше, где-то к концу XI в.) из обращения на древнерусских землях почти полностью исчезли чеканенные монеты, их место заняли, как можно судить из состава кладов, монетные гривны — массивные слитки серебра определенной формы и весом от 140 до 200 г. В действительности же термин «безмонетный» период несколько условен, ведь и на рынке XII — XIII вв. сохранялось некоторое количество монет¹⁴. Причины «отказа» древнерусского денежного обращения от чеканной монеты до сих пор неясны, хотя их исследовали едва ли не все нумизматы, изучавшие обращение монетных гривен. Остановимся лишь на мнениях послевоенных лет.

В. Л. Янин пришел к выводу, что появление монетных гривен не связано непосредственно с исчезновением из обращения монет. Слитки серебра, хоть и в меньшем количестве, чем в «безмонетный» период, встречаются в древнерусских кладах X — XI вв. По его мнению, широкое обращение гривен в «безмонетный» период можно частично объяснить тем, что они легче, чем монеты, могут переходить из денежной сферы в ремесленную¹⁵.

И. Г. Спасский полагал, что гривны как форма денег могут свидетельствовать о высокой степени концентрации богатства в руках правящей верхушки в XII — XIII вв. и о возникновении в условиях феодальной организации общественного производства особых форм производственных отношений и обмена¹⁶.

Монетные гривны, массивные и очень дорогие слитки серебра весом до 200 г не могли полностью заменить в сфере обращения монеты, особенно в повседневных операциях купли-продажи. Поэтому на внутреннем рынке восточнославянских земель XII — XIII вв. место монет должны были занять какие-то стандартизованные товары с определенной стоимостью.

В нумизматике прошлого приобрела большую популярность теория обращения в «безмонетном» периоде так называемых меховых денег, в соответствии с которой на рынке вместо денег употреблялись шкурки пушных зверей¹⁷. На первый взгляд, эта теория как будто находит подтверждение в терминологии древнерусских источников. В летописях и «Русской Правде» часто упоминаются куны, веверицы, мордки, ногаты, резаны, в которых нетрудно увидеть названия различных зверей и их частей: куна — куница, веверица — белка, мордка — головка животного, ногата — шкурка с ногами, резана — обрезок шкурки. Однако упомянутая теория несостоятельна с позиций политэкономии. Меха могли исполнять функции денег разве что временно, в частности на крупных международных рынках.

Как справедливо отмечает В. Л. Янин, применение пушнины в качестве средства купли-продажи могло быть эпизодическим вследствие ее непрочности. В процессе подобного употребления

шкурки неминуемо быстро вытирались, падали в цене, из-за чего не могло быть стандартных оценок их качества, столь необходимых в денежных системах¹⁸. Истертая меховая шкурка превращалась, по существу, в символ, кредитный знак. А кредитные деньги не могли существовать в раннефеодальном обществе восточных славян.

И. Г. Спасский заметил, что в сообщениях источников XII — XIII вв. постоянно упоминаются слитки серебра (гривны) вместе с мелкими единицами обращения (кунами и векшами или веверицами), но он поставил под сомнение попытку видеть в кунах, веверицах, мордках, ногатах и пр. шкурки пушных зверей¹⁹.

И в наше время имеются сторонники опровергнутой наукой теории меховых денег. К ним принадлежит историк М. Б. Свердлов, настаивающий на том, что «при изучении древнерусского денежного обращения необходимо учитывать не только серебряные денежные единицы, но и меховые»²⁰. Этую точку зрения не разделяют исследователи-нумизматы.

Наукой нового времени установлено, что до XII в. куна была исключительно металлической монетой, сначала куфическим дирхемом, затем древнерусским сребренником и византийским милиарисием, а в отдельных случаях (для русского Северо-Востока) — и западноевропейским денарием. Древнерусские термины «кунолюбие» и «сребролюбие» представляют собой синонимы. Наименование ногата произведено от арабского «нагд» (хорошая, отборная монета) и родилось вследствие необходимости отличать на рынке хорошие монеты от плохих. Резана и веверица — фрагменты монет куны и ногаты²¹ (в кладах с территории Украины часто встречаются куфические дирхемы, разрезанные на две, четыре и большие частей).

Вместе с тем нумизматике неизвестно, что именно называли кунами, резанами и др. в XII — XIII вв. Монет тогда на рынке было очень мало. Как показано выше, под упомянутыми терминами не могли подразумеваться шкурки пушных зверей.

По авторитетному мнению В. Л. Янина, определенные стандартизованные товары могли заменить металлические деньги в мелких повседневных платежах XII — XIII вв., прежде всего бусины, которые не раз находили в кладах вместе с монетами, и шиферные пряслица, необходимые едва ли не в каждом древнерусском хозяйстве. Пряслица начинают производиться и употребляться в Юго-Западной Руси с середины X в. Они также встречаются в монетных кладах на территории УССР и, более того, как установил ученый, ареал их распространения почти полностью совпадает с рубежами региона денежного обращения Юго-Западной Руси IX — XI вв.²²

Вовсе не отвергая концепции В. Л. Янина, И. Г. Спасский предложил свой путь решения проблемы разменных монет «безмонетного» периода, по крайней мере, возможный для русского Северо-Запада. В древнерусском термине «мордка» и латинском «сарита

martagorum» («головки куниц»), при посредстве которых, согласно свидетельствам иностранцев торговали на Руси XIII в., ученый увидел раковины-кауры, неоднократно встречавшиеся среди археологического материала Северо-Западной Руси XII — XIII вв. Эти небольшие раковины с незапамятных времен привозили с островов Индийского океана. В Африке и Азии они в течение тысячелетий служили средствами купли-продажи. В погребениях псковичей эти раковины занимают место монет-кун. Известны целые своеобразные клады каури. Отдельные раковины попадались даже в кладах куфических дирхемов. Следовательно, резюмирует И. Г. Спасский, есть основания «поставить вопрос о платежной роли каури в «безмонетный» период денежного обращения Северо-Западной Руси»²³.

По нашему мнению, не стоит искать единого стандартизированного товара, который бы заменил деньги в «безмонетном» периоде на всем необъятном пространстве Восточной Европы. В различных древнерусских землях преобладали какие-то местные заменители денег. Например, в Юго-Западной Руси в ежедневных операциях купли-продажи широко использовалось фрагментированное серебро (преимущественно лом массовых ювелирных изделий)²⁴. Более универсальным средством платежа были монетные гривны, хотя и между ними были существенные различия по форме и весу, а обращение различных типов гривен отличалось локальными особенностями. Главная заслуга в изучении обращения, в систематизации и определении мест находок гривен принадлежит советским ученым.

Наиболее дискуссионным был и остается вопрос о времени появления слитков серебра установленных формы и веса. Нумизматы едины во мнении, что на Руси первыми начали отливать киевские гривны, шестиугольные бруски серебра, имевшие средний вес около 160 г. Определение времени возникновения и обращения гривен киевского, как и других типов, затруднительно, поскольку их чрезвычайно редко находят вместе с монетами, главным датирующим материалом.

А. А. Ильин считал, что киевские гривны были найдены вместе с монетами в четырех кладах, и, опираясь на время чеканки этих монет, утверждал, что гривны данного типа начали изготавливать около середины XI в.²⁵ Но произведенная нами проверка его сведений показала, что лишь в двух кладах с киевскими гривнами находились византийские монеты, которые позволили датировать эти платежные слитки временем не ранее первой половины XII в.²⁶

Вопрос о времени появления монетных слитков поныне остается нерешенным. Изучение большого фонда находок гривен, в том числе и киевских, позволило Г. Ф. Корзухиной предположить, что начало отливки слитков установленных форм и веса следует отнести к концу XI в.²⁷ В. Л. Янин высказал сомнение в датировке киевских слитков

XII в., исходя, впрочем, из логических соображений: ведь интенсивное обращение монет на территории Украины прекратилось в первой половине XI в., следовательно, выглядит слишком большим разрывом между исчезновением монет и появлением гривен²⁸. И. Г. Спасский также относит к XI в. начало изготовления киевских гривен, следовательно,— слитков стандартных веса и формы вообще²⁹.

Зато нумизматы сходятся во мнении, что монетные слитки другого типа— новгородские — появились позже киевских, не ранее XII в. Эти продолговатые (палочкообразные) серебряные бруски весом около 200 г родились на севере, однако их находят на территории Украины, в Юго-Западной Руси. Поскольку киевские гривны исчезают из обращения после нашествия орд Батыя на Русь в 1237—1241 гг., можно думать, что их место на рынке заняли новгородские слитки³⁰. Это предположение подтверждается тем, что именно новгородские гривны сохранились в обращении на Украине в XIV—XV вв., по окончании «безмонетного» периода.

Еще более поздним временем — второй половиной XIII в. — датируется появление черниговских гривен, шестиугольных, похожих на киевские, но с расплощенными концами, слитков серебра весом около 200 г³¹. И. Г. Спасский высказал мнение, что именно на черниговские слитки переплавил в 1288 г. свою драгоценную посуду волынский князь Владимир Василькович, о чем рассказывается в Галицко-Волынской летописи. Однако топография находок черниговских гривен не подтверждает этого предположения: все они обнаружены в Поднепровье.

В начале XIV в. на украинские земли попадают монеты чешского происхождения — пражские гроши короля Вацлава II (1278—1305), а затем и его преемников. Это означало конец «безмонетного» периода. Основательное изучение обращения пражских грошей в Восточной Европе началось в советское время. В начале 20-х годов вышла из печати первая сводка находок этих монет на территории бывшей Российской империи, составленная известным советским нумизматом А. А. Сиверсом³². Этот труд сохраняет значение и в наше время.

Обращением пражских грошей на украинских землях занимались В. Н. Рябцевич и Н. А. Соболева³³, рассматривающие их проникновение в названный регион. Попутно велась работа над составлением топографии находок монет на Украине. Обобщениям этих проблем посвящена монография Н. Ф. Котляра, в которой учтены клады и отдельные монеты, обнаруженные на территории УССР в XIV—XVII вв.³⁴

Пражские гроши были основными монетами украинского денежного обращения XIV—XV вв. Вместе с ними на рынке функционировали монеты местного производства, галицкие и киевские. Выпускавшиеся в захваченном польскими феодалами Львове во второй половине XIV — первой половине XV в. монеты дореволюционные нумизматы считали польскими провинциальными³⁵. Лишь пер-

вый советский исследователь этих монет А. А. Ильин отметил, что они носят имя Руси и принадлежат отечественному монетному делу³⁶.

Проведенные в течение нескольких лет исследования показали, что галицкие монеты (русские и львовские полугроши) были оригинальным явлением, основывающимся на высоком экономическом потенциале Галицкой земли, ее развитой внутренней и внешней и внешней торговле, активизации жизни городов, прежде всего Львова. Рожденные как местные средства платежа галицкие монеты, благодаря своей высокопробности, быстро превратились в международные деньги, популярные на рынках стран Центральной и Юго-Восточной Европы³⁷.

В 1873 г. в с. Гвоздове Киевского уезда и губернии был найден небольшой клад, две монеты которого оказались неизвестными нумизматам. Ученые того времени признали их литовско-русскими, чеканенными в Киеве при князе Владимире Ольгердовиче (годы правления 1363—1394)³⁸. С того времени и поныне не снижается интерес к этим нумизматическим памятникам, проливающим свет на малоисследованный и почти не отраженный в письменных источниках период истории Киевской земли второй половины XIV в.

Монетам Владимира Ольгердовича уделил определенное внимание И. И. Толстой, ограничившись, правда, их описанием³⁹. В последующие годы вопросами классификации этих монет занимались Н. И. Петров и К. В. Болсуновский⁴⁰, а в послереволюционное время — А. А. Ильин⁴¹.

Многие годы в метрологии и эпиграфике монет Владимира Ольгердовича оставалось много неясного, ученые по-разному читали их легенды, понимали изображения, определяли размеры и вес этих монет. В этом не было ничего удивительного, поскольку до недавнего времени науке были известны лишь немногие экземпляры монет Владимира Ольгердовича. В 1966 г. из Института археологии АН УССР нам был передан на изучение большой клад второй половины XIV — начала XV в., найденный в 1911 г. в г. Соснице на Черниговщине. Клад состоял из более чем 1 тыс. монет, абсолютное большинство которых (969) составляли монеты Владимира Ольгердовича. В нем находилось также незначительное количество средневековых польских, литовских и джучидских (татарских) монет. После обработки и исследования клада оказалось возможным определить основные типы, очертить метрологические характеристики, прочесть легенды монет киевского князя второй половины XIV в. По нашему мнению, чеканка этих монет не оказала существенного воздействия на денежное обращение региона. Эмиссией этих монет Владимир Ольгердович преследовал, главным образом, политические цели, стремясь освободиться от диктата великих князей литовских⁴².

Многие годы нумизматы думали, что Владимировы денарии были не единственными монетами, выпускавшимися в Поднепровье

второй половины XIV в., попавшими под власть литовских феодалов в 60-х годах этого столетия. Немалая нумизматическая литература посвящена монетам черниговского князя конца XIV в. Дмитрия-Корибута Ольгердовича, начало которой было положено Б. Кене в примечании к статье Ю. Иверсена о монетах валашского воеводы Раду III⁴³. То, что Б. Кене относил эти монеты ко времени правления Дмитрия-Корибута, признавали почти все нумизматы, касавшиеся этого сюжета⁴⁴. Лишь И. Г. Сласский высказал сомнение в подлинности этих монет, но не аргументировал своего мнения, поскольку упомянул о них вскользь⁴⁵.

Изучение обеих известных науке монет, приписываемых Дмитрию-Корибуту, привело нас к убеждению, что они представляют собой подделки, появившиеся, скорее всего, после находки Нежинского клада 1852 г. и вызванного этим возрастания интереса к старинным русским монетам⁴⁶. Недоразумением являются и монеты другого черниговского князя XIV в. Романа Михайловича, оказавшиеся, как выяснилось при внимательном изучении, также подделками денариев все того же Владимира Ольгердовича⁴⁷.

Исследования в области украинской нумизматики XIV — начала XVII вв. долгое время замыкались на монетах и монетных кладах. Нумизматы не привлекали письменных источников, а кладовый материал, малочисленный и невыразительный для того времени, сам по себе мало что мог рассказать о закономерностях и особенностях денежного рынка Украины времени развития феодального способа производства. Лишь использование значительного массива актовых источников XIV — первой половины XVII в. в сопоставлении со сведениями о кладах позволило создать очерк монетного обращения и денежного счета на украинских землях того времени⁴⁸.

Значительную научную ценность имеют работы В. Н. Рябцевича, в которых на кладовом материале рассматривается денежное обращение в Чернигово-Северской земле эпохи зрелого феодализма⁴⁹.

Довольно разнообразна, хотя и неодинакова по научному уровню, обеспеченности источниками и проблематике литература, посвященная денежному обращению на Украине второй половины XVII в. Почти все работы указанного направления принадлежат советским ученым. Из дореволюционных трудов можно вспомнить исследование М. Деммени о неудачной попытке русского правительства создать особую монету для Украины в 1675—1686 гг.⁵⁰, а также носящую предварительный характер сводку монетных находок на Черниговщине, составленную В. А. Шугаевским⁵¹, который уже в советское время опубликовал небольшое исследование, посвященное монетному обращению и денежному счету на Левобережной Украине в XVII в. Автор отметил основные особенности обращения, назвал наиболее распространенные монеты рынка, расшифровав при этом некоторые нумизматические термины письменных источников, и, что особенно важно для историков, установил реальные соотношения между некоторыми денежными единицами при торго-

вых операциях⁵². В дальнейшем многие положения этой работы были уточнены и даже пересмотрены, но для своего времени она была заметным научным явлением.

В 20-х годах опубликованы несколько статей о денежном хозяйстве Украины XVII в.⁵³ Высоким научным уровнем отличается статья Н. Н. Петровского о неудачном замысле русского правительства после воссоединения Украины с Россией в 1654 г. организовать выпуск специальной монеты для украинского Левобережья — так называемых путинских чехов. Проанализировав письменные источники, ученый доказал, что эти монеты так и не были отчеканены⁵⁴.

Денежное обращение воссоединенной с Россией Украины получило глубокое и всестороннее освещение лишь в 50-е годы в работах И. Г. Спасского. Изучив финансовую реформу царского правительства 1654 г., которую обычно рассматривали как волевую и несостоительную с экономической точки зрения попытку царя Алексея Михайловича выйти из финансовых затруднений, ученый указал на непосредственную связь этой реформы с воссоединением Украины с Россией, со стремлением русского правительства создать такую монетную систему, которая бы объединила денежные рынки сторон⁵⁵. Воссоединение Украины с Россией побудило И. Г. Спасского написать два исследования, которые открыли ранее неизвестную страницу русско-украинских отношений: одарение после Переяславской рады украинского войска золотыми наградными монетами, как это было принято в России⁵⁶.

Основные закономерности и местные особенности денежного обращения и монетного счета на Украине второй половины XVII — первой трети XVIII вв. рассмотрены с привлечением широкого круга нумизматических и письменных источников в соответствующем разделе книги Н. Ф. Котляра⁵⁷. В центре его внимания была проблема слияния русского и украинского денежных рынков после воссоединения. Прослежены его хронологические и локальные особенности в различных украинских землях второй половины XVII — начала XVIII в.

Заканчивая рассмотрение научной литературы о монете и денежном счете на украинских землях второй половины XVII в., нельзя не остановиться на дискуссии, происходившей в середине 20-х годов нашего столетия. Дискуссия эта носила сугубо историографический характер, однако отголоски ее иногда слышатся в печати. Речь идет о возможности чеканки монет Богданом Хмельницким в ходе освободительной войны 1648—1654 гг.

Участники дискуссии исходили из свидетельства, казалось бы, авторитетного исторического источника: «Записки дьяка Григория Кунакова о добытых им в Польше сведениях касательно войны поляков с казаками в 1649 г., о сейме, о состоянии умов в Польше и проч.» Повествуя о положении дел на поднявшейся за свои права Украине в конце 1649 г., Кунаков, между прочим, писал: «А в

Чигирине де учинил Богдан Хмельницкий мынзу (монетный двор.— Авт.) и денги делают, а на тех новых денгах на одной стороне мечь, а на другой стороне ево, Богданово, имя»⁵⁸. Правда, Кунаков не видел ни монетного двора Хмельницкого, ни его продукции, а слышал о том от другого человека.

В 1924 г. появилась статья известного историка И. П. Крипякевича, в которой он высказал предположение о возможности чеканки монет Богданом Хмельницким⁵⁹. В монографии 50-х годов И. П. Крипякевич остроожно заметил, что Хмельницкий принимал меры к выпуску собственной монеты. При этом ученый сослался на хранящееся в Главном архиве древних актов в Варшаве письмо подольского воеводы Станислава Потоцкого королю Яну Казимиру от 29 октября 1652 г., в котором Потоцкий жаловался на своеование гетмана, нарушающего права короля и чеканящего собственные деньги⁶⁰.

Впрочем, единственный нумизмат среди участников упомянутой дискуссии, В. А. Шугаевский, скептически отнесся к сообщению Кунакова (для удобства мы объединили аргументацию, изложенную ученым в двух статьях: «К вопросу о денежном обращении на Украине в XVII в.»⁶¹ и «Была ли на Украине в XVII в. собственная монета»⁶²). Он исходил, во-первых, из того, что науке неизвестны монеты с именем Хмельницкого, во-вторых, В. А. Шугаевский подверг сомнению известие Кунакова. Он подчеркнул, что вовсе не случайно слух о таком важном событии, как начало монетного производства на Украине (если бы оно имело место) лишь единожды достиг Москвы. Ни до Кунакова, ни после него русские послы, купцы, служилые люди, бывшие на украинских землях в годы освободительной войны, не упоминали об этом. Между тем подобные известия никак не могли пройти мимо внимания русского правительства, озабоченного задачей вытеснения польской монеты с украинского рынка. Но письма Потоцкого осталось неизвестным В. А. Шугаевскому.

Знаток истории Украины XVII в. Н. Н. Петровский проанализировал источник известия Кунакова о производстве монет в Чигирине. Кунаков слышал о том от слуги литовского вельможи Сапеги, какого-то Адасия Бреимова, который не мог быть вхожим ко двору Хмельницкого, не то что на его монетный двор. Н. Н. Петровский отметил в «Записке» Кунакова много неточных, а то и ошибочных известий. Ученый счел «Записку» Кунакова не заслуживающим доверия источником⁶³.

Основное возражение Н. Н. Петровского против версии о чеканке монеты в Чигирине сводится к тому, что в октябре-декабре 1649 г., т. е. вскоре после посещения Кунаковым Чигирина, к гетману из Москвы были посланы Неронов и Богданов. Они провели у Хмельницкого более недели и не могли не знать о монетном производстве, если бы оно имело место. Н. Н. Петровский пришел к мнению, что источником слухов о чеканке монеты на Украине был страх польских

магнатов и шляхты в связи с намерениями украинского народа воссоединиться с Россией.

Между тем существует еще одно свидетельство источника (также неизвестное В. А. Шугаевскому и Н. Н. Петровскому) о чеканке монет на Украине в годы освободительной войны. 21 декабря 1652 г. одна из французских газет опубликовала сообщение о том, что казацкий гетман начал чеканить монеты по собственному образцу, чем вызвал протест польского короля⁶⁴.

Итак, имеются свидетельства трех, географически не связанных между собой документов, что Хмельницкий чеканил особые монеты в Чигирине. Но какой бы соблазнительной не выглядела подобная мысль, «наука не может ее принять. Отсутствие в украинских кладах середины — второй половины XVII в. монег, которые можно было бы хотя бы гипотетически приписать Хмельницкому, решает дело не в пользу указанной мысли. На наш взгляд, сообщения различных источников о монетах гетмана можно объяснить следующим образом.

Борьба украинского народа за свое освобождение и воссоединение с Россией в 1648—1654 г. была в центре внимания и его друзей, и его врагов. Отсюда понятно, что смутный, лишенный реальных оснований слух о монетах Хмельницкого вызвал беспокойство русского (Кунаков) и польского (Потоцкий) авторов, приобрел форму официальных свидетельств. Сообщение же французской газеты идет, вероятно, от польского источника.

В течение XVIII в. монетное обращение сначала Левобережной, а затем Правобережной Украины сливаются с общегосударственным обращением Российской державы. Отныне его изучение должно вестись в плане общего исследования истории денежного рынка нашей страны. Процесс этого слияния исследован в нашей книге⁶⁵. Опубликована также топография находок монет на Украине XVIII в.⁶⁶

Показателем высокого уровня развития и размаха нумизматических исследований в нашей стране начиная с 60-х годов XX в. может служить издание научных сборников, посвященных этой вспомогательной дисциплине. В течение 1963—1974 гг. в Киеве вышло 5 томов сборника Института археологии АН УССР «Нумизматика и сфрагистика», а с 1960 г. Институт археологии АН СССР издает в Москве сборник «Нумизматика и эпиграфика». Многие статьи обоих сборников освещают различные стороны монетного дела и денежного обращения на территории УССР (работы И. Г. Спасского, В. Н. Рябцевича, М. П. Сотниковой, Н. Ф. Котляра).

XVIII в. мы и оканчиваем обзор научной литературы по украинской нумизматике. Начиная с XIX в. ученые более не занимаются историей обращения и счета денег в нашей стране, используя монетный материал. Монеты этого времени хорошо известны, а их обращение и счет с исчерпывающей полнотой отражены в письменных источниках, в том числе в памятниках законодательства. Моне-

ты нового времени, XIX и XX вв. интересуют исключительно любители-коллекционеров.

Рассмотрение научной литературы по нумизматике Украины приводит к выводу, что остается немало неисследованных периодов денежного обращения и проблем. Прежде всего требует продолжения кропотливая и трудоемкая работа над составлением всеукраинской топографии находок монетных кладов и отдельных монет эпохи феодализма, прерванная полтора десятилетия назад. Нуждаются в углубленном изучении XIV — XVI вв. денежного обращения и монетного счета, для чего необходим систематический просмотр больших массивов актового материала и обследование фондов музеев республики, в которых хранится немало не определенных и не известных науке кладов. Необходимо развернуть исследования в области нумизматической метрологии, (денежный счет и его системы, определение соотношений между номиналами и пр.) XVII — XVIII вв. Все это позволит нумизматике развиваться на уровне требований современной науки.

ГЛАВА X ГЕРАЛЬДИКА

Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина, предметом изучения которой является герб как специфический исторический источник.

Герб — это символический опознавательно-правовой знак, составленный и утвержденный по определенным правилам, служащий постоянным отличительным определителем лицу, роду, обществу или учреждению, а также городу, области или государству.

Происхождение гербов в разных странах имеет как общие закономерности, так и определенные различия. Гербы как знаково-символическая система возникли в Западной Европе в период раннего феодализма, первоначально из боевых знамен, наличие которых обуславливалось формами организации государства и воинской службы. Они имели отличительно-опознавательный характер, в частности для рыцарей на турнирах, в походах, на войнах. Этот знак обычно располагается на щите рыцаря.

На гербах по образцу древних боевых знаков помещались разнообразные изображения: звери — реальные или фантастические (отзвук тотемных культов), предметы воинского вооружения и снаряжения — стрелы, мечи, топоры, копья и др. Иногда на щитах помещались знаки собственности рыцарей, которыми они пользовались в быту. Герб со временем стал символическим обозначением сословной принадлежности и начал переходить по наследству (слово «герб» в переводе с немецкого «Erbe» означает наследство). Таково в общих чертах происхождение герба как знаково-символической системы.

Практическая геральдика, предусматривающая систему знаний о форме герба, содержании изображения, цветах, художественном воспроизведении, возникла в связи с обычаем оглашать специальными лицами — герольдами перед началом рыцарского турнира отличительные черты герба рыцаря в доказательство его права на участие в состязании. К первым геральдическим произведениям можно отнести стихи, поэмы, оды поэтов-герольдов, в которых прославлялись гербы рыцарей, давалось объяснение и толкование

гербовых эмблем. Они появились в Западной Европе во второй половине XIII в. Затем возникли геральдические сочинения, в которых разрабатывались соответствующие правила составления дворянских гербов.

В России делами о дворянских гербах ведал Посольский приказ. В нем, в частности, был составлен первый сборник гербов дворянских родов. С образованием в 1722 г. Герольдмейстерской конторы систематически начали составляться и утверждаться дворянские гербы. В течение XVIII в. было выдано несколько сот дипломов с гербами на пожалованные самодержавием дворянские титулы. Такие гербы сочинялись иногда по рисункам, представленным самими новоявленными дворянами.

Первые труды по прикладной геральдике появились в России в XVIII в. К ним относится, прежде всего, сочинение И. С. Бекенштейна «Краткое введение в геральдику и искусство составления гербов» (Спб., 1731), написанное на немецком языке. В нем автор изложил некоторые теоретические вопросы геральдики, исходя из аналогичных геральдических трудов, издававшихся в Западной Европе в то время.

Книга «Емблемы и символы, избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и английский языки приложенные прежде в Амстердаме, а ныне во главе св. Петра напечатанные и исправленные Нестором Максимовичем Амбодиком» (1788) содержала описание и толкование нескольких сот западноевропейских эмблем, что, в свою очередь, служило ценным справочным пособием по практическому составлению гербов, потребность в которых и интерес к ним возросли особенно в годы правления Петра I и Екатерины II. В XVIII — начале XIX в. в России публиковались практические руководства по составлению гербов, представляющие собой переводы из западноевропейских геральдических изданий. К числу таких пособий по составлению гербов относится книга И. Х. Гаттерера «Начертание гербоведения» в переводе Г. Мальгина (Спб., 1805). Эта и ей подобные книги содержали догматические правила составления дворянских гербов, разработанные в Западной Европе, которыми руководствовались составители российских дворянских, а также городских гербов.

Первым русским дворянским гербовиком можно считать труд А. Т. Князева, составленный в 1785 г.¹ В нем помещены 533 герба, принадлежащих 379 родам.

Первый научный труд по отечественной геральдике был опубликован в середине XIX в. А. Б. Лакиером². В нем освещены история отечественных гербов, их происхождение, связь с печатями и т. д. А. Б. Лакиер впервые отметил своеобразие и самобытность отечественной геральдики. В книге собран огромный фактический материал по русским гербам, но, находясь в плена буржуазных взглядов на развитие общества, ее автор не сумел должным образом показать причины возникновения гербов, дать правильную трактовку форми-

рования герба, раскрыть всю сложность этого процесса. Система взглядов автора на гербы в целом имела ярко выраженную дворянско-охранительную направленность, характерную и для других геральдистов России того времени.

В дооктябрьский период работ об отечественных городских гербах выходило немного. Историки ограничивались сбором этих гербов, их фиксацией, а также публикацией отдельных экземпляров. Впервые изображения территориальных гербов были помещены в Большой государственной книге, созданной в 1672 г., получившей известность как «Титулярник» (Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г.— Спб., 1903). В ней описывались 33 герба тех земель и княжеств, названия которых входили в полный царский титул. Среди них были гербы Киевского, Черниговского и Подольского княжеств, относящихся к современной территории Украинской ССР.

Только в конце XIX в. приступили к систематическому изучению городских гербов. В 1900 г. вышла в свет книга П. П. Винклера³, в которой впервые автор систематизировал и описал имевшиеся на то время около 700 гербов городов, губерний, областей и посадов Российской империи, утвержденных в разное время царским правительством (среди них — свыше 100 гербов украинских городов). Во вводной части работы раскрываются происхождение и особенности отечественных земельных гербов, изложены основные правила их составления. Винклер подразделял городские гербы на старинные, происходившие от печатей удельных князей, и на гербы, составленные Герольдией в XVIII — XIX вв. В книге сделана попытка расшифровать символику гербов, установить их связь с особенностями развития того или иного города.

В работе Винклера, имеющей описательный характер, мы не находим обобщающих сведений о генезисе, эволюции, общественно-правовых функциях городских гербов в разные исторические периоды. Но эта книга не утратила до сих пор значения как ценнейшее справочное пособие при исследовании данной проблематики.

Постепенно происходило накопление источников базы городской геральдики. Опубликован ряд статей по геральдике, в которых популяризовалась эта область знаний. Начало XX в. ознаменовалось изданием первых учебных пособий по геральдике. В 1908 г. опубликован общий курс геральдики, прочитанный Ю. В. Арсеньевым в Московском археологическом институте⁴. Автор, сделав экскурс в историю западно- и восточноевропейской геральдики, остановился довольно подробно на польской геральдической системе в связи с тем, что она имела определенное влияние на развитие гербов на Украине и в России.

Ю. В. Арсеньев определил геральдику как практическое подспорье для исторической науки, вспомогательное средство при изучении исторических памятников: «Геральдика и сфрагистика... получают совершенно определенное место в ряду вспомогательных

исторических знаний, и служа необходимыми вспомогательными средствами при изучении исторических памятников, дают весьма важное пособие как для истории, так и для археологии⁵.

Определенную роль в геральдических исследованиях сыграл журнал «Гербовед», который издавался в течение 1913—1914 гг. В. К. Лукомским, С. Н. Тройницким и Н. А. Типольтом. Появление такого специального журнала было вызвано особым проявлением интереса буржуазии в период острого кризиса империализма к возрождению уже практически бесполезных регалий, атрибутов своего классового происхождения. В статьях журнала освещалась история отдельных дворянских родов и их гербов, предпринимались попытки расшифровки тех или иных гербовых изображений. Авторами преимущественно выступали известные специалисты, владевшие методикой геральдического исследования.

В 1912—1913 гг. Владимир Белинский начал публиковать многотомный русский геральдический словарь с кратким описанием в алфавитном порядке соответствующих фигур и эмблем и объяснением терминов, предметов и понятий, касающихся геральдики. Однако были напечатаны только два его выпуска (до буквы «Г»)⁶. В словаре встречаются ошибки в датировке, неточности и другие недостатки. Ныне заслуживает внимания приведенная в нем обширная библиография, включающая и малоизвестные статьи.

В. К. Лукомский и Н. А. Типольт в 1915 г. издали книгу «Русская геральдика»⁷, в которой обобщался опыт составления гербов как дворянских, так и земельных.

Дореволюционные историки Украины освещали преимущественно историю печатей и гербов гетманов и казацкой старшины⁸.

Общая методологическая несостоятельность буржуазной исторической науки сказалась и на геральдике, которая, ограничиваясь фиксацией фактов, прикладной стороной дела, не поднималась до теоретических обобщений и выводов. Работы дооктябрьского периода хотя и заключали в себе значительный фактический материал, свидетельствовали лишь о развитии геральдики как прикладной области знаний.

Новые, подлинно научные основы исследования в области геральдики в условиях Советской власти открыла марксистско-ленинская методология.

С победой Октябрьской революции возникли рожденные ею идеи и понятия, вызывавшие необходимость в новых символических знаках советских эмблем. В первые годы Советской власти были заложены основы советской эмблематики, выражющие наиболее характерные черты нового общественного и экономического строя, социалистического образа жизни. В апреле 1918 г. по указанию В. И. Ленина был издан декрет «О памятниках республики», в котором предлагалось Советам заменить старорежимные эмблемы и гербы новыми, выражавшими революционную героику и достиже-

чия нашего народа. Эта ленинская установка определила путь развития советской геральдики.

Однако в поле внимания исследователей продолжали оставаться и старые дореволюционные эмблемы, которые отложились в архивных и музейных фондах. В частности, старинные дворянские гербы помогали историкам выяснить принадлежность имущества к тем или иным семьям, роду. С помощью так называемой «гербовой» экспертизы становятся известны национальность и социальное положение владельца определенной вещи, место ее изготовления, датировка и т. д. В этом важном направлении развернул научную деятельность В. К. Лукомский, который заложил основы советской геральдики как вспомогательной исторической дисциплины. Работая в гербовом музее, созданном на базе гербового отделения при департаменте герольдии сената, где хранились важные первоисточники русской геральдики и другие ценные документы, исследователь занимался публикацией анонимных гербов, гербовой экспертизой. Опыт проделанной работы был обобщен В. К. Лукомским в статье «Гербовая экспертиза»⁹. Научная ценность этого небольшого труда состоит в том, что в нем рассмотрены и аргументировано обоснованы способы работы с гербовыми источниками, показаны методы определения атрибуции герба.

Интерес к теоретическим проблемам геральдики повысился со второй половины 30-х годов. Наиболее значительные работы по геральдике, опубликованные в эти годы и не утратившие доныне научной ценности, связаны с именем В. К. Лукомского, который успешно занимался проблемами отечественной геральдики еще в дореволюционное время¹⁰. Опыт, накопленный исследователем, позволил ему не только заниматься определением принадлежности дворянских гербов, публиковать отдельные гербовые изображения, осуществлять их расшифровку, но и приступить к исследованию общих проблем геральдики. Рассмотрев вопросы становления и развития геральдики как научной дисциплины, ученый сформулировал задачи геральдики в источниковедческом анализе. Главной из них он считал «...освоение герба как исторического источника для решения проблем социально-экономической и политической истории»¹¹. В. К. Лукомский отмечал, что научной истории происхождения и развития гербовых знаков как социального явления, порожденного условиями общего исторического процесса, пока не создано¹². В этой связи он ставил вопрос об изучении генезиса герба, установлении этапов развития самых различных знаков, принятых на отдельных ступенях развития человеческого общества.

Характерной особенностью дальнейшего развития геральдики явилось расширение круга проблем, которые изучались. В связи с тем что на передний план выдвигались собирание и изучение эмблематического материала Советского государства, встал вопрос о пересмотре предмета и задач геральдики.

Введение новых по смыслу и содержанию гербов советского общества изменило и расширило предмет геральдики. Разработка советского Государственного герба представляла важный этап в развитии советской геральдики. Ученые приступили к изучению истории создания и принятия новых государственных эмблем, tolкованию и объяснению значения советских геральдических символов. Значительный интерес вызывало выяснение вопроса об источниках и самом процессе возникновения революционных эмблем¹³.

В. И. Стрельский одним из первых показал принцип создания советских государственных гербов, их коренное отличие от гербов феодальных и капиталистических, раскрыл особенности их символики, выражавшие идеи и принципы нашего государства, олицетворяющие самое справедливое общественное устройство — социалистическое.

Е. И. Каменцева и А. Н. Луппол кратко осветили историю создания советских эмблем, показали, как утверждалась социалистическая символика. Г. Ф. Киселев и В. А. Любишева на основе нового архивного материала уточнили многие факты, связанные с историей появления первого советского герба, при активном участии В. И. Ленина, обосновавшего точность образной структуры этого геральдического знака.

В книге Г. Ф. Киселева и Н. Н. Сперансова популярно освещается история создания советских государственных гербов, а также приводится их описание, закрепленное в Конституциях СССР и союзных республик.

Однако далеко не во всех перечисленных работах делается серьезная научная разработка вопросов советской государственной символики и эмблематики, ибо писали о геральдике преимущественно искусствоведы и журналисты. А авторы — историки не всегда прибегали к геральдическому анализу изобразительного материала сопоставлению официальных документов, воспоминаний или архивных данных с графическим материалом. Недостаточной оказалась и источниковая база советской геральдики, поскольку архивных данных о происхождении многих символом и эмблем, а также их первых изображений и вариантов почти не сохранилось.

С начала 60-х годов геральдика в нашей стране поднялась на качественно новую ступень. Эта дисциплина включается в специальные учебные пособия. Так, Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов осветили историю развития русской геральдики, охватив все важнейшие виды гербов, рассматривали их в тесной связи с процессом развития Русского государства¹⁴.

В учебном пособии по вспомогательным историческим дисциплинам В. И. Стрельский кратко осветил некоторые теоретические вопросы геральдики, остановившись и на ее отечественной истории¹⁵. Последующие работы ученого внесли определенный вклад в разработку методики геральдики, конкретизации предмета ее изучения. Исследователь предложил установить двоякое понимание термина

«геральдики». В широком смысле слова это — научная дисциплина, имеющая целью установление генезиса и этапов развития всякого рода знаков, принятых на разных ступенях развития культуры классового общества (о чем в свое время писал В. К. Лукомский) и служивших вначале отражением совокупности материальных предметов рода, семьи, отдельного человека и его собственности, а затем различных корпораций, обществ и организаций как эксплуататоров, так и трудящихся классов. Геральдика в узком смысле слова должна заниматься изучением традиционных форм гербов и различных элементов их, возникших в определенных социальных условиях. Это — гербы государственные, территориальные и городские, гербы частных лиц, принадлежащие, главным образом, феодальной знати.

В связи с предложенным расширением предмета и задач этой дисциплины В. И. Стрельский предлагал пользоваться новым термином — «эмблематика». Такое определение предмета и задач геральдики позволяет включить в круг изучаемых источников не только герб как таковой, но и различного рода знаки и символы. Это мнение ученого было поддержано другими исследователями (Е. И. Каменцева, В. С. Драчук, Г. В. Вилинбахов) и теперь в определении предмета изучения геральдики установилась тенденция к более широкому объекту ее изучения.

Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с предложением включить в предмет данной дисциплины другие, не всегда генетически близкие гербу, источники. Четкое определение понятия герб, его значения и функций не позволяет относить к геральдике такие символы и эмблемы, как флаги, знамена, ордена и другие знаки отличия, филиграты, экслибрисы и др. Тем более, что в последние годы эти специфические источники стали объектами изучения отдельных вспомогательных исторических дисциплин — вексиллологии, фалеристики, филигранологии и др., терминология, предмет и задачи которых постепенно формируются.

Существенное внимание проблемам образования, смыслового значения в области применения геральдических эмблем в различные исторические периоды на территории СССР уделил В. С. Драчук, стремясь свести воедино большой комплекс геральдических источников, систематизировать их, создать научную концепцию исследования различных геральдических систем¹⁶.

Начиная с 60-х годов среди историков и общественности значительно возрос интерес к старым городским гербам, являющимся важными источниками для изучения истории того или иного города, его административно-политического устройства, экономических связей, развития ремесел, торговли, культуры, искусства, архитектуры, а также особенностей природных условий и быта жителей. Таким образом, с помощью герба города можно получить полезные сведения, без учета которых представление об историческом процессе будет неполным. Изучение территориальной геральдики отвечает

также потребностям исторической науки в связи с возникшей тенденцией создавать гербы современных городов.

А. В. Арциховский впервые в советской историографии обстоятельно рассмотрел гербы областей, входивших некогда в царский титул Российского государства¹⁷. Ученый убедительно опроверг концепцию происхождения русских гербов исключительно от западноевропейской геральдики. Не отрицая определенного западного влияния, он утверждал, что основным был самобытный путь возникновения русских гербов из родовых знаков, символических изображений, тотемов и др.

Российская городская геральдика XVIII — XIX вв. была в центре внимания Н. А. Соболевой¹⁸. Ее книга стала первым в нашей стране обобщающим исследованием истории становления и развития отечественной территориальной геральдики с момента возникновения в России официального учреждения, ведавшего созданием гербов — Герольдмейстерской конторы (1722), до конца XIX в. Автор широко освещает политику правительства в отношении городских гербов и практики их создания в Герольдии, а также их роль и значение в общественной жизни России того времени.

Н. А. Соболева сделала обоснованный вывод о большой ценности этих гербов как исторического источника: «Исследование эмблем, составляющих российские городские гербы, показывает, что в качестве их выступают символы различных эпох. Не все они возникли в связи с понятием «город», часть из них появилась в связи с другими явлениями в русском обществе». На создание, форму и смысловое содержание гербов значительное влияние оказывала эпоха. Общественные условия являются основным фактором при трактовке того или иного комплекса эмблем. Автор делает вывод, что создание символов, представляющих город как таковой, началось во второй четверти XVIII в., когда каждый город Российской империи должен был иметь свой герб¹⁹. Но это заключение правомочно только по отношению к гербам русских городов. В городах же Украины, Белоруссии, Литвы в силу специфики их исторического развития этот процесс начался гораздо раньше.

В книге Н. А. Соболевой не рассматриваются гербы, в частности украинских городов, учрежденные до воссоединения Украины с Россией. В таблице территориальных эмблем XVI — XVII вв. упоминаются лишь старые киевская и черниговская территориальные эмблемы, а также гербы Глухова, Нежина, Полтавы, фигурирующие в качестве «старых» российских городских гербов²⁰.

История развития советских гербов стала темой диссертации В. А. Поцелуева²¹, который основное место отводит изучению истории создания государственного герба СССР, государственных гербов союзных республик. Характеризуя степень разработки советских городских гербов, автор подчеркивает, что создание нового герба города весьма актуально, имеет определенное практическое значение, содействуя повышению общественно-политической активности

граждан в борьбе за образцовый город, патриотическому их воспитанию. Анализируя композиционное построение и геральдическую наполненность городских гербов, исследователь, однако, не дает конкретных рекомендаций для составления городских символов, что могло бы повысить ценность его исследования.

В периодической печати публикуются популярные статьи, в которых затрагиваются вопросы создания новых городских гербов, даются практические рекомендации по их составлению. Однако авторы этих материалов обычно не рассматривают историю геральдических атрибутов, слабо раскрывают смысл современных символов и эмблем. Иногда в качестве образца предлагаются старые городские гербы с их архаической символикой. Таких авторов увлекает лишь внешняя сторона эмблем, подход к серьезной и важной проблеме создания нового городского символа не всегда историчен и научен. В результате создание гербов проходит бессистемно. Нередко появляются эмблемы, символы которых не отражают характерные особенности города или даже в искаженном виде отражают его историю. «Слепое увлечение стариной,— отмечает Н. А. Соболева,— порой вело к тому, что широко пропагандировались дореволюционные гербы с монархическими символами и атрибутами только на том основании, что они «старые»²².

Анализ уже имеющихся городских эмблем позволяет сделать вывод, что некоторые из них имеют существенные недостатки, обусловленные отсутствием единых правил, методов и научных принципов составления. Процесс практического создания новых гербов для советских городов, в том числе и городов УССР, продолжающийся и в настоящее время, требует дальнейшей разработки методики геральдики применительно к такому специальному источнику, как городской герб, планомерного исследования всего материала. Чтобы правильно определить перспективы этой работы, необходимо выработать единые правила составления городских эмблем, учитывая определенные закономерности, уже сложившиеся во время этого сложного процесса.

В Украинской ССР в последние годы развернулись исследования городских гербов. Так, в работах В. В. Румянцевой²³ на большом фактическом материале освещается история возникновения и эволюция земельных эмблем и городских гербов Левобережной Украины в период феодализма в тесной связи с развитием украинских феодальных городов, особенностями их общественного устройства и правовым положением. Обобщены и проанализированы разнообразные по своему характеру данные о территориальных эмблемах и гербах городов региона, сделан вывод о закономерности их появления, прослежены этапы эволюции гербов, показаны их социально-правовые функции, а также значение как источника, дающего сведения о положении городов Левобережья в разные исторические периоды.

На значение городского герба как специфического источника обращалось внимание в общих работах, посвященных вспомогательным историческим дисциплинам. Определенное внимание геральдики и сфрагистике украинских городов уделено в сборниках «Історичні джерела та їх використання». В них помещены, в частности, статьи А. В. Маркевича²⁴, который рассматривает историю гербов отдельных городов Западной Украины и связанных с ними печатей. Автор придерживается принципа установления символического знака города по изображению самой старой городской печати. Это в полной мере касается таких городов, как Владимир-Волынский и Львов, самые старые печати которых относятся к периоду феодальной раздробленности, перед захватом украинских земель феодальной Польшей и Литовским княжеством.

О почти 300-летней истории герба Харькова, начальном моменте его появления, изменениях в эмблемах, составляющих герб, обосновании этих изменений в связи с особенностями городской экономики сообщается в статье Б. П. Зайцева и И. Е. Саратова «Герб Харькова» (Укр. іст. журн.— 1980.— № 11.— С. 96—101).

Констатируя определенное оживление в исследовании земельной геральдики Украины феодальной эпохи, следует, однако, отметить, что нет еще фундаментальных работ по комплексному изучению городских гербов Правобережья, наиболее богатого региона Украины своими давними геральдическими традициями, Западной Украины, в гербовничестве которых прослеживается определенное влияние геральдики других стран, а также Слобожанщины и Юга Украины, где городские гербы появились значительно позже, в конце XVIII — XIX вв., и представляют собой своеобразный и однородный по своей символике массив гербов.

Советские исследователи в разное время пытались использовать изображения гербов при изучении экономики, природных ресурсов, истории развития науки и техники феодальной эпохи²⁵.

Прослеживается связь геральдики с другими вспомогательными дисциплинами²⁶. Так, в статье Е. С. Отина²⁷ отмечается, что при выборе символа для герба города его создатели нередко ориентировались на существующую трактовку географического названия, часто неправильную, связанную с легендами о возникновении населенного пункта. Топонимика может помочь исследователю верно раскрыть гербовые символы, выяснить, в каком смысловом значении воспринималось географическое название того или иного города.

В связи с созданием новых городских гербов появляются заметки, в которых делаются попытки показать определенные стороны отечественного гербообразования. На страницах журнала «Україна» воспроизводились как старые гербы украинских земель, так и проекты, не всегда удачные, новых эмблем для всеобщего обсуждения²⁸. Немало статей и заметок о гербах отдельных городовубликуется в периодической печати и разных сборниках.

Возрастающая роль советских городских гербов в общественной жизни диктует необходимость серьезного научного подхода к разработке принципов их создания, главным из которых должен быть синтез новых социалистических символов с лучшими традициями отечественной геральдики. В этом плане интерес представляет статья историографического характера украинского исследователя А. Г. Бабенко²⁹, в которой делается краткий обзор опубликованных материалов о советских городских символах, а также даются некоторые рекомендации по их созданию; с учетом опыта и лучших традиций отечественной городской геральдики. Автор статьи верно считает, что при создании герба необходимо найти такие формы и детали, которые не устарели бы через многие годы. Символы гербов должны быть доходчивыми, соединять в себе простоту, выразительность и лаконизм. В некоторых случаях не следует отказываться от старых традиционных гербов городов при соответствующих дополнений и модернизации их. Полезным может быть и опыт специалистов зарубежных социалистических стран в этой области.

Несмотря на увеличивающееся внимание к вопросам геральдики, интенсивное изучение гербов в различных аспектах перед историками стоят ответственные задачи дальнейшего углубленного исследования геральдических источников во взаимосвязи с другими видами источников для дальнейшего совершенствования познания исторической действительности.

К геральдике генетически и структурно близки некоторые исторические дисциплины, прежде всего фалеристика, изучающая наградные знаки отличия и другие связанные с ними источники, а следовательно и развитие наградного дела. Ряд исследователей склонен включать наградные знаки отличия в область изучения геральдики³⁰. Ведь на большинстве наградных знаков помещены гербы или гербовые изображения, а на советских — элементы государственной гербовой символики. Наградные знаки отличия, связанная с ними документация, изобразительные материалы и соответствующие кинофотофонодокументы составили комплекс, на базе которого появилась фалеристика (термин впервые ввел в научный оборот коллекционер и исследователь наград из Чехословакии Олдржих Пильц в 1937 г. В нашей стране этот термин впервые появился на страницах научной периодики в 1965 г.³¹). Наградные знаки, так же как и герб, флаг или гимн страны, представляют собой неотъемлемый атрибут государства. Будучи своеобразным свидетельством жизни общества и предметом изучения фалеристики, наградной комплекс позволяет заполнить определенные пробелы при исследовании многих исторических событий, способствует расширению и углублению знаний историка по различным важным вопросам. Изучением наградного комплекса источников занимается немало исследователей.

Значительную литературу, относящуюся к фалеристике, можно разделить на ряд групп. В работах общего характера рассматрива-

ются пути возникновения и развития наградных знаков отличия, их история³². Изучаются и отдельные виды наградных знаков, историй их учреждения и функционирования³³.

Определенный интерес для историка представляют опубликованные собрания и альбомы наградных знаков отличия³⁴. В. Г. Бурков разработал периодизацию выпуска отечественных наградных знаков как дореволюционного, так и советского периодов³⁵. Его кандидатская диссертация посвящена одной из важных проблем отечественной фалеристики — наградным знакам отличия как историческому источнику. Он также автор упомянутого выше учебного пособия по фалеристике, в котором освещается предмет, раскрываются источники и структура данной дисциплины. Поднимается вопрос использования в работе историка наградных знаков отличия и связанной с ними документации как источника, отражающего определенные стороны истории социально-классовых отношений страны.

Если в эксплуататорских государствах награждения являются почти исключительно индивидуальными (за исключением отдельных награждений воинских подразделений, крепостей и городов за военные подвиги), то в социалистических странах большую роль играют награждения разнообразных коллективов, что составляет специфику социалистической наградной системы. Изучение соответствующих документов позволяет раскрыть массовый героизм советского народа в трудовых и ратных делах.

В учебном пособии В. Г. Бурков раскрыл значение наградных знаков отличия как важного источника по политической и военной истории (с. 30—32). В частности, материалы наградной статистики дают возможность дополнить или уточнить определенные исторические события.

В. А. Дуров изучал источниковедческое значение фалеристики, а также группы знаков и отдельные награды³⁶.

В обширной научно-популярной литературе по фалеристике выделяется книга В. Н. Ильинского «Геральдика трудовой славы» (М., 1979), в которой освещается появление и развитие государственных наград за трудовые свершения в тесной связи с историей первого социалистического государства. Автор в популярной форме показал, как складывалась советская наградная система, которая и сейчас находится в процессе обновления и совершенствования.

Активно проводятся в области фалеристики исследования в Украинской ССР. Так, В. В. Веревкин, изучая правительственные награды за трудовые достижения в СССР 1920—1941 гг.³⁷, показал историю учреждения и функционирования этих отличий как показатель принципиально нового отношения к труду в социалистическом обществе. В его работах освещена деятельность ведомств, профсоюзов и других общественных организаций по учреждению тех или иных наград. Автор систематизировал и обобщил значительный материал о награждениях за трудовую деятельность, раскрыл их роль в стимулировании новых трудовых свершений, показал, что

история наград и практика награждения отражают актуальные аспекты социалистического общества.

Многочисленные работы о медалях, преимущественно сувенирных, памятных, относящихся к тому или иному событию, принадлежат перу киевского коллекционера-любителя Ю. А. Барштейна³⁸. Б. Н. Зайцев изучал становление и развитие эмблематики Украинской ССР в первые годы Советской власти, а также историю некоторых орденов и знаков дооценного и послевоенного времени³⁹. Статьи популярного характера о различных наградах и знаках часто печатаются в периодических изданиях⁴⁰. Они имеют существенное значение в патриотическом воспитании молодежи на примерах героического прошлого нашей страны, деятельности ее лучших людей, удостоенных наград и различных отличий за боевую и трудовую доблесть.

Близки по символике к гербам и наградам флаги, знамена, являющиеся предметом изучения вспомогательной исторической дисциплины — вексиллологии. История боевых знамен уходит в далекое прошлое. С древнейших времен в разных государствах знамена символизировали определенные воинские подразделения и имели отличительный характер. С появлением и развитием городов, в эпоху средневековья, появились флаги отдельных городов. В период феодализма флаги, знамена, штандарты царствующих фамилий представляли собой одновременно и родовой и государственно-территориальный символ. Со временем расширился диапазон функционирования флага, знамени. Этот атрибут стал символом не только государства, города, воинского подразделения, но различных организаций, предприятий, учреждений и др.

Из целого ряда работ советских исследователей в области вексиллологии необходимо выделить статью установочного характера Г. В. Вилинбахова, в которой ставится вопрос о месте вексиллологии в системе вспомогательных исторических дисциплин, уточняется терминология, поднимаются вопросы теории этой дисциплины, рассматривается методика изучения знамен,дается определение предмета этих памятников и раскрывается их значение как исторического источника. «Знамена составляют определенную знаковую систему, одну из символьческих систем, средств накопления, хранения и передачи информации. В эмблемах и надписях, помещенных на знаменах, содержатся основные идеи того времени, к которому они относятся. Они дают наглядное представление об идеологической направленности того или иного государственного устройства, той или иной политической партии»⁴¹. Следовательно, делает вывод автор, знамена представляют собой источник, помогающий уточнить направление развития идеологии.

В подтверждение этого положения может служить докторская диссертация Г. В. Вилинбахова, в которой исследуются знамена при изучении становления абсолютизма в России в конце XVII — начале XVIII в. Комплекс эмблем, помещенных на знаменах, отразил основ-

ные идеи той эпохи, символизируя определенную социальную систему⁴². Автор рассматривал знамена как важный источник, изучение которого может быть использовано для решения актуальных задач исторического исследования.

Г. В. Вилинбахов на основании анализа символики знамен реконструировал некоторые социально-политические явления петровского времени. На этой основе ставится вопрос о применении вексиллологического метода в историческом исследовании. Систематизация знамен и анализ соответствующей эмблематики позволит историку выработать эффективную методику для освоения этого вида источников, изучавшихся ранее просто описательно.

В русле исследования абсолютизма петровского времени на вексиллологических источниках представляет интерес содержательная аналитическая статья К. К. Мамаева о символике знамен конца XVII — первой четверти XVIII вв.⁴³

Определенную группу отечественных изданий составляют каталоги боевых знамен воинских частей и соединений⁴⁴.

Однако подавляющее большинство работ по отечественной вексиллогии посвящено истории создания государственного флага СССР, расшифровка его символики, в том числе и цветовой⁴⁵.

Государственный флаг СССР, Государственные флаги союзных республик стали объектами изучения в работах, посвященных советской государственной символике⁴⁶. Авторы публикаций основное внимание уделяют символике таких государственных эмблем, как серп и молот, золотая звезда, помещенные на Государственном флаге СССР, которые отражают характер общественного строя, являются символами нерушимого союза рабочих, крестьян и интеллигенции в борьбе за построение нового общества.

Отдельно следует остановиться на работе П. К. Корнакова «Знамена февральской революции», в которой автор уточняет один существенный момент в становлении революционной символики — время появления эмблемы серпа и молота. До сих пор временем появления этой эмблемы принято было считать весну 1918 г., когда шел процесс создания Государственной печати РСФСР. Под автором рисунка печати подразумевался сразу и автор герба и автор эмблемы. Однако изучение этого вопроса с привлечением в качестве источника знаменного материала позволило исследователю сделать вывод, что первое появление знаменитой эмблемы серпа и молота было зафиксировано значительно раньше, 18 апреля 1917 г. (1 мая н. ст.). Она была помещена на трех хоругвях, украшавших к пролетарскому празднику подъезд Мариинского дворца на Исаакиевской площади в Петрограде. Привлечение других вексиллологических источников периода февральской революции помогли автору прийти к заключению, что к 18 апреля 1917 г. в знаменной символике были отчетливо сформулированы не только основные элементы будущего герба РСФСР, но и будущего герба СССР⁴⁷.

ГЛАВА XI СФРАГИСТИКА

Сфрагистика — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати как исторический источник. Этот термин происходит от греческого слова «сфрагис» — печать. Однако объектами изучения данной дисциплины являются не только печати, но и родственные им пломбы, цилиндры, буллы, геммы, скарабеи, керамические и гончарные клейма, знаки-штампы, кустодии и др. Функциональное назначение их различное. Но одна из основных практических функций, которую выполняют сфрагистические знаки как средство скрепления документа — удостоверение документов, приданье им юридической силы, поскольку печать это прежде всего атрибут власти. Кроме того, подобные знаки широко употреблялись в торговле, ремесленной деятельности и других сферах общественного производства. Печати — штампы, например, ставившиеся на товарах ремесленного производства, выполняли роль своеобразных фирменных знаков, с помощью которых можно отличить изделия одного ремесленника от другого. Клейма на товарах купцов свидетельствовали о частной собственности того или иного из них. Различные виды сфрагистических знаков требуют от исследователя исторического подхода к их изучению.

Сфрагистические данные являются источником при изучении ряда важных исторических проблем. Так, памятники сфрагистики могут дать исследователю ценные сведения об определенных сторонах истории государственных институтов, в частности, о функционировании государственной канцелярии, происхождении классов и общественных слоев и т. д.

Краткий историографический обзор вексиллологической литературы показывает, что еще не исследованы или недостаточно исследованы целые массивы таких исторических памятников, как знамена, их символика в разные исторические периоды, в частности в периоды Киевской Руси, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Интерес представляет изучение боевых знамен периода Освободительной войны украинского народа против шляхетской Польши в 1648—1654 гг., а также разнообразных воинских знамен в Российс-

ком централизованном государстве. Комплексное исследование знамен разных исторических периодов и их символики, отражающей в определенной степени идеологические воззрения общества, позволяет проследить последовательность появления и изменения эмблемы, определить закономерности этого процесса.

Таким образом, геральдика и родственные ей дисциплины — фалеристика и вексилология предоставляют исследователю чрезвычайно полезный материал для изучения различных тем социально-экономического, политического и культурного развития страны.

Данный материал полезен также при изучении истории культуры, искусства, художественных стилей различных эпох и периодов. Введенный в научный оборот большой комплекс сфрагистических объектов советского времени является также важным источником для выяснения как некоторых конкретно-исторических вопросов, так и для исследования советской символики и эмблематики.

Наряду с расширением предмета и задач сфрагистики как вспомогательной исторической дисциплины традиционным остается исследование печатей, сопровождающих документ, для внешней критики письменных источников.

Сфрагистика, как и некоторые другие вспомогательные исторические дисциплины, развивалась из системы практических знаний и постепенно оформилась в научную дисциплину со своей специфической методикой и техническими приемами исследования¹.

Историографический анализ процесса становления отечественных сфрагистических исследований, состояния изученности печатей разных исторических эпох, предпринятый в этой главе, поможет выяснению эволюции отечественной сфрагистики, в том числе украинской, как вспомогательной исторической дисциплины.

Изначальные приемы сфрагистического анализа появились почти одновременно с введением в употребление первых печатей и других подобных знаков. Так, первые упоминания о древнерусских печатях, практике их употребления встречаются еще в летописных источниках. Нестор-летописец свидетельствовал, что печати были известны на Руси еще в первой половине X в. и приложение их считалось необходимым для подтверждения княжеских договоров. Из летописи мы видим, что печати, или, верней, перстни с княжескими печатями давались лицам, уполномоченным князем, послам вместо верительных грамот при подписании международных договоров. Например, в договоре князя Игоря с греками, заключенном в 944 г., упоминается, что «ношаху сли печати злати, а гостье сребрени»², т. е. послы имели золотые печати, а купцы — серебряные. Это и служило признаком их полномочий.

Летописные данные также указывают, что до нашествий полчищ Батыя правом скреплять документы печатью пользовались главным образом князья. Печать была одной из регалий самой высшей светской власти. Практика и законодательство того времени требовали приложения к актам, договорам, грамотам и другим

документам печатей, подтверждающих подпись или даже заменявших ее для неграмотных (как известно, обычай подписания документов получил широкое распространение приблизительно с XVI в., а до того времени основным признаком подлинности документа была только печать).³

В источниках и ранних трудах историков периода феодализма встречаются сведения о практике использования и начальных приемах изучения сфрагистических знаков. Накопление фактического материала по сфрагистике посредством изучения и публикации отдельных сфрагистических знаков определило начальный этап развития этой дисциплины.

Основы научной сфрагистики закладывались в конце XVIII — начале XIX в. В процессе становления ее накапливался опыт и приемы первичной, практической сфрагистики. В Киевском, Львовском, Харьковском университетах читались лекции по сфрагистике, в которых рассматривались общие вопросы дисциплины. Лекции носили компилятивный характер, были построены в основном на зарубежных источниках и литературе. Однако они имели важное значение для становления отечественной сфрагистики как научной дисциплины, вызывали интерес к сфрагистическим знакам как к историческим источникам, которые нуждаются в систематическом изучении.

Одним из первых исследователей отечественной сфрагистики считается известный коллекционер древнерусских летописей Е. Болховитинов, который впервые сделал краткий обзор важнейших отечественных сфрагистических памятников, существовавших в России с древних времен до XVIII в., тщательно проанализировал в сфрагистико-дипломатическом аспекте жалованную грамоту князя Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича, данную около 1130 г. Новгородскому Юрьеву монастырю⁴. Работа Е. Болховитинова положила начало систематическим разработкам по сфрагистике.

Печати с их подробным описанием широко представлены в многотомной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, который в некоторых случаях использовал сфрагистический материал для доказательства подлинности или подделки жалованных грамот.

В первой половине XIX в. в исторических исследованиях зачастую можно было встретить описание целых групп печатей на государственных грамотах и договорах при их дипломатическом анализе. Однако уже в это время на смену описательному методу исследования печатей приходит научный анализ сфрагистического материала как самостоятельного исторического источника.

Одним из первых фундаментальных работ по отечественной сфрагистике считается книга А. Б. Лакиера «Русская геральдика», в которой собран и систематизирован большой и разнообразный сфрагистический материал. Автор акцентировал внимание преимущественно на княжеских печатях, показывая их связь с денежными

знаками, а также с позднейшими дворянскими гербами. Ученый видел перспективы исследования сфрагистического материала», «Наши (отечественные.— Авт.) печати должны иметь свою историю и теорию,— писал А. Б. Лакиер.— Науке о печатях предстоит собрать и привести в систему те факты, которые представляют наши источники для истории печатей. Без того отечественная археология будет лишена одного из главных средств поверять подлинность актов и определять время их составления»⁵. Исследователь кратко осветил историю печатей в России, а также в соответствии с разработанной им самим классификацией выделил и проанализировал такие комплексы отечественных сфрагистических памятников, как княжеские печати, в том числе удельных князей, печати городов, печати духовенства, должностных и частных лиц, а также приказов. А. Б. Лакиер использовал ряд методических приемов, которые не утратили значения до сих пор. Это прежде всего метод сфрагистической аналогии, сравнительно-сфрагистический метод, т. е. сопоставление и сравнительная характеристика рисунка печати с идентичными изображениями на монетах, а также историко-сравнительный метод.

На протяжении второй половины XIX в. расширяется объект изучения сфрагистики. В научный оборот наряду с княжескими и дворянскими печатями — атрибутами господствующего класса феодалов, начинают вводиться другие виды источников — печати городов и цехов.

В XIX в. на Украине продолжаются традиционные исследования древнерусских печатей, наряду с ними появляются работы, посвященные казацким печатям, а также печатям украинских городов. Представитель прогрессивного направления в украинской буржуазно-либеральной историографии А. М. Лазаревский изучал воинские, гетманские, судебные печати, а также печати украинской казацкой старшины⁶, городов Глухова и Конотопа.

Сбор и публикацию печатей гетманов, украинской казацкой старшины, а также магистратских и ратушных печатей городов продолжил черниговский исследователь Г. Милорадович⁷. Украинский этнограф и краевед П. С. Ефименко изучал происхождение знаков собственности восточных славян, послуживших основой для древнерусских печатей⁸. Он применил метод аналогии, а также историко-сравнительный метод. Выдвинутые П. С. Ефименко положения о существовании функциональной связи между печатями, пломбами и родовыми знаками, о влиянии общественных условий на развитие сфрагистических знаков имели важное теоретическое значение.

А. П. Барсуков систематизировал и описал изображения правительственные печати Левобережной Украины феодального периода — печати запорожского казачества, министерской канцелярии (1728) и Малороссийской коллегии⁹. И хотя работа его носила описательный характер (по словам самого автора, это была истори-

ческая справка по документам архива Департамента герольдии), тем не менее зафиксированные автором изменения в рисунке печати Малороссийской коллегии с 1722 по 1763 г. свидетельствовали о централизаторской направленности в политике царского самодержавия, ограничении и постепенной ликвидации особенностей административного и военного устройства Левобережной Украины.

Во второй половине XIX в. характерным было накопление источникового фонда сфрагистики в значительной степени за счет многочисленных археологических находок. Ведущую роль в расширении источниковой базы и публикациях сфрагистического материала играли археографические комиссии, архивы и музеи, частные коллекции. Увеличивалось число публикаций как отдельных памятников сфрагистики, так и целых их комплексов. Стали изучаться сфрагистические материалы древнего мира, Византии, соседних стран.

Однако заметен был существенный разрыв между темпами сбора фактического материала и его научно-теоретическим осмысливанием. Опубликованные работы имели преимущественно описательный характер, который не позволил перейти от анализа к классификации сфрагистических источников, к широкому их использованию для исторических обобщений¹⁰. В этих работах слабыми были нередко и выводы.

Кризис буржуазной историографии в период империализма сказался и на сфрагистике, о чем свидетельствуют работы К. В. Болсуновского¹¹ и А. С. Лаппо-Данилевского¹².

В начале XX в. на Украине продолжалось изучение казацких печатей. Так, М. Слабченко описывал печати гетманов, казацкой старшины, полковые и сотенные печати запорожских паланок, куреней¹³. Хотя автором был собран основной разрозненный материал по казацкой сфрагистике, формальный подход к его исследованию, отсутствие теоретических выводов и обобщений значительно снизили источниковедческую ценность работы. Неточное описание печатей, отсутствие рисунков лишило возможности использовать этот материал в качестве справочного пособия для дальнейших исследований.

Ничего существенно нового в исследование казацкой сфрагистики не внесла работа П. Китицина о печатях украинских казацких полков¹⁴. В небольшой по объему статье автор допустил ряд неточностей. В частности, автор ошибочно называет исследуемые им печати полковыми, тогда как в действительности они были или магистратскими, или личными полковничymi печатями.

Наиболее фундаментальное исследование казацких печатей XVI — XVIII вв. принадлежит перу И. П. Крипякевича, который глубоко проанализировал в хронологической последовательности 26 оттисков печатей гетманов Войска Запорожского, раскрыл надписи на них в их подлинной транскрипции, показал их оригинальный и самобытный характер¹⁵. На всех печатях традиционно изображался казак с мушкетом, менялись, в сущности, только надписи, отра-

жавшие политическое положение казачества и его подчинение на протяжении XVI — XVII вв. Работа И. П. Крипякевича дает четкое представление не только о своеобразии сфрагистики Войска Запорожского, но и наглядно показывает процесс социального расслоения украинского казачества.

Около 130 печатей украинской казацкой старшины впервые были опубликованы и с краткими описаниями их В. К. Лукомским и В. Л. Модзалевским¹⁶. Высокий уровень воспроизведения печатей художником-графиком Егором Нарбутом делает гербовник ценным сфрагистическим источником для изучения истории Украины того периода.

В конце XIX — начале XX в. наряду с накоплением источниковкой базы сфрагистики, совершенствовались техника и методика исследования, определялись основные направления развития этой дисциплины, формировались ее цели и задачи. Историки России и Украины разрабатывали общую тематику сфрагистических исследований, что значительно способствовало их развитию. Одним из первых подошел к уяснению места и значения печатей в историческом исследовании известный русский ученый Н. П. Лихачев¹⁷. В отношении неатрибутированных печатей — металлических булл — Н. П. Лихачев разработал целую систему определения их принадлежности, которую до сих пор с успехом используют исследователи¹⁸. Княжеские печати древнерусского периода, явившиеся объектом пристального внимания ученого, были нескольких видов. На некоторых печатях, с одной стороны, помещалось несколько схематическое изображение святого, с другой — надпись на греческом языке, в которой указывалось мирское или христианское имя князя — владельца печати. Большинство же печатей были анонимными, т. е. на них отсутствовало имя князя, что составляло сложность при определении принадлежности их. Сфрагистический метод атрибуции и датировки анонимных печатей древнерусских князей, разработанный Н. П. Лихачевым, состоит в том, чтобы определять принадлежность печатей по вычеканенным на них изображениям святых, соименных христианским именам владельцев печатей. Методы сфрагистического анализа, разработанные Н. П. Лихачевым, отражены в его фундаментальном труде по истории византийской и русской сфрагистики¹⁹. Ученый большое внимание уделил также вопросам происхождения русской государственной печати, ее видам, которые он тесно связывал с политическими моментами, влиявшими на их складывание²⁰.

Значительный вклад в развитие отечественной сфрагистики внесли работы А. В. Орешникова²¹, и прежде всего его фундаментальный труд, в котором обобщен большой и разнообразный сфрагистический материал²².

Итак, сфрагистика дооктябрьского периода, как свидетельствуют указанные выше наиболее значительные научные труды в этой области, выделилась из дипломатики и ее памятники начали исследоваться как самостоятельный исторический источник.

Работы советских историков по сфрагистике до середины 30-х годов имели преимущественно прикладной характер и представляли в основном публикации печатей. Постепенно возрастает интерес к изучению ратушных и магистратских печатей городов, а также цехов. Как известно, эти источники в дооктябрьский период почти не разрабатывались.

К. Е. Антипович подчеркивал важность изучения подобных сфрагистических памятников на примере киевской магистратской печати, эволюция которой отражает политические изменения, которые происходили на Украине, в частности в Киеве в XVI — XVIII вв.²³ М. И. Корнилович изучал киевские печати цехов с характерным изображением на них орудий труда, предметов цехового производства. Профессиональные признаки на цеховых печатях, делает вывод исследователь, представляли преимущественно примитивно сконструированный конгломерат всех тех предметов, которыми пользовались ремесленники и которые обычно рисовали на вывесках цеховых мастеров²⁴.

В период становления марксистско-ленинской исторической науки острые идеологические борьбы отразились и на сфрагистических исследованиях. Некоторые представители буржуазно-националистического направления пытались использовать сфрагистику для выражения своих узкоклассовых интересов. Так, в статье М. Слабченко о печатях запорожской казацкой старшины XVII в. тенденциозно подобраны и интерпретированы факты, преднамеренно ошибочно сделаны на основании их выводы и др.²⁵

В довоенные годы изданы работы, в которых рассматривались ранние сфрагистические знаки. Среди них — небольшая по объему статья М. Максимовой²⁶, в которой поднимается один из ключевых вопросов сфрагистического исследования — время появления печатей и их функциональное назначение. В древнем мире печати имели иное назначение, чем позднее, в эпоху средних веков и нового времени. Исследовательница полагает, что помимо скрепления документов печати в древнем мире служили также определителем закрепления имущества за его собственником. М. Максимова подошла к принципиально важному выводу для характеристики становления печати: «Родовое общество даже в последней стадии своего развития не имеет еще надобности в печатях. Но в правящей его верхушке в связи с началом накопления его богатств, уже создаются предпосылки для появления печатей. Широкое распространение обычая пользоваться печатями связано с образованием классового общества и с основанием государства как выразителя экономических интересов господствующих классов»²⁷.

С работой М. Максимовой перекликаются ранние работы Б. А. Рыбакова о знаках собственности в древней Руси, в которых автор дал исторически обусловленную картину развития княжеских знаков собственности²⁸.

В послевоенные годы появились работы теоретического характера, в которых поднимались вопросы о предмете сфрагистики как научной дисциплины, конкретизировались ее задачи, совершенствовалась методика исследований; осуществляется историографический обзор вышедших работ.

И. П. Крипякевич, отмечая важную роль печатей в раскрытии некоторых вопросов экономических отношений, социально-политической борьбы, истории культуры, ремесла, быта, показывал связь сферагистики с дипломатикой, геральдией, генеалогией, палеографией. Часто печати, писал Крипякевич, отражают характерные бытовые черты разных эпох, дают представление о древней одежде, оружии, архитектуре, предметах домашнего обихода, ремесленном инструменте и т. д.²⁹ Ученый поднял также вопрос об определении ближайших задач сферагистики, одной из которых является составление полной библиографии сферагистики.

Сферагистика включается в лекционные курсы исторических факультетов вузов, выпускаются учебные пособия по этой дисциплине. На базе Московского государственного историко-архивного института в 1963 г. было выпущено учебное пособие по сферагистике и геральдике³⁰. Краткий очерк истории происхождения и бытования печатей в России, изложенный в книге, дает представление о развитии русской сферагистики на фоне истории Русского государства. Хронологически издание охватывает развитие сферагистики со времени возникновения в России первых печатей вплоть до наших дней. В основу классификации печатей Русского государства Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов положили происхождение их в рамках определенного исторического периода. Печати также подразделяются на группы по принципу их принадлежности учреждениям и лицам.

Упомянутое выше учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам,данное в Киеве в 1963 г., содержит раздел о сферагистике, составленный В. И. Стрельским, который считал, что основная задача этой дисциплины состоит в изучении печатей как памятников истории и быта, как знаков удостоверения собственности, как средства источниковедческой экспертизы документов.

В. И. Стрельский уделял большое внимание раскрытию роли сферагистики в системе источниковедения. «Ни какие выводы, никакие общие исторические построения,— отмечал ученый,— немыслимы без предварительного дипломатического, в частности, сферагистического изучения источников»³¹.

Характерной чертой сферагистических работ, вышедших в последующие годы, является углубленное изучение больших комплексов памятников и совершенствование методики их исследования. Успешно начатое в свое время Н. П. Лихачевым и А. В. Орешниковым изучение печатей древнерусского периода продолжил В. Л. Янин в исследовании о новгородских посадниках³².

В специальном труде по сфрагистике В. Л. Янин показал, как в изменениях типа печатей, исчезновении или появлении новых групп официальных булл отразились определенные стороны истории древних государственных институтов³³. Сочетание максимального привлечения материала из всех групп сфрагистических памятников с разработанной методикой их изучения позволило исследователю поднять важные вопросы о формировании и истории древнерусской сфрагистики в целом.

Методологической установкой и одним из главных условий современных сфрагистических исследований Янин считает исчерпывающее выявление материала и комплексное его изучение.

Традиционное древнерусское сфрагистическое направление нашло свое дальнейшее развитие в работах А. А. Молчанова³⁴, Б. Д. Ершевского³⁵. Историографический анализ изучения древнерусской сфрагистики в советской историографии сделан В. Л. Яниным и М. Б. Свердловым³⁶.

Становление специфических методических приемов сфрагистических исследований способствовало плодотворному изучению восковых печатей, о чем свидетельствуют работы последних лет, в частности касающиеся истории Украины³⁷.

Некоторые из них рассмотрим подробней. Дальнейшей разработкой одного из направлений сфрагистических исследований — украинских войсковых или, как их еще называют, гетманских печатей, фундамент которого заложили в свое время И. П. Крипякевич, явилась статья Е. И. Дракохруст, в которой автор предприняла детальный разбор оттисков войсковых печатей, находящихся в собрании гетманских универсалов и листов из собрания отдела письменных источников и отдела нумизматики Государственного исторического музея. Изучению подвергались печати, начиная с документов Б. Хмельницкого 1654 г. и заканчивая последним гетманом К. Разумовским.

Детальный анализ графических изображений туры казака, сделанный автором, констатация нарастающих изменений в его рисунке от силуэта простого воина с ружьем к облику знатного «рыцаря», позволили Дракохруст сделать важный вывод о том, как в этих печатях отразился процесс роста социально-политической роли казацкой старшины — класса украинских феодалов, захвативших в свои руки земельные богатства и высшие административные должности (с. 9). Большое внимание автор уделила также надписям на войсковых печатях, а приложенная к статье хронологическая таблица надписей позволила автору показать смену войсковых печатей не по гетманствам, как это можно было предположить, а по времени их реального применения, которое не всегда совпадало с годами правления того или иного гетмана. Выводы, к которым пришла автор в результате исследования, свидетельствуют о важности сфрагистического материала как источника для изучения социально-политической истории Левобережья XVII — XVIII вв.

Небольшая группа печатей с гербами украинского дворянства из коллекции нумизматического отдела Государственного Эрмитажа, ставшая объектом изучения исследователя из Ленинграда А. А. Покорной, представляет интерес как в связи с историей и культурой Украины и России, так и в связи с практической музейной работой. Для атрибуции и датировки гербовых печатей автор использовала метод сфрагистического исследования, разработанный в свое время В. К. Лукомским.

Е. И. Каменцева исследовала отдельные печати Запорожского войска XVIII в. и печати государственных учреждений Украины, в частности, Малороссийской коллегии, хранящиеся в отделе нумизматики Государственного исторического музея в Москве. Благодаря тщательному исследованию этих сфрагистических памятников, а также с помощью привлечения других видов источников,— письменных, автор решает ряд вопросов о назначении этих печатей, определяет их принадлежность и приблизительное время употребления в тех случаях, когда на печатях не указывалась дата.

В последние годы успехов добились советские историки в области изучения вопроса о русских государственных печатях. Тем не менее историографический обзор соответствующей научной литературы показал, что современное состояние изученности этой проблемы не дает пока возможности ответить на все поставленные учеными вопросы³⁸.

Н. Ф. Демидовой успешно разрабатываются исследования отдельных видов восковых и воскомастичных печатей XVII—XVIII вв., сгруппированных по их функциональному назначению — городские, областные, таможенные печати, а также других учреждений и провинциальных канцелярий феодальной России³⁹.

Расширению публикаций по сфрагистической тематике и более широкой возможности их публикаций в немалой степени способствуют специальные издания по сфрагистике и другим вспомогательным историческим дисциплинам⁴⁰.

Научная разработка истории советского общества требует привлечения разностороннего материала, в том числе сфрагистического. Поэтому одной из задач советской сфрагистики является классификация печатей советской эпохи, тщательное изучение их внешнего вида, порядка их применения. А. И. Гуковский отмечал, что в плане изучения источников советского времени сфрагистика, к сожалению, «остается пока едва ли не самой слабо разработанной вспомогательной исторической дисциплиной»⁴¹.

В последнее время можно с удовлетворением констатировать целенаправленное изучение больших комплексов сфрагистического материала советского периода. Расширяется проблематика исследований. Так, историки Украинской ССР изучают печати революционных учреждений, первых лет Советской власти, рабочих и профсоюзных организаций, революционных организаций, действовавших на западноукраинских землях в условиях подполья, народных комитет-

тов Закарпатской Украины периода воссоединения⁴². Исследователи проводят источниковедческую экспертизу памятников — определяют их основные разновидности, анализируют символику, исследуют надписи и рисунки на них. Печати, являясь важным источником советской эмблематики и символики, служат достоверным материалом для реконструкции некоторых сторон советского государственного строительства на Украине, структуры учреждений, характера их деятельности.

Продолжаются исследования городских, сельских, цеховых печатей, функционировавших на территории Украины в феодальный период. А. В. Маркевич привлек большой сфрагистический материал для изучения, в частности, городской геральдики⁴³. Исследователь придерживается принципа установления символического знака города по изображению самой старой городской печати, поскольку, по его мнению, изображения на более поздних городских печатях довольно часто подвергались изменениям, модернизации, дополнениям, часто весьма далеким от местных традиций⁴⁴. Постоянным объектом исследования А. В. Маркевича являются наиболее старые печати городов Галицко-Волынского княжества — Владимира, Львова, Переяславля, пользовавшихся в XIV в. магдебургским правом. На основе дошедших до нашего времени сфрагистических памятников он конкретизировал отдельные стороны исторического развития западноукраинских земель, уточнил время введения магдебургии в городах, их политическую ориентацию. А. В. Маркевич продолжает начатое другими исследователями изучение старых городских печатей Западной Украины в искусствоведческом аспекте. Большую группу печатей украинских городов, которая впервые вводится в научный оборот, автор делит на группы по характеру изображенных на них рисунков. А. В. Маркевич делает обоснованный вывод, что печати эти в качестве памятников миниатюрного граверного искусства неизвестных мастеров дают как по форме, так и по содержанию новый самобытный материал для характеристики украинского прикладного искусства того времени⁴⁵.

Большой комплекс сфрагистических источников — магистратские и ратушные печати — привлекается для изучения городской геральдики Левобережной Украины феодального периода⁴⁶. Они являются одним из источников для более полного изучения некоторых явлений и закономерностей в развитии украинских городов, особенностей их общественного устройства, административно-правового статуса, формирования местных органов самоуправления, специфики взаимоотношений центральных и местных органов государственной власти и т. д.

В. А. Гавриленко описал и исследовал цеховые печати Львова XIV — XV вв.⁴⁷. Проанализировав технику резьбы, а также проводя эпиграфическую экспертизу надписей, исследователь сделал вывод о существовании львовских ремесленных объединений еще в середине XIV в. Работы ученого явились значительным вкладом в исследо-

вание историографии сфрагистики на Украине с древних времен до наших дней⁴⁸. В. А. Гавриленко дает также синтетическое определение предмета и задач сфрагистики, детально освещает методы исследования этой дисциплины, процесс создания ее источниковой базы и пути выявления сфрагистических памятников. Особого внимания заслуживает его разработка некоторых теоретических вопросов этой дисциплины, унификация ее дефиниций, терминологии. В его монографии «Українська сфрагістика» проводится классификация методов и приемов сфрагистического исследования.

В. А. Гавриленко детально рассматривает и критически анализирует каждый отдельный этап в истории украинской сфрагистики, отмечая ее тесную связь с русской сфрагистикой, а также специфику ее развития в Западной Украине, Северной Буковине и Закарпатье до воссоединения этих территорий с УССР. Предпринятый автором анализ развития украинской сфрагистики поможет ученым творчески усвоить все лучшее из многовекового наследия, избежать допущенных ранее ошибок, усовершенствовать приемы и методы исследования печатей.

Подводя итоги своего исследования, В. А. Гавриленко отмечает: «Возникла необходимость перейти от рассмотрения отдельных, наиболее ярких памятников или групп печатей к исследованию всего сферагистического материала, публикации корпуса сферагистических памятников Украины»⁴⁹. Этот, безусловно, правильный тезис не вызывает возражений, однако не следует исключать и в дальнейшем изучения отдельных заслуживающих внимания образцов сферагистических знаков, ибо именно они на конкретном материале дают возможность совершенствовать методику исследования этой дисциплины.

В последние годы изданы работы, в которых в общих чертах освещается состояние изученности отечественных печатей разных эпох, рассматривается эволюция отечественной сферагистики как научной дисциплины⁵⁰. В них констатируется выделение основных направлений сферагистических исследований (изучение античной и западноевропейской сферагистики, вислых древнерусских печатей домонгольского времени, восковых, воско-мастичных, сургучных оттисков периода позднего феодализма, исследование печатей советского времени), отмечаются нарастающие тенденции к расширению хронологических рамок и тематики, углублению ее исследования.

Краткий историографический обзор развития отечественной сферагистики, в том числе украинской, предпринятый в этой главе, позволяет сделать следующий вывод: в настоящее время накоплена значительная источниковая база сферагистики, выяснены теоретические вопросы предмета, разработаны и широко используются специфические методические приемы исследования этой научной дисциплины. Сферагистические исследования 70—80-х годов характеризуются выявлением, систематизацией и изучением целых комплексных

сфрагистических источников, сгруппированных по их тематическому признаку и функциональному назначению. Это — княжеская (периода Древней Руси), государственная, территориальная, дворянская сфрагистика феодального периода, печати местных учреждений и цехов, украинской казацкой старшины, войсковые (запорожские) печати подпольных нелегальных объединений и, наконец, печати Советского государства. Не все из этих вышеназванных групп сфрагистических источников разработаны и использованы в одинаковой степени. Не все названные группы имеют целостность источников базы документов, что не позволяет приступить к их комплексному исследованию. Недостаточно публикуются каталоги печатей, находящихся в архивных и музейных фондах.

Одной из основных задач отечественной сфрагистики является дальнейшее совершенствование методики исследования сфрагистических источников. Анализ научной литературы показал также недостаточную изученность некоторых аспектов сфрагистики, в том числе городских печатей Украины, отдельных ее регионов. Недостаточно исследованными пока остаются печати украинской казацкой старшины, запорожские войсковые печати, еще не заполнены все пробелы в изучении цеховой средневековой сфрагистики. Широкое поле деятельности предоставается будущим исследователям в изучении огромного количества разнообразного по своему характеру и назначению сфрагистического материала советского периода. Если история создания государственной печати молодой Советской республики исследована довольно обстоятельно⁵¹, то такой ценный источник по изучению истории советской эпохи, как печати организаций и учреждений (ревкомов, сельсоветов, кооперативов и т. д.) периода гражданской войны и первых лет становления Советской власти еще ждет своих исследователей.

Проблемы, стоящие перед исследователями, подготовлены всем ходом развития сфрагистики и современным состоянием ее разработки.

ГЛАВА XII ГЕНЕАЛОГИЯ

Генеалогия — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая происхождение родов, отдельных лиц, родственные связи между отдельными лицами и историю семей различного социального происхождения.

Длительное время генеалогия считалась классовой дисциплиной, исследовавшей преимущественно дворянские родословные. Она имела практическое значение для установления прав на собственность, прохождения дворянами службы, т. е. исполняла социальные заказы господствующих классов. После Великой Октябрьской социалистической революции, ликвидировавшей все сословные привилегии, потребность в изучении дворянских родословий, а следовательно, и в функциях практической генеалогии исчезла. Однако как составная часть исторического исследования, призванная развивать исторические науки, генеалогия не утратила значения. Ее данные все чаще используются исследователями как основа для решения конкретно-исторических проблем в их различных аспектах — политическом, экономическом, социальном. С расширением источниковой базы, в частности, с введением в научный оборот новых генеалогических источников советского времени переосмысливается цель этой дисциплины, определяются содержание, задачи и круг вопросов, исследованием которых она должна заниматься.

Генеалогия прошла долгий путь развития от практических знаний до научной дисциплины, подчиненной задачам исторического исследования со специфическими, свойственными только ей методами и техническими приемами. Ее становление и развитие определяются общими концепциями исторического процесса.

Практическая генеалогия, носящая ярко выраженный классовый характер, констатировавшая родство господствующего класса — боярства и дворянства, была очень распространена в феодальном обществе царской России. Генеалогические сведения в виде родословной многочисленных представителей правящей династии великих киевских и удельных князей постоянно помещались еще в древнерусских летописях. Сбором, проверкой и утверждением дворянских

родословий в России ведали специальные государственные учреждения: с середины XVI в.— Разрядный приказ, в котором был составлен Государев родословец 1555 г., Палата родословных дел (1682) при Разрядном приказе, которая выпустила знаменитую «Бархатную книгу», впоследствии (с 1722 г.) — Герольдмейстерская контора (с 1848 г.— Департамент герольдии).

Одной из ранних форм практической генеалогии были русские родословные книги, первые редакции которых относятся к 40-м годам XVI в. Появление родословных связано с историей формирования государственного аппарата России, когда шла борьба за занятие высших должностей в Русском государстве. Потомки удельных князей и старомосковского боярства стремились доказать свое родство с отдельными предками, издавна стоящими во главе управления государством, и официально зафиксировать это родство в родословных книгах.

С отменой местничества интерес к дворянскому родословию не угас, поскольку сохранялись сословные привилегии и передача по наследству дворянского звания и имущества. Государство, заинтересованное в охране дворянских привилегий, создало в 1772 г. Герольдмейстерскую контору, одной из обязанностей которой было ведение дел о дворянстве (установление его численности, наблюдение за прохождением всеми дворянами службы, охрана сословных прав). В архиве этого учреждения был сосредоточен основной массив документов о русском дворянстве (ЦГАДА, фонд Герольдмейстерской конторы, ф. 286; ЦГИА СССР, фонд Департамента герольдии, ф. 1343).

Разработка генеалогии как исторической дисциплины началась в XVII в. на основе практической генеалогии. Изучалась источниковая база дворянской генеалогии, создавались специальные справочники по феодальному родословию. О целях и задачах данной дисциплины в историческом исследовании писал еще В. Н. Татищев, подразумевая при этом комплекс генеалогических знаний о родословии правящих династий России. Историки XVIII — начала XIX в. Г. Ф. Миллер, М. М. Щербатов, Н. И. Новиков ввели в научный оборот ценные генеалогические памятники — «Степенную»² и «Бархатную»³ книги.

Были созданы также справочные словари — «Известие о дворянах российских» Г. Ф. Миллера, «Исторический словарь» И. В. Неха-чина, «Родословный российский словарь» М. Г. Спиридова. Авторы стремились осветить служебное положение и деятельность представителей княжеских и боярских фамилий, входивших в состав правящих кругов России XVI — первой половины XVII в.

Родословные справочники, составленные в это время, легли в основу позднейших генеалогических исследований по истории дворянских родов феодальной России.

С 1799 по 1840 г. было издано 10 томов «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи».

В XVIII в. наряду с обобщающими справочными изданиями появились генеалогические публикации об отдельных родах княжеско-дворянских фамилий. В этом проявилось стремление российского дворянства исторически обосновать свое правящее положение.

Во второй половине XIX в. публиковались систематизированные обобщающие справочные издания по родословию российского дворянства, в которых содержатся поколенные росписи дворянских родов — П. В. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, В. В. Руммеля, В. В. Голубцова⁴. В это время внимание историков сосредоточивалось на вопросах происхождения сословий, роли дворянства в образовании государственного аппарата и сословных учреждений.

Украинская генеалогия имела свои особенности и закономерности развития. В XVII — первой половине XVIII в. она, как и русская генеалогия, преследовала практические цели. Но уже с середины XVIII в. возникает интерес к изучению родственных связей украинского дворянства. Разработка генеалогических материалов по истории украинских дворянских родов началась в XIX в. Прежде чем приступить к историографическому обзору украинских генеалогических работ дооктябрьского периода, необходимо хотя бы кратко остановиться на вопросе происхождения украинского дворянства как класса, поскольку именно оно явилось объектом генеалогических исследований.

В силу сложившихся исторических условий богатая казацкая старшина, тесно связанная с польским шляхетством, стремилась перенимать их обычай, нравы, а впоследствии и религию, так что к середине XVII в. она во многих отношениях походила на польскую шляхту. Этому способствовало и польское правительство, заинтересованное уравнять украинскую знать с польским шляхетством. Одной из мер такого уравнения было наделение украинской знати грамотами, дающими им шляхетское звание, и польскими гербами.

После освободительной войны украинского народа против шляхетской Польши 1648—1654 гг. политическая роль казацкой старшины на Украине повысилась. Овладев многими «маентностями», увеличенными впоследствии за счет насилия и злоупотреблений, старшина составила привилегированную господствующую группу, стремящуюся юридически закрепить свои права. На протяжении второй половины XVII — XVIII вв. она усиленно добывалась у царского правительства уравнения в правах с русским дворянством и соответствующих привилегий.

Официальное оформление принадлежности к дворянскому сословию состояло в разборе представленных старшиной по этому вопросу «доказательств» и запись доказавших дворянство в дворянские книги. Кроме того, специальным указом 1781 г. обозные, судьи, подскарбии, писари, есаулы, хорунжие казацкого войска Левобереж-

ной Украины были переименованы в русские военные чины — прапорщики, поручики, капитаны, а следовательно, производились в дворянне. Тысячи разбогатевших казаков, имевших воинские чины, вправе были причислять себя к дворянам наравне с казацкой старшиной.

Грамота Екатерины II 1785 г., давшая возможность представителям и потомкам бывшей казацкой старшины записываться в дворянские родословные книги, возбудила огромный интерес к прошлому предков и вызвала целый поток «доказательств» о «благородном происхождении» в комиссии, учрежденные для разбора прав на дворянство. Чтобы получить дворянское звание, казацкие старшины роды составляли родословные, «генеалогические древа» и таблицы, доказывали давность своего привилегированного положения на Украине и феодальных прав на владение крепостными крестьянами и земельными угодьями.

Довольно частыми были случаи, когда правами на получение дворянских привилегий стали пользоваться фамилии, представившие малодостоверные документы и фальсификации.

Нередко казацкие родословия составлялись с помощью польских гербовников. Украинские фамилии искусственно «ополячивались» для облегчения «генеалогических» подтверждений и выискивания своих предков в среде польской шляхты. Иногда свои роды старшина выводила из польских магнатов, князей и королей, венецианских графов, добираясь и до древних римлян.

По этому поводу известный историк А. М. Лазаревский отмечал, что «стремление малороссийской старшины к патентованному шляхетству заглушало в ней, казалось, всякую идею о национальности»⁵.

С естественным недоверием относившийся к подобным «родословиям» А. М. Лазаревский описал историю того, как правнуки полкового судьи Ивана Берла, отыскав в польском гербовнике герб с изображением головы зубра и «признав» его своим, возвели, таким образом, свой род ко времени правления литовского князя и польского короля Владислава Ягайлы (около 1350—1434). Ученый, опираясь на фамильные документы Берлов, развенчал миф о древности этого шляхетского рода, предполагая, что попали они в ряды казацкой старшины благодаря женитьбе на дочерях влиятельных лиц⁶.

Материалы семейных архивов украинской казацкой старшины в течение многих лет помещались в «Черниговских губернских ведомостях».

Во второй половине XIX — начале XX в. опубликовано много генеалогических изысканий об украинской казацкой старшине, на наиболее известных фамилиях полковников и сотников, отдельных дворянских родов⁷. В условиях развития капитализма и роста буржуазии как основного господствующего класса такие публикации свидетельствовали о стремлении дворянства сохранить свои

права, обосновать превосходство над другими классами общества древностью и знатностью своего рода.

Несколько обособленно от большинства генеалогических работ того времени стоят историко-генеалогические исследования А. М. Лазаревского, в которых наблюдается критический подход автора к изучению родословных легенд⁸, поскольку именно в легенду о происхождении родоначальника вкладывалась идея словной принадлежности семьи. Относясь с научной принципиальностью к всевозможным родословным легендам украинского дворянства, А. М. Лазаревский стремился с наибольшей точностью воспроизводить поколенную роспись украинских дворянских родов, уделяя особое внимание достоверности происхождения родоначальника. Так, он развенчал легенду о происхождении одной из наиболее известных в XVII в. украинских казацких фамилий — Сулим, представители которой, вычитав в польском гербовнике Окольского, что «герб Сулима в Германии имеет свое начало», вывели свой род из «зашедшего из немецкой земли шляхтича» Ивана Сулимы, который будто бы при Сигизмунде III стал в Польше великим коронным канцлером. А. М. Лазаревский убедительно доказал, ссылаясь на польские гербовники, что при Сигизмунде III никакого Сулимы в верхах польского общества не было. «Это заблуждение правнуоков относительно происхождения своего предка,— писал Лазаревский,— ничем иначе не может быть объяснено, как одною боязнью признаться, что в действительности предок их был одним из известных предводителей запорожских казаков, которого поляки казнили в 1635 г. за разорение только что построенного Кодака»⁹.

С такой же научной добросовестностью подходил исследователь к анализу родословий других представителей украинской казацкой старшины, приводя в публикациях по собственному выражению «вероятно во многом не полные», но документально подтвержденные и выверенные поколенные росписи украинских дворянских родов.

В начале XX в. вышел в свет труд об украинских дворянских родах — «Малороссийский родословник» (Киев, 1908.— 1914.— 1. 1—4). Его составитель В. Л. Модзалевский представил 234 родословные росписи дворянских фамилий Черниговщины. Одним из основных источников биографических статей родословника явились послужные списки украинских дворян, хранящиеся в архивах Департамента герольдики, а также в личных фамильных архивах.

Составитель подал родословные росписи как можно более подробными, включив в текст, кроме чисто генеалогических данных, также широкий комплекс сведений служебного, имущественного и иного биографического характера. В. Л. Модзалевский включил в родословник фамилии, происходящие от представителей украинской казацкой старшины и восходящие к XVII в. По широте представленных в родословнике сведений, подробному описанию жизни и деятельности отдельных, наиболее известных в той или иной сфере

общественных отношений представителей, фактов, во многом уникальных, можно судить о социально-экономической истории, хозяйстве, культуре упомянутого региона Украины. Фундаментальный труд Модзалевского выходит за рамки чисто генеалогического исследования.

К сожалению, «Малороссийский родословник» не был окончен автором. Вышли в свет только его первые четыре тома до буквы «С». Последний из опубликованных четырех томов заканчивается родословной росписью дворян Сулим¹⁰.

При всей достоверности подбора фактов к сведениям, данным в этой обобщающей генеалогической работе, следует подходить критически, так как автор при составлении родословника нередко пользовался теми «генеалогическими древами» и поколенными росписями, которые составляли сами себе представители казацкой старшины, стремясь доказать свое «дворянское» происхождение. Вообще, забегая несколько вперед, следует отметить, что в дореволюционной историко-генеалогической литературе преимущественно отсутствует критический источниковедческий анализ родословных легенд. Под сомнение ставились и отвергались совсем уже баснословные, вымышленные сведения о происхождении предков-родонаучальников.

Кроме этого труда, В. Л. Модзалевский совместно с герольдистом В. К. Лукомским составил и опубликовал уже упоминавшийся «Малороссийский гербовник», содержащий материал о представителях старшинской администрации Левобережья.

Перу В. Л. Модзалевского принадлежат многочисленные статьи генеалогического характера, специально написанные для «Русского биографического словаря» (Ракушка (Ракущенко, Романовский) Роман Осипович, Жданович Антон Никитич, Галан Игнатий Иванович, Рославец Петр Иванович, Судиенко Михаил Осипович, Наливайко Северин, Жураковский Василий Яковлевич, Небаба Мартын и др.), а также ряд публикаций по исследованию отдельных украинских дворянских родов¹¹.

В. Л. Модзалевский совершенствовал традиционную методику составления родословной, что явилось важным этапом в ходе перерастания генеалогии из прикладной дисциплины, обслуживающей дворянство, с ярко выраженным сословным характером, во вспомогательную историческую дисциплину.

Наряду со специальными генеалогическими исследованиями в конце XIX — начале XX в. широким потоком издавались любительские труды, в которых представлены родословные росписи отдельных, часто собственных дворянских фамилий. Как отмечал советский историк В. Л. Янин, это было связано с пышными приготовлениями к празднованию 300-летия правления Романовых. Установление степени родства с царской династией, выискивание общих с нею предков — прежде всего такие, далекие от науки задачи преследовали инициаторы составления и заказчики этих родословий¹². Подго-

товленные на низком уровне любительские разработки не увязывались с историческими процессами, имели преимущественно семейный характер, издавались «для себя», часто от 2 до 20 экземпляров. Огромное количество дореволюционных генеалогических разработок свидетельствует, что в центре внимания авторов всегда находились роды представителей правящих, эксплуататорских классов.

Поток генеалогических публикаций вызвал необходимость создания специальных библиографических пособий по генеалогии¹³. В курсе институтских лекций по русской генеалогии излагались отдельные теоретические вопросы этой дисциплины¹⁴.

В складывании систематизированных направлений генеалогических работ и повышении их научного уровня заметную роль сыграли научные генеалогические общества — Историко-родословное в Москве и Русское генеалогическое — в Петербурге¹⁵.

Московское историко-родословное общество (1904) сосредоточило усилия на разработке дворянских родословий XIII — XX вв. Они публиковались в «Летописи», которую издавало общество. Деятельность петербургского генеалогического общества была несколько шире. Его участники разрабатывали историю дворянских родов, создавали архивы личных фондов путем сбора родословных документов, древних семейных рукописей, часто заброшенных в дворянских усадьбах. Деятельность общества отражена в четырех выпусках «Известий Русского генеалогического общества», которые свидетельствуют о поступательном развитии отечественной генеалогии конца XIX — начала XX в.

Итак, тематика дореволюционных научных генеалогических исследований ограничивалась в основном изучением дворянских родословий. С усилением классовой борьбы, развитием капитализма в конце XIX — начале XX в. начали появляться отдельные генеалогические исследования о династиях промышленной буржуазии, о купеческих и даже крестьянских родах. Несмотря на то что уже сложились определенные традиции составления родословных росписей и таблиц, разработаны приемы и методы работы с этим специфическим материалом, узкосословный характер дореволюционной генеалогии не позволил ей сформироваться во вспомогательную научную дисциплину истории, оставив ее на уровне приложения к истории дворянства.

Лучшие традиции русской генеалогии, выработанные прогрессивными дореволюционными историками, были развиты в работах советских ученых. В середине 30-х — начале 40-х годов были приняты постановления партии и правительства о преподавании отечественной истории в школах СССР, возобновлении исторических факультетов вузов, о завершении процесса создания марксистских кадров историков. Важное значение для развития генеалогии, разработки методики ее изучения имело преподавание этой дисциплины в Московском историко-архивном институте.

Продолжала исследоваться древнерусская генеалогия. Использование источников по генеалогии позволило расширить наблюдения над структурой класса феодалов XI — XIII вв. и определением его социально-экономической природы, выяснить состав княжеских фамилий, реконструировать их генеалогические связи и в соответствии

этим изучать политическую ориентацию других стран по отношению к Киевской Руси. Генеалогические изыскания помогают выяснить также ряд существенных вопросов о становлении и развитии княжеской земельной собственности. Примером исследования, построенного на генеалогических источниках, можно назвать работу О. М. Рапова о княжеских владениях времен Киевской Руси¹⁶. Широко использует в работах генеалогический материал при исследовании истории древнерусских земель, в частности, Галицко-Волынского княжества, его внешнеполитических связей Н. Ф. Котляр¹⁷.

В генеалогическом изучении древнерусского периода имеются определенные трудности, о которых писал М. Б. Свердлов¹⁸. Если генеалогия древнерусских князей освещена в летописях достаточно подробно и последовательно, то о феодальной знати данные отрывочны и приводятся они лишь попутно.

А. Г. Кузьмин попытался с помощью установленных и проверенных генеалогических сведений о древнерусских князьях определить время и место создания Никоновской летописи и ее редакций¹⁹.

Советские историки успешно разрабатывают методику генеалогических исследований, определяют круг ее источников, совершенствуют их анализ. Расширяется исследуемая тематика. В центре внимания по-прежнему продолжают оставаться дворянские родословия, но уже рассматриваемые под углом зрения марксистско-ленинской методологии.

Наиболее значительное место в изучении состава государева двора, а также дворов великих и удельных князей XI — XVI вв. занимают работы С. Б. Веселовского²⁰, А. А. Зимина²¹, М. Е. Бычковой²². Ученые успешно применили генеалогические источники для изучения истории господствующего класса России, динамики складывания дворянства в период развития централизованного государства, когда феодальные корпорации различных княжеств преобразовались в единый класс феодалов Русского государства. С помощью изучения родословных книг XVI — XVII вв. и их редакций М. Е. Бычковой, в частности, удалось точнее охарактеризовать ту социальную базу, на которую опиралось правительство в разные периоды, осветить некоторые вопросы реформ XVI в.

Все чаще привлекают историков родословные росписи и легенды в источниковедческом аспекте. А. Б. Каменский подверг изучению и анализу книгу справок канцелярии Разрядного архива²³ (одного из крупнейших архивохранилищ России XVIII в., в котором сосредоточены дворянские родословные документы), сделал попытку установ-

вить степень их достоверности для возможного дальнейшего использования. Проведенный исследователем источниковедческий анализ позволил ему рассматривать книгу как уникальный источник не только по генеалогии, но и по истории правящего класса XVI — XVII вв. Дворянские родословные книги представляют большую ценность также для историографии, истории архивного дела.

Генеалогические изыскания с успехом были применены при изучении опричнины²⁴. При этом выяснилось, что они необходимы, во-первых, для раскрытия социального состава опричников, во-вторых, для выяснения отношения опричного режима к отдельным лицам.

Генеалогические источники о составе боярской думы помогают выяснить социальную базу русского абсолютизма, которую составляло дворянство, его численность, показать борьбу за укрепление государственного аппарата, ограничение власти боярской аристократии²⁵.

Русские родословия XVI в. содержат многочисленные факты, порой уникальные, связанные с происхождением, брачными связями, земельными владениями и другими вопросами истории семей, как прибывших из Литвы, Польши, других стран Восточной и Западной Европы, так и выехавших из России²⁶.

Эти источники привлекаются для изучения внешней политики Русского государства. Они помогают решить ряд вопросов, связанных с внутренней политикой Русского государства, обоснованием территориальных прав, с идеино-политической борьбой. Кроме того, они способствуют выяснению концепции русского правительства о происхождении и правах московских князей, впоследствии — царей, и связанных с ним проблем государственного управления Русского государства и его места среди других европейских и азиатских стран²⁷.

Как видим, в указанных выше работах данные по генеалогии нашли широкое применение, органически вплелись в исторические исследования. Такая тесная взаимосвязь генеалогии с конкретно-историческим исследованием свидетельствует о большой эффективности процесса интеграции различных научных направлений в исторической науке, что является знамением времени.

О расширении объекта генеалогических исследований свидетельствуют многочисленные работы, не только о феодалах, но и о других социальных группах, сословиях и классах. Среди работ, посвященных торгово-промышленным фамилиям, видное место занимают исследования А. А. Введенского²⁸ о Строгановых. Как отмечал ученый, торгово-промышленный дом Строгановых, богатых вотчинников, солепромышленников и торговцев, оказывавших влияние на экономическую жизнь всего Русского государства, стал объектом изучения «прежде всего потому, что выяснение разнообразной деятельности Строгановых позволяет осветить коренные вопросы

экономической истории России XVI — XVII вв.»²⁹ Выходцы из разбогатевших поморских мужиков, Строгановы, точнее их сольвычегодско-пермская ветвь, поднялись до звания «гостей», стали в начале XVII в. именитыми людьми, в XVIII в. превратились в баронов³⁰, а позже — в графов Российской империи.

Исследование истории торгово-промышленного дома Строгановых, действовавшего на протяжении 500 лет, способствует изучению проблемы складывания всероссийского рынка и возникновения процесса так называемого первоначального накопления капитала, помогает выяснить генезис капитализма в России.

Генеалогические исследования крестьянских семей способствуют раскрытию ряда социальных аспектов истории этого класса, освещению многих явлений русской действительности XVI — XVIII вв., роста имущественного неравенства в деревне, социального расслоения, перехода в другие сословия и т. д.³¹ «Крестьянская генеалогия XVI — XVII вв.», — дает образное определение М. Е. Бычкова, — это яркие пятна на фоне экономических процессов русской деревни»³².

Н. Е. Носов, в частности, на основе изучения отдельных семей зажиточной прослойки двинских «лучших людей» как посадского, так и крестьянского происхождения, показал сложный процесс эволюции крестьянского хозяйства Подвилья в XVI — XVII вв.³³ С одной стороны, происходил как бы процесс дефеодализации большинства «двинских бояр», что приводило их к окрестьянению, а также к превращению в промышленников и купцов. С другой, вследствие возрастания имущественной дифференциации внутри самого крестьянства зарождалась уже в середине XVI в. крестьянская предбуржуазия в лице так называемых «лучших людей» и «торговых мужиков».

Историки, изучающие генеалогию крестьянских семей, сталкиваются с определенными трудностями, главная из которых — отсутствие родословий и фамильных архивов. Для реконструкции состава крестьянских семей и их родственных связей исследователи обращаются к актовому материалу — частным актам на земельные угодья, к писцовым книгам и переписным. Таким образом, актовый материал значительно расширяет круг генеалогических разысканий по крестьянству.

Вкладом в советскую историографию являются работы о русских и советских генеалогах: А. Т. Князеве³⁴, который одним из первых начал заниматься вопросами происхождения российского дворянства, П. М. Строеве³⁵ (авторе очерков по княжеской генеалогии и родословных таблиц), Юзефе Вольфе³⁶ (написавшем работы по истории русско-литовских княжеских родов), С. Б. Веселовском³⁷ (специалисте по древнерусской генеалогии).

В работах В. Л. Янина использован новый перспективный метод генеалогических исследований, представляющий собой синтез данных письменных, археологических, сфрагистических и других источников³⁸. Их комплексный анализ позволил ученому всесторонне

осветить экономическую, политическую и культурную жизнь в Новгородской республике. Так, его монография о феодальной вотчине³⁹ является историко-генеалогическим исследованием. В книге впервые сопоставлены данные писцовых книг конца XV в. с актовыми материалами XII — XV вв., а также широко использован археологический комплекс источников из истории средневекового Новгорода, в том числе и берестяные грамоты. Благодаря комплексному исследованию В. Л. Янина удалось реконструировать родословные боярства, которому принадлежали ключевые позиции в политической жизни Новгорода и в его землевладении.

Об успешном использовании генеалогических материалов в исторических исследованиях общественно-политического движения в России в начале XIX в. свидетельствуют труды М. В. Нечкиной о движении декабристов⁴⁰, в котором принимал активное участие и определенный круг родственников.

Важнейшие разработки в области генеалогии публикуются в академических периодических сборниках «Археографический ежегодник» и «Вспомогательные исторические дисциплины».

Своеобразным итогом исследования различных аспектов генеалогии явился коллективный сборник «История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований», вышедший в 1974 г. В него вошли статьи Л. В. Черепнина и М. Е. Бычковой о творческом пути С. Б. Веселовского, которого по праву считают крупнейшим специалистом по древнерусской генеалогии, разработавшим методы генеалогического анализа таких массовых источников, как акты и синодики. Статьи М. М. Громыко, Л. Н. Семеновой, А. Л. Хорошкевич, Б. А. Воронцова-Вельяминова, А. А. Зимина, В. Л. Янина, вошедшие в сборник, посвящены исследованию некоторых аспектов генеалогии различных социальных групп феодальной России, крестьян, мастеровых, мещан, купцов, дворян. В статьях В. М. Потина и В. Б. Кобрина рассматривается взаимосвязь генеалогии с нумизматикой, антропонимикой. Автбры как бы продолжают тему о месте генеалогии в системе вспомогательных исторических дисциплин (в свое время С. Б. Веселовский показал тесную связь генеалогии с исторической географией, топонимикой, ономастикой). Уже стала традиционной взаимозависимость генеалогии с геральдики и сфрагистикой).

В сборнике подводятся также итоги разработки генеалогии в дореволюционной России (А. И. Аксенов), а также освещаются некоторые аспекты генеалогических исследований в Польше и Франции (О. М. Медушевская и Н. А. Соболева).

О правильной ориентации в «море» литературы по родословным, о необходимости генеалогических знаний для целенаправленного поиска исторических документов писала О. В. Петрова⁴¹, которая не только разработала теоретические приемы такого поиска, но и осуществила обзор фондов генеалогов XIX — XX вв., материалы которых могут служить справочниками в исследованиях.

Авторы учебного пособия по вспомогательным историческим дисциплинам, опубликованного в 1984 г., включили в объект исследования генеалогии систему социального этикета, которая связываетя с эволюцией социально-политического строя⁴². В эту систему авторы включили чины, звания, титулы, знаки различия и т. д. В пособии подчеркивается прикладное значение изучения данной системы, поскольку определенные звания, титулы обычно указывают на место его носителя в общественной иерархии, на заслуги перед государством или правящим классом. Такое расширение объекта генеалогических исследований представляется целесообразным.

Однако, как нам кажется, авторы необоснованно относят к генеалогии (в составе социального этикета) наградную систему, которую, как известно, изучает другая вспомогательная историческая дисциплина — фалеристика.

Ныне генеалогические исследования начинают проникать в источниковедение советского периода. А. И. Гуковский, рассматривая перспективы изучения советской генеалогии, отмечал: «Перед генеалогией неожиданно открывается новое, гараздо более широкое поле деятельности, связанное с изучением исторических источников новой, социалистической эпохи»⁴³. Объектом исследования генеалогии советского периода должны стать, считает А. И. Гуковский, «родословные героев советской эпохи — потомственных рабочих, льющих сталь, добывающих уголь и нефть, из поколения в поколение передающих свои трудовые навыки и приумножающих славу человека труда»⁴⁴.

Понимая важность генеалогического подхода к изучению разных слоев социалистического общества, следует, однако, отметить, что применительно к источникам советской эпохи генеалогия еще недостаточно разработана. Наибольшее развитие эта проблематика получает пока в социологических исследованиях, а также в периодической печати, на радио, телевидении (различные материалы о рабочих и других династиях).

Дальнейшее развитие проблем отечественной генеалогии вызвало появление ряда статей теоретического характера, в которых уточняется предмет исследования, определяются задачи генеалогии

применительно к разным историческим периодам и источникам, поднимаются вопросы методики изучения генеалогических источников, определяются перспективы ее развития⁴⁵.

В связи с углублением и уточнением предмета и задач генеалогии исследователи акцентируют внимание на определении понятия «генеалогия». М. Е. Бычкова проследила, как оно менялось в трудах историков, как разрабатывались вопросы предмета и перспектив генеалогии⁴⁶.

Переосмысление целей и задач генеалогии связано с выяснением возможности самостоятельного ее использования в области истории, биологии, медицины, права, географии и др.

Ученые признают, что тематика генеалогических исследований значительно расширилась. В центре внимания оказалась не только традиционная проблематика дореволюционных лет — княжеские и дворянские родословия, но и родословия купечества, крестьянства, рабочих, интеллигенции. Изучение трех последних социальных групп должно занять достойное место в проблематике истории советского общества, так как «позволяет судить о степени интеграции и дифференциации разных слоев социалистического общества, о характере этих процессов и возможностей целенаправленного влияния на них»⁴⁷. У нас есть славные династии семей передовиков и новаторов производства, деятелей науки и культуры. Материал о них часто публикуется в прессе. Это ценный источник, первичный генеалогический материал, который ждет своего исследователя, научной разработки.

Для более полного исследования процессов формирования и развития рабочего класса, выявления источников его пополнения, выяснения профессионально-квалификационной структуры кадров необходимо изучать рабочие династии. В этом плане уже есть положительные результаты. Так, осуществляется систематическая работа по исследованию истории промышленных предприятий СССР, которая началась по инициативе А. М. Горького еще в начале 30-х годов. Издания фабрично-заводской серии в Украинской ССР ныне насчитывают сотни наименований. В ряде работ этой серии, особенно тех, которые вышли в последнее десятилетие, получили освещение славные дела рабочих династий республики⁴⁸. Подобные генеалогические исследования различных слоев и категорий трудящихся откроют перед историком новые возможности, прежде всего покажут степень научной эффективности использования их для освещения вопросов о типичности и представительности исследуемых категорий среди прочих групп населения.

Перед советскими генеалогами стоят ответственные задачи. Историки нуждаются в научно-справочных изданиях по этой дисциплине. Необходимо подготовить биографические и генеалогические справочники, содержащие широкий круг знаний по генеалогии.

Ощущается также потребность в обобщающей работе по генеалогии, в которой бы получили надлежащее освещение теоретические вопросы этой дисциплины, были бы показаны важнейшие принципы и методика генеалогических исследований, в частности, комплекс существующих для этого приемов анализа и использования разных по своему характеру источников, сформулированы принципы составления генеалогических таблиц и других способов фиксации необходимых данных.

Советские исследователи, в частности истории Украины, мало привлекают генеалогические материалы дворянства, казацкой старшины, купечества, крестьянства как источник для изучения классовой структуры феодального общества. Нет также надлежащих генеалогических данных по истории складывания на Украине пролетариата, интеллигенции. Недостаточно выявляются и используются в обобщающих работах по истории советского общества материалы по генеалогии рабочих и крестьянских династий, родословия советских ученых, деятелей культуры, искусства, общественных и государственных деятелей.

Приведенный краткий обзор литературы свидетельствует о широких возможностях применения генеалогических источников в разных исторических исследованиях.

ГЛАВА XIII ИКОНОГРАФИЯ

С древнейших времен различные изображения (настенные, миниатюры, рисунки, картины, фотографии, документальные киносюжеты и др.) играли существенную роль в человеческом обществе, отображая в определенной степени его жизнь. Начиная с первых летописей такие изображения нередко сопровождали исторические источники и литературные произведения, наглядно конкретизируя их содержание.

Изучение изображений началось в древности и обусловливалось главным образом связью искусства с религиозным культом и ритуалом. Обязательность соблюдения определенных правил рисования канонических изображений устанавливалось с целью облегчения узнавания персонажа или сцены согласно господствующей теологической концепции.

В эпоху Возрождения изобразительное искусство в некоторой степени освобождалось от пут религиозной схоластики, развивался реализм и творческая индивидуальность художника, возникали в живописи светские мотивы, что значительно приближало ее к реалистическому отображению действительности. Эти тенденции становились господствующими в период капитализма.

Описанием и изучением различных видов изображения какого-либо определенного лица, события или местности в живописи, скульптуре, графике, фотографии и т. п. занимается иконография (от гр. *eikon* — изображение и *grapho* — пишу). Обычно в таком общем плане эта дисциплина определяется в энциклопедиях и словарях, хотя ее метод распространяется и на искусствоведение, и на историческую науку. Подобные примеры использования одних и тех же вспомогательных дисциплин различными отраслями знаний уже приводились выше (топонимика, палеография и др.).

Однако только в 3-м издании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ)дается определение иконографии применительно к исторической науке, а именно как вспомогательной исторической дисциплины, разрабатывающей приемы и методы определения достоверности изображений исторических событий, лиц, их опознания и датировки.

С нового времени (в 40-х годах XIX в. иконографический метод стал применяться как средство изучения средневекового искусства, его источников) успешно развивалась эта дисциплина преимущественно в области изобразительного искусства, а с начала XX в. принципы исторической иконографии распространились на фото- и кинодокументы.

Несмотря на это, в советской исторической науке иконографии как вспомогательной исторической дисциплине не уделялось должного внимания. Даже в «Советской исторической энциклопедии» нет статьи, посвященной этой дисциплине. Не упоминается она и при перечислении вспомогательных исторических дисциплин. Но в т. 6 этого издания статья А. М. Кантора «Историческая тема в изобразительном искусстве» написана в искусствоведческом ключе и подходила бы больше для энциклопедии по искусству. Автор не раскрыл источниковый характер определенных изобразительных средств, например, древних миниатюр, о которых идет речь. Это объясняется существовавшей продолжительное время недооценкой в исторических исследованиях визуальных источников, что отразилось и в трудах по общему источниковедению.

Только в начале 60-х годов М. Н. Тихомиров поставил вопрос о значении «новых видов источников, какими являются фотография, кинофильмы, звуковые записи и т. д»¹. Позже об этом писали другие источниковеды². В. И. Стрельский среди изобразительных источников выделил не только кинофотодокументы, но и древние миниатюры, а также произведения изобразительного искусства³. Его поддержали⁴ и поставили вопрос о развертывании исследований в области иконографии⁵.

Таким образом, разнообразные изобразительные источники требуют серьезного изучения иконографическим методом с целью эффективного использования их в исторических исследованиях.

На современном этапе из данного вида исторических источников активно изучаются древние миниатюры и кинофотодокументы.

Важной задачей, поставленной в этой главе, является проведение логической соединительной линии между миниатюрами и кинофотодокументами. А для этого необходимо сделать обзор немногочисленных отечественных работ по иконографии, высказать соображения относительно места и значения изобразительных источников в исторических исследованиях.

Как уже отмечалось выше, в XIX в. в Западной Европе стал применяться иконографический метод при изучении средневекового искусства, преимущественно религиозного содержания. В России развитие этого научного направления связано с именами буржуазных историков искусства Ф. И. Буслаева (1818—1897) и Н. П. Кондакова (1844—1925). При всей несостоятельности методологических идеалистических позиций они внесли определенный вклад в исследование изобразительных памятников культуры. В этом они проявили глубину и масштабность мысли.

Ф. И. Буслаев большое внимание уделял истории искусства. Он заложил основы теории иллюстрации, изучая многие образцы иллюстрирования художественных произведений. Ученый, рассматривая иллюстрацию как «объяснение текста очертанием в формах ваяния и живописи», прослеживая этот процесс с древнейших времен, призывал «облегчить для себя» восприятие отвлеченного слова «наглядным изображением»⁶.

При создании произведений искусства (в частности памятников) Ф. И. Буслаев призывал использовать достижения исторической науки, придерживаться научной основы. Эти мысли ученого в значительной степени относятся и к иллюстрированию исторических исследований. Ф. И. Буслаев уделял внимание разработке теоретических вопросов, связанных с иконографией. Со знанием дела ученый проанализировал сложные соотношения между традиционным характером искусства и свободой художника, условностью изображения и его связью с натурой. Он описал и проанализировал широкий спектр творческих приемов средневековых мастеров. На конкретном материале были рассмотрены вопросы нарушения единства времени и места, символико-аллегорические формы в искусстве, особенно генетически связанные с античностью.

Последователем Ф. И. Буслаева стал Н. П. Кондаков. Он, как и другие буржуазные ученые, создал богатые фактическим материалом работы, в которых содержались положения о взаимоотношениях византийского и древнерусского искусства, развитии различных иконографических типов и пр.⁸ В труде Н. П. Кондакова «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (Одесса, 1876) сформировался его иконографический метод, ядро которого составлял принцип группировки канонизированных изображений по сюжетам, тематическим признакам. Автор обосновал заметную роль иконографии в искусстве Византии. Проведенная ученым группировка произведений искусства не заслоняла от него эмоционально-образного содержания изучавшихся памятников.

В 80—90-е годы иконографические разработки Н. П. Кондакова расширялись за счет освоения нового материала и популяризации научных достижений. В крупных исследованиях начала XX в. (по религиозной иконографии) приемы систематизации материала Н. П. Кондаковым приобрели особую законченность и логичность. В этих трудах сделан новый вклад в понимание связи живописного произведения с литературно-поэтическим творчеством, со всеми историко-культурными достижениями эпохи. С помощью иконографического метода ученый сумел систематизировать огромный фактический материал. Однако он чрезвычайно преувеличивал значение данного метода, подменяя зачастую всестороннее изучение искусства отвлеченной классификацией типов и сюжетов. Неправомерным представляется и ограничение применения этого метода определенными хронологическими рамками⁹.

Несмотря на отмеченные недостатки, положительные стороны применения Ф. И. Буслаевым и Н. П. Кондаковым иконографического метода должны широко использоваться советскими историками. С полным основанием отмечала в кандидатской диссертации И. Л. Кызласова, что «у обновленного советской наукой иконографического анализа большое будущее»¹⁰.

После Великой Октябрьской социалистической революции серьезные занятия иконографией, которая ранее базировалась преимущественно на религиозной тематике, не проводились. Все же искусствоведы опубликовали ряд работ, посвященных характеристике древних миниатюр¹¹. Однако эти изыскания, не всегда системного характера, представляли собой описания иллюстраций — предварительный этап для последующих более глубоких обобщений.

Выдающимся явлением в исследовании миниатюр как исторического источника является монография А. В. Арциховского¹², который впервые поставил вопрос о вовлечении этих изображений в научный оборот советских историков. Отмечая условно-схематический характер, ученый тем не менее подчеркивал их большую научную ценность. Археологическое сличение нарисованных предметов вооружения и орудий труда с вещами, сохранившимися в музеях, устанавливает точность срисовок. Такие изображения нередко являются единственными надежными источниками для изучения древнейших предметов материальной культуры. При всей условности различных изображенных схем в них четко отразились разные политические направления Древней Руси. Рисунки иногда существенно дополняли текст рукописей. В миниатюрах отражены многие особенности политической организации, классовой борьбы, трудовой деятельности в Древней Руси.

В соответствующих главах автор анализирует изображения трех исторических памятников: Радзивилловской (Кенигсбергской), Никоновской лицевых летописей, а также некоторых житий святых. А. В. Арциховский доказательно разоблачает измышления буржуазных историков о византийских и западноевропейских заимствованиях в летописных миниатюрах. Он доказывает, что таких заимствований было совсем мало, определяющее место принадлежало реалистичному отображению русской действительности.

Рассматривая иллюстрации Радзивилловской летописи, автор отмечал, что многие миниатюры свидетельствуют об уровне социально-экономической жизни древнерусского общества, политических действиях правящей верхушки. Изображены сцены переговоров между князем Игорем и греками, заключение договора Олега с греками, посещение княгиней Ольгой византийского императора, что свидетельствует о престиже Киевской Руси. Договаривающиеся стороны изображены на одном уровне. Стараясь угодить заказчику-феодалу, рисовальщик, не отступая от традиции, изображал князей в шапках, в большинстве случаев сидящими. Подобная символика

отражена и в других летописях. Нередко символом княжеской власти выступал меч, а веча — жезл.

Головные уборы символизировали принадлежность к различным слоям общества. Воины обязательно изображались на миниатюрах в шлемах. Длина одежды также характеризовала представителей разных сословий: длинные одеяния были у городских старцев и дружинников, короткие рубахи — у ремесленников и крестьян¹³.

Ряд миниатюр посвящается изображению острых классовых конфликтов. Чаще всего это восстания крестьян и горожан против феодального угнетения. Поскольку иллюстраторами были ремесленники, они больше внимания уделяли восстаниям горожан, чьи интересы им ближе, чем крестьян. В данной летописи четыре миниатюры посвящены восстанию киевлян 1146 г., которое закончилось убийством Игоря Олеговича. Чрезвычайно живо передано озлобление восставших, а также безуспешность попыток Владимира Мстиславича уговорить восставших и спасти Игоря¹⁴.

Таким образом, иллюстрации существенно дополняют текст летописи, в условном плане раскрывают динамику событий. Они выступают в едином сплаве со словесным изложением. В основном А. В. Арциховский группирует миниатюры Радзивилловской летописи по тематике, описывая их содержание.

Во второй части книги автор впервые проанализировал рисунки лицевой летописной свод Никоновской летописи XVI в., посвященные русской истории (в 6 т.). Вначале он правильно ориентирует читателя на то, что социально-политическими взглядами, обязательными для правительственные художников и летописцев, обусловлены и выбор сюжетов, и их восприятие¹⁵.

Этот обстоятельный источник охватывает историю нашей Родины за 1114—1576 гг. Общее количество рисунков — 10049. Отмечается, что художники нередко в отдаленные века переносили обстановку своего времени (например, в XIV в. обстановку XVI в.). Сравнивались миниатюры разных томов по изображению оружия. Так, прослеживается вытеснение меча саблей полностью с XVI в.

В Никоновской летописи отображены многочисленные битвы, сооружение крепостей и укреплений, в том числе Кремлевской стены в Москве. В миниатюрах отражены различные производственные процессы: кузнечное дело, литье колокола, жатва, а также торговля, торжественные церемонии и пр. Эти довольно условные изображения показывают основные черты событий, определенную историческую обстановку, особенности быта, орудий труда, архитектуры и т. д.

Выше уже отмечалось, что большое внимание рисовальщики уделяли религиозным сюжетам. Это особенно характерно для житейских миниатюр, которые А. В. Арциховский рассматривает в третьей части монографии. Рисовальщики изображали деятельность монастырей как колонизаторов северных лесов и помощников московских князей в борьбе с татарами¹⁶. В книге приводится меткое наблюде-

ние Ф. И. Буслаева: «По этим миниатюрам наглядно знакомимся мы с тем, как в старину пекли хлеб, носили воду, как плотники рубили избу, а каменщики выкладывали храмы; как знаменитый Андрей Рублев, сидя на подмостках, писал иконы; как монахи ездили верхом на конях, и как в дальний путь боярыни отправлялись в крытых колымагах, а мужчины сопровождали их верхом, и множество других интересных подробностей»¹⁷.

Таким образом, рассматриваемый труд А. В. Арциховского содержит глубокий и разносторонний анализ летописных миниатюр как исторического источника на наиболее показательном в смысле исторических реалий материале.

А. Н. Свирин сделал попытку периодизации и дал обзор важнейших памятников древнерусской миниатюры, сгруппированных по школам рисовальщиков и рассматривавшихся в хронологическом порядке¹⁸.

Вклад в изучение миниатюры летописей (в искусственно-вещевом плане) сделала О. И. Подобедова¹⁹. Она отметила значение труда А. В. Арциховского как важного этапа в изучении миниатюр из русского летописания. Он дал исчерпывающее описание реалий исторической действительности и сделал ряд ценнейших наблюдений по поводу отражения в этих миниатюрах своего рода «феодальной табели о рангах».

Если А. В. Арциховский рассматривал каждую летопись отдельно, то О. И. Подобедова прослеживала непрерывность летописания, выясняла процесс сложения светской исторической иконографии, отмечала наиболее устойчивые по своему содержанию иконографические схемы, рассматривала те реальные исторические представления, которые в эти схемы вкладывались.

Исследовательница выделила ту группу миниатюр, которые независимо от установившейся традиции в иконографии Древней Руси несут в себе непосредственное отражение исторической действительности, переданной хоть и условными, но по-новому осмысленными средствами художественного выражения. Подчеркивается, что в миниатюрах нашли наибольшее отражение исторические, батальные события, зарисовки быта и пейзажа.

Кроме летописей, привлеченных А. В. Арциховским в его рассмотренной монографии, О. И. Подобедова проанализировала также миниатюры летописи Георгия Амартола, в которой в определенной степени отражены события Киевской Руси²⁰.

Таким образом, книга О. И. Подобедовой является успешным продолжением исследования летописных миниатюр с точки зрения отражения в них исторической действительности.

Публиковались и статьи о миниатюрах отдельных летописей или отражения в них определенных исторических событий²¹.

Хронологически продолжено изложение о миниатюрах в популярной книге Г. Н. Логвина до XVIII в. включительно²². Издание имеет цветные иллюстрации. Завершается книга миниатюрами из летопи-

си С. Величко, в частности портретом Б. Хмельницкого и древней картой-схемой «Осада Чигирина». Книга Г. Н. Логвина соединяет в себе миниатюры летописей и старинных книг, включая и первопечатные.

С XVI в. иллюстрации занимают видное место в первопечатных книгах. Если в России типографское дело с самого начала было государственным, возникнув по распоряжению царского правительства, а иллюстрации в изданиях, как правило, были религиозного, морально-этического содержания, то на Украине оно возникло по частной инициативе, нередко проводилось на средства меценатов, магнатов. Именно здесь появились первые светские иллюстрации, прославляющие сильных мира сего²³.

В 1622 г. Касиян Сакович опубликовал «Вірші на жалосний погreb козацкого рицера Петра Конашевича Сагайдачного» (Кiev, типография Лавры). В книге опубликованы гравюры казака с ружьем, портрет Петра Сагайдачного на коне, взятие казаками Кафы²⁴.

В книгах, изданных на Украине, значительное место отводится гербам шляхетским с разъяснением их символики. Особенностью оформления этих книг является насыщенность орнаментом и иллюстрациями, сопровождающими текст, большим и оригинальным материалом для изучения архитектуры, одежды и быта XVI — XVII вв.

Каталог «Украинские книги кирилловской печати XVI — XVIII вв.» содержит большое количество разнообразных иллюстраций, помещенных в упомянутых изданиях. В частности, здесь помещены портреты — князя — Владимира — Святославовича (401, 666), княгини Ольги (802), изображения киевских пещер и Успенской церкви Киево-Печерской Лавры (798 а, 802), гербы войска Запорожского (760), Львова (745 а, 749), Львовского братства (755, 793 а), Петра Могилы (769), Петра Сагайдачного (410) и др.

Особенно широкое представление об иллюстрировании старопечатных изданий на Украине XVI — XVIII вв. дает каталог, подготовленный А. Запаско и Я. Исаевичем²⁵. Эти замечательно изданные книги содержат много репродукций украшений и гравюр. Издания на Украине упомянутого периода были пышно украшены декоративными титульными листами, заставками, концовками, художественными инициалами. Интерес с точки зрения исторического исследования представляют помещенные в них гравюры и текстовые иллюстрации. Только по данным собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина на учет взято 820 досок различных иллюстраций и украшений, изготовленных на Украине до 1648 г., и около 1400, созданных украинскими граверами во второй половине XVII в.²⁶

Значительный размах приобрела в украинских старопечатных книгах сюжетная иллюстрированная гравюра. Нередко издания насчитывали по несколько десятков гравюр. Появление этой иллюст-

ированной гравюры, отмечал А. А. Сидоров, — «важнейший вклад Украины в историю нашей отечественной книги»²⁷. Особенно значительные сдвиги в области иллюстрированной гравюры произошли во второй половине XVII в. в связи с интенсивным распространением гравировальной техники. В связи с тем что преимущественно кириллические издания XVI — XVII вв. имели культовое назначение, тематический диапазон сюжетной гравюры был весьма ограничен. Однако часто, иллюстрируя богослужебную книгу, художник стремился передать свои впечатления от окружающей действительности или отразить свое отношение к ней. Так, иллюстрация «Притча о смерти» к киевскому «Евангелию учительному» 1637 г. явно направлена против помещичьего угнетения.

Большую историческую ценность представляют сюжетные изображения, в которых правдиво отражены элементы быта, архитектуры, домашней обстановки того времени. В иллюстрированной гравюре был широко распространен реалистический портрет исторических деятелей.

Наличие большого количества сюжетных гравюр в украинских книгах XVII в. вызывало значительный спрос на иллюстрированные книги, несшие массы знания, расширявшие их кругозор, влиявшие на эстетические представления.

В первой половине XVII в. появилась книга, состоящая из гравюр (без текста) с одними сюжетными изображениями. Это издание является как бы прообразом современных иллюстрированных историй, о которых пойдет речь ниже.

Киево-Печерская типография по инициативе Памво Беринды впервые в практике восточнославянского книгопечатания начала выпускать подобные книги. Она также издавала отдельные гравированные листы с несложными для понимания сюжетами²⁸.

Таким образом, старинные рукописные и печатные книги содержат огромный иконографический материал, который может быть с успехом использован в историческом исследовании. Хотя для периода XVI — XVIII вв. удельный вес изображений светского характера сравнительно невелик, но вся совокупность изобразительных средств содержит большой материал для раскрытия реалий тогдашней исторической обстановки в плане элементов быта, природных условий, пейзажа, архитектуры и пр.

Историки искусства уделяют большое внимание книжной иллюстрации, реалистическим рисункам, портретам XVIII — XX вв.²⁹ Однако рисунок, гравюра, картина, портрет того времени не стали объектами исследования как исторические источники. Поэтому перед нами стоит важная задача — из искусствоведческой литературы вычленить материал, характеризующий социальный, исторический аспект соответствующих произведений. В отдельных произведениях искусствоведов такой материал довольно обширен.

Прежде всего следует иметь в виду существенное различие между иллюстрированием художественного и исторического произве-

дения. В первом случае, как справедливо отмечал К. С. Кузьминский, художник-иллюстратор в своем творчестве находится в зависимости от содержания иллюстрированного произведения, его стиля, от его целевого назначения. Одно и то же произведение иллюстрируется различно — в зависимости от того, какой художник, в какую эпоху, для какой цели его иллюстрировал³⁰. Эти положения в определенной степени относятся и к иллюстрированию исторического произведения. В этом случае тоже необходимо учитывать его содержание, целевое назначение, отображаемый период и т. п.

Однако есть и существенное различие. Чаще всего художественное произведение иллюстрирует один художник, который «должен глубоко проникнуться иллюстрированным произведением, почувствовать все его особенности и в момент творчества так перевоплотиться, чтобы в его произведениях отразились все наиболее характерные черты писательского творчества»³¹. Таким образом, практически вдумчивый, талантливый иллюстратор художественного произведения выступает как бы соавтором соответствующей книги.

Иное наблюдаем обычно при иллюстрировании исторического труда. За исключением некоторых научно-популярных работ, произведение историка (или коллектива авторов) иллюстрируется изобразительными источниками различного характера (миниатюрами, рисунками, портретами, репродукциями картин, фотоснимками и др.), которые наиболее полно отражают реалий соответствующего периода исторической действительности. Как правило, такие источники создаются не специально для данного исторического труда (особенно если он относится к отдаленным историческим периодам).

Поэтому ниже мы и будем выделять в искусствоведческой литературе источники именно такого характера. Прежде всего следует иметь в виду, что иллюстрирование книги не может носить характер случайный и непродуманный. Весь иллюстрационный комплекс должен рассматриваться как единое целое, выполненное по такому же плану, как и научное произведение.

В вышеупомянутой книге К. С. Кузьминский отмечает, что в русской графике XVIII в. видную роль сыграло издание, известное под заглавием «Символы и эмблемата», вышедшее в свет в Амстердаме в 1705 г. при участии И. Копиевского. Это издание представляло собой сборник 840 гравированных на меди эмблематических изображений с объяснительным текстом. «Символы и эмблемата» в течение XVIII — начала XIX в. играли роль основного источника, из которого русские иллюстраторы черпали способы трактовки и методы изображения исторических, литературных, а также бытовых сюжетов. В этих рисунках художник получал эмблематическое и символическое толкование, своего рода перевод на современный язык утвердившихся символов и эмблем — всего того, что легко можно выразить без всяких ухищрений простым языком реальных изображений.

В новых изданиях, вышедших в 1788 и 1811 гг. с большой вводной статьей Нестора Амбодика, объясняющей значение символов и эмблем в искусстве, давалось подробное наставление, как художнику следует изображать такие отвлеченные понятия, как, например, вера, слава, смелость и т. д.³²

О жизни и быте России XVIII в. оставили документальные рисунки иностранные художники. Француз Ле Пренс (1734—1781) прожил в России около пяти лет, побывал в центре страны, в Сибири, зарисовал огромное количество типов и сцен, большей частью из жизни сельского населения. То, что зарисовки были сделаны с натуры, придает им известную документальность. Автор стремился добросовестно изобразить все то, что он видел и что поразило его воображение в России.

Интересны своей реалистичностью рисунки из русской народной жизни немецкого художника Гейслера, путешествовавшего по России вместе с академиком П. Палласом в конце XVIII в. и иллюстрировавшего описание их путешествия. В 1822 г. в России вышло издание 77 иллюстраций Гейслера под названием «Небольшой подарок для наставления и забавы моим детям». В книге изображены качели, танцы, торговка сельдями, молочница и другие рисунки из жизни народа, правдиво отображавшие русский быт конца XVIII — начала XIX в.

В Лейпциге Гейслер издал альбом «Наказания, применяемые в России». На 10 листах были изображены: прогон через строй, битье палками, плетьми, вырывание ноздрей, виселица и т. д. Рисунки убедительно разоблачали жестокость «золотого века русской истории», «либерального царствования Екатерины».

Немецкий художник и рисовальщик И. Георги участвовал в экспедиции П. Палласа по Восточной России и Сибири. Он зарисовал огромное количество представителей разных народов, населяющих Россию. Вышло в свет произведение И. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (В 3 ч.— Спб., 1776—1777). Рисунки дают точное представление о внешнем облике и одежде всех народов европейской части России и Сибири.

Ряд других зарубежных художников и путешественников, побывавших в нашей стране в конце XVIII — XIX в., издали иллюстрированные сочинения с рисунками иностранных и русских художников.

Таким образом, реалистические рисунки зарубежных художников упомянутого периода представляют значительный интерес для историка-исследователя. В них отражены многие этнографические сюжеты, бытовые сцены, исторический колорит эпохи, тяжелая жизнь народа, жестокость российской действительности. Таких тем русские художники XVIII в. избегали.

В начале XIX в. издатель, коллекционер и художник-дилетант П. Свинин издал в США и Англии свои очерки о России. Сам же их иллюстрировал.

В XVIII в. в России и на Украине творила целая плеяда талантливых портретистов, которые оставили немало изображений преимущественно вельмож, правителей того времени. Краткая характеристика творчества этих художников содержится в книге А. А. Сидорова³³. Такие видные художники, как Д. Г. Левицкий, А. П. Лосенко, В. Л. Боровиковский происходили с Украины. Они писали портреты и простых людей, крестьян, прогрессивных деятелей. Так, В. Л. Боровиковский рисовал основателя Нежинского лицея И. А. Безбородько, А. П. Лосенко — основателя Петербургской Академии искусств И. Шувалова, писателя А. Сумарокова, известного артиста Ф. Волкова, Д. Г. Левицкий — французского просветителя Д. Дидро, архитектора А. Коцорина и др.

Выдающиеся русские и украинские художники, граверы XIX в. продолжали создавать галереи портретов. Опубликован словарь русских литографических портретов³⁴, который содержит 160 изображений. Характеризуются портреты из лучших собраний страны: Государственного Эрмитажа, Исторического музея в Москве и др.

В словарь включены портреты декабриста С. Г. Волконского (в старости) и М. Н. Волконской, поясное изображение А. И. Герцена. В издании представлены видные деятели отечественной культуры: поэт Е. А. Баратынский, композитор Д. С. Бортнянский, знаменитый художник К. П. Брюллов, литературный критик П. А. Аненков и др.

А. А. Сидоров вполне справедливо отмечал в портрете наряду с художественной ценностью его значение как социологического документа, т. е. исторического источника³⁵. Заметим, что до изобретения фотографии и ее внедрения в жизнь с конца 30-х годов XIX в. другого средства изображения внешности человеческой личности не было. Сравнение художественного изображения с фотографическим (например, Т. Г. Шевченко) свидетельствует, насколько первое, принадлежащее руке художника-реалиста, достоверно отражало облик определенного лица.

Портрет как тема самостоятельного рисунка русских художников не исчерпывал их творческих интересов. Их внимание привлекали различные стороны российской действительности. Эпоха 50—70-х годов необычайно интересна, противоречива, богата контрастами. Художники откликались на разнообразнейшие проблемы и запросы эпохи. Это годы реформы, ознаменовавшиеся деятельностью революционных демократов. Они стали временем крутого подъема реализма в русском искусстве.

Для историков значительный интерес представляет новый тип рисунка для печати — злободневного. Разворачивался жанр сатирической иллюстрации³⁶.

А. А. Сидоров в упомянутой выше книге подробно раскрывает социальное значение творчества прогрессивных русских художников, которые убедительно отображали различные стороны исторической действительности. Так, П. М. Шмельков в середине XIX в. создавал

яркие картины, разоблачающие буржуазию, купечество. А. С. Сидоров сделал вывод, что произведения этого художника — «безусловно ценнейший источник для познания тех процессов, которые происходили в русском обществе изучаемой эпохи»³⁷. Это определение полностью относится и к таким передовым художникам, как Н. Н. Ге, В. Г. Перов и др. Н. Н. Ге тесно сблизился с А. И. Герценом и в портрете 1867 г. сумел передать всю значительность образа революционера. Рисунок таких мастеров воспринимается прежде всего как орудие познания действительности.

Лучшие портреты И. Н. Крамского — примеры внимательной и глубокой аналитики, завершенной содержательности образа в сочетании с продуманной выразительностью всех внешних средств.

Художники-передвижники были главным реалистическим движением в русском искусстве второй половины XIX в., объединившем почти все передовые творческие силы страны. Среди членов-учредителей были В. Г. Петров, Г. Г. Мясоедов, А. К. Саврасов, И. П. Прянишников, И. Н. Крамской, К. Е. Маковский, И. И. Шишкин и др. Искусство передвижников было отражением окружающей действительности, документом идеино-критического реализма. С точки зрения исторической науки у передвижников особенно ценно то, что они главное место отводили рисунку с натуры. Они рисовали преимущественно человека и пейзаж. Передвижники глубже, чем их предшественники, проникали в толщу народной жизни. Поэтому весьма значителен познавательный характер их творчества³⁸.

Большое значение для исторического исследования имеет творчество великих русских художников И. Е. Репина и В. И. Сурикова, которые написали много картин на исторические темы. Эти произведения широко используются для иллюстрирования исторических работ. Изучение рисунка И. Е. Репина, как правило отмечает А. А. Сидоров, одинаково важно и для историка, и для творческого художника³⁹.

Особый интерес вызывает монография историка А. Н. Коваленко о передвижниках, широко раскрывающая социальный аспект их творческой деятельности⁴⁰. Во многих произведениях передвижников, отмечает автор, мировоззрение которых формировалось под влиянием прогрессивной общественно-политической мысли, с демократических позиций дана широкая объективная картина социально-экономического развития России и общественно-политического движения в стране в эпоху капитализма⁴¹. Художник Н. А. Ка satkin утверждал, что «картина бытового жанра — не только зрелище, но исторический документ, отраженный творчеством современного художника...»⁴².

Можно было бы беспредельно продолжать рассказ о значении творчества выдающихся отечественных художников для исторической науки. Но изложенное выше достаточно убедительно свидетельствует о значительности этого пласта иллюстративного материала.

Разумеется, в практической работе историка должен быть конкретный подход к каждому произведению искусства, его всесторонний анализ, подключение к определенному тексту.

Использование репродукций картин требует особенно внимательного отношения, рассмотрения всех сторон привлеченного произведения: изображенных лиц, пейзажа, архитектурного окружения и пр., с тем чтобы все соответствовало в основном исторической обстановке. Конечно, при иллюстрировании трудов по истории нельзя ограничиваться одним видом изобразительных средств, даже таким значительным, как художественные произведения.

КИНОФОТОДОКУМЕНТЫ

Важнейшими и многочисленными источниками являются кинофотодокументы, появившиеся только в XIX в. в результате научно-технического прогресса. Документальные фотографии и фильмы высоко оценивал В. И. Ленин. Просматривая фотопортажи П. А. Озупа, посвященные революционным событиям 1917 г. в Петрограде, вождь пролетариата дал такую оценку фотографиям: «Очень хорошо история пишется объективом»⁴³. В. И. Ленин придавал большое значение широко осведомительной кинохронике⁴⁴.

А. В. Луначарский отмечал, что революционная хроника важна для будущего историка и необходимо ее тщательное сохранение⁴⁵.

Претворяя в жизнь ленинскую идею о значении кинофотодокументов, СНК РСФСР постановлением от 4 февраля 1926 г. дополнил ими Государственный архивный фонд⁴⁶.

С каждым годом в нашей стране увеличивалось количество кинофотодокументов, но только с 60-х годов исследователи начали ставить их в один ряд с другими историческими источниками. Именно тогда историки (преимущественно архивисты) занялись выяснением значения кинофотодокументов в источниковедческом плане, их специфики⁴⁷. Значительное внимание уделялось критическому анализу и классификации этих источников⁴⁸.

Рассматриваются кинофотодокументы на страницах журнала «Архіви України», который публикует обзоры, подготовленные сотрудниками ЦГАКФД УССР на базе материалов архива, посвященные важнейшим вехам нашей истории — строительству социализма⁴⁹, воссоединению украинских земель в едином Советском государстве и расцвету их за годы Советской власти⁵⁰, дружбе и сотрудничеству народов СССР, культурным связям⁵¹, созданию материально-технической базы социализма⁵², деятельности общественных организаций и др.⁵³ Большое количество публикаций отражает события Великой Отечественной войны и восстановления разрушенного войной народного хозяйства⁵⁴. Все эти подборки носят в основном информационный характер, представляют собой обзоры определенных групп документов, но не содержат их источни-

коведческого анализа. Кинофотодокументы экспонируются на стенах многочисленных тематических выставок, составляют основу фотоальбомов.

Историографический анализ статей, посвященных кинофотодокументам и вышедших по 1971 г. включительно, произведен в работе В. М. Магидова⁵⁵. О значительном интересе к данной тематике свидетельствует подготовка ряда кандидатских диссертаций, в которых рассматривались общие вопросы научной ценности документов, отдельные проблемы их источниковедения⁵⁶. Рассмотрение кинофотодокументов как исторического источника было включено в учебные пособия по источниковедению истории КПСС, нового и новейшего времени⁵⁷.

Общую характеристику кинофотодокументов дал в учебном пособии Е. М. Евграфов⁵⁸. Он выделил следующие функции кинофотодокументов в историческом исследовании: дополнительные сведения к письменным источникам, определяющий источник, единственный источник, в качестве иллюстративного материала. На наш взгляд, такая классификация весьма условна, ибо окончательное решение по каждой конкретной проблеме может вынести лишь исследователь, изучающий всю совокупность отражающих ее источников.

Каждая хроникальная кинофотосъемка — свидетельство своего времени, запечатлевшее на века момент или сумму моментов исторического действия, а, следовательно, и важный исторический источник.

История, как никакая иная общественная наука, тесно сочетается в себе логическое и эмоциональное начала⁵⁹. Именно последнее наиболее ярко выражено в кинофотодокументах. Каждый такой документ конкретен. Кинокадры и фотографии несут в себе значительную, подчас уникальную информацию, которую необходимо сопровождать соответствующим письменным или устным комментарием (имеются в виду текстовки к фотодокументам, межкадровые и внутрикадровые надписи, фонограммы, титры кинодокументов)⁶⁰.

Высокой оценки заслуживает книга В. С. Листова «История смотрит в объектив»⁶¹ — единственное пока в советской историографии монографическое исследование кинофотодокументов как исторического источника. На большом материале кинодокументов периода Октябрьской революции и гражданской войны автор провел скрупулезный, поистине филигранный анализ советской киноперiodики⁶². Он установил точное место, время нескольких киносъемок В. И. Ленина, расшифровал кинофильм, аннотированный в ЦГАКФД СССР как спецвыпуск, посвященный VI Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов. Путем тщательного изучения пленки и множества сопутствующих документов В. С. Листов неопровергимо доказал, что все запечатленные события относятся на самом деле не к VI (ноябрь 1918 г.), а к IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов, проходившему в Москве 14—16 марта 1918 г. Ученый внес

существенный вклад в разработку источниковедения кинофотодокументов.

Важную исследовательскую работу проводили и другие источниковеды. М. А. Варшавчик отметил расшифровку ленинских фотографий бывшим кремлевским курсантом, впоследствии генерал-майором Советской армии М. П. Ереминым⁶³. Полезный материал в плане расшифровки кинофотодокументов содержат и статьи В. М. Магидова⁶⁴.

Большую работу по раскрытию и уточнению содержания кинодокументов в ЦГАКФД УССР провели сотрудники при создании кинолетописей (аннотированных каталогов соответствующих документов)⁶⁵.

В первую «Кинолетопись» вошли все сохранившиеся 374 кинодокумента довоенного периода, охватившие визуальную сторону восстановления народного хозяйства республики под руководством Коммунистической партии, построения фундамента социализма и его успешного завершения в нашей стране, борьбы рабочего класса за индустриализацию, перехода крестьянства на новые рельсы хозяйствования и победы колхозного строя в СССР. Кинодокументы запечатлели яркие страницы развития культуры национальной по форме, социалистической по содержанию, сохранили портреты видных государственных и партийных деятелей, деятелей науки, культуры и искусства. Описательная документация не сохранилась, поэтому составители проводили расшифровку на основе тщательного просмотра самой пленки и внутрикадровых надписей, широко привлекая прессу того времени и другие источники. К сожалению, не все удалось расшифровать и уточнить, и поэтому работа ждет своего завершения.

Освещению подвига советского народа в Великой Отечественной войне средствами кинодокументалистики посвящена вторая «Кинолетопись», изданная к празднованию 30-летия освобождения Советской Украины от фашистских захватчиков. В нее включены все документальные фильмы, киножурналы и сюжеты кинолетописи, хранящиеся в ЦГАКФД УССР и отражающие события военных лет, а также киносюжеты из фондов ЦГАКФД СССР. Многие документы недостаточно расшифрованы, поэтому открывается широкое поле деятельности для их расшифровки и изучения.

Примечательна аннотированная в этой «Кинолетописи» лента «Черноморцы». О ней фронтовой оператор В. Микоша вспоминал: «Перед моими глазами вставал маленький кинозал на студии Чарли Чаплина, где мы, советские кинооператоры, показывали ему фильм об обороне Севастополя — «Черноморцы». Когда погас экран, Чаплин повернулся к нам, намереваясь что-то сказать. Но так ничего и не сказал. В его глазах были слезы, и, пряча их от нас, он склонил голову в сложенные ладони. Потом поднял голову и сказал: «Я так потрясен! Простите, я не могу говорить»⁶⁶. Такова была сила

воздействия кинодокумента — исторической правды, запечатленной на пленке.

К 60-летию Советского государства была выпущена третья «Кинолетопись». 365 документальных фильмов и журналов рассказывали о славном пути, пройденном Советской Украиной в тесном содружестве с другими братскими республиками.

Подобные издания очень важны для исторической науки, давая возможность исследователям ознакомиться с теми подчас уникальными материалами, которые накоплены кинохранилищами. Многочисленные кинофотодокументы нуждаются в широкой и всесторонней разработке.

Научно-технический прогресс открывает новые перспективы изобразительной фиксации исторической действительности. Если кинокамера в силу своих технических характеристик способна зафиксировать одновременно довольно ограниченный объем реальных событий, то появившаяся видеозапись позволяет вести чрезвычайно продолжительный беспрерывный репортаж о тех или иных явлениях общественной жизни на принципиально новой технической основе. По данным на 1979 г. Центральное телевидение СССР располагало более чем 4 млн м документальной видеозаписи⁶⁷. Это поистине грандиозная цифра.

В настоящее время можно констатировать, что кинофотодокументы и видеозаписи представляют собой единое целое, объединяющее все технические изобразительные средства фиксации действительности от момента их возникновения до наших дней.

Общие принципы критики исторических источников в равной мере относятся и к кинофотодокументам. Происхождение кинофотодокумента во многом свидетельствует о классовой, партийной позиции его автора. Так, если это съемки советских киностудий, других органов массовой информации, то они сделаны людьми, вооруженными самой передовой мировоззренческой теорией — учением марксизма-ленинизма.

Один из важных аспектов критики кинофотодокумента — определение места и времени съемки, социального и общественного статуса, фамилий ее участников, по крайней мере тех, кто выделен крупным и средним планом в кино или находится на переднем плане фотографии. Эти источники, как и другие, особенно часто повествуют о массах и отдельных личностях, их производственной, общественно-политической или культурной деятельности, о досуге и личной жизни.

Использование исторических кинокадров и фотографий намного опережает их исследование⁶⁸. Это особенно ярко видно на примере создания современных документальных фильмов, посвященных истории Советского общества.

Телэкран в силу своей специфики позволяет демонстрировать в течение многих часов обширнейшие массивы ценнейших кинокадров и фотографий, воссоздавая с помощью словесного комментария

самые выразительные и волнующие страницы нашей истории. Не следует, однако, представлять себе, будто история, ожившая в документальных фильмах,— это сплошной парад достижений. Не только радость успехов, побед, но и горечь поражений, самоотверженный, но далеко не легкий труд, горе и страдания, выпавшие на долю нашего народа — все это запечатлел объектив.

Первым поистине крупномасштабным, качественно новым явлением в документальной кинематографии стал пятидесятисерийный телевизионный фильм «Летопись полувека» (1967), который последовательно, год за годом, языком кинофотодокументов повествовал о великом пути Страны Советов. В вышедшем позднее (1977) «Нашей биографии» знатные люди страны вспоминали о прожитых годах, о своей трудовой и общественной деятельности, и как бы вместе со зрителем — опять-таки с помощью кинофотодокументов — возвращались в те дни и к тем событиям, непосредственными свидетелями и участниками которых им довелось быть.

Двадцатисерийная телевизионная киноэпопея «Великая Отечественная» — это зrimая память тяжелейшей войны. Генерал армии, дважды Герой Советского Союза П. И. Батов писал: «Немало видел я документальных лент о войне — от первых выпусков военной хроники, словно бы не оставших от накала гремящих боев... до полнометражных произведений последнего времени, где война исследуется с вершин исторической мудрости.

Но не было еще в истории кино ничего подобного двадцатичасовой программы фильмов «Великая Отечественная» ... не было столь масштабного, столь всеобъемлющего, эпического по замыслу и звучанию документально-публицистического свидетельства народной, священной войны против угрожавшей всему миру гитлеровской чумы»⁶⁹.

Так проявляется в кинофотодокументах не только фактическая, но и эмоциональная сторона истории.

Время демонстрации документальных фильмов исторического плана, выпускаемых для показа на большом экране, т. е. в кинотеатрах и клубах, ограничено в основном 10—20 минутами, и потому по широте охвата событий они, безусловно, ни в коей мере не могут конкурировать с телевизионными лентами. Но и здесь найден свой путь. Фильмы общего экрана, обращаясь к истории, анализируют один факт или событие, но делают это подробно, скрупулезно, не пренебрегая ни единой деталью. Они как бы исследуют глубинные пласти явления, и в этом также заключено важное значение использования кинофотодокументов.

Десятки документальных фильмов отображают важнейшие события истории нашей Родины, жизнь и деятельность Коммунистической партии и Советского правительства⁷⁰.

Не только кинокадры, но и фотографии в документальных кинофильмах приобретают удивительную выразительность, обнаруживают порой совершенно новые оттенки, нюансы, детали. Мастерс-

ки использованы фотографии в двадцатишестисерийной эпопее «В. И. Ленин. Страницы жизни», демонстрацию которой Центральное телевидение начало в 1983 г. В основу эпопеи положена биографическая хроника В. И. Ленина, недавно завершенная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, давшая этим фильмам богатейший разнообразнейший материал. И в каждом из них находим бережное, адекватное использование фотоленинианы. Снимки В. И. Ленина, сделанные в разные годы, портреты членов его семьи. Кроме того фотографии воспроизводят обстановку соответствующего времени, наглядно рисуют картину тех мест и того окружения, в котором пребывал молодой Ульянов. В работе над следующими сериями будут использованы все ленинские кинофотодокументы. (Кинофотолениниана содержит 874 м пленки и около 400 фотографий (Правда.— 1983.— 22 апр.).)

Одним из важнейших каналов идеально-воспитательного воздействия исторической науки на широкие массы трудящихся являются музеи исторического профиля⁷¹. Значительная часть экспозиций музеев формируется на основе фото- и кинокадров. Это еще одна широкая область использования кинофотодокументов.

Общим недостатком всех видов использования кинофотодокументов часто являются приблизительность, отсутствие той точной атрибуции каждого отдельного документа, о которых речь шла выше. В кино и телефильмах документы сливаются подчас в единый поток, обрисовывающий лишь фон эпохи или события, которым лента посвящена. Вот почему, как справедливо отмечает Ф. П. Шевченко, «большинство из таких фильмов носят информативный, а не научно-исследовательский характер»⁷².

Историки в большинстве случаев привлекают фотографию или кинокадр как иллюстрацию, так или иначе перекликающуюся с излагаемым письменным материалом. При этом характерно, что ученые довольно широко используют документальную фотографию, но почти полностью игнорируют кинокадры.

Многие ценные кинофотоматериалы продолжительное время остаются не введенными в научный оборот. Работая над темой «Памятники В. И. Ленину на Украине. 1924—1941»⁷³, автор этих строк обнаружил в фондах ЦГАКФД УССР поистине уникальные киносъемки первых монументов вождя, никем никогда не использованные. То же самое относится и к теме «Памятники Т. Г. Шевченко на Украине»⁷⁴. Неизвестными до последнего времени были хранящиеся в фондах ЦГАКФД УССР киноматериалы, посвященные увековечению памяти Кобзаря, первым памятникам великому поэту, воздвигнутым украинским народом в 20—30-е годы.

Веками сложившаяся традиция черпать информацию главным образом из письменных источников вела к определенному игнорированию новых документов в источниковую базу. Между тем, как отмечает Ф. П. Шевченко, «часто кинодокумент является единствен-

ным источником, содержащим сведения об определенном историческом событии или факте, и тогда его значение неоценимо»⁷⁵.

Было бы нереально, чтобы историки помещали в монографических исследованиях большое количество иллюстраций. Речь идет о другом — об адекватном использовании фото или кинодокументов, о представлении их читателю как исторических фактов, запечатленных не в письменной, а в изобразительной форме. Полезным будет даже обращение историка к кинофотодокументам, видеозаписи просто за зрительной информацией, которая найдет косвенное отражение в исследовании, придавая ему большую конкретность и убедительность.

Нам представляется, что задачей источниковеда, работающего с кинофотоматериалами, является не только дальнейшее совершенствование критики этого вида источников, а и выявление, описание, конкретный анализ определенного массива визуальной информации с целью максимально возможной атрибуции каждого документа.

Большую работу в этом направлении ведет Центральный государственный архив кинофонодокументов УССР. Однако усилий одного коллектива явно недостаточно. Необходимо привлекать внимание к кинофотодокументам и других специалистов по историческим источникам — сотрудников соответствующих вузовских кафедр, аспирантов, студентов. Координировать и направить такую работу в республике, очевидно, должен отдел источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории АН УССР.

Следует особо подчеркнуть важное значение кинофотодокументов в познании исторической действительности, агитационной, пропагандистской, политико-воспитательной работе КПСС. Кинофильмы, фотографии, а ныне и видеозапись должны полноценно, с максимальной отдачей служить обществу.

Это в равной мере относится и к другим визуальным средствам отображения исторической действительности.

В исторической науке используется весь комплекс разнообразных изображений (правда, еще довольно слабо). Наибольшее представление по данному вопросу дают иллюстрированные истории. Остановимся кратко на «Иллюстрированной истории СССР», вышедшей уже четырьмя изданиями (1974, 1977 и 1980, 1987), что свидетельствует о ее значительной популярности. Основу книги составляют различные изображения. Во введении упоминается о том, что «не есть и своя специфика. Издание это не просто богато иллюстрировано, помещаемый в нем иллюстративный материал несет самостоятельную нагрузку, дополняя текст, а то и заменяя его»⁷⁶. И это все о специфике книги. Авторы даже не поставили вопроса о принципах подбора иллюстративного материала, о соотношении изображений, относящихся к определенной эпохе и позднейшего иллюстрирования, о критериях отбора материала, о зависимости особенностей иллюстрирования от изображаемой эпохи и т. д.

И тем не менее «Иллюстрированная история СССР», охватывающая в кратком изложении историческое развитие Родины с древнейших времен до наших дней, дает значительный материал по различным аспектам иконографии.

Очень краткое изложение истории первобытно-общинного строя (с. 6—10) характеризуется наскальными рисунками (в цветной репродукции), а также материальными археологическими находками. Приводятся страницы двух рукописей V — X вв. из Матенадарана (Армения), видимо, в связи с тем, что в них отражены события соответствующей формации.

Период феодализма представлен иллюстрациями несравненно более широкого диапазона. Особенно велик удельный вес репродукций картин позднейшего происхождения вплоть до творений современных художников. Это выдающиеся картины на исторические темы Н. К. Рериха, В. М. Васнецова, П. Д. Корина, Г. И. Семирадского, А. М. Васнецова, В. И. Сурикова, И. Е. Репина и других отечественных художников. Преимущественно эти иллюстрации раскрывают определенные исторические события, более или менее полно отражают колорит эпохи.

Публикация большого количества репродукций картин в данной книге (это относится не только к периоду феодализма, но и к последующим формациям) несомненно обусловлено ее научно-популярным характером. Такие иллюстрации доступны и понятны широкому кругу читателей.

Этой же цели в значительной степени служат и многочисленные схемы, карты, делающие более наглядным ход важнейших исторических событий.

По той же линии, что и репродукции картин, идут фотографии памятников исторических деятелей (например, Ивану Федорову (с. 46), Минину и Пожарскому (с. 51) в Москве). В большом количестве представлены портреты исторических деятелей. Отражена и специфика времени их создания. Для второй половины XVI — XVII вв., характерны парсуны, стилистически близкие к иконам. Однако они в специфической манере отражают внешность определенной личности. Представлены парсуны царя Федора Ивановича (с. 47), князя М. В. Скопина-Шуйского (с. 50). Совершенно уникальным является реконструированный М. М. Герасимовым портрет Ярослава Мудрого (XI в.). В остальном же помещенные в «Иллюстрированной истории СССР» портреты деятелей, преимущественно принадлежащие кисти выдающихся отечественных художников, являются важными историческими источниками по персоналиям.

Нередко картина сочетается с более документальным портретом. На с. 56 приведена известная картина В. И. Сурикова «Степан Разин» (1903—1910) и фрагмент гравюры XVII в., детальное рассказывающий образ народного предводителя.

Значительный интерес представляют помещенные миниатюры лицевых летописей и рукописных книг: «Переговоры княгини Ольги с византийским императором» (с. 18), «Оборона Козельска» (конец XVI в., с. 25), «Победа на Куликовом поле» (того же времени, с. 28), «Грюнвальдская битва» (XVI в., с. 31). Подобных иллюстраций, относящихся к изображаемому времени или близких к нему, к сожалению, в книге очень мало. А такие изображения не только передают в своеобразной форме реалии действительности, но и одновременно отражают уровень культуры и изобразительного искусства.

В книге приводятся переплеты, листы, украшения древних книг, даже образцы старого письма. Правда, в популярном издании последние недостаточно эффективны, ибо широкий читатель не знает палеографии соответствующих периодов и не может полностью прочитать текст (см. на с. 17 берестяную грамоту, на с. 52 отрывок из Соборного уложения 1647 г.).

Значительную документальную ценность представляют рисунки, гравюры начиная с XVII в., отражающие действительность времени создания. В них особенно четко передан колорит, обстановка соответствующего времени. На с. 54 приведены гравюры XVII в., изображающие русских крестьян с орудиями производства, на с. 58 — соляную варницу на р. Мшаге.

Различные производства мануфактурного характера также запечатлены в рисунках (с. 70). Приводятся образцы денег (преимущественно монет) различных периодов.

Область культуры представлена страницами первой русской газеты «Ведомости», указом об учреждении Академии наук (с. 79), портретами М. В. Ломоносова (с. 88), просветителя Н. И. Новикова (с. 90), писателя Д. И. Фонвизина, историка Н. М. Карамзина, создателя русского театра Ф. Г. Волкова (с. 91) и т. д., изображением Московского университета (с. 92), портретом первого русского революционера А. Н. Радищева (с. 93).

Важнейшие события первой половины XIX в.— отечественная война 1812 г., восстание декабристов 1825 г., польское восстание 1830 г., движения, возглавляемые У. Кармалюком, Шамилем и др.— представлены репродукциями картин и многочисленными портретами. Отметим только, что из серии портретов полководцев Отечественной войны 1812 г., написанных английским художником Дж. Доу и экспонированных в Русском музее в Ленинграде, приводится только портрет М. Б. Барклая де Толли. Остальные помещенные в книге портреты героев Отечественной войны (и не только полководцев, а и партизан) принадлежат кисти русских художников Р. М. Волкова, А. В. Смирнова, А. Орловского, О. А. Кипренского и др. Особый интерес представляет лист Пушкинской тетради с рисунками поэта, изображающими казнь декабристов (с. 108). Заслуживают внимания также акварели декабриста Н. А. Бестужева, изображающие восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге, а также жен декабристов М. Н. Волконскую,

А. Г. Муравьеву. Эти изображения, сделанные участниками исторических событий, носят на себе особую документальность.

На с. 119 приведен лучший, по всеобщему мнению, портрет А. С. Пушкина кисти О. А. Кипренского. В нем схвачены те основные черты облика поэта, которые нашли отражение в его зарисовках.

На с. 136 помещен рисунок — панорама Тифлиса, выполненный М. Ю. Лермонтовым.

С 50-х годов XIX в. существенно расширился арсенал изобразительных средств за счет фотографии. В рассматриваемой книге к этому периоду относятся портреты М. Ахундова, М. Л. Налбандяна (с. 133).

События эпохи капитализма широко иллюстрируются многочисленными репродукциями картин, рисунками, портретами художественными и фотографическими изображениями исторических документов, революционных изданий, фотографиями предприятий, различных машин, орудий производства, городского и сельского ландшафта. В силу своей документальности особый интерес представляют рисунок очевидца «Суд над первомартовцами» (с. 165). Большое место вполне обоснованно отводится иллюстрированию революционной деятельности В. И. Ленина и его соратников. Помещен уникальный снимок «Женщины-бурлачки», отражающий жестокость буржуазной эксплуатации (с. 188).

При освещении исторического процесса с начала XX в. в книге все чаще встречаются образцы сатиры, карикатуры, четко схватывающие основные черты важнейших событий.

На большом и разнообразном иллюстративном материале раскрываются события русско-японской войны, революции 1905—1907 гг., революционная деятельность большевистской партии, положения народных масс и их борьба против самодержавного строя. Это же относится к первой мировой войне и Февральской революции 1917 г.

Развитие культуры в начале XX в. иллюстрируется в подобном плане, как и за предыдущие периоды, только значительно шире подключается фотография. При этом приводятся не только портреты, а и многочисленные групповые снимки. На них мы видим также запечатленные научные процессы (Тимирязев К. А. в лаборатории Московского университета, с. 245; К. Э. Циолковский среди изготовленных им моделей металлических дирижаблей, с. 247).

Советский период истории СССР очень богато и разнообразно проиллюстрирован. Применялись те же изобразительные средства, о которых речь шла выше. Новым видом были только многочисленные плакаты, посвященные актуальным вопросам жизни советского общества в годы революции, военных испытаний, социалистического строительства. Среди них немало встречается карикатур. Преобладают документальные фотографии, с 60-х годов — цветные.

Репродукции картин обычно приводятся в тех случаях, когда соответствующее событие не было зафиксировано фотографами. Так,

на с. 283 приводится картина В. А. Серова «Выступление В. И. Ленина на II Всероссийском съезде Советов», на с. 284 — картина К. Ф. Юона «Вступление в Кремль через Троицкие ворота. Москва 2 ноября 1917 г.» и др. На с. 286 изображены первые государственные флаг, герб и обложка Конституции Российской Федерации 1918 г.

В книге приводятся портреты соратников В. И. Ленина — М. И. Калинина, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышева, В. И. Межлаука, Я. Э. Рудзутака и многих других, передовиков социалистического строительства, видных ученых, деятелей искусств.

Даются изображения важнейших объектов социалистического строительства, особенно в области промышленного производства. Значительно слабее представлены в иллюстрациях преобразования сельского хозяйства.

Большое количество изображений отражает различные стороны культурного строительства за годы Советской власти.

Таким образом, «Иллюстрированная история СССР» дает общее представление о современном уровне иллюстрирования трудов по истории с использованием самых разнообразных изобразительных средств.

В отдельных коллективных многотомных трудах по истории есть и свои особенности в иллюстрировании. В данной главе нет возможности подробно остановиться на этом вопросе. Но можно кратко высказать некоторые соображения на примере такого фундаментального издания, как «История Украинской ССР» (В 10 т.). В т. 1 первобытно-общинный строй характеризуется широким кругом памятников материальной культуры: костяными предметами, сосудами, орудиями труда, оружием, остатками древних сооружений. Диапазон этих источников намного шире, чем в «Иллюстрированной истории СССР».

Период Киевской Руси иллюстрируется миниатюрами Радзивилловской лицевой летописи: «Восстание в Киеве в 1068 г.», «Поход Олега в Царьград», «Ольга у византийского императора», «Крещение Владимира в Корсуне», «Строительство города Киева», «Победа русских над половцами».

Значительное место занимают реконструкции исторических объектов.

Все это свидетельствует, что в научных изданиях на первое место выдвигаются изображения древних объектов самого раннего происхождения, а не яркие художественные произведения позднего времени.

Советский период в этом издании иллюстрируется преимущественно фотодокументами, что придает особую доказательность всему изложению. В частности, в отличие от «Иллюстрированной истории СССР, в т. 7 «Истории Украинской ССР» разнообразен подбор иллюстраций, посвященных социалистическим преобразованиям в сельском хозяйстве республики. Помещены групповая фотография первых членов колхоза им. С. М. Буденного, возглавляемого М. А. Посмитным (с. 186), снимки тракторов, прибывших в новосозданную МТС им. Т. Г. Шевченко (Одесского округа, с. 189), семьи бедняка у сожженного кулаками дома (Киевский округ. с. 192). Все эти снимки относятся к 1928 г. и хорошо передают важнейшие события того времени: начальный этап колхозного движения, формирование его материально-технической базы, проявление классовой борьбы на селе.

Таким образом, подбираемые для исторического произведения иллюстрации должны наглядно конкретизировать важнейшие рассматриваемые авторами события, а также представлять читателю выдающихся исторических деятелей, внесших определенный вклад в развитие исторического процесса.

Вышеизложенное свидетельствует, насколько важно применение иконографического метода при подборе иллюстративного материала для трудов по истории, а также для составления тематических альбомов, состоящих из различных изображений. К каждому привлекаемому изображению необходим такой же критический подход, как и к письменным источникам.

К внешней критике изобразительного источника относится установление времени и места его создания, по возможности автора, определение исторической обстановки возникновения источника, выявление ошибок в отображении каких-то деталей рассматриваемого события или лица.

В ходе внутренней критики визуального источника изучается его содержание, устанавливаются его достоверность и фактическая ценность, идеальные позиции автора. Выясняются цели и задачи создания такого источника, его значение для раскрытия какой-то стороны исторической действительности.

Как видно из вышеизложенного, визуальные источники отнюдь не равнозначны. Особенно четко отражают исторические события, внешний облик людей кинофотодокументы, но они характерны только для нового и новейшего периодов истории. Учитывая их многочисленность, исследователь должен проводить кропотливую работу по их отбору, систематизации.

Особенно это касается архитектурного облика населенных пунктов, отдельных памятников архитектуры. Нередко в качестве иллюстрации приводится их современный вид. Но в данном случае лучше прибегать к реконструкциям памятников. Так, в т. I «Истории Украинской ССР» совершенно правильно приводится реконструкция Софийского собора в Киеве 1037 г. (с. 449) вместо современной фотографии, отражающей этот архитектурный памятник переоборудованным в XVII в.

При освещении истории отдаленных от нас эпох (Древней Руси, феодализма) большую ценность представляют миниатюры лицевых летописей и рукописных книг, хоть и в условной манере, но наиболее документально отражающие колорит своего времени.

Зарисовки, сделанные художниками в момент исторического события, а также отражающие этнографические типы или бытовые сценки, являются в равной степени цennыми визуальными источниками. Они приближаются по своему документальному изображению к фотографии.

Значительная роль в иллюстрировании исторической литературы принадлежит художественной живописи. Первенствующее место здесь несомненно занимает портрет, передающий внешний облик исторических деятелей. Портрет, выполненный талантливым художником-реалистом, не только дает довольно точное изображение внешних черт определенного лица, но и в известной степени раскрывает его внутренний мир. Поэтому неудивительно, что при наличии большого количества фотографий в «Иллюстрированной истории СССР» приводятся портреты Ф. А. Фурманова (худ. С. В. Малютин, с. 334), И. П. Павлова (худ. М. В. Нестеров, С. 342) и др.

Сложнее обстоит дело с живописными картинами, отражающими исторические события. В данном случае иллюстратор исторического произведения должен проявить особо критический подход, выяснить, правильно ли переданы внешний облик изображаемых героев, историческая обстановка события (иногда художники недостаточно глубоко изучают ее, допускают модернизацию и пр.). На некоторые отступления от исторической истины влияют и принадлежность художника к определенной школе или направлению (классицизм, романтизм и др.).

Разрешение таких вопросов имеет большое значение для повышения качества и престижа исторических работ. И тем не менее иконографические исследования по сути дела не проводятся.

Все возрастающий поток визуальных источников настоятельно требует серьезного, глубокого обобщения. Необходимо их изучение поставить на такой же уровень, как и письменных. Эта работа

должна идти по двум основным направлениям: 1) анализ и классификация имеющихся материалов (миниатюр, рисунков, фотоснимков, художественных произведений) как источников для исторических трудов; 2) синтез этих визуальных материалов для содействия раскрытию исследовательских тем. Важное значение будет иметь введение иконографического рецензирования. Ныне при рассмотрении трудов по истории в лучшем случае содержится упоминание, что они иллюстрированы. Рецензенты не дают характеристики иллюстраций, рациональности их подбора и т. д.

В историческом произведении должно быть четко указано происхождение визуального источника (как и всякого другого). В действительности же указывается, откуда взята миниатюра и время ее создания. Это же касается и художника, нарисовавшего картину. В это же время не указывается место хранения фотографии, даже самой уникальной, приводится только год съемки. Это свидетельствует о явной недооценке значения данного источника.

Возрастающий поток визуальных источников настоятельно требует активного развертывания иконографических исследований, которые дадут возможность шире и эффективнее использовать изобразительные средства во всех областях исторической науки, что будет содействовать ее новым достижениям, более глубокому и разностороннему познанию исторической действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986.— С. 85.

ГЛАВА I. СИСТЕМА ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

¹ Варшавчик М. А. Историко-партийное источниковедение. Теория. Методика.— Киев, 1984.— С. 97.

² Пашков А. М. Документы о развитии вспомогательных исторических дисциплин в конце XIX — начале XX в.// Сов. арх.—1984.— № 5.— С. 39—42.

³ Каменцева Е. И. История вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие.— М., 1979.— С. 17—18.

⁴ Лихачев Н. П. Лекции по дипломатике: Чит. В 1896/97 акад. году в С.-Петербурге, археол. ин-те.— Спб., 1897.— С. 10, 17, 18.

⁵ Арсеньев Ю. В. Геральдика: Лекции, чит. в Моск. археол. ин-те в 1907/08 г.— М., 1908.— С. 2.

⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966.— Т. 4.— С. 14.

⁷ Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины.— Тверь, 1923.— С. 2—4.

⁸ Там же.— 4-е изд.— Л., 1924.— С. 3—4.

⁹ Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки: (Подгот. кадров историков-марксистов, 1917—1929).— М., 1968.— С. 40—41.

¹⁰ Шестаков А. В. Методика исторического исследования (из опыта для опытов).— Воронеж, 1929; Каар Г. П. Источники и методы исторического исследования.— Баку, 1930; Быковский С. Н. Методика исторического исследования.— Л., 1931.

¹¹ Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. ст.— М.; Л., 1937.

¹² Там же.— С. 13.

¹³ Там же.

¹⁴ Якубовская С. И. К вопросу об изучении и публикации источников советского периода // Пробл. источниковедения.— 1955.— 4.— С. 46—59.

¹⁵ Улащик Н. Н. Бережков Н. Г. // Там же.— 1958.— 6.— С. 354—358; Памяти Александра Игнатьевича Андреева // Там же.— 8.— С. 495—499; и др.

¹⁶ Вспомогательные исторические дисциплины.— 1968.— 1.— С. 3.

¹⁷ Іст. джерела та їх використання.— К., 1964—1972.— Вип. 1—7.

¹⁸ Вспомогательные исторические дисциплины.— Свердловск, 1974.— Сб. 1, 2.

¹⁹ Зимин А. А. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // Тр. науч. конф. по вопр. арх. дела в СССР.— М., 1965.— Т. 1.

²⁰ Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет // Сов. арх.—1967.— № 5.— С. 130—137; Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисцип-

лин // Источниковедение отечеств. истории.—1973.—Вып. I.— С. 32—63; Черепнин Л. В. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.— М., 1974.— С. 8—29; Буганов В. И. Источниковедение и специальные исторические дисциплины (Доокт. период.) // Археография и источниковедение. Север. археогр. сб.—1977.— Вып. 4; Янин В. Л. Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории: Археография, сфрагистика, эпиграфика, весовая метрология // Археогр. ежегодник за 1969 г.—1971; Дорошенко В. В. Вспомогательные исторические дисциплины на новом этапе // Там же.— С. 205—208; и др.

²¹ В научной литературе (об этом свидетельствуют и библиографические описания) вспомогательные исторические дисциплины нередко именуют специальными. Очерченный в главе круг субдисциплин источниковедения мы будем именовать вспомогательными, тем самым подчеркивая их основную функцию в историческом исследовании.

²² Шмидт С. О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины // Развитие советской исторической науки, 1970—1974.— М., 1975.— С. 329.

²³ Введенський А., Даїдиченко В., Стрельський В. Допоміжні історичні дисципліни: Учб. посібник.— К., 1963.

²⁴ Там же.— С. 5.

²⁵ Там же.— С. 3.

²⁶ Пронштейн А. П. Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками.— М., 1972.

²⁷ Там же.— С. 5—4.

²⁸ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Вспомогательные исторические дисциплины: Учеб. пособие.— М., 1973.— С. 3.

²⁹ Там же.— С. 5.

³⁰ Каменцева Е. И. История вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие.— М., 1979.

³¹ Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. Вспомогательные исторические дисциплины.— М., 1984.

³² Соболева Н. А. О тенденциях развития специальных исторических дисциплин: Историогр. обзор за 1964—78 гг.// Источниковедение отечеств. истории: Сб. ст. 1979.— М., 1980.— С. 219—237.

³³ Там же.— С. 221.

³⁴ Там же.—223.

³⁵ Носов Н. Е. Основные научные направления и проблематика ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1981.—12.— С. 3—12; Шевелев Л. Е. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: К вопр. о их задачах и роли в ист. исследований // Там же.—1982.—13.— С. 3—32.

³⁶ Носов Н. Е. Указ. соч.— С. 7, 8.

³⁷ Шевелев Л. Е. Указ. соч.— С. 15—16.

³⁸ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теорет. и метод. пробл.— М., 1969.— С. 24.

³⁹ Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет // Сов. арх.—1967.— № 5.— С. 130—137.

⁴⁰ Там же.— С. 131, 137.

⁴¹ Введенський А., Даїдиченко В., Стрельський В. Домопіжні історичні дисципліни.— С. 6.

⁴² Черепнин Л. В. Указ. соч.— С. 137; Каменцева Е. И. История вспомогательных исторических дисциплин.— С. 29.

⁴³ Введенський А., Даїдиченко В., Стрельський В. Допоміжні історичні дисципліни.— С. 6; Вилинбахов Г. В. Некоторые проблемы соотношения старых и новых вспомогательных исторических дисциплин (геральдика, вексиллология, фалеристика) // Актуальн. пробл. источниковедения и спец. ист. дисциплин.— М., 1983.— С. 169—173. Последний автор склоняется к тому, чтобы именовали комплексную дисциплину не эмблематикой, а геральдикой, поскольку соответствующие памятники — геральдические (С. 171—172).

- ⁴⁴ Гуковский А. И. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины // Вопр. истории.—1964.— № 2.— С. 42—62.
- ⁴⁵ Там же.— С. 55—56.
- ⁴⁶ Там же.— С. 56—60.
- ⁴⁷ Трухан Г. А. Современные исследования и проблемы источниковедения истории советского общества // Источниковедение истории сов. об-ва.— М., 1978.— Вып. 3.— С. 5—18.
- ⁴⁸ Сидоренко В. П. Про складання наукової хроніки історії України радянського періоду // Іст. джерела та їх використання.—1964.— Вип. 1.— С. 210—217.
- ⁴⁹ Там же.— С. 225—232; 1966.— Вип. 2.— С. 233—255; 1968.— Вип. 3.— С. 261—298; 1969.— Вип. 4.— С. 254—266; 1970.— Вип. 5.— С. 148—156; 1971.— Вип. 6.— С. 188—205.
- ⁵⁰ Маркітан Л. П. Кінофотодокументи як історичне джерело // Там же.—1969.— Вип. 4.— С. 60—67.
- ⁵¹ Миць М. Р. Дипломатичні особливості актових документів Волинського облвиконкому // Там же.— С. 122—128.
- ⁵² Введенский А. А. Вспомогательные исторические науки в работе архивистов // Вопр. архивоведения.—1962.— № 2.— С. 31.
- ⁵³ Стрельский В. И. геральдика и сфрагистика в научной работе историков // Там же.—1963.— № 2.— С. 32; Стрельський В. Емблеми розповідають // Наука і суспільство.—1965.— № 10.— С. 39.
- ⁵⁴ Бабенко А. Деякі питання радянської емблематики // Арх. України.—1965.— № 5.— С. 60—62.
- ⁵⁵ Каменцева Е. И. Основные проблемы советской эмблематики // Сов. арх.—1970.— № 1.— С. 35—40; и др.
- ⁵⁶ Флаги государств мира / Сост. К. А. Иванов.— М., 1964; Сигнев А. Как создавался государственный флаг нашей Родины // Вопр. истории.—1964.— № 11.— С. 211—215.
- ⁵⁷ Лепешинский Л. Л. Филателия и история // Вопр. истории.—1966.— № 3; Гуковский А. И. Историческая наука и филателия // Новая и новейшая история.—1966.— № 6.— С. 114—117.
- ⁵⁸ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР.— М., 1926.— Вып. 7.— Ст. 47.
- ⁵⁹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Ист.-геогр. исслед.— М., 1951.
- ⁶⁰ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии.— М., 1962.
- ⁶¹ Котляр Н. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму.— К., 1971.
- ⁶² Там же.— С. 9—10.
- ⁶³ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных дисциплин // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст.— М., 1973.— Вып. 1.— С. 42.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.— С. 37.
- ⁶⁶ Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии.— М., 1983.
- ⁶⁷ Там же.— С. 116.
- ⁶⁸ Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии.— М., 1957.— С. 8.
- ⁶⁹ Соболева Н. А. О тенденциях развития специальных исторических дисциплин.— С. 234.
- ⁷⁰ Черепнин Л. В. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины.— С. 29.
- ⁷¹ Этим дисциплинам уделяется большое внимание и за рубежом. Французский историк Р. Делор в работе «Введение в изучение вспомогательных исторических дисциплин» вторую, важнейшую главу назвал «Основные условия исследования: время и пространство» и посвятил ее вопросам хронологии, исторической географии и картографии, а также топонимики.

- ⁷² Ермолаев И. П. Историческая хронология: Учеб. пособие.— Казань, 1980.— С. 4.; Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология.— 1981.— С. 4—5.
- ⁷³ Заремба С. З. До питання про теорію та методику хронологічних досліджень // кр. іст. журн.— 1974.— № 2.— С. 88—93; Заремба С. З. Хронологічні системи історисів Самовидця, Г. Грабянки, С. Величка // Там же.— № 8.— С. 98—104; Санченчич А. В. Значення і принципи складання хронік з історії // Там же.— 1977.— № 5.— С. 80—88.
- ⁷⁴ Арх. України.— 1971.— № 5.— С. 74.
- ⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 19 (далее цитируется материал по этому изданию).
- ⁷⁶ Малов В. Н. Что такое палеография // Вопр. истории.— 1966.— № 2.— С. 209—210.
- ⁷⁷ Там же.— С. 212.
- ⁷⁸ Каштанов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теорет. и методол. пробл.— М., 1969.— С. 136—139.
- ⁷⁹ Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод.— С. 222—223.
- ⁸⁰ Там же.— С. 101—118.
- ⁸¹ Там же.— С. 119—139.
- ⁸² Каштанов С. М. Указ. соч.— С. 169.
- ⁸³ Каменцева Е. И. История вспомогательных исторических дисциплин.— С. 36.
- ⁸⁴ Там же.

ГЛАВА II. ХРОНОЛОГИЯ

- Каменцева Е. И. Хронология.— М., 1967.— С. 3; Селешников С. И. История календаря и хронология.— М., 1971.— С. 13; Ермолаев И. П. Историческая хронология.— Казань, 1980.— С. 3.
- ² Архив Маркса и Энгельса.— Л., 1938—1946.— Т. 5—8.
- ³ Ленин В. И. Тов. М. Н. Покровскому // Полн. собр. соч.— Т. 52.— С. 24.
- ⁴ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отд. рукописей.— Ф. Погодин. собр. № 76.— Л. 342—346.
- ⁵ ЦГАДА.— Ф. 196, Мазурина, № 1069.— Л. 115 об.— 116 об.
- ⁶ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отд. рукописей, ф. 256. Румянцев. собр. № 35.— Л. 1—6.
- ⁷ Болховитинов Е. Сведения о Кирике, предлагавшем вопросы Нифору епископу новгородскому // Тр. и летописи о-ва истории и древностей рос.— 1828.— Ч. 2, кн. I.— С. 122—129; Хавский П. В. Примечание на русские хронологические вычисления XII века // Чтения в о-ве истории и древностей рос.— 1847.— № 6.— С. 29—37; Степанов Н. В. Заметки о хронологической статье Кирика (XII в.) // Изв. отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук.— Спб., 1910.— Т. 15.— С. 125—150; Зубов В. П. Кирик-новгородец. Учение имже ведати человеку числа всех лет // Ист.-мат. исслед.— 1953.— 6.— С. 174—212; История отечественной математики.— К., 1966.— Т. 1.— С. 57—60; и др.
- ⁸ Пасхалия — таблица для вычисления на каждый год даты пасхи, от которой рассчитывались даты других христианских праздников.

⁹ Ісаєвич Я. Д. Юрій Дрогобич.— К., 1972; Матвійшин Я. О. Юрій з Дрогобича.— К., 1969; и др.

¹⁰ ЦГАДА.— Ф. 187, Рукопис. собр.; ЦГАЛИ.— Оп. 1, д. 134; Оп. 2, д. 44; ЦГИА в Києве.— Ф. 739, оп. 1, д. 121; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.— Отд. рукописей.— О. 1.265; Ф. 536, ОЛДП: 0.—329; Е.—504; 0.—835; и др.

ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Рукописи духов. акад.: $\frac{\text{ДА}}{\text{П391}}$; $\frac{\text{ДА}}{\text{П392}}$; $\frac{\text{ДА}}{1487}$; $\frac{\text{ДА}}{488}$; $\frac{\text{ДА}}{490}$; а также рукописи Киево-Софийск. собора: $\frac{261}{135}$ С; $\frac{264}{671}$

; ф. 1, 1747 (Краткое показание о церковном счислении); и др.

¹² Пасинецький С. З. Іван Федоров — друкар календарних творів // Укр. іст. журн.— 1974.— № 6.— С. 112—116.

- ¹³ Карагаев И. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами.— Спб., 1883.— Т. I.— С. 272—273.
- ¹⁴ Головацкий З. Я. Книга о новом календаре, напечатанная в Риме в 1596 г.— Спб., 1788.
- ¹⁵ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей: $\frac{250}{644}$ С.— Л. 30.
- ¹⁶ Фальковский И. Я. Сокращение церковной хронологии, называемой просто наукой о пасхалии в потзу обучающегося в Киевской духовной академии духовного юношества.— М., 1797.
- ¹⁷ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Рукописи Киево-Софийск. собора:
ДЕ $\frac{725}{580}$ С; $\frac{727}{692}$ С.
П281
- ¹⁸ Петров Н. И. Автобиографические записки Иринея Фальковского // Тр. Киев. духов. акад.— 1907.— Июль.— С. 456—479; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей: $\frac{7}{369}$ С.— Л. 152.
- ¹⁹ Хавский П. В. Хронологические таблицы.— М., 1848.— Кн. 1—3; Хавский П. В. Месяцесловы, календари и святцы русские.— М., 1855.— Кн. 1—2; Хавский П. В. Таблицы для проверки годов в русских летописях.— М., 1856; Степанов Н. В. Таблицы для решения летописных «Задач на время» // Изв. отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук.— 1908.— Т. 13, кн. 2.— С. 83—132; Степанов Н. В. Календарно-хронологический справочник: Пособие для решения летописных задач на время.— М., 1917.
- ²⁰ Горбачевский Н. И. Краткие таблицы, необходимые для всякого рода археологических исследований и, в частности, для разбора древних актов и грамот западного края России и царства Польского.— Вильна, 1867; Горбачевский Н. И. Археологический календарь на две тысячи лет (1583—2324) по григорианскому счислению, на семьсот сорок два года (1583—2324) по григорианскому счислению.— Вильна, 1869.
- ²¹ Толстой П. Хронология новой и русской истории.— М., 1871; Сидельников Н. Синхронистический конспект.— М., 1879; Толстой П. Хронология всеобщей и русской истории.— М., 1885; Соловьев И. Хронология общей и отечественной истории: Способ верно, быстро иочно запоминать годы и вообще числа.— Казань, 1893; Соловьев И. Хронология по русской истории.— Одесса, 1912; и др.
- ²² ЛНБ им. В. Стефаника АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. И. М. Вагилевича, Папка 2.— Л. 17.
- ²³ Там же.— Д. 2, папка 2, ч. 3 (Рукописи И. М. Вагилевича хранятся в архивах Львова, Киева, Москвы, Ленинграда, Ивано-Франковска, а также Вроцлава (ПНР)).
- ²⁴ Штейнгель В. Опыт полного исследования и месяцесловного счисления старого и нового стиля.— Спб., 1819; Бутурлин П. П. О календарях юлианском и григорианском.— М., 1866; Сенаторский Н. Новолетие на Руси / Отд. отт. из Курских епарх. ведомостей.— 1888.— № 1.— С. 1—12; Исторический обзор календаря.— Вильна, 1902.
- ²⁵ Лалош М. Время счисления христианского и языческого мира: 2-е изд.— Спб., 1867; Лалош М. Сравнительный календарь древних и новых народов.— 3-е изд.— Спб., 1869.
- ²⁶ Сумцов Н. Ф. Исторический очерк попыток католиков ввести в Южную и Западную Россию григорианский календарь.— Киев, 1888; Сремец А. И. (Добрянский). Календарный вопрос в России и на Западе.— Спб., 1894.
- ²⁷ Старые календари.— Брянск, 1896.
- ²⁸ Татищев Б. Н. История Российской.— М.; Д., 1862.— Т. 1; Карамзин Н. М. История государства Российского.— Спб., 1883.— Т. 1—3.
- ²⁹ Хавский П. В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую и русскую в особенности // ЖМНП.— 1849.— № 6.— С. 164—224; Хавский П. В. Предложение для окончания ученого спора о начале годов по русскому счислению.— М., 1850; Хавский П. В. О тысячелетии государства Российского...— М., 1861; Хавский П. В. Опыт исправления недостатков в русских летописях, историях государства Российского...— М., 1862; Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории.— М., 1850.— Т. 4.— С. 80—144; и др.

- ³⁰ Афанасьев П. Хронологическое обозрение российской истории.— М., 1821; Острогорский М. Хронология всеобщей и русской истории.— Спб., 1875.— Вып. 1—2; Гиттис Ю. Хронология русской истории.— Одесса, 1877; Сукрухо А. Памятные таблицы по всеобщей и русской истории.— Одесса, 1884.
- ³¹ Ленин В. И. Тетрадь «Эгельгаф» // Полн. собр. соч.— Т. 28.— С. 663.
- ³² Арцыбашев Н. С. Повествование о России.— М., 1838.— Т. 1—2.
- ³³ Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории XIII и XIV ст.— Спб., 1858.
- ³⁴ Погодин М. П. О хронологии в русских летописях // Исследования.— 1850.— Т. 4.; Шахматов А. А. Исходная точка летосчисления «Повести временных лет» // ЖМНП.— 1897.— Ч. 310.— № 3; Погодин М. П. Хронология древнейших русских летописных сводов // Там же.— 1897.— № 4.
- ³⁵ Переvoщиков Д. М. О летосчислении.— Спб., 1855; Переvoщиков Д. М. Правила времячисления, принятые православной церковью.— М., 1880; Прозоровский Д. И. О старинном русском счислении часов // Тр. II Археол. съезда.— 1881.— Вып. 2; Ясинский М. Н. Счисление суточного времени в Западной России и в Польше в XVI—XVII вв.— Киев, 1902.
- ³⁶ Степанов Н. В. Новый стиль и православная пасхалия.— М., 1907; Степанов Н. В. Единицы счета времени до XIII в. по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям.— М., 1909; Степанов Н. В. К вопросу о летописном счислении часов // ЖМНП.— 1909.— № 6.— Отд. 2.— С. 109—273; Степанов Н. В. Исследование «Лунного течения» // ЧИОИДР.— М., 1913.— Кн. 2; Степанов Н. В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // Там же.— М., 1910.— Кн. 4; Степанов Н. В. Календарно-хронологические факторы Ильинской летописи до XIII в.// Изв. отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук.— 1915.— Т. 20, кн. 2.
- ³⁷ Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // Изв. отд-ния рус. яз. и словесности АН.— 1915.— Т. 20, кн. 1.— С. 87—208; кн. 2: Отпечаток из НОРЯС.— С. 197—288.
- ³⁸ Шереметьева Л. Д. Дослідження народного календаря та його значення для української етнографічної хронології // Іст. джерела та їх використання.— К., 1974.— Вип. 7.— С. 115—125; и др.
- ³⁹ Головацький Я. Поділ часу у русинів: Вінок русинам на обжинки.— Віденъ, 1847.— Ч. 2.— С. 255—261; Максимович М. Дни и месяцы украинского селянина // Русская беседа.— М., 1856.— Кн. 1.— С. 61—83; Кн. 3.— С. 73—108; Максимович М. О. Дні і місяці українського селянина // Мистецтво, фольклор, етнографія.— К., 1947.— Т. 1—2.— С. 206—254.
- ⁴⁰ Франко І. Я. Людові вірування на підгір'ї // Етнографічний збірник.— Львів, 1893.— Т. 5.— С. 203—210.
- ⁴¹ Петрушевич А. С. Общерусский дневник церковных, народных семейных праздников и хозяйственных занятий, примет и гаданий // Временник Института ставропигийского с месяцесловом на год простой 1866.— Львов, 1865; Чубинский П. П. Календарь народных обычев и обрядов с соответствующими песнями // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край.— Спб., 1872.— Т. 3.; Колесса Ф. Людові вірування на Підгір'ї // Етнографічний збірник.— Львів, 1898.— Т. 5.— С. 91—93; Зубрицький М. Народний календар // Матеріали до українсько-руської етнології.— Львів, 1900.— Т. 3.— С. 33—60; Дикарів М. О. Народний календар Валуйского повіту (Борисівської) волості у Вороніжчині // Матеріали до українсько-руської етнології.— Львів, 1905.— Т. 6.— С. 114—204; Шереметьева Л. Д. Вказ. праця.
- ⁴² Декреты Советской власти.— М., 1957.— Т. 1.— С. 404—405.
- ⁴³ Полак И. Ф. Изменение календаря.— М., 1918; Полак И. Ф. Время и календарь.— М., 1928.— То же.— 2-е изд.— 1959.
- ⁴⁴ Добаша-Рождественская О. А. Как люди учились считать время.— П.; М., 1922; Идельсон Н. И. История календаря.— Л., 1925.
- ⁴⁵ Пацановский Е. Д. Определение дня недели любой хронологической даты // Природа.— 1929.— № 2.— С. 151—158; Салтыков А. Б. Хронология битвы при реке Калке // Учен. зап. Ин-та истории ВАНИСН.— М., 1919.— Т. 4.

⁴⁶ Синайський В. І. Числення років: До питання про хронол. методу пізнання стародавньої історії її народної творчості // Зап. іст.-фіол. відділ Укр. Акад. наук.—1927.— Кн. 13; Копержинський К. Провідні шляхи дослідження обрядовості новорічного циклу // Первісне громадянство та його піаростки на Україні.— К., 1927.— Вип. 1—3; Копержинський К. Господарчі сезони у слов'ян: (З історії новоріч. циклу обрядовості) // Там же.—1928.— Вип. 1.; До системи поняттів часу у слов'ян: (З історії новоріч. циклу обрядовості) // Там же.—1928.— Вип. 2—3.

⁴⁷ К изучению истории: Сборник.— М., 1946.— С. 18.

⁴⁸ Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського уряду, 1917—1959 рр.: Зб. док.— К., 1959.— Т. 1.— С. 653.

⁴⁹ Одной из первых можно считать брошюру М. Матье и Н. Шолпо (Прошлое, настоящее и будущее календаря // Прибой—1931).

⁵⁰ Россовская В. А. Календарная даль веков.— Л.; М., 1936; Никольский В. К. Происхождение нашего летосчисления.— М., 1938; Шур Я. И. Когда? Рассказы о календаре.— 2-е изд.— М., 1968; и др.

⁵¹ Устюгов Н. В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам.— М., 1939.— Ч. 1.

⁵² Черепнин Д. В. Русская хронология.— М., 1944; Корчмар Я. Г. Исторична хронологія.— Луцьк, 1955.

⁵³ Сюзюмов М. Я. Таблицы по хронологии.— М., 1960; Хронология всеобщая: Пособие к практическим занятиям для студентов.— Свердловск, 1971.

⁵⁴ Каменцева Е. И. Русская хронология.— М., 1960; Каменцева Е. И. Хронология.— М., 1967; Каменцева Е. И. Декрет о введении в Советской России нового календаря // Вспомогательные исторические дисциплины.— М.; Л., 1969.— С. 159—165.

⁵⁵ Білоус Л. М. Час і календар.— К., 1960; Стрельський В. І., Титаренко П. Г. Календар: Визначення часу у різних народів світу.— К., 1961; Стрельський В. І., Титаренко П. Г. Історія календаря.— К., 1975; Титаренко П. Г. Походження і розвиток календаря.— К., 1968; Титаренко П. Г. Історія календаря в Росії і на Україні в зв'язку з загальною історією календарів.— К., 1972; Титаренко П. Г. Українська історическая хронология в связи с русской хронологией и общей историей календарей: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Київ, 1973.

⁵⁶ Селешников С. И. История современного календаря.— Л., 1958; Селешников С. И. История календаря и его предстоящая реформа.— Л., 1962; Селешников С. И. История календаря и хронология.— М., 1970.— То же.— 2-е изд.— 1972.

⁵⁷ Ермолаев И. П. Историческая хронология: Метод. пособие для студентов ист. отд. Казан. ун-та.— Казань, 1978; Ермолаев И. П. Историческая хронология.— Казань, 1980; Климишин И. А. Календарь и хронология.— М., 1985.

⁵⁸ Ермолаев И. П. Историческая хронология.— Казань, 1980. С. 127—128.
⁵⁹ Кузьмин А. Г. Хронология начальной летописи // Вест. Моск. ун-та.— 1968.— № 6.— С. 40—53; Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями, XIII — XV вв.// Пробл. источниковедения.— 1956.— Вып. 5.— С. 300—327; Зимин А. А. О хронологии духовных грамот великих и удельных князей XIV — XV вв.// Там же.— 1958.— Вып. 6.— С. 275—324; Мchedlidze Г. Л. Хронология в древнегрузинской исторической литературе (V — XIV): Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Тбилиси, 1963; Кісієв Я. П. Хронологія писемних пам'яток західноукраїнських земель в XIV — XVIII ст.// Іст. джерела та їх використання.— 1964.— Вип. 1.— С. 218—223; Шагинян Л. П. Хронологическая система «История Армении» Мовсеса Хоренаци и ее достоверность: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Ереван, 1968.

⁶⁰ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания.

⁶¹ Заремба С. З. Хронологічні системи літописів Самовидця, Г. Грабянки, С. Величка // Укр. іст. журн.— 1974.— № 8; Заремба С. З. Хронология украинского летописания второй половины XVII — первой половины XVIII в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Киев, 1974; Заремба С. З. Хронология // Наука і суспільство.— 1973.— № 8; Заремба С. З. 400-річчя григоріанського календаря // Укр. іст. журн.— 1982.— № 10.

⁶² Методическая разработка к изучению хронологии.— Днепропетровск, 1978; Методические указания по изучению хронологии зарубежных европейских

стран.— Днепропетровск, 1980; Методические указания к изучению хронологии стран Азии и Африки.— Днепропетровск, 1983.

⁶³ Кравчук Б. Українські назви місяців // Укр. мова в шк.— 1955.— № 3.— С. 61—62; Кочерга М. З історії українських назв місяців // Мовознавство.— 1967.— № 1.— С. 50—66.

⁶⁴ Chronologia Polska / Pod red. B. Włodarskiego.— Warszawa, 1957.

⁶⁵ Holuncka-Baranowa T. Ukrainskie nazwy miesieci na tle ogolnoslavienkim.— Wrocław; Warszawa; Krakow, 1969.

⁶⁶ Полная дата — это год, месяц, число, день недели, если же один из этих компонентов отсутствует, или изменен ссылкой на религиозный праздник, тогда — не полная дата.

⁶⁷ Правила видання історичних документів в СРСР.— К., 1972.— С. 66.

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

⁶⁸ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология.— С. 5.

⁶⁹ Хроника революционного движения в Петербурге (1870—1904 гг.).— Л., 1940.— Т. 1; Журавлев Н. В., Паньков И. П. Хроника революционного движения в Тверской губернии (с 1904 по январь 1918 г.).— Калинин, 1941; Захаркина А. Е., Фирстов И. И. Мордовия в годы трех народных революций: (Хроника рев. событий. 1895—май 1918 гг.).— 1957.— Ч. 1; Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии. 1883—1918 гг.— Минск, 1962.— Ч. 1; Хроника истории Коммунистической партии Латвии.— Рига, 1985.— Т. 1—2; Владимирская областная организация КПСС, 1892—1984 годы: Хроника.— Ярославль, 1985; Хроника Мурманской организации КПСС, 1899—1985.— Мурманск, 1985; и др.

⁷⁰ Ляшенко К. Г., Шостак И. Ф. О методике составления хроник по истории революционного движения в России // Сов. арх.— 1969.— №. 3б.

⁷¹ Сидоренко В. П. Про складання наукової хроніки історії України радянського періоду // Іст. джерела та їх використання.— К., 1984.— Вип. 1.— С. 211.

⁷² Санцевич А. В. Значення і принципи складання хронік з історії. // Укр. іст. журн.— 1977.— № 5.— С. 80—88.

⁷³ Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника. 1870—1924.— М., 1970—1982.— Т. 1—12; Ленин и культурная революция: Хроника событий (1917—1923 гг.).— М., 1972; Ленинские документы о Казахстане: Хронол. перечень документов и фактов.— Алма-Ата, 1970; и др.

⁷⁴ Источниковедение истории сов. о-ва.— М., 1982.— Вып. 4.— С. 25.

⁷⁵ Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии.— Минск, 1962—1980.— Ч. 1—3; Летопись важнейших событий истории Коммунистической партии Молдавии.— Кишинев, 1976; Хроника истории Коммунистической партии Латвии.— Рига, 1984—1987.— Т. 1—4; Коммунистическая партия Казахстана: Летопись событий.— Алма-Ата, 1985.— Ч. 2; Найважливіші дати історії Комуністичної партії України: (Довідник про з'їзди, конференції і пленуми ЦК КП України).— К., 1958; Хроника Камчатской областной партийной организации (1917—1981 гг.).— Петропавловск-Камчатский, 1982; Хроника важнейших событий Саратовской областной организации ВЛКСМ, 1918—1983 гг.— Саратов, 1984; Владимирская областная организация КПСС, 1892—1984 гг.: Хроника.— Ярославль, 1985; и др.

⁷⁶ Всемирная история: Даты и события.— М., 1968; Летопись внешней политики СССР, 1917—1978:— М., 1978; Хроника международных событий, 1957—1967.— М., 1957—1968; Годы братской дружбы и сотрудничества СССР и ПНР: Летопись важнейших событий сов.-польск. отношений, 1944—1974 гг.— К., 1974; Летопись важнейших событий советско-венгерских отношений дружбы и сотрудничества.— К., 1981; Летопись важнейших событий советско-болгарских отношений дружбы и сотрудничества.— К., 1981; Летопись важнейших событий советско-чехословацкой дружбы и сотрудничества, 1944—1984.— К., 1986; Летопись важнейших событий советско-кубинской дружбы и сотрудничества, 1959—1986.— К., 1987.

⁷⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий.— М., 1957—1961.— Т. 1—4; Борьба за установление и упрочение Советской власти: Хроника событий, 26 окт.— 10 янв. 1918 г.— М., 1962; Большевики Петрограда в 1917 г.: Хроника событий. Март — окт. 1917 г.— Л., 1957; Хроника событий периода подготов-

ки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии (апр. 1917—февр. 1918 гг.).— Минск, 1957; Хроника важнейших событий Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане (25 окт.—7 нояб. 1917 г.—4 окт. 1920 г.).— Алма-Ата, 1960; Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Февр.—ноябр. 1917 г.— Ташкент, 1962; Ноябр. 1917 г.—июнь 1918 г.— Ташкент, 1975; Революция и гражданская война в Дагестане: Хроника важнейших событий (1917—1921 гг.).— Махач-Кала, 1962; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине: Хроника важнейш. ист.-парт. и рев. событий.— Киев, 1977—1982.— Ч. 1—2; Хроника революционных событий в Вологодской губернии (1917—1919 гг.).— Вологда, 1957; Хроника революционных подій в Одесі:Період боротьби за встановлення Рад. влади (лютий 1917 р.— січ. 1918 р.).— Одеса, 1958; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье, 1917—1918 гг.— Саратов, 1968; Хроника революционных событий в Крыму, 1917—1920 гг.— Симферополь, 1969; Летопись героических дней: Хроника важнейших ист.-парт. и рев. событий в Москве и Моск. губерни.— М., 1973; Першак Д. А. Хроника великих дней: Важнейш. события из истории борьбы за победу Великого Октября, установление и укрепление Сов. власти в Донбассе (февр. 1917 г.— янв. 1918 г.).— Донецк, 1977; и др.

⁷⁸ Покровский М. О возникновении Испарта // Пролет. рев.— 1930.— № 7/8.— С. 138.

⁷⁹ Максаков В. В., Нелидов Н. В. Хроника революции.— М., 1923.

⁸⁰ Революция 1917 г.: Хроника событий.— М., Л., 1923—1930.— Т. 1—6.

⁸¹ Ахун М., Петров В. 1917 год в Петрограде: Хроника событий и библиогр.— Л., 1933; Ахун М., Петров В. 1917 год в Москве: Хроника рев.— М., 1934; Цылкин С., Шурыгин Я., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке: Хроника событий (1917—1922 гг.).— Москва; Хабаровск, 1933; Тимофеев И. А. Хроника борьбы за власть Советов в Восточной Сибири. 1917—1920 гг.— Иркутск, 1937; Летопись Великой Октябрьской социалистической революции.— М., Л., 1942; и др.

⁸² К 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции были изданы хроники в Иваново-Вознесенске, Воронеже, Тамбове, Казани, Киеве, Минске, Самаре, Баку, Свердловске и других городах, подготовленные Испартом и его местными филиалами.

⁸³ Фарсобин В. В. Из опыта работы над источниками при составлении хроник исторических событий Великой Октябрьской социалистической революции: Малоисслед. источники по истории СССР XIX — XX вв.: (Источниковед. анализ).— М., 1964.

⁸⁴ Аникиев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 г.: (Хроника событий).— М., 1969; Аникиев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917—1918 гг.: (Хроника событий).— М., 1974; Аникиев В. В. Деятельность ЦК РКП(б) в 1918—1919 гг.: (Хроника событий).— М., 1976.

⁸⁵ СССР в Великой Отечественной войне, 1941—1945: Крат. хроника.— М., 1964; Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. 1941—1945: Крат. хроника.— М., 1981; Украинская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза: Хроника событий.— Киев, 1985; 73 героических дня: (Хроника обороны Одессы в 1941 г.).— Одесса, 1978; Буров А. В. Блокада день за днем, 22 июня 1941 г.—27 янв. 1944 г.— Л., 1979; и др.

⁸⁶ Ленин В. И. Некритическая критика // Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 632.

⁸⁷ Літопис комуністичного будівництва: Хроніка подій на Україні (1959—1961).— К., 1962; Літопис комуністичного будівництва: Хроніка подій на Україні (1961—1962).— К., 1964; Літопис комуністичного будівництва: Хроніка найважливіш. подій в УРСР (1971—1975).— К., 1977; Літопис комуністичного будівництва: Хроніка найважливіш. подій в УРСР (1976—1980).— К., 1981; Літопис комуністичного будівництва: Хроніка найважливіш. подій в Українській РСР (1963—1970).— К., 1986; Літопис комуністичного будівництва: Хроніка найважливіш. подій в УРСР (1981—1985).— К., 1987.

⁸⁸ Экономическая жизнь СССР: Хроника событий и фактов, 1917—1965: В 2 кн.— М., 1967; Культурная жизнь в СССР: Хроника, 1917—1977.— М., 1975—1981.— Т. 1—5; 50 лет советской исторической науки: Хроника научной жизни,

1917—1967.— М., 1971; *Хроника художественной жизни, 1973—1978.*— М., 1975—1980; *Летопись полувека: Хроника культурной жизни Узбекистана (1924—1974).*— Ташкент, 1975.

⁸⁹ *Укр. ист. журн.*—1972.— № 7.— С. 138.

⁹⁰ *Историческая хроника Магаданской области: События и факты, 1917—1972.*— Магадан, 1975; *Летопись города Вологды (1147—1962).*— Вологда, 1963; *Хроника революционных событий в Новониколаевске, 1917 г.*— Новосибирск, 1967; *Летопись города Бийска (1709—1970).*— Барнаул, 1971; *Летопись города Орла (1566—1977).*— Тула, 1980; *Хроника истории Ашхабада (1881—1975).*— Ашхабад, 1981; и др.

⁹¹ *Правда.*—1985.—23 марта.

⁹² *Укр. ист. журн.*—1977.— № 5.— С. 88.

ГЛАВА III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

¹ Яценский В. К. Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV—XVIII вв.— М., 1955.— С. 3.

² Там же.— С. 9—10.

³ Яценский В. К. Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист.— 1941.— № 5.— С. 3—29; *Историческая география как научная дисциплина // Вопр. географии.*— 1950.— Сб. 20.— С. 25—26; Роль исторической географии в разработке важнейших проблем отечественной истории // Вопр. истории.— 1964.— № 12.— С. 25—26.

⁴ Бескровный Л. Г., Гольденберг И. А. О предмете и методе исторической географии // История СССР.— 1971.— № 6.— С. 23—36.

⁵ Гуржій І. О., Молодчиков О. В. Стан і завдання історико-географічних досліджень на Україні // Укр. ист.-геогр. зб. 1971.— Вип. 1.— С. 13—33.

⁶ Дробышев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР.— М., 1973.

⁷ Татищев В. Н. История Российской с древнейших времен.— М., 1768—1848.— Кн. 1—5.

⁸ Болтун И. М. Примечания на историю древния и нынешния России господина Леклерка.— Спб., 1788.— Т. 1—2.

⁹ Погодин М. П. Розыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г.— Спб., 1848.

¹⁰ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: География нач. летописи.— Варшава, 1885.

¹¹ Середонин С. М. Историческая география.— Пг., 1916.

¹² Максимович М. А. Обзорение городовых полков и сотен, бывших на Украине со временем Богдана Хмельницкого // Собр. соч. Киев, 1876—1877.— Т. 1—2.

¹³ Скальковский А. А. Хронологический обзор истории Новороссийского края, 1730—1823.— Одесса, 1836—1838.— Ч. 1—2; *Первое традцатилетие истории города Одессы, 1795—1825.*— Одесса, 1837; *История Новой Сечи или последнего Коща Запорожского.*— Одесса, 1846.— Ч. 1—3; *Опыт статистического описания Новороссийского края.*— Одесса, 1850—1853.— Ч. 1—2.

¹⁴ Багалей Д. И. Что желательно для русской исторической географии // Тр. VII Археол. съезда.— М., 1980.— Т. 1.

¹⁵ Багалей Д. И. Топографическое описание Харьковского наместничества.— Харьков, 1882; *Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства.*— М., 1887.— Т. 1; *Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI—XVIII столетиях.*— Харьков, 1886—1890.— Т. 1—2; *Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры // Киев. старина.*— 1889. Апр.— июль; *Заселение Харьковского края и общий ход его культурного развития до открытия университета.*— Харьков, 1889.

¹⁶ Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления.— Киев, 1888—1893.— Т. 1—3; *Опыт указателя для изучения Малороссийского края в историческом и географическом отношении // Чернигов. губерн. ведомости.*— 1853.— № 45.

- ¹⁷ Яворницкий Д. И. Число и порядок запорожских сечей с топографическим очерком Запорожья.—К., 1884; *Топографический очерк Запорожья* // Киев, старина.—1884.—Май—июль; *Вольности запорожских казаков*: (Ист.-топогр. очерк).—Спб., 1890; и др.
- ¹⁸ Боплан Г. Описание Украины: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси.—К., 1896.—Вып. 2.; *Ляскоронский В. Г. Гийом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России*.—К., 1901.
- ¹⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII в.—Киев, 1886; *Владимирский-Буданов М. Ф. Передвижение южно-русского населения в эпоху Богдана Хмельницкого* // Киев. старина.—1888.—Июль; и др.
- ²⁰ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: История юж.-рус. степей IX-XIII вв.—К., 1884.
- ²¹ Рудницкий С. Про становище історичної географії в системі сучасного землезнання // Зап. іст.-фіол. відділу ВУАН.—1927.—Кн. 13/14.—С. 345—356.
- ²² Багалій Д. І. Заселення Південної України (Запоріжжя і Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку.—Харків, 1920.
- ²³ Яворницький Д. І. До історії Степової України.—Дніпропетровськ, 1929; *Дніпровські пороги*: Альбом фотографій з геогр.-іст. нарисом.—К., 1928.
- ²⁴ Воблий К. Г. Экономическая география Украины.—Киев, 1919.
- ²⁵ Бологодцев И. К. Особенности развития городов Украины.—Киев, 1930.
- ²⁶ Баранович О. Залюднення Волинського воєводства в першій половині XVII ст.—Киев, 1930.
- ²⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь.—М., 1953; *Тихомиров М. Н. Древнерусские города*.—М., 1939; *Рыбаков Б. А. Первые века русской истории*.—М., 1964; *Киевская Русь и Русские княжества XII—XIII вв.*—М., 1982; *Пашутко В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*.—М., 1956; *Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства; Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг.*—М., 1959; и др.
- ²⁸ Апанович Е. М. Исторические места событий Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.—Киев, 1954; *Компан О. С. Місто України в другій половині XVII ст.*—К., 1963; *Науленко В. І. Етнічний склад населення УРСР*.—К., 1965; *Котляр М. Ф. Галицька Русь у другій половині XIV — першій чверті XV ст.*—К., 1968; *Формування території и возникновение городов Галицко-Волынской Руси*, IX—XIII вв.—Киев, 1985.
- ²⁹ Іст. джерела та їх використання.—К., 1964—1972.—Вип. 1—7.
- ³⁰ Укр. іст.-геогр. зб.—1971.—Вип. 1; 1972.—Вип. 2.
- ³¹ Іст. дослідження: Вітчизн. історія.—1981.—Вип. 7; 1982.—Вип. 8. 1985.—Вип. 11.
- ³² Котляр Н. Ф. Історико-географічний аспект праць В. І. Леніна // Укр. іст.-геогр. зб.—1971.—Вип. 1.—С. 33—40; *Комаренко Н. В. Населені пункти України за працею В. І. Леніна «Розвиток капіталізму в Росії* // Там же.—Вип. 2.—С. 26—36.
- ³³ Гуржій І. О., Молодчиков О. В. Вказ. праця.—С. 3—33.
- ³⁴ Сарбей В. Г. Оригінальне історико-географічне видання // Укр. іст.-геогр. зб.—1971.—Вип. 1.—С. 40—49.
- ³⁵ Ересько В. І. Поширення творів К. Маркса і Ф. Энгельса і перші соціал-демократичні організації на Україні // Іст. дослідження. Вітчизн. історія.—1985.—Вип. 11.—С. 21—25.
- ³⁶ Кабузан В. П., Махнова Г. П. Матеріали для історичного атласу України XVII ст., що зберігаються в центральних державних архівах Москви та Ленінграда // Укр. іст. журн.—1967.—№ 3.—С. 132—142.
- ³⁷ Кордт В. Матеріали з Стокгольмського державного архіву до історії України II половини XVII — початку XVIII ст. // Укр. археогр. зб.—1930.—Т. 3.—С. 27—55; *Кордт В. Матеріали до історії картографії України*.—К., 1931.—Ч. 1.
- ³⁸ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр соч.—Т. 12.—С. 104.
- ³⁹ Ленин В. И. Статистика и социология // Там же.—Т. 30.—С. 350—351.
- ⁴⁰ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии.—М., 1962.—С. 13.

- ⁴¹ Археология Украинской ССР: В 3 т.—К., 1⁹—1987.—Т. 1—3.
- ⁴² Бекровский Л. Г., Гольденберг Л. А. Указ. соч.—С. 30—31.
- ⁴³ Ленин В. И. М. Н. Павловичу // Полн. собр. соч.—Т. 52.—С. 234—235.

ГЛАВА IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТОГРАФИЯ

- ¹ Географический сборник.—М., 1959.—13; *Картография*.—М., 1982.—Т. 10.—С. 10—11.
- ² Яцунский В. К. Историческая география как научная дисциплина // Вопр. геогр.—1950.—№ 21.—С. 16—17.
- ³ Алейнер А. З., Ларсонова А. Н., Чуркин В. Г. Герард Меркатор.—М., 1962.—С. 60, 62, 67.
- ⁴ Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемею.—Киев, 1899;
- Салищев К. А. Картография.—М., 1971.—С. 207—209.
- ⁵ Кусов В. С. Картографические труды Ортелия: (К 450-летию со дня рождения) // ИВГО.—1978.—№ 6.—С. 512—513.
- ⁶ Салищев К. А. Картоведение.—М., 1976.—С. 349.
- ⁷ Вавричин М. Г. Матеріали до історії картографії України в XVI ст. у фондах ЦНБ АН УРСР // Б-ка і наук.-технічний прогрес: Темат. зб. наук. праць.—К., 1975.—С. 101—109.
- ⁸ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI в.—М., 1974.—С. 111.
- ⁹ Максимович М. А. Собрание сочинений.—К., 1879.—Т. 1.—С. 748.
- ¹⁰ Медушевская О. М. Картографические источники XVII — XVIII вв.: Учеб. пособие.—М., 1957.
- ¹¹ Шибанов Ф. А. Некоторые соображения о русской картографии XVII в. // Изв. ВГО.—1952.—Т. 84.—Вып. 3.—С. 313—315.
- ¹² Кремпольский В. Ф. История развития картоиздания в России и в СССР.—М., 1959.—С. 9.
- ¹³ Павлова В. П. Територія України на вітчизняних картах 16—17 ст. // Вісн. Київ. ун-ту.—1961.—№ 4.—С. 86—90; Павлова В. П. Найбільш рання вітчизняна карта території України, що збереглась до наших днів // Там же.—1966.—№ 7.—С. 118—120; і др.
- ¹⁴ Дацкевич Я. Р. Середньовічні карти України в дослідженнях кінця XVIII — початку ХХ ст. // І ст. дослідження. Вітчизн. історія.—1985.—Вип.—11.—С. 85—90.
- ¹⁵ Крикун М. Г. Границі і повітовий поділ Брацлавського воєводства в XV — XVIII ст. // Там же.—1982.—Вип. 8.—С. 88—99.
- ¹⁶ Боряк Г. Г. Гійом де Боплан: «Це давнє місто розмістилося на плато»: Київ на картах XV — XVIII ст. // Київ.—1985.—№ 1.—С. 148—156.
- ¹⁷ Ляскоронский В. Г. Данные об атласах Боплана XVII в. // Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца.—1896.—Кн. 10.—С. 37—39; Ляскоронский В. Г. Гийом де Вассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России.—Киев, 1901.—Т. 1—2.—С. 46.
- ¹⁸ Кремпольский В. Ф. Указ. соч.—С. 10, 12.
- ¹⁹ Навлянская М. Г. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи.—М.; Л., 1958.—С. 21, 65, 76.
- ²⁰ Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в.—М.; Л., 1946.
- ²¹ Чуркин В. Г. Географические атласы.—М., 1961.—С. 31.
- ²² Постников А. В. Из истории русской картографии конца XVIII в. // Геодезия и картография.—1975.—№ 4.—С. 69—71.
- ²³ Эварницкий Д. И. Планы и части реки Днепра 1779 и 1780 гг.—Екатеринослав, 1905; Яворницкий Д. И. Карты Украины и Запорожья и планы р. Днепра // Тр. XIII археол. съезда в Екатеринославе, 1905.—М., 1908.—Т. 2.—С. 51—61.
- ²⁴ Дацкевич Я. Р. Середньовічні карти України в дослідженнях кінця XVIII — початку ХХ ст. // Іст. дослідження. Вітчизняна історія.—1985.—Вип. 11.—С. 85—90.
- ²⁵ Пономаренко Л. А. Планы м. Києва кінця XVIII — початку XIX ст. // Укр. іст.-геogr. зб.—1971.—Вип. 1.—С. 237—241; *Использование деревоэлюционных картографических материалов в современных исследованиях* // Пятая Всесоюз. конф. по темат. картогр.—Тбилиси, 1973.—С. 114—115; Пономаренко Л. А. Топографічні

- описи Києва кінця XVIII — початку XIX ст. // Іст. дослідження. Вітчизняна історія.— 1982.— Вип. 8.— С. 39—42; Пономаренко Л. А. Географические, топографические и другие официальные описания Киева второй половины XVIII — начала XIX в. // Київ в фондах Центральной научной библиотеки АН УССР.— К., 1984.— С. 62—83.
- ²⁶ Папковский П. П. Важнейшие труды первой половины XIX в.// Геодезия и картогр.— 1977.— № 7.— С. 65—69.
- ²⁷ Фель С. Е. Картография России XVIII в.— М., 1960.
- ²⁸ Критский Ю. М., Шапиро А. А. Атласы XVIII — начала XX в. по истории России // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1973.— Вып. 5.— С. 169—182.
- ²⁹ Отечеств. зап.— 1865.— № 2.— С. 279—201.
- ³⁰ Очерки истории исторической науки в СССР.— М., 1960.— Т. 2.— С. 650.
- ³¹ Критский Ю. М., Шапиро А. А. Указ. соч.— С. 170.
- ³² Педагог. музей.— 1878.— № 10.— С. 751.
- ³³ Кордт В. А. Материалы по истории русской картографии.— К., 1899—1906.— Сер. 1, вып. 1—2; Кордт В. А. Материалы до історії картографії України.— К., 1931.— Ч. 1.
- ³⁴ Преображенский А. И. Русские экономические карты и атласы.— М., 1953.— С. 25—32.
- ³⁵ Гольденберг Л. А. Развитие отечественной исторической картографии // Вопр. истории.— 1974.— № 7.— С. 38.
- ³⁶ Покровский М. П. Предисловие к «Русскому историческому атласу» К. В. Кудряшова.— Л., 1928.— С. 3.
- ³⁷ Егоров К. Д. Ленин — основоположник советской картографии // Сб. науч.-техн. и производств. ст. по геодезии, картогр., топогр., аэросъемки и гравиметрии.— М., 1943.— Вып. 2.— С. 4—11; Сухов В. И. О претворении в жизнь ленинских идей сознания карт и атласов нового типа // Вопр. картогр.— Новосибирск, 1961.— С. 3—25; Гак А. М. Участие В. И. Ленина в подготовке географического атласа (1920 г.) // История СССР.— 1961.— № 2.— С. 82—100; Чуркин В. Г. Ленин и советская картография // Изв. ВГО.— 1960.— № 3.— С. 205—214; Харченко А. С. В. И. Ленин і радянська картографія // Геогр. зб.— 1959.— Вип. 1.— С. 13; Костриц И. Б. В. И. Ленин и развитие советской картографии // Картография, 1917—1969.— М., 1970.— Вып. 4. С. 7; Сукеник И. Я. Некоторые вопросы создания и использования карт и атласов в работах В. И. Ленина // Пробл. ист.-геогр. России.— 1983.— Вып. 3.— С. 5—11.
- ³⁸ Кудряшов К. Историческая карта // Ист. журн.— 1937.— № 2.— С. 116.
- ³⁹ Егоров Н. И., Кремпольский В. Ф. Развитие картографии в первые годы Советской власти (1917—1930) // Геодез. и картогр.— 1967.— № 11.— С. 37.
- ⁴⁰ Никишов М. И., Леонтьев Н. Ф. Развитие тематического и комплексного картографирования в СССР за 60 лет // Изв. АН СССР. Сер. геогр.— 1977.— № 5.— С. 75—85.
- ⁴¹ Гольденберг Л. А. Развитие отечественной исторической картографии // Вопр. истории.— 1974.— № 7.— С. 39.
- ⁴² Гасс И. П., Шаскольский И. П. Советские исторические атласы.— Вспомогат. истор. дисциплины.— 1969.— Вып. 2.— С. 117.
- ⁴³ Демин Л. А. О III военно-историческом томе Морского атласа // Материалы отделения математики, географии и картографии.— Л., 1962.— Л., С. 16—29.
- ⁴⁴ Гольденберг Л. А. Развитие отечественной исторической картографии // Вопр. истории.— 1974.— № 7.— С. 43.
- ⁴⁵ В 1967 г. опубликовано 2-е издание — на русском и английском языках, что является крупным вкладом в науку.
- ⁴⁶ Мартова К. Б. Атлас по истории географических открытий и исследований // Сборник статей по картогр.— М., 1961.— Вып. 3.— С. 150; Караваева З. В. О картах великих географических открытий и исследований // Вопр. геогр.— 1950.— С. 22.— С. 122—134.
- ⁴⁷ Минухина Р. С. Значение картографических документов для изучения новой и новейшей истории // Исследования по новой и новейшей истории.— М., 1972.— С. 173.

- ⁴⁸ Сукачук И. Я. Историко-биографический атлас о жизни и деятельности В. И. Ленина // Геодез. и картогр.—1970.— № 4.— С. 67—72.
- ⁴⁹ Сарбей В. Г. Оригінальне історико-географічне видання // Укр. іст.-геogr. —1971.— Вип. 1.— С. 33—40.
- ⁵⁰ Жуков В. Т., Хрущев А. Т., Шкирина А. И. Атласы пятилеток // Геод. и картогр.—1984.— № 5.— С. 34—38.
- ⁵¹ Сукачук И. Я. Атлас «История КПСС» // Там же.—1976.— № 12.— С. 48—53.
- ⁵² Баранский Н. Н., Преображенский А. И. Экономическая картография.— М., 1962.
- ⁵³ Гулюк Г. И. Атлас Ленинграда // Геод. и картогр.—1979.— № 8.— С. 55—56.
- ⁵⁴ Маркова Е. Е., Молодчиков А. В. Київ: Іст. огляд (карти, ілюстрації, док.) // Укр. ст. журн.—1982, № 8.— С. 76—81.
- ⁵⁵ Крітський Ю. М. Русская историческая картография (XVIII — нач. XX в.) // Вспомогат. ист. дисциплины.—1978.— № 10.— С. 104—127.
- ⁵⁶ Водарский Я. Е. Карты первой половины XVIII в. как источник для реконструкции уездных границ XVII в. (на примере Чаронды) // Сев. археогр. сб.— Вологда, 1978.— Вып. 6.— С. 80—82; Использование старых карт в географических и исторических исследованиях: Сб. ст.— М., 1980.— С. 161; и др.
- ⁵⁷ Гольденберг Л. А. Использование старых карт // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях.— М., 1980.— С. 9—15.
- ⁵⁸ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI в.— М., 1974; Медушевская О. М. Картографические источники XVII — XVIII вв.— М., 1957.— С. 13—15; Бескровный Л. Г., Гольденберг Л. А. О предмете и методе исторической географии // История СССР.—1971.— № 6.— С. 23—36.
- ⁵⁹ Постников А. В. Исторические карты и их классификация // Геодез. и картогр.—1969.— № 8.— С. 66—70; Маркова Е. Е. Картографічні принципи розробки «Атласу історії Української РСР» // Іст. дослідження. Вітчизн. історія.—1981.— Вип. 7.— С. 7—10; Постников А. В. Методы изучения и использования старых географических карт // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции.— М., 1982.— С. 49—69.
- ⁶⁰ Поспелов Е. М. Картографическая топонимика в исторической картографии // Вопр. геогр.—1979.— Сб. 110.— С. 143—149; Поспелов Е. М. Относительная достоверность названий на старинных картах // Развитие методов топонимических исследований.— М., 1970.— С. 91—90; Аристов Ю. В. О названиях на исторических картах // Вопр. истории.—1961.— № 6.— С. 211; Голубева З. Д. О транскрипции географических названий на исторических картах // Изв. ВГО.—1958.— Вып. 5.— С. 474—478.
- ⁶¹ Яценский В. К. Историческая география как научная дисциплина // Вопр. геогр.—1950.— Сб. № 20.— С. 13—42.
- ⁶² Яценский В. К. Исторический атлас СССР // История СССР.—1967.— № 1.— С. 219—228; Бескровный Л. Г., Водарский Я. Е. Важнейшая задача — создание академического атласа истории СССР // Там же.—1972.— № 2.— С. 199—202; Постников А. В. Разработка нового советского атласа всемирной истории // Изв. высш. учебн. заведений: Геодезия и аэрофотосъёмка.—1971.— № 4.— С. 93—98; Водарський Я. Є., Іваньков П. О., Кабузан В. М. Демографічні процеси в дореволюційній Росії та їх відображення в атласі історії СРСР.—Укр. іст. журн.—1984.— № 3.— С. 65—75; Кабузан В. М., Постников А. В. Из истории отечественной картографии XIX в. // Геод. и картограф.—1976.— № 1.— С. 67—70. Постников А. В. О точности показа элементов содержания на картах по истории древнего мира и средних веков // Геодезия и картография.—1970.— № 7.
- ⁶³ Яценський В. К. Про створення історичного атласа України // Укр. іст. журн.—1965.— № 7.— С. 30—34.
- ⁶⁴ Укр. іст. журн.—1965.— № 8, 10, 11; 1966.— № 2, 4.
- ⁶⁵ Гуржій І. О., Молодчиков О. В. Стан і завдання історико-географічних досліджень на Україні // Іст.-геогр. зб.—1971.— № 2.— С. 21—32; Молодчиков О. В. Основні завдання і зміст атласу «Історія українського народу і Української РСР» // Там же.—1972.— № 2.— С. 3—19; Маркова О. Є., Молодчиков О. В. До створення атласа історії Української РСР // Укр. іст. журн.—1979.— № 4.— С. 76—80; Маркова О. Є. Картографічні принципи розробки «Атласу історії Української РСР» // Іст.

дослідження. Вітчизняна історія.—1981.— Вип. 7.— С. 3—12; Корольова М. О. Про методичні основи розробки комплексного наукового атласу // Укр. іст. журн.—1979.— № 4.— С. 19—26.

⁶⁶ Укр. іст. журн. 1981.— № 12.— С. 22—26.

⁶⁷ Укр. іст.-геогр. зб.—1971.— Вип. 1.— С. 3—19; 1972.— Вип. 2.— С. 12—26. *Ist. дослідження. Вітчизняна історія.*—К., 1981.— Вип. 7.— С. 3—12; 21—25; 1982.— Вип. 8.— С. 5, 8, 34, 88; 1985.— Вип. 11.— С. 29, 75, 85.

ГЛАВА V. ТОПОНИМИКА

¹ Суперанская А. В. Что такое топонимика.— М., 1985.— С. 7.

² Стрижак О. С. Про що розповідають теографічні назви.— К., 1967.— С. 3.

³ Šmilauer V. Úvod do toponomastiky: nauky o vlastních vlastních zeměpisných.— Praha, 1963.

⁴ Энгельс Ф. Франкский диалект // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 518—546.

⁵ Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Нумизматика и эпиграфика.—1962.— Т. 3.— С. 32—44; Соломоник Д. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— Киев, 1964; Петров В. П. До методики дослідження власних імен в епіграфічних пам'ятках Північного Причорномор'я // Питання топоніміки та ономастики.— К., 1962.— С. 17—28.

⁶ Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе.— Спб., 1863—1896.— Т 4.

⁷ Барсов Н. П. Материалы для историко-географического словаря древней Руси.— Вильна, 1965.

⁸ Купчинский О. А. Некоторые вопросы изучения исторической географии по материалам архивов Украины // Тр. науч. конф. по вопр. арх. дела в СССР — М., 1965.— Т. 2.— С. 27—29.

⁹ Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі.— К., 1985.

¹⁰ Купчинский О. А. Некоторые вопросы изучения исторической географии по материалам архивов Украины // Тр. науч. конф. по вопр. арх. дела в СССР — М., 1965.— Т. 2.— С. 27—29.

¹¹ Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / Под ред. С. В. Бахрушина.— М., 1909.

¹² Розов М. Українські грамоти.— К., 1928.— Т. 1.

¹³ Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.— К., 1978.— Т. I—2.

¹⁴ Архів ЮЗР.— Київ, 1869.— Ч. 5, Т. 1; 1886.— Ч. 7. Т. 1; 1890.— Т. 2; —1905.— Т. 3; 1907.— Т. 4.

¹⁵ Генеральний опис Лівобережної України, 1765—1769 рр.: Покажчик насел. пунктів / Ред. І. Л. Бутич.— К., 1959.

¹⁶ Йосифінська (1785—1788) та Францисканська (1819—1820), метрики: Перші позем. кадастри Галичини: Покажчик населен. пунктів.— К., 1965.

¹⁷ Сендік З. О. Топонімічні матеріал у фондах Ровенського обласного державного архіву // Іст. джерела та їх використання.— 1969.— Вип. 4.— С. 237—244 и др.

¹⁸ Смоляцка Г. Н. Карты Генерального межевания России как источник топонимических исследований.— М., 1970.— С. 99—104.

¹⁹ Бутич І. Л. Географічні описи Київського намісництва // Іст. джерела та їх використання.—1966.— Вип. 2.— С. 163—180; Қабузан В. М. Некоторые материалы для изучения исторической географии России XVIII — нач. XIX вв. // Пробл. источниковедения.—1963.— Вып. 11.— С. 153—165.

²⁰ Книга Большому чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной — Л., 1950.

²¹ Максимович Л. М., Щекатов А. М. Новый и полный словарь Российского государства.— М., 1788—1789.— Т. 1—6; Щекатов А. М. Географический словарь Русского государства, сочиненный в настоящем оного виде.— М., 1801—1808.— Т. 1—6; Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. П. Семенов.—1863—1865.— Т. 1—5.

²² Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich.— Warszawa, 1880—1902.— Т. 1—15.

- ²³ Купчинський О. А. До питання складання словника географічних назв України // Іст. джерела та їх використання.—1971.— Вип. 6.— С. 100—123.
- ²⁴ Дашкевич Я. Р. Східна Галичина в історико-географічних словниках кінця XVIII—70-х рр. XIX ст. // Наук.-інформ. бюл. АН УРСР.—1963.— № 2.— С. 13—14.
- ²⁵ Постелов Е. И. Из истории отечественной топонимики // Изв. АН СССР Сер. геогр.—1977.— Вып. 3.— С. 96.
- ²⁶ Купчинський О. А. До питання складання словника географічних назв України // Іст. джерела та їх використання.—1971.— Вип. 6.— С. 100—102.
- ²⁷ Максимович М. Образование старого Киева // Киевлянин.—1940.— Т. 1.— С. 5—58; Максимович М. Топографические заметки киевлянина // Там же.—1941.— Т. 2.— С. 39—45; и др.
- ²⁸ Купчинський О. А. Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень: Геогр. назви на -ичі.— К., 1981.— С. 25.
- ²⁹ Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира // Б-ка для чтения.— Спб., 1837.— Т. 22, ч. 3.— С. 27—79.
- ³⁰ Похилевич Л. Сказание о населенных местностях Киевской губернии.— К., 1864; Лазаревский А. Н. Описание старой Малороссии: Материалы по истории заселения землевладения и управления.— К., 1880—1902.— Т. 1—3; Сєцинський Е. И. Приходы и церкви Подольской епархии // Тр. Подол. епарх. ист.-стат. ком.—1907.— Т. 9; и др.
- ³¹ Бучко Д. Г. М. М. Кордуба — збирач і дослідник української топоніміки // Повідомл. Укр. ономаст. коміс.—1967.— Вип. 3.— С. 37; Кордуба М. М. Земля свідком минулого: Геогр. назви як іст. джерело.— Львів, 1924; Кордуба М. М. Що намкажуть назви осель.— Львів, 1938.— С. 28—33.
- ³² Бучко Д. Г. Исследование украинской топономики в трудах М. М. Кордубы // Докл. и сообщ. Львов. отд. геогр. о-ва УССР за 1966 г.— Львов.—1969.— С. 134.
- ³³ Постелов Е. М. Из истории отечественной топонимики // Изв. АН СССР. Сер. геогр.—1977.— Вып. 2.— С. 102.
- ³⁴ Компан О. С. Ономастика як допоміжна дисципліна // Іст. джерела та їх використання.—1966.— Вип. 2.— С. 54—55.
- ³⁵ Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Изв. отд-ния рус. яз. Акад. наук.— М., 1924.— Т. 27.
- ³⁶ Муравьев Э. М. География в названиях.— М., 1982.— С. 14.
- ³⁷ Ономастика: Указ. літ. за 1971—1975 с прил. за 1918—1962 гг. // Сост. В. А. Малинская, М. Ц. Шабат.— М., 1978; Ономастика: Указ. літ., изд. в СССР за 1976—1980 гг.— М., 1984.
- ³⁸ Булаховський А. А. Наши завдання // Діалектол. бюл.—1949. 1.— С. 4.
- ³⁹ Цілуйко К. К. Топоніміка Полтавщини як джерело історії краю.— К., 1954.
- ⁴⁰ Цілуйко К. К. Коротка програма збирання матеріалів до вивчення топоніміки України.— К., 1954.
- ⁴¹ Карпенко Ю. А. Програма з спеціального курсу «Українська топоніміка».— Чернівці, 1959.
- ⁴² Карпенко Ю. А. Становление восточнославянской топонимики: (Закономерности словообразования) // Вопр. геогр.—1966.— Сб. 70.— С. 218.
- ⁴³ Карпенко Ю. О. Топонімія Буковини.— К., 1973.— С. 214—215.
- ⁴⁴ Топонімія північно-східної Одещини: Конспект лекцій.— Одеса, 1975.
- ⁴⁵ Лобода В. В. Топонімія Дніпро-Бузького межиріччя.— К., 1976.
- ⁴⁶ Стрижак О. С. Про походження назв населених пунктів Полтавщини XI—XVI ст. // Питання топоніміки та ономастики.— К., 1962.— С. 80—94; Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини.— К., 1963; Стрижак О. С. Назви розповідають.— К., 1967; Стрижак О. С. Про що розповідають географічні назви: Сліди народів на карті УРСР.— К., 1967.
- ⁴⁷ Словник гідронімів України.— К., 1979.
- ⁴⁸ Веселовский С. Б. Топонимика на службе истории // Ист. зап. 1945.— Т. 17.— С. 23—52.
- ⁴⁹ Попов А. И. Топонимика как историческая наука // Мовознавство.— 1957.— Т. 14.— С. 3—9; Попов А. И. Об историческом методе топонимических исследований // Развитие методов топонимических исследований.— М., 1970.— С. 25—38;

- Попов А. И.** Географические названия: Введение в топонимику.— М.; Л., 1965.
- ⁵⁰ **Никонов В. А.** Топонимика в историко-географической этнографии // VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук.— М., 1970.— Т. 5.— С. 698—705.
- ⁵¹ **Попов А. И.** Об историческом методе в топонимических исследованиях // Развитие методов топонимических исследований.— М., 1970.— С. 38.
- ⁵² **Ташицкий В.** Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопр. языкоznания.— 1961.— № 2.— С. 7.
- ⁵³ **Топонимика сегодня** // Вопр. географии.— 1962.— Сб. 58.— С. 5.
- ⁵⁴ **Жучкевич В. А.** Общая топонимика.— Минск, 1968.— С. 75.
- ⁵⁵ **Дяченко В. Д.** Відбиття історії, етнографії та природи України в назвах населених пунктів // Друга респ. ономаст. нарада: Тези.— К., 1962.— С. 13—14.
- ⁵⁶ **Купчинський О. А.** Топоніми на -ичі питання заселення України // Іст. джерела та їх використання.— 1966.— Вип. 2.— С. 75.
- ⁵⁷ **Купчинський О. А.** Українські географіческие названия на -ичі, XIV — XX вв.: (Історія виникнення, семантико-структур. аналіз, статистика і географія): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Одеса, 1974.— С. 29; **Купчинський О. А.** Найдавніші слов'янські топонімії України як джерело історико-географічних досліджень: Географ. назви на -ичі.— К., 1981.
- ⁵⁸ **Никонов В. А.** Топоними на -івці, -инці на Украине // Вопр. географии.— 1966.— Сб. 70.— С. 19—26; **Бучко Д. Г.** Географічні назви на -івці на Поділлі: До питання про колонізацію Поділля // Іст. джерела, та їх використання.— 1966.— Вип. 2.— С. 93—98.
- ⁵⁹ **Бучко Д. Г.** Географічні назви на -івці на Поділлі // Там же.— С. 98.
- ⁶⁰ **Skrzypek S.** Studie nad najdawniejsza granicą polskoruską w regionie gradów czerwieskich i Wołynia.— Warszawa, 1962.— S. 159.
- ⁶¹ **Ісаєвич Я. Д.** До питання про західний кордон Київської Русі // Іст. джерела та їх використання.— 1971.— Вип. 6.— С. 99—122; **Ісаєвич Я. Д.** О происхождении названий Червен, Червенские города, Червонная Русь // Докл. и сообщ. Львов. отд-ния геогр. о-ва УССР за 1966 г.— 1969.— С. 135—139 и др.
- ⁶² **Крип'якевич І. П.** Галицько-Волинське князівство.— К., 1984.— С. 12.
- ⁶³ **Компан О. С.** Ономастика як допоміжна історична дисципліна // Іст. джерела та їх використання.— 1966.— Вип. 2.— С. 56; **Компан О. С.** Міста України в другій половині XVII ст.— К., 1963.— С. 182—192.
- ⁶⁴ **Федоренко П. К.** Рудни Левобережной Украины, XVII — XVIII вв.— М., 1960.— С. 5.
- ⁶⁵ **Гронський Й. С.** Топонімія середньовічного Яворова та суміжних сіл як джерело для історичної географії // Іст. джерела та їх використання.— К., 1966.— Вип. 2.— С. 99—109; **Купчинський О. А.** Микротопонимия как источник исторической географии // Изучение географических названий.— М., 1966.— С. 126.
- ⁶⁶ **Круделяк Ю. М.** Ім'я вашого міста.— К., 1978.— С. 75.
- ⁶⁷ **Насонов А. Н.** Русская земля и образование территории древнерусского государства: Ист.-геогр. исслед.— М., 1951.— С. 222.
- ⁶⁸ **Нерознак В. П.** Топонимы древнерусских городов.— М., 1983.
- ⁶⁹ **Історія міст і сіл Української РСР:** В 26 т.— К., 1967—1974.
- ⁷⁰ **Пономаренко М. Ф.** Ономастичні відомості в «Історії міст і сіл Української РСР» // Укр. іст. журн.— 1968.— № 12.— С. 94—102; **Чепіга І. П.** Топонімічні відомості в «Історії міст і сіл Української РСР» // Там же.— 1967.— № 1.— С. 104—108.
- ⁷¹ **Развитие методов топонимических исследований:** Сб. ст.— М., 1970; **Серебренников Б. А.** О методах изучения топонимических названий // Вопр. языкоznания.— 1959.— № 6.— С. 36—80.
- ⁷² **Поспелов Е. М.** Топонимика и картография // Вопр. географии.— 1962.— Сб. 58.— С. 14.
- ⁷³ **Іваньков П. О.** Картографічна топоніміка у розробці атласу // Іст. дослідження. Вітчизняна історія.— 1981.— Вип. 7.— С. 17—21.

ГЛАВА VI. ПАЛЕОГРАФИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

¹ Определение предложено Л. В. Черепниным (Проблемы палеографии и кодикология в СССР.— М., 1974.— С. 25.)

- ² Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв.: Лекции, чит. в имп. Санкт-Петербург. ун-те в 1865—1880 гг.— Спб., 1885.— С. 1.
- ³ Соболевский А. И. Славяно-русская палеография: С 20 палеограф. табл.— 2-е изд.— Спб., 1908.— С. 19.
- ⁴ Щепкин В. Н. Русская палеография.— М., 1967.— С. 12.
- ⁵ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография.— М., 1979.— С. 1.
- ⁶ Каманин И. М. Палеографический изборник: Материалы по истории южнорусской письма в XV—XVIII вв.— Киев, 1899.
- ⁷ Метрический метод в палеографии и результаты его приложения к изучению южнорусского устава и полуустава XVI—XVII вв. // Изв. XIII археол. съезда.— Харьков, 1905.— № 6.— С. 44—46.
- ⁸ Кукушкина М. В. Советская палеография // Всемогат. ист. дисциплины.— Л., 1968.— Вып. 1.— С. 73—94; Черепнин Л. В. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.— М., 1974.— С. 14—23.
- ⁹ Приселков М. Д. Курс общей палеографии.— Л., 1938; Чаев Н. С., Черепнин Л. В. Русская палеография.— М., 1947; Черепнин Л. В. Русская палеография.— М., 1956; Николаева А. Т. Русская палеография.— М., 1956; то же.— 2-е изд.— 1980.
- ¹⁰ Приселков М. Д. Указ. соч.— С. 5.
- ¹¹ Черепнин Л. В. Русская палеография.— С. 6.
- ¹² Там же.— С. 3
- ¹³ Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). — М., 1963.
- ¹⁴ Кукушкина М. В. Советская палеография.— С. 79.
- ¹⁵ Введенський А., Дядиченко В., Стрельський В. Допоміжні історичні дисципліни.— К., 1963.— С. 68—103.
- ¹⁶ Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги.— М., 1925; Колесников И. Ф. Лекции по палеографии, чит. сотр. ГАФИЭ и ГАУ в 1938—1939 гг.— М., 1939.— Ч. 1—2; Селищев А. И. Образцы древнерусского письма XI—XVIII вв.— М., 1939; Гадзяцкий С. С. Учебное пособие для практических занятий по палеографии.— М., 1940; Степанов Н. В. Учебный палеографический альбом: Снимки с рус. рукописей XI—XVIII вв.— М., 1940; Николаева А. А. Русская палеография: (Конспект курса).— М., 1956; Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография: (Учеб. пособие).— М., 1966; То же.— 2-е изд., доп.— М., 1982; Муравьев А. В. Палеография: Учеб.-метод. пособие.— М., 1960; То же.— 2-е изд.— 1967; Кісі Я. П. Палеографія: Навч. посібник.— Львів, 1975.
- ¹⁷ Костюхина Л. М. Записи XIII—XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // Археogr. ежегодник за 1960 год.— М., 1962.— С. 273—290; Костюхина Л. М. Заметки по палеографии русских полууставных рукописей XVII века Кирилло-Белозерского собрания. // Там же, за 1962 год.— М., 1963.— С. 215—220; Костюхина Л. М. Палеография рукописных книг России XVII века: (Полуустав. почерки Моск. и рус. Севера): Автoref. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1965.
- ¹⁸ Колесников И. Ф. Палеография документальной (архивной) письменности // Арх. дело.— 1939.— № 4(57).— С. 15—35.
- ¹⁹ Там же.— С. 19.
- ²⁰ Колесников И. Ф. Столбцы. (К методике работ по систематизации и описанию) // Арх. дело.— 1939.— № 2(50).— С. 28—58.
- ²¹ Чаев Н. С., Черепнин Л. В. Указ. соч.— С. 7.
- ²² Черепнин Л. В. Русская палеография.— М., 1956.— С. 360—386.
- ²³ Шицгал А. Русский гражданский шрифт, 1700—1958.— М., 1959.
- ²⁴ Там же.— С. 76.
- ²⁵ Сморгунова Е. М. Графика смоленской скорописи XVII в.: Автoref. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1967; Судаков Г. В. Из наблюдений над палеографией скорописи второй половины XVII в.: (На материалах Гос. арх. Вологод. обл) // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.— М., 1974.— С. 141—151.
- ²⁶ Королева Н. Г., Панфилов А. К. Из истории графики XVIII в. // Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та.— М., 1957.— Т. 10.— С. 408—411.

- ²⁷ Панащенко В. В. Палеографія українського скоропису другої половини XVII ст.: (На матеріалах Лівобережної України).— К., 1974.
- ²⁸ Іваницька І. Н. Палеография архивных документов местных административных учреждений Слободской Украины XVIII века // Друга респ. наук. конф. з архівознавства та інших спец. іст. дисциплін. Друга секція.— К., 1965.— С. 231—238; Іваницька І. М. Розвиток письма на Слобожанщині в кінці XVII — на початку XVIII ст. // Третя респ. наук. конф. з архівознавства та ін. спец. іст. дисциплін.— К., 1968.— С. 181—186.
- ²⁹ Захарчишина П. І. Палеографічні особливості львівського письма XVI — XVII ст. // Іст. джерела та їх використання.— К., 1964.— Вип. 1.— С. 189—194.
- ³⁰ Хомутецька З. С. Палеографічні особливості актових книг кременецьких судів XVI ст. // Там же.— С. 195—202.
- ³¹ Розов Н. Н. Скорописание или скоропись? // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1969.— С. 134—143.
- ³² Там же.— С. 143.
- ³³ Берков П. Н. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо // Тр. Ленинград. отд.-ния. Ин-та истории СССР АН СССР.— 1964. Вып. 7.— С. 36—50.
- ³⁴ Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.— С. 22.
- ³⁵ Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени.— М., 1970; Рейсер С. А. Русская палеография нового времени. Неография.— М., 1982.
- ³⁶ В данной монографии материалы по древнерусской миниатюре будут анализироваться в главе «Иконография».
- ³⁷ Ухова Т. Б. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина.— 1960.— Вып. 22.— С. 5—56, 74—193, 217—311.
- ³⁸ Немировский Е. Л. Библиографическое описание художественного убранства древнерусской рукописной книги // Вопр. архивоведения.— 1962.— № 3.— С. 124—127.
- ³⁹ Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси, XI — XVII вв.— М., 1964.
- ⁴⁰ Запаско Я. П. Орнаментальне оформлення української рукописної книги.— К., 1960.
- ⁴¹ Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси: Исслед. и заметки.— М., 1984.— С. 34—58.
- ⁴² Там же.— С. 35.
- ⁴³ Сотникова М. П. Русская эпиграфика в советское время // Вспомогат. ист. дисциплины.— Л., 1970.— 3.— С. 82—107.
- ⁴⁴ Шляпкин И. А. Русская палеография.— Спб., 1913; Шляпкин И. А. Современные задачи изучения вещевой и книжной письменности // Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода.— Новгород, 1910; Памятники русской вещевой палеографии (Сост. М. И. Михайлов) — Спб., 1913 [Краткое учебное пособие, составленное по лекциям И. А. Шляпкина].
- ⁴⁵ Орлов А. С. Библиография русских надписей XI — XV вв.— М., Л., 1936; /То же.— 2-е изд. с доп. М. П. Сотниковой.— М.; Л., 1952.
- ⁴⁶ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI — XIV веков.— М.; Л., 1964.— (Свод археол. источников СССР, издаваемый Ин-том археологии АН СССР.— Вып. Е1-44).
- ⁴⁷ Порфириев Н. Г. Древний Новгород.— М.; Л., 1947 (Свод северо-запад. эпиграф. материалов); Порфириев Н. Г. Тайнопись в эпиграфике памятников древнерусского искусства // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1978.— 9.— С. 72—80; Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева.— Киев, 1950.— Прим. 2: (О корпункте новгород. и псков. надписей XI — XVII вв.)— С. 226.
- ⁴⁸ Закревский Н. Описание Киева.— М., 1868.— Т. 1; Прахов А. В. Киевские памятники византийско-русского искусства // Древности: Тр. МАО; М., 1887.— Т. 11, Вып. 3.— С. 1—31. Эртель А. Д. Древние пещеры на Зверинце в Киеве.— К., 1913; Каманин И. Зверинецкие пещеры в Киеве.— К., 1914; Брандебург Н. Е. Старая Ладога.— Спб., 1896; Щепкин В. Н. Новгородские надписи — graffiti // Древности: Тр. МАО.— 1902.— Т. 19, Вып. 3.— С. 26—45.

- ⁴⁹ Сотникова М. П. Указ. соч.— С. 93.
- ⁵⁰ Рыбаков Б. О. Іменні списки XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія.— 1947.— Т. 1.— С. 53—56.
- ⁵¹ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской, XI — XIV вв.— Киев, 1966.— Вып. 1; Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской: (По материалам граффити XI — XVII вв.).— К., 1976.
- ⁵² Высоцкий С. А. Граффити Золотых ворот в Киеве // Сов. археология.— 1967.— № 1.— С. 274—281; Воронин Н. Н. Граффито 2 февраля 1238 г. (во Владимире) // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 401—405; Воронин Н. Н. Смоленские граффити // Сов. археология.— 1964.— № 2.— С. 171—178; Рыбаков Б. А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах-игуменах» // Там же.— С. 179—187.
- ⁵³ Медиццева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI — XIV века.— М., 1978.
- ⁵⁴ Сотникова М. П. Указ. соч.— С. 107.
- ⁵⁵ Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.— М., 1974.— С. 5.
- ⁵⁶ Черепнин Л. В. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.— С. 29.
- ⁵⁷ Лебедева И. Н. Кодикология — наука о рукописных книгах // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1972.— Вып. 4.— С. 67.
- ⁵⁸ Розов Н. Н. Русская рукописная книга: Этюды и характеристики.— Л., 1971; Розов Н. Н. Книга Древней Руси, XI — XIV вв.— М., 1977; Розов Н. Н. Книга в России в XV веке.— Л., 1981; Розов Н. Н. Зачем, кому и какая рукописная книга нужна была в России XVI — XIX столетий // Вопр. истории.— 1970.— № 6.— С. 210—217; Розов Н. Н. Об исследовании географического распространения рукописной книги // Пути изучения древнерусской литературы и письменности.— Л., 1970.— С. 160—170.
- ⁵⁹ Апанович Е. М. Рукописная светская книга XVIII в. на Украине: Ист. сб.— К., 1983.
- ⁶⁰ Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени.— М., 1970.— С. 98—334.
- ⁶¹ Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X — XVII вв.— 2-е изд.— Л., 1983; Лихачев Д. С. Текстология: Крат. очерк.— М., Л., 1964; Основы текстологии. Под ред. В. С. Нечаевой.— М., 1962; и др.
- ⁶² Рейсер С. А. Указ. соч., с. 86.
- ⁶³ Предварительный список славяно-русских рукописей XI — XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно») // Археогр. ежегодник за 1965 г.— М., 1966.
- ⁶⁴ Німчук В. В. Київські глаголичні листки: Найдавніша пам'ятка слов'ян. писемності.— К., 1983.
- ⁶⁵ Лихачев Д. С. Текстология: Крат. очерк.— С. 82.
- ⁶⁶ Лаптев И. П. Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое написаны старинные рукописи.— Спб., 1824. (В те годы палеография была составной частью дипломатики).
- ⁶⁷ Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: Ист.-археогр. очерк, с приложением 116 табл. и изображением бумажн. водяных знаков.— Спб., 1891; Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков.— Спб., 1899.— Ч. 1—3.
- ⁶⁸ Клепиков С. А. Филиграны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII — XX веков.— М., 1959 (С приложением изображений 1427 филиграней и 292 штемпелей); Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Зап. отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина.— 1958.— Вып. 20.— С. 315—352; 1963.— Вып. 26.— С. 479—485; Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Голова шута foolscap» // Там же.— 1963.— Вып. 26.— С. 405—478; Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного производства // Сборник статей и материалов Б-ки АН СССР по книгоизданию: (К 400-летию рус. книгопечатания).— М., 1965.— С. 83—192.
- ⁶⁹ Гераклитов А. А. Филиграны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения.— М., 1963.

⁷⁰ Участкина З. В. Из истории русских бумажных мануфактур и их водяных знаков /Под ред. Дж. С. Г. Симмона.— Хильверсум, 1962. На англ. яз.; Участкина З. В. Водяные знаки русской бумаги // Тр. Ин-та истории естествознания и техники.— М., 1956.— Т. 12.— С. 312—337; Участкина З. В. Сибирская бумага и ее водяные знаки // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР.— № 9. Серия общ. наук.— Вып. 3.— 1965.— С. 89—96; Маслов С. И. Из истории русской филигранологии: (Неизд. часть работы К. Тромонина «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге».— М., 1844) // Изв. АН СССР.— Отд. обществ. наук.— 1934.— Серия 7.— № 3.— С. 225—234; Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине.— М., 1947.— С. 21—25, 80—91; Кукушкина М. В. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII — начала XX вв.: Ист. очерк и обзор фондов рукопис. отд. б-ки АН СССР.— М., 1958.— Вып. 2.— С. 285—372; и др.

⁷¹ Клепиков С. А. Новые работы в области филигранологии // Проблемы источниковедения.— М., 1961.— Т. 9.— С. 433—438; Клепиков С. А. Филигранология на службе архивиста // Сов. арх., 1967, № 3.— С. 50—58; Кукушкина М. В. Советская палеография.— С. 88—91; Дианова Т. В. Методы изучения филиграней в печатных и рукописных книгах XVII в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.— С. 190—194.

⁷² Каманін І., Вітвіцька О. Водяні знаки на папері українських документів XV і XVII вв. (1566—1651).— К., 1923.

⁷³ Мацюк О. Я. Папір та філіграні на українських землях (XVI — початок XX ст.).— К., 1974.

⁷⁴ Мацюк О. Я. Філігранологія як спеціальна історична дисципліна // Третя респ. наук. конф. з архівознавства.— К., 1968.— С. 187—188.

⁷⁵ Там же.— С. 199.

⁷⁶ Черепинин Л. В. Русская палеография.— С. 340—341.

⁷⁷ Дроценко Н. Н., Рыбаков Б. А. Берестяная грамота из Витебска // Сов. археология.— 1960.— № 1— С. 282—283; Янин В. Л. Я послал тебе бересту.— М., 1955; То же.— 2-е изд., испр. и доп.— М., 1975; Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогат. ист. дисциплины.— Л., 1970.— Вып. 3.— С. 150—178; Авдусин Д. А. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 г. // Сов. археология.— 1966.— № 2— С. 319—324; Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты.— М., 1959; и др.

⁷⁸ Сотникова М. П. Русская эпиграфика в советское время // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1970.— 3.— С. 87.

⁷⁹ Лихачев Д. С. Рец.: Новая наука — берестология // Новый мир.— 1966.— № 2.— С. 271—274.

⁸⁰ Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.— С. 28.

⁸¹ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот.— М., 1955.

ЛАТИНСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

⁸² Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия).— М., 1963.— С. 4—13; Берков П. Н. Проблема литературного направления Ломоносова // XVIII век.— М.; Л., 1962.— Сб. 5.— С. 18.

⁸³ Дорошкевич В. И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы. Первая половина XVI в.— Минск, 1979.— С. 13; Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника.— М., 1981.— С. 110—111; Лазутка С., Гудавичюс Э. Первый Литовский Статут: Палеогр. и текстол. анализа списков.— Вильнюс, 1983.— Ч. I.— С. 7—8; Наливайко Д. С. Станіслав Оріховський як український латиномовний письменник Відродження // Українська література XVI — XVIII ст. та інші слов'янські літератури.— К., 1984.— С. 163—164; и др.

⁸⁴ Яковенко Н. Н. Источники изучения латинского письма на Правобережной Украине в конце XVI — первой половине XVII в. // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1983.— 14.— С. 285—299.

⁸⁵ Литвинов В. Д. Ідеї раннього просвітництва у філософській думці України.— К., 1984.— С. 5.

- ⁸⁶ Купчинський О. А. Про підготовку каталога судово-адміністративних фондів України XV — XVIII ст. // Арх. України. — 1976. — № 5. — С. 16; Ковальський Н. П. Источникование истории Украины XVI — первой половины XVII в. — Днепропетровск, 1979. — Ч. 4. — С. 39—67.
- ⁸⁷ Яковенко Н. Н. О языковом составе гродских и земских книг Правобережной Украины на протяжении XVII в. // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. — Днепропетровск, 1983. — С. 64—72.
- ⁸⁸ Каманин И. Палеографический изборник: Материалы для истории южно-рус. письма в XV — XVIII вв. — К., 1899. — Вып. 1. — С. 12—17; Колесников И. Палеография документальной (архивной) письменности // Арх. дело. — 1939. — № 4 (52). — С. 27; Панашенко В. В. Палеография українського скоропису другої половини XVII ст. — К., 1974. — С. 37, 40—42, 53.
- ⁸⁹ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источникование отечественной истории: Сб. ст. — М., 1973. — Вып. 1. — С. 47.
- ⁹⁰ Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника. — М., 1981. — С. 37—46.
- ⁹¹ Запаско Я., Исаевич Я. Каталог стародруків, виданих на Україні. — Львів, 1981. — Кн. 1. — С. 15, 95—116.
- ⁹² Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X — XVII в. — М.; Л., 1962. — С. 538.
- ⁹³ Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. 2-е изд. — М.; Л., 1936; Люблинская А. Д. Латинская палеография. — М.; Л., 1969; Киселева Л. И. Готический курсив XIII — XV вв. — Л., 1974; Малов В. Н. Происхождение современного письма. — М., 1975; и др.
- ⁹⁴ Каманин И. Палеографический изборник... — С. 12—17.
- ⁹⁵ Захарчишина П. І. Палеографічні особливості львівського письма XVI — XVII ст. // Іст. джерела та їх використання. — 1964. — Вип. 1. — С. 193.
- ⁹⁶ Купчинський О. А. Розвиток галицько-волинського документа в контексті міжслов'янських зв'язків XIII — XIV ст. // З історії міжслов'янських зв'язків: Зб. наук. праць. — К., 1983. — С. 41, 42.
- ⁹⁷ Ружицький Е. Й. Скорочення в латинських документах XIV — XVIII ст. (на матеріалах ЦДІА УРСР у м. Львові) // Третя респ. конф. з архівознавства та ін. спец. іст. дисциплін. — К., 1968. — С. 138—162; Ружицький Е. Й. Скорочення в латинському готичному письмі XIII — XVI ст. (за матеріалами ЦДІА УРСР у м. Львові) // Іст. джерела та їх використання. — 1972. — Вип. 7. — С. 93—102; Ружицький Е. Й. Цифри латинського письма XIV — XVIII ст. (на матеріалах ЦДІА УРСР у м. Львові) // Там же. — 1971. — Вип. 6. — С. 145—153.
- ⁹⁸ Яковенко Н. М. Передумови поширення і характер латинського письма на Правобережній Україні (друга половина XVI — перша половина XVII ст.) // Арх. України. — 1978. — № 6. — С. 8—19; Яковенко Н. Н. Палеография латинского документального письма на Правобережной Украине (вторая половина XVI — первая половина XVII в. /: Автореф. дис... канд. ист. наук.— К., 1983; Jakovenko N. Zur Frage der Wechselwirkung zwischen lateinischer und kyryllischer Schrift in der Ukraine (Ende des 16. — I. Hälfte des 17. Jh // Scrittura è civilità.— Roma, 1984.— Vol. 8.— P. 161—184.
- ⁹⁹ Mallon J. Paleographie romaine. — Madrid, 1952. — Р. 22—157. О методике Ж. Маллона в оценке советских ученых см.: Люблинская А. Д. Новая теория развития позднеримского письма // Средние века. — 1958. — Вып. 11. — С. 145—155; Мажуга В. И. Отождествление руки писца в палеографии и кодикологии // Вспомогат. ист. дисциплины. — 1976. — 7. — С. 272—297; Киселева Л. И. Новые методы определения почерков (палеография и математическая статистика) // Там же. — 1982. — 13. — С. 250—256.

ГЛАВА VII. ДИПЛОМАТИКА

¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. — М., 1970. — С. 10—11.

² Лихачев Н. П. Из лекций по дипломатике, читанных в имп. Археол. ин-те. — Спб., 1905/06. — С. 32, 33—34, 38.

- ³ Там же.— С. 47—50.
- ⁴ Каштанов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теорет. и метод. пробл.— М., 1969.— С. 152.
- ⁵ Юрасовский А. В. Грамоты XI — середины XIV века в составе русских летописей // История СССР.— 1982.— № 4.— С. 144.
- ⁶ Каштанов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики.— С. 153.
- ⁷ Зимин А. А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI — XVII вв. // Тр. МГИАИ.— 1963.— Т. 17.— С. 399—428; Черепнин Л. В. У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатики») в России: (Вотчинные арх. и судеб. экспертиза док. в XV — нач. XIV в.) // Вопр. архивоведения.— 1963.— № 1.— С. 52—62.
- ⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV — XV веков.— М.; Л., 1948.— Ч. 1.— С. 162; М., 1951.— Ч. 2.— С. 10, 18—25.
- ⁹ Лаптев И. Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков.— Спб., 1824.
- ¹⁰ Саларев С. Описание разного рода российских грамот // Вест. Европы.— 1819.— Ч. 103, 104.— № 4, 5.
- ¹¹ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней Руси.— Киев, 1860—1863.— Т. 1—2.
- ¹² Каманин И. Об экспертизе древних подложных документов // Тр. XI археол. съезда в Киеве (1899).— М., 1902.— Т. 2.— С. 38—42; Каманин И. Судьба грамоты кн. Романа Галицкого // ЧИОНЛ.— Киев, 1906.— Кн. 19.— С. 70—80; Каманин И. Из истории подложных документов // Там же.— 1907.— Кн. 20.— С. 1—11.
- ¹³ Левицкий О. И. Об актовых книгах, относящихся к истории Юго-западного края и Малороссии.— М., 1900.
- ¹⁴ Даشكевич Я. Р. Стан та завдання української дипломатики // Третя resp. наук. конф. з архівознавства та ін. спец іст. дисциплін.— К., 1968.— 2-га секція.— С. 122—123, 125—127.
- ¹⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Введение к записной книге крепостных актов XV — XVI веков, явленных в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // Русская историческая библиотека.— Спб., 1898.— Т. 17.— С. 1—30.
- ¹⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому.— М., 1906.— С. 719—764.
- ¹⁷ Копанев А. И. Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1978.— 9.— С. 81—85.
- ¹⁸ Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому.— Пг., 1916.
- ¹⁹ Копанев А. И. Советская дипломатика // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1968. 1.— С. 63—64.
- ²⁰ Шумаков С. Грамоты и записи // Обзор грамот Коллегии экономии.— М., 1917.— Вып. 4.— С. 1—43; Шумаков С. Грамоты и записи // Большая энцикл. Южакова.— Спб., 1901—1902.— Т. 7.— С. 429—434, 702—703; Т. 9.— С. 511—513.
- ²¹ Ардашев Н. Н. Дипломатика: Литографиров. курс.— М., 1905.
- ²² Лихачев Н. П. Из лекций по дипломатике.— Спб., 1905—1906.— С. 9, 16—19; Лихачев Н. Дипломатика.— Спб., 1901; Лихачев Н. Из истории дипломатики (XIX в.).— Спб., 1905—1906.
- ²³ Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод.— М. 1983.— С. 101—102.
- ²⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, чит. слушателям «Арх. курсов» при Петрогр. археол. ин-те в 1918 г.— Пг., 1920.
- ²⁵ Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод.— С. 105—106.
- ²⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов.— С. 51.
- ²⁷ Там же.— С. 82.
- ²⁸ Там же.— С. 135.
- ²⁹ Там же.— С. 164.
- ³⁰ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение: Теорет. и метод. пробл.— М., 1969.— С. 435.
- ³¹ Копанев А. И. Советская дипломатика.— С. 64.
- ³² Рус. ист. журн.— 1922.— № 8.— С. 259—265.

- ³³ Валк С. Н. / Рец. на кн.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов // Рус. ист. журн.— 1922.— № 8.— С. 244—258; Книга и революция.— 1920.— № 2.— С. 39—40.
- ³⁴ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст.— М., 1973.— Вып. 1.— С. 51.
- ³⁵ Валк С. Н. Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову.— Пг., 1922.— С. 113—132.
- ³⁶ Валк С. Н. Сборник грамот Коллегии экономии: / историограф. заметки // Борьба классов.— 1924.— № 1—2.— С. 228—245.
- ³⁷ Там же.— С. 244.
- ³⁸ Валк С. Н. / Рец. на кн.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частного акта.— С. 250—253; Валк С. Н. Грамоты полные.— С. 122.
- ³⁹ Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины.— М.; Л., 1937.— С. 295—308.
- ⁴⁰ Тихомиров М. Н. О частных актах в древней Руси // Ист. зап.— 1945.— Т. 17—С. 225—244.
- ⁴¹ Там же.— С. 244.
- ⁴² Панеях В. М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка // Вспомогат. ист. дисциплины.— Л., 1978.— Т. 10.— С. 66—70; Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв.— Л., 1986.
- ⁴³ Кроп'якевич І. Студії над державою Богдана Хмельницького // ЗНТШ.— Львів, 1927.— Т. 147.— С. 55—76.
- ⁴⁴ Смирнов И. И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. // Пробл. истории матер. культуры.— Л., 1933.— № 5—6.
- ⁴⁵ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма.— М., 1978.— С. 190—302, 216, 218—219, 228, 231—238.
- ⁴⁶ Коробков Н. Русская дипломатика: Краткий очерк // Арх. дело.— 1946, № I.— С. 17—37.
- ⁴⁷ Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод.— С. 117.
- ⁴⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, XIV—XX вв.— М., 1948—1951.— Ч. 1—2.
- ⁴⁹ Горский А. Д. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л. В. Черепнина (к 70-летию со дня рождения) // Археогр. ежегодник за 1975 г.— 1976.— С. 169—170.
- ⁵⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв.— Ч. 2.— С. 7.
- ⁵¹ Там же.— С. 10—11.
- ⁵² Черепнин Л. В. Акты конца XIV—XV вв., их разновидности и значение в качестве исторического источника // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV—начала XVI в.— М., 1952.— Т. 1.— С. 638—650; Черепнин Л. В. Материалы второго тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV—начала XVI в.» как исторический источник // Там же.— М., 1958.— Т. 2.— С. 572—581; Черепнин Л. В. Материалы третьего тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV—начала XVI в.» как исторический источник // Там же.— М., 1963.— Т. 3.— С. 514—534; Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский— буржуазный историк и источниковед // Вопр. истории.— 1949.— № 8.— С. 30—51; Черепнин Л. В. У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатики») в России...; Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв.: Сб. ст., выступлений, воспоминаний.— М., 1984; и др.
- ⁵³ Конанев А. И. Советская дипломатика.— С. 67.
- ⁵⁴ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в.— М., 1967; Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики.— М., 1970.
- ⁵⁵ Каштанов С. М. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI века // Зап. Отд. рукописей ГБЛ.— 1959.— Вып. 18.— С. 5—32; Ивана Л. И. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. // Там же.— 1961.— Вып. 24.— С. 5—21; Ивана Л. И. Копийная книга актов Симонова монастыря XVII в. // Пробл. источниковедения.— 1962.— Вып. 10.— С. 229—240; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина

и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). — М., 1977 — С. 24—32; и др.

⁵⁶ Носов Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении // Пробл. источниковедения.—1962.— Вып. 10.— С. 282; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России.— Л., 1969.— С. 179—180; Копанев А. И. Советская дипломатика.— С. 62—63.

⁵⁷ Клосс Б. М. О составе копийной книги московского митрополичьего дома // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1973.— № 5.— С. 107—112. Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник.— Л., 1946; и др.

⁵⁸ Кріп'якевич І. Підробки документів Богдана Хмельницького // Наук.-інформ. бюл. Арх. упр. УРСР.—1960.— № 3.— С. 3—8; Дацкевич Я. Грамота Федора Дмитровича 1062 року // Там же.— 1962.— № 4.— С. 9—20.

⁵⁹ Świeciński J. Forma pierwsszych pomników dyplomatycznych ruskiej // Księga pamiątkowa ku czci L. Pińskiego.— Lwow, 1936.— T. 2.— S. 249—253. Свєнціцький І. питання про автентичність договорів Русі з греками в Х ст. // Вопр. слав. языкоznания.—1949.— Кн. 2.— С. 103—122.

⁶⁰ Свєнціцький І. Західноукраїнські грамоти XIV — XV ст. // Питання укр. мово-звістства.— Львів, 1957.— Кн. 2.— С. 3—37.

⁶¹ Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. (Дипломатика).— Киев, 1963.

⁶² Введенський А., Дядиченко В., Стрельський В. Допоміжні історичні дисципліни: Корот. курс.— С. 104.

⁶³ Чунтулова В. Форми документів актових книг Кременецького гродського суду // Іст. джерела та їх використання.—1964.— Вип. 1.— С. 203—209; Самойленко В. І. Акти на маєтки в XIV — XVII вв. // Там же.— 1966.— Вип. 2.— С. 5—12; Генсьорський А. І. З коментарем до Галицько-Волинського літопису: (Волин. та галиц. акти XIII ст.) // Там же.—1969.— Вип. 4.— С. 184—194; Миць М. Дипломатичні особливості актових документів Волинського облвиконкому // Там же.— С. 129—169; и др.

⁶⁴ Врадий Н. Ф. Источниковедческий анализ актовых книг ЦГИА УССР во Львове // Вопр. архивоведения.—1963.— № 4.— С. 58—60; Дацкевич Я. Дослідження автентичності документа в судовій практиці другої половини XVII ст.: (Нарис з укр. дипломатики) // Арх. України.—1979.— № 1.— С. 20—27; и др.

⁶⁵ Копанев А. И. Советская дипломатика // Вспомогат. ист. дисциплины 1968.— 1.— С. 56—72. Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР.— С. 199—218; Проценко Л. А. Палеография, дипломатика и филографология в украинских радянских дослідженнях // Іст. джерела та їх використання.—1968.— Вип. 3.— С. 198—199; Дацкевич Я. Р. Стан та завдання української дипломатики // Третя респ. наук. конф. з архівознавства та ін. спец. іст. дисциплін.—2-га секція.— С. 113—137.

⁶⁶ Дацкевич Я. Р. Стан та завдання української дипломатики.— С. 114—129.

⁶⁷ Пащуто В. Т.; Хорошкевич А. Л. Совместная публикация советских и польских историков: (По поводу изд. Литов. метрики) // Вопр. истории.—1981.— № 2.— С. 158—160.

⁶⁸ Кащенов С. М. Дипломатика как специальная историческая дисциплина // Вопр. истории.—1965.— № 1.— С. 39—44; Кащенов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теорет. и методол. пробл.— С. 134—170; Кащенов С. М. Очерки русской дипломатии.— М., 1970.

⁶⁹ Кащенов С. М. Очерки русской дипломатии.— С. 13—14.

⁷⁰ Кащенов С. М. Дипломатика // СИЭ.— М., 1964.— Т. 5.— Стб. 229; Кащенов С. М. Очерки русской дипломатии.— С. 7—8.

⁷¹ Кащенов С. М. Очерки русской дипломатии.— С. 14.

⁷² Там же.— С. 11, 31.

⁷³ Материалы симпозиума по актуальным проблемам источниковедения // Источниковедение отечеств. истории, '1976.—1977.— С. 231—232.

⁷⁴ Фарсобин В. В. О предмете дипломатики и ее соотношении с источниковедением // Вопр. истории.—1978.— № 1.— С. 29—40; Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод.— С. 101—118.

⁷⁵ Фарсобин В. В. О предмете дипломатики и ее соотношении с источниковедением.— С. 40.

⁷⁶ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.— С. 37—40.

⁷⁷ Соболева Н. А. О тенденциях развития специальных исторических дисциплин: Историогр. обзор за 1964—1978 гг.// Источниковедение отечеств. истории, 1979.—1980.— С. 226.

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ

⁷⁸ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии.— М., 1970; Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории.— М., 1970; и др.

⁷⁹ Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР.— С. 29.

⁸⁰ Техника управления,—1927.— № 1.— С. 14; Делопроизводство: Учеб. пособие.— М., 1964.— С. 8.

⁸¹ Лившиц Я. З. Документоведение как научная дисциплина // Сов. арх.—1973.— № 6.— С. 17; Сокова А. Н. Современные исследования в области документоведения // Там же.—1978.— № 4.— С. 44.

⁸² Русинов Н. В. Десятичная классификация документов.— М., 1925; Голубов С. Н. Структура и документация: Общ. и спец. методы рационализации: Курс лекций.— М., 1930; Нефедов Г. А. Канцелярское дело.— М.; Л., 1926; Бузинный О. Практичний підручник діловодства українською мовою.— Х.; К., 1924; Славуцкий Г. И., Войтицкий С. И. Карточная система делопроизводства для центральных и губернских учреждений.— Харьков, 1924; Евтихеев А. Ф. Десятичная система классификации в административном делопроизводстве.— Харьков, 1921.

⁸³ История делопроизводства в СССР: Учеб. пособие.— М., 1974; Лившиц Я. З. Из истории стандартизации и унификации административных документов в советских учреждениях // Вопр. архивоведения.—1964.— № 2; Додонова М. И. Проблема делопроизводства в советской литературе 20-х гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— М., 1975; Тамм И. Е. Из истории становления советского делопроизводства (по материалам 1921 г.) // Археогр. ежегодник за 1969 г.— 1971.— С. 160; Сольский Ю. И. НОТ и вопросы делопроизводства (1918—1924 гг.) // Сов. арх.—1969.— № 6.— С. 47—50; и др.

⁸⁴ Лившиц Я. З. Документоведение как научная дисциплина // Там же.—1973.— № 6.— С. 19.

⁸⁵ В этой связи представляется неточным определение предмета документоведения лишь как изучение технической стороны делопроизводства и формальных признаков документа (см.: Митяев К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопр. архивоведения.—1964.— № 2.— С. 35; Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии.— С. 13).

⁸⁶ Сокова А. Н. Современные исследования в области документоведения // Сов. арх.—1978.— № 4.— С. 43.

⁸⁷ Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР.— М., 1959.— С. 19—20.

⁸⁸ Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод.— С. 112.

ГЛАВА VIII. ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТРОЛОГИЯ

¹ Зап. Отд. рус. и славян. археол. Петербург. археолог. о-ва.— Спб., 1851.— Т. 1—3.— С. 106—139. Кроме иностранных товаров, вместе с их мерами, в том числе товаров, поступавших в Россию через Украину, в книге описаны и многочисленные русские товары и их меры, в связи с чем Торговая книга в настоящее время рассматривается как важный метрологический источник.

² Памятники древней письменности.—1879.— Вып. 43.

³ Магницкий Л. Арифметика, сиречь наука числительная.— М., 1703.

⁴ Временик Московского общества истории и древностей российских.— М., 1853.— Кн. 17.— С. 35—65.

- ⁵ Там же.— С. 66—90.
- ⁶ Полное собрание законов Российской империи.— Т. 14.— № 10231; Т. 17.— № 12570.
- ⁷ ЦГАДА. Госархив, разряд 19, д. 358.
- ⁸ Ламберти А. И. О первоначальном происхождении и нынешнем состоянии российской линейной меры и веса.— Спб., 1827.
- ⁹ Бутков П. Г. Объяснение русских старинных мер, линейной и путевой // Журн. м-ва внутр. дел.— 1844.— Ч. 8.— С. 247—293.
- ¹⁰ Петрушевский Ф. И. Общая метрология.— Спб., 1849.
- ¹¹ Горбачевский Н. Археографический календарь на 2000 лет.— Вильна, 1869.— С. 101—107.
- ¹² Горбачевский Н. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского.— Вильна, 1874.
- ¹³ Лобко А. Попытка к уравнению мер и веса в Малороссии в XVIII в.// Киев. старина.— 1889.— Т. 26, июль.— С. 232—239.
- ¹⁴ Прозоровский Д. И. Древнерусские меры жидкостей // Журн. м-ва нар. просвещения.— 1854.— № 3.— С. 230—268; *O старинных русских мерах протяжения* // Изв. Петербург. археол. о-ва.— Спб., 1872.— Т. 8, вып. 3.— С. 258—274.
- ¹⁵ Прозоровский Д. И. Древняя русская метрология: Лекции в Археол. ин-те.— Спб., 1888.
- ¹⁶ Никитский А. И. К вопросу о мерах в древней Руси // Журн. м-ва нар. просвещения.— 1894.— № 4.— С. 373—420.
- ¹⁷ Кузнецов С. К. Древнерусская метрология.— Малмыж-на-Вятке, 1913.
- ¹⁸ Неселовський О. З. Подільський третинник (з матеріалів до подільської метрології) // Зап. Кам'янець-Поділ. ін-ту нар. освіти.— 1926.— Т. 1.— С. 1—10.
- ¹⁹ Sochaniewicz K. Miary i ceny produktów rolnych na Podolu w XVI wieku // Lud.— 1929.— Т. 28.— Zeszyt 3.
- ²⁰ Sochaniewicz K. Terminologia czerwonoruskich miar nasypnych [zbożowych] w XV — XVI w.// Zapiski numizmatyczne.— Lwów, 1925.— N 2, 3; Sochaniewicz K. Z zagadnień metrologicznych ziem Czerwonoruskich // Kwartałnik hist.— Lwów, 1925.— Т. 29.
- ²¹ Wierzbowski T. Vademecum.— Lwów, Warszawa, 1926.— S. 214—226.
- ²² Ерофієв І. Н. Про старі українські міри, вагу та грошовий обіг // Роботи з метрології.— Х., 1927.— Ч. 2.— С. 5—52.
- ²³ Устюгов Н. В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам.— М., 1939.— Ч. 2.— С. 294—348; Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии // Ист. зап.— 1946.— Кн. 19.
- ²⁴ Черепнин Л. В. Русская метрология.— М., 1944.
- ²⁵ Покиличев Д. Л. Волока и наддавок в землеустройстве господарских крестьян при Сигизмунде-Августе // Доп. та повідомл. Львів. ун-ту.— 1949.— Вип. 2.— С. 65—69.
- ²⁶ Введенський А., Дядиченко В., Стрельський В. Допоміжні історичні дисципліни.— С. 142—150.
- ²⁷ Сенік Я. Г. З історії обігу і стабілізації мір об'єму на українських землях у XVI — XVII ст. // Третя респ. наук. конф. з архівознавства та ін. спец. іст. дисциплін.— К., 1968.— С. 393—412.
- ²⁸ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология.— М., 1965; То же.— 2-е изд.— М., 1975.
- ²⁹ Сидор І. І. Міри в документальних матеріалах XVIII — XIX ст. Чернівецького обласного державного архіву // Іст. джерела та їх використання.— 1966.— Вип. 2.— С. 215—221.
- ³⁰ Hoshowski S. Ceny we Lwowie w XVI i XVII wieku.— Warszawa, 1928.
- ³¹ Котляр М. Ф. Скільки важив «камінь» у Львові та Луцьку на початку XV ст. // Арх. України.— 1967.— № 3.— С. 39—41.
- ³² Сидоренко С. Ф. Метрологія Лівобережної України XVIII ст.— К., 1975.
- ³³ Лепенко Н. О. Генеральний опис 1765—1769 рр.— джерело для вивчення земельних мір Лівобережної України // Укр. іст. журн.— 1983.— № 2; Лепенко Н. А. Из истории земельных мер на Левобережной Украине в конце XVII — первой

- половине XVIII в. // Актуальні е вопросы историческої науки. — К., 1984. — С. 26—28.
- ³⁴ Сенік Я. Г. З історії народної метрології // Нар. творчість та етнографія. — 1979. — № 3; Сидоренко О. Ф. Українська метрологія пізнього феодалізму // Укр. іст. журн. — 1980. — № 9.
- ³⁵ Сидоренко О. Ф. Історична метрологія Лівобережної України XVIII ст. — К., 1975; Лепенко Н. А. Генеральний опис 1765—1768 рр.
- ³⁶ Дорошкевич Л. Народна математика // Етногр. вісн. — 1929. — Кн. 8 — С. 152—167.
- ³⁷ Граціанська Л. Деякі відомості про народну математику західних областей України // Ист.-мат. зб. АН УРСР. — 1963. — № 4. — С. 56—65; Зінич В. Народна математика та метрологія // Нар. творчість та етнографія. — 1967. — № 2. — С. 57—63.
- ³⁸ Сидоренко О. Ф. Традиційна народна метрологія // Нар. творчість та етнографія. — 1976. — № 4. — С. 61—68; Сенік Я. Г. З історії народної метрології // Там же. — 1979. — № 3. — С. 90—91.
- ³⁹ Дзендеріловський Й. О. Спостереження над термінологією народної метрології говірок Закарпатської області // Наук. зап. Ужгород. ун-ту. — 1955. — Т. 14. — С. 81—139.
- ⁴⁰ Винник В. О. Назви одиниць виміру і ваги в українській мові. — К., 1966.
- ⁴¹ Худаш М. Л. Лексика українських ділових документів кінця XVI — початку XVII ст. — К., 1961.
- ⁴² Балецкий Э. О путях заимствования украинским языком термина.
- ⁴³ Рыбаков Б. А. Русские системы мер длины XI — XV вв.: (Из истории нар. знаний) // Сов. этнография. — 1949. — № 1. — С. 67—91.
- ⁴⁴ Шостын Н. А. Очерки истории русской метрологии, XI — XIX вв. — М., 1975. — С. 3—12.
- ⁴⁵ Барабой А. З. Про українську історичну метрологію // Ист. джерела та їх використання. — К., 1964. — Вип. 1. — С. 287—289.
- ⁴⁶ Скурат К. У. Даунія беларускія меры. — Мінск, 1974.
- ⁴⁷ Kula W. Miary i ludzie. — Warszawa, 1970. — S. 162.
- ⁴⁸ Kula W. Szkice o manufakturach w Polsce. Warszawa, Część. 1. — 1956. — S. 255.

ГЛАВА IX. НУМИЗМАТИКА

- ¹ Фенглер Х., Гироу К., Унглер В. Словарь нумизматика. — М., 1982. — С. 186—188.
- ² Fraehn C. M. Topographische Übersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland // Bulletin Scientifique, publié par l'Academie imp. des Sciences de St. Petersburg. — 1841. — Т. 9.
- ³ Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. — Спб., 1846.
- ⁴ Тизенгаузен В. Монеты Восточного халифата. — Спб., 1873.
- ⁵ Марков А. К. Топография кладов восточных монет. — Спб., 1910.
- ⁶ Любомиров П. Г. Торговые связи Руси с Востоком в XIII — XI вв. // Учен. зап. Сарат. ун-та. — 1923. — Т. 1.
- ⁷ Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Изв. АН СССР. — 1933. — № 6 / 7.
- ⁸ Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. // Изв. РАИМК. — 1925. — Т. 4. — С. 242—276; Фасмер Р. Р. Завалишинский клад куфических монет VIII — IX вв. // Изв. ГАИМК. — 1931. — Т. 7, Вып. 2; Фасмер Р. Р. Два клада куфических монет // Тр. Нумизмат комис. ГАИМК. — 1927. — Вып. 4; и др.
- ⁹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. — М., 1956. — С. 79—140.
- ¹⁰ Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. — К., 1971. — С. 23.
- ¹¹ Основные закономерности обращения византийских монет на территории Украины обобщены в кн.: Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — М., 1962.

- ¹² Толстой И. И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского: Нумизмат. опыт.— Спб., 1882.
- ¹³ Сотников М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Свод. каталог рус. монет X — XI вв.— Л., 1983.
- ¹⁴ Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения Древней Руси // Вспомогат. ист. дисциплины.— 1973.— 5.— С. 152—169.
- ¹⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья.— С. 182—183.
- ¹⁶ Спасский И. Г. Русская монетная система.— Л., 1970.— С. 62—63.
- ¹⁷ Бекетов И. П. Краткое обозрение древних ходячих монет под названием кун, бывших в употреблении в России // Тр. и летописи О-ва истории и древностей Российской.— М., 1833.— С. 6.
- ¹⁸ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья.— С. 187.
- ¹⁹ Спасский И. Г. Русская монетная система.— С. 69.
- ²⁰ Советская историография Киевской Руси.— Л., 1978.— С. 83.
- ²¹ Спасский И. Г. Русская монетная система.— С. 57.
- ²² Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья.— С. 187—189.
- ²³ Спасский И. Г. Русская монетная система.— С. 71.
- ²⁴ Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде...— С. 167—169.
- ²⁵ Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков.— Пг., 1921.—
- C. 7.
- ²⁶ Котляр М. Ф. Грошовой обіг...— С. 52.
- ²⁷ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX — XIII вв.— М.; Л., 1954.— С. 28.
- ²⁸ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья.— С. 171.
- ²⁹ Спасский И. Г. Русская монетная система.— С. 54—55.
- ³⁰ Котляр М. Ф. Грошовой обіг...— С. 54—55.
- ³¹ Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков.— С. 10.
- ³² Сиверс А. А. Топография кладов с пражскими грошами.— Пг., 1922.
- ³³ Рябцевич В. Н. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV — XV вв.// Нумизматика и сфрагистика.— 1965.— Вып. 2; Соболева Н. А. К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV — XV вв.// Вестн. Моск. ун-та.— 1967.— № 12.— С. 49—61.
- ³⁴ Kotlar M. Znaleziska monet z XIV — XV w. na obszarze Ukrainskiej SRR.— Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.— 1975.
- ³⁵ Болсуновский К. В. Автономные монеты Галицкой Руси XIV в.— К., 1905.
- ³⁶ Ильин А. А. Классификация русских удельных монет.— Л., 1940.— С. 11.
- ³⁷ Котляр М. Ф. Галицька Русь у другій половині XIV — першій чверті XV ст.: іст.-нумізмат. дослідження.— К., 1968.
- ³⁸ Труды III археологического съезда.— Киев, 1878.— Т. 2.— С. 151—157.
- ³⁹ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты...— С. 217—221.
- ⁴⁰ Петров Н. О новооткрытой киевской монете XIV в.— Харьков, 1908; Болсуновский К. Монеты киевских князей XIV ст.— Киев, 1909.
- ⁴¹ Ильин А. А. Классификация русских удельных монет.— С. 19—21.
- ⁴² Котляр Н. Ф. Русско-литовские монеты XIV в.// Вспомогат. ист. дисциплины.— 1970.— 3.— С.— 179—201.
- ⁴³ Iversen J. Eine Münze des Woiwoden der Wallachei Radu III // — Berliner Blätter für Münz Siegel — und Wappenkunde. Berlin, 1868.— Bd. 4.
- ⁴⁴ Gutowski M. Numizmatyka litewska wieków średnich // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne.— Kraków, 1921.— N 1—6.— S. 8—11; Ильин А. А. Монеты Великого княжества Черниговского конца XIV в.// ИРАИМК,— 1920. Т. 1, Вып. 2—3.— С. 11. Ильин А. А. Монеты Великого княжества Черниговского конца XIV в.// Изв. ГАИМК.— 1920.— Т. 1. Вып. 2/3.— С. 11.
- ⁴⁵ Спасский И. Г. Русская монетная система.— С. 133.
- ⁴⁶ Котляр Н. Ф. О монетах Дмитрия-Корибути Ольгердовича // Сообщ. Гос. Эрмитажа.— 1975.— Вып. 9.— С. 72—75.
- ⁴⁷ Котляр М. Ф. Псевдочернігівські монети XIV ст.// Іст. джерела та їх використання.— 1971.— Вип. 6.— С. 175—187.
- ⁴⁸ Котляр М. Ф. Нариси історії обігу й лічби монет на Україні XIV — XVIII ст.— К., 1981.

⁴⁹ Рябцевич В. Н. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии в XVI в. // Нумизматика и сфрагистика.—1969.—Вып. 3; Рябцевич В. Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии // Там же.—1965.—Вып. 1.— С. 152—203.

⁵⁰ Деммени М. К вопросу о чеканке севских чехов // Зап. нумизмат. отд. Рус. археол. о-ва.—1909.— Т. 1.

⁵¹ Шугаевский В. А. Краткий обзор монетных находок Черниговской губернии.—Чернигов, 1915.

⁵² Шугаевский В. А. Монета и денежный счет в Левобережной Украине в XVII в.—Чернигов, 1918.

⁵³ Ершов А. До історії грошової лічби й монети на Лівобережній Україні в XVII ст.// ЗІС ВУАН.—1924.— Т. 19; 1929.— Т. 29; Неселовський П. Так звана брацлавська монета // Там же.— Т. 19.

⁵⁴ Петровський М. До історії пущивльських «чехів» // Там же.—1928.— Т. 28.

⁵⁵ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. // Археогр. ежегодник за 1959 г.—1960.— С. 103—156; Спасский И. Г. Талеры в русском денежном обращении, 1654—1659 гг.— Л., 1960; и др. работы этого ученого.

⁵⁶ Спасский И. Г. Русские государственные награды 1654 г. для войска Богдана Хмельницкого // Сообщ. Гос. Эрмитажа.— Л., 1958.— Вып. 14.— С. 18—21; Спасский И. Г. Золотые — воинские награды в допетровской Руси // Тр. Гос. Эрмитажа.—1961.— Т. 4.— С. 92—134.

⁵⁷ Котляр М. Ф. Нариси історії обігу й лічби монет.— С. 112—187.

⁵⁸ АЮЗР.— Спб., 1861.— Т. 3.— С. 408.

⁵⁹ Крип'якевич І. Монети Богдана Хмельницького і Петра Дорошенка // Стара Україна.—1924.— № 1.

⁶⁰ Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький.— К., 1954.— С. 376.

⁶¹ ЗІС ВУАН.—1925.— Т. 19.

⁶² ЗІС ВУАН.—1926.— Т. 21.

⁶³ Петровський М. Н. Чи існувала на Україні власна монета за часів Богдана Хмельницького // ЗІС ВУАН.—1926.— Т. 21.

⁶⁴ Стара Україна.—1924.— № 7/ 8.— С. 114.

⁶⁵ Котляр М. Ф. Нариси історії обігу й лічби монет...— С. 188—233.

⁶⁶ Kotlar M. Znaleziska monet z XVIII w. na obszarze Ukrainskiej SRR.—Warszawa.—1977.

ГЛАВА X. ГЕРАЛЬДИКА

¹ Гербовник Анисима Титовича Князева / Сост. С. Н. Тройницкий.— Спб., 1912.

² Лакиер А. Б. Русская геральдика.— Спб., 1855.— Кн. 1—2.

³ Винклер П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649—1900 гг.— Спб., 1900.

⁴ Арсеньев Ю. В. Геральдика: Лекции, читав Моск. археол. ин-те в 1907/ 08 гг.— М., 1908.

⁵ Там же.— С. 100.

⁶ Белинский В. Русский геральдический словарь.— Спб., 1912—1913.— Вып. 1—2.

⁷ Лукомский В. К., Типольт П. А. Русская геральдика.— Спб., 1915.

⁸ Лазаревский А. Гетманские клейноды (1758 г.) // Киев. старина.—1882.— № 5.— С. 343—344; Барсуков А. Правительственные печати в Малороссии от времен Стефана Батория до Екатерины II // Там же.—1887.— Т. 19,— С. 90—92; Слабченко М. Материалы по малорусской сфрагистике.— Одесса, 1912.— Лукомский В. К., Модзялевский В. Л. Малороссийский гербовник.— Спб., 1914; Крип'якевич І. З ко-зацькою сфрагистики // ЗНТШ.—1917.— Т. 123—124.— С. 1—16; и др.

⁹ Лукомский В. К. Гербовая экспертиза (случай и способы применения) // Арх. дело.—1939.— № 1/49.— С. 46—76.

¹⁰ Лукомский В. К. О геральдическом художестве в России // Старые годы.—1911.— № 2.— С. 5—35.

- ¹¹ Лукомский В. К. Герб как исторический источник // КСИИМК.—1947.—Вып. 7.— С. 49.
- ¹² Лукомский В. К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Арх. дело.—1939.— № 1 / 49.— С. 46.
- ¹³ Дунин-Борковский К. О гербе и флагах СССР.— М., 1922; Звягинцев Е. История герба СССР // Ист. журн.—1937.— № 5.— С. 130—134; Стрельский В. И. Советский государственный герб // Наук. зап. Київ. ун-ту.—1949.— Т. 8.— Вип. 1.— С. 139—161; Каменцева Е. И., Луппол А. Н. Как создавался советский герб // Вопр. истории.—1962.— № 12.— С. 194—198.; Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине.— М., 1955; Киселев Г. Ф., Любишева В. А. В. И. Ленин и создание государственной печати и герба РСФСР // История СССР.—1966.— № 5.— С. 21—26; Похлебкин В. В. Красная пятиконечная звезда // Вопр. истории.—1967.— № 11.— С. 112—114; Киселев Г. Ф., Сперансов Н. Н. Эмблемы мира и труда.— М., 1968; Бабенко А. Г. В. И. Ленин і радянська емблематика // Арх. України.—1970.— № 2.— С. 27—32; Гербы и флаги СССР.— М., 1972; Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика.— М., 1974; Драчук В. С. Рассказывает геральдика.— М., 1977; Пощелуев В. А. История развития советских гербов (1917—1977 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— М., 1977; Похлебкин В. В. Из истории советской эмблематики // Вопр. истории.—1978.— № 3.— С. 81—97; и др.
- ¹⁴ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика.— М., 1974.
- ¹⁵ Введенський А., Дядиченко В., Стрельський В. Допоміжні історичні дисципліни.
- ¹⁶ Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья.— К., 1975; Драчук В. С. Рассказывает геральдика.— М., 1977; Драчук В. С. Основные геральдические системы на территории СССР: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук.— Киев, 1981; и др.
- ¹⁷ Арциховский А. В. Древнерусские областные гербы // Учен. зап. Моск. ун-та.—1946.— Вып. 93: История.— Кн. 1.— С. 43—67.
- ¹⁸ Соболева Н. А. Российская городская геральдика // Вопр. истории.—1976.— № 3.— С. 49—63; Соболева Н. А. Символы русской государственности // Там же.— 1979.— № 6.— С. 47—59; Соболева Н. А. Становление института городского герба в России XVIII века // История СССР.—1981.— № 2.— С. 170—181; Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв.— М., 1981.
- ¹⁹ Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв.— С. 223—224.
- ²⁰ Там же.— Табл. 2, 3.— С. 196, 200—201, 211, 213, 215, 217.
- ²¹ Пощелуев В. А. История развития советских гербов / 1917—1977 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— М., 1977.
- ²² Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв.— С. 5.
- ²³ Румянцева В. В. Про розвиток геральдики і емблематики міст України // Укр. іст. журн.—1977.— № 8.— С. 76—83; Румянцева В. В., Овсієнко О. Ф. Про давні герби Києва // Арх. України.—1980.— № 3.— С. 63—65; Румянцева В. В. Законодавство Росії про геральдике міст України // На путях дружби и сотрудничества: Сб. науч. тр.—Киев, 1981.— С. 22—28; Румянцева В. В. Роль І Литовського Статута в розвитку геральдики на Україні // Первый Литовский статут 1529 года.— Вильнюс, 1982.— С. 74—78; Румянцева В. В. Емблеми земель и гербы городов Левобережной Украины періоду феодализма.— Київ, 1986; и др.
- ²⁴ Маркевич О. В. Документальні матеріали ЦДІА УРСР у м. Львові як джерело для вивчення сфрагістики // Іст. джерела та їх використання.—1964.— Вип. 1.— С. 233—247; Маркевич О. В. Печатки міст Галичини як історичне джерело.— Там же.—1966.— Вип. 2.— С. 222—237; Маркевич О. В. Значення печаток міст для дослідження міської геральдики // Там же.—1969.— Вип. 4.— С. 246—254.
- ²⁵ Ураносов А. А. Гербы русских городов XVIII в. как материал для истории техники // Тр. Ин-та истории естествознания и техники.—1956.— Т. 7.— С. 225—232; Розов В. С., Терехов В. И. Богатство недр на гербах наших городов // Разведка и охрана недр.—1979.— № 3.— С. 63—64; Сперансов Н. Н. Эмблемы родной природы // Лесной календарь на 1968 г.— М., 1967; и др. В книге-каталоге «Земельные гербы России XII — XIX вв.» (М., 1974) Н. Н. Сперансов поместил несколько сот территориальных гербов по тематике их изображений (например, садоводство,

- животноводство, исторические сюжеты, географическое положение и др.).
- ²⁶ Крип'якевич І. П. Допоміжні історичні дисципліни в науковій роботі архівів // Арх. України.—1961.— № 5.— С. 7—10; Введенський А. А. Вспомогательные исторические науки в работе архивистов // Вопр. архивоведения.—1982.— № 2.— С. 28—31.
- ²⁷ Отин Е. С. Геральдика и топонимика // Рус. речь.—1977.— № 1.— С. 110—118.
- ²⁸ Україна.—1964.— № 4, 8, 48, 49; 1965.— № 8, 14, 29, 42; 1966.— № 5, 14; 1969.— № 44.
- ²⁹ Бабенко А. Г. До питання емблематики радянських міст // Іст. джерела та їх використання.—1971.— Вип. 6.— С. 198—205.
- ³⁰ Стрельский В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР.— Киев, 1976.— С. 27; Вилинбахов Г. В. Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина // Геральдика: Материалы и исслед.— Л., 1983.— С. 3—11.
- ³¹ Шейн Р. Фалеристика — сестра нумизматики // Декоративное искусство СССР.—1965.— № 8.— С. 48.
- ³² Антонов Г. В. Фалеристика // БСЭ.— 3-е изд.— М., 1977.— Т. 27.— С. 196—197; Бурков В. Г. Фалеристика — вспомогательная историческая дисциплина // Вестн. Ленингр. ун-та.—1975.— № 8.— С. 166—167; Бурков В. Г. Фалера и фалеристика // Там же.—1981.— № 2.— С. 27—30; Бурков В. Г. Фалеристика // СВЭ.— М., 1980.— Т. 8.— С. 248; Мякушев С. Д. Фалеристика и изучение советского общества // Источниковедение и историография: Спец. ист. дисциплины: Сб. ст. Моск. ист.-арх. ин-та.— М., 1980.— С. 1—5; и др.
- ³³ Николаев Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии.— Спб., 1898.— Т. 1; Смирнов В. П. Описание русских медалей.— Спб., 1908; Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалеров четырех российских императорских орденов.— М., 1814; Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года.— Л., 1963; Спасский И. Г. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси // Тр. Гос. Эрмитажа.— Л., 1961.— Т. 4.— С. 92—134; Спасский И. Г., Щукина Е. С. Медали и монеты петровского времени.— Л., 1974; Бурков В. Г. Отечественные наградные знаки отличия как исторический источник и предмет фалеристики: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Л., 1979; Ильинский В. Н. Геральдика трудовой славы.— М., 1979; Шумков В. Символы морской славы // Мор. сб.—1984.— № 2.— С. 63—66; Доманк А. С. Знаки воинской доблести.— М., 1982; Вилинбахов Г. В. К истории учреждения ордена Андрея Первозванного и эволюция его знака // Культура и искусство петровского времени.— Л., 1977.— С. 144—158; Дуров В. А. Русские боевые награды за Полтавское сражение // Нумизматика и сфрагистика.—1974.— № 5.— С. 61—63; и др.
- ³⁴ Собрание русский медалей.— Спб., 1840; Ордена и медали Союза ССР.— М., 1984; и др.
- ³⁵ Бурков В. Г. Фалеристика: Учеб. пособие.— Л., 1985.— С. 14—15.
- ³⁶ Дуров В. А. Знаки отличия XVIII — XX вв. как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин.— М., 1984.— С. 170—174; Дуров В. А. Нагрудные знаки русских военных академий, офицерских школ, курсов и классов (1866—1917) // Тр. Гос. ист. музея.—1977.— Вып. 49.— С. 88—109; Дуров В. А. Награды Великой Отечественной // Наука и жизнь.—1974.— № 9.— С. 52—56; Дуров В. А. Наградные именные медали для запорожских и черноморских казаков // Геральдика. Материалы и исследования: Сб. науч. тр.— Л.—1983.— С. 65—84.
- ³⁷ Веревкін В. В. Вища нагорода Країни Рад: (До 50-річчя заснування ордена Леніна) // Вісн. Київ. ун-ту. Іст. науки.—1982.— Вип. 24.— С. 48—54; Веревкін В. В. Награды за трудовые достижения в СССР: История учреждения орденов, медалей и знаков отличия и их значение как исторического источника (1920 — июнь 1941): Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— К., 1982; и др.
- ³⁸ Барштейн Ю. А. Пам'ятні медалі.— К., 1976; Барштейн Ю. А. Події Великої Вітчизняної війни у творах медальєрного мистецтва // Арх. України.—1985.— № 2.— С. 59—71; Барштейн Ю. А. Образ Володимира Ілліча Леніна в українських пам'ятних медалях // Іст. джерела на їх використання.—1970.— Вип. 5.— С. 90—99; Бар-

штейн Ю. А. Ленініана в медальєрному мистецтві // Арх. України.—1970.— № 2.— С. 32—52; и др.

³⁹ Зайцев Б. Н. Емблема професійної спілки робітників-металістів (1923—1931 рр.) // Іст. джерела та їх використання.—1969.— Вип. 4.— С. 266—289; Зайцев Б. Н. Історія ордену Трудового Червоного Прапора УРСР // Третя респ. наук. конф. з архівознавства та ін. спец. іст. дисциплін:—1968.—2-га секція; Зайцев Б. Н. Емблематика Советської України: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.—Харків, 1969; Зайцев Б. Н. Рух за комуністичне ставлення до праці в радянській емблематиці (кінець 50-х — друга половина 60-х років) // Вісн. Харк. ун-ту.—1980.— № 201. Історія.— Вип. 12.— С. 20—26.

⁴⁰ Московський О. Перший радянський // Вечір. Київ.—1984.—1 серп.; Кіркоров П. Історія у значках // Прапор комунізму.—1984.—20 трав.; Кавалери почесного ордена.— Рад. Україна.—1983.—10 серп.; Імені великих полководців: Розповідаємо про бойові нагороди // Під прапором ленінізму.—1977.— № 5.— С. 19; Румянцева В. В. Перший орден Країни Рад // Культура і життя.—1984.— 26 серп.; Єфимов О. М. Ордени бойової слави.— К., 1985; Ерисов О. Бойові нагороди: Від Київської Русі до Великої Вітчизняної // Наука і суспільство.—1982.— № 7.— С. 34—36; Державні нагороди Української РСР: Зб.— К., 1983; Верін В. Про ваші значки: (Розповідь про спортивні значки) // Старт.—1970.— № 9.— С. 32; и др.

⁴¹ Вилинбахов Г. В. Знамена как исторический источник и их место в системе геральдических памятников // Геральдика. Материалы и исследования: Сб. научн. трудов.— Л., 1983.— С. 98.

⁴² Вилинбахов Г. В. Отражение идей абсолютизма в символике петровских знамен // Культура и искусство России XVIII века: Новые материалы и исслед.— Л., 1981.— С. 7—25; Вилинбахов Г. В. Русские знамена XVII века с изображением единорога // Сообщ. Гос. Эрмитажа.—1982.— № 47.— С. 22—24; Вилинбахов Г. В. Эмблемы на ротном знамени Санкт-Петербургского полка 1712 года // Там же.—1979.— № 44.— С. 32—34; Вилинбахов Г. В. Легенда о «знамении Константина» в символике русских знамен XVII — XVIII веков // Там же.—1983.— Т. 23.— С. 26—41.

⁴³ Тр. Гос. Эрмитажа.— Л., 1970.— Т. 11.— С. 25—35.

⁴⁴ Описи Московской Оружейной палаты.— Ч. 3, кн. 1; Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты.— М., 1884; Яковлев Л. П. Русские старинные знамена.— М., 1865; Белов М. Т. Альбом штандартов, флагов и вымпелов Российской империи и иностранных государств.— Спб., 1898; Белавенец П. И. Артиллерийский исторический музей. Знаменный отдел: Крат. указ. коллекций.— Л., 1927; Каталог флагов и знамен Центрального Военно-Морского музея.— Л., 1967; и др.

⁴⁵ Под государственным флагом.— М., 1972; Романюк Ю. Г. З історії Червоного Прапора — символа революційної боротьби пролетаріату // Початкова школа.— 1978.— № 5.— С. 19—29; Зайцев Б. П. Государственный флаг Союза ССР // Вестн. Харьк. ун-та.—1982.— № 225.— С. 13—20; Корнаков П. К. Знамена февральской революции // Геральдика. Материалы и исследования.— С. 12—26.

⁴⁶ Обухов В. В. Символы новой эры: Герб, Гимн и Флаг СССР.— М., 1983; Друженко А. И., Комраков Г. Б., Яковлев Е. В. Символы Страны Советов: Герб, Флаг, Гимн СССР.— М., 1984; Карапанчев В. Пролетарская символика.— М., 1978; Гнидаш В. С. Герб. Флаг. Гимн СССР.— Л., 1985; Символы Батьківщини: Зб.— К., 1982; и др.

⁴⁷ Корнаков П. К. Знамена февральской революции // Геральдика. Материалы и исследования: Сб. научн. тр.— Л., 1983.— С. 12—26.

ГЛАВА XI. СФРАГИСТИКА

¹ Подробней об этих методах см.: Гавриленко В. О. Українська сферагістика: Питання предмета та історіографії.— К., 1977.— С. 21—24.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку.— 2-е изд.— Л., 1926.— С. 47.

³ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси.— Киев, 1888; История Руссов или Малой России.— М., 1846; Ригельман А. Летописное

повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще.— М., 1847; *Летопись Григория Грабянки*.— К., 1854; и др.

⁴ *Евгений (Болховитинов)*. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Мстиславича, удельного князя новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю // Вестн. Европы.— 1818.— Ч. 100.— № 15—16.— С. 201—255.

⁵ *Лакиер А. Б.* Русская геральдика.— Спб., 1855.— Кн. 1—2.— С. 92.

⁶ *Лазаревский А. М.* Сфрагистическая заметка // Чернигов. губ. ведомости. 1854.— № 4; 1858.— № 9; *Лазаревский А. М.* Гетманские клейноды (1758 г.) // Киев. старина.— 1882.— № 5.— С. 343—344.

⁷ *Милорадович Г.* Материалы для истории Южной Руси.— Чернигов, 1858.

⁸ *Ефименко П. С.* Юридические знаки // Журн. м-ва нар. просвещения.— 1874.— Кн. 10, 11, 12.

⁹ *Барсуков А.* Правительственные печати в Малороссии от времен Стефана Батория до Екатерины II // Киев. старина.— 1887.— № 9.— С. 90—92.

¹⁰ *Люценко Е.* О древней вислой свинцовой печати с надписью «от Ратибора», найденной в 1872 г. около г. Еникале, что в Керченском градоначальстве // Тр. Третьего археол. съезда.— 1878.— Т. 2.— С. 165—169; *Петров Н.* Южно-русские металлические вислые печати дотатарского периода // Тр. имп. Киев. духов. акад.— 1913.— № 5; *Леопардов Н.* Набросок о дрогичинских свинцовых пломбах.— К., 1890; и др.

¹¹ *Болсуновский К. В.* Дрогичинские пломбы.— К., 1894.

¹² *Лаппо-Данилевский А. В.* Печати последних галичско-владимирских князей и их советников // Болеслав Юрий II, князь всей Малой Руси: Сб. материалов и исслед.— Спб., 1907.

¹³ *Слабченко М.* Материалы по малорусской сфрагистике.— Одесса, 1912.

¹⁴ *Китицин П.* Печати трех малороссийских казачьих полков в XVIII столетии // Тр. Полтав. учен. арх. комис.— 1906.— Вып. 2.

¹⁵ *Кріп'якевич І.* З козацької сфрагістики // ЗНТШ.— 1917.— Т. 123—124.— С. 1—16.

¹⁶ *Лукомский В. К., Модзалевский В. Л.* Малороссийский гербовник.— Спб., 1914.

¹⁷ *Лихачев Н. П.* Из лекций по сфрагистике.— Спб., 1905—1906.— С. 14.

¹⁸ Н. П. Лихачев, объясняя возникновение обычая использования анонимных печатей без имени князя и без титула по владению, отмечал, что крестные имена специально тщательно скрывались во избежание всяческого вреда и зла. Вместо них употребляли «мирские» имена. Этот древний обычай употребления «мирских» имен или прозвищ, пришедший из Византии, держался на Руси долго (например, Малюта — Григорий Скуратов).

¹⁹ *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики.— Л., 1928—1930.— Т. 1, 2.

²⁰ *Лихачев Н. П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина.— Спб., 1903; *Лихачев Н. П.* Земская печать Московского государства в Смутное время.— М., 1914; *Лихачев Н. П.* История образования российской государственной печати // Биржеевые ведомости.— 1915.— 15 мая.

²¹ *Орешников А. М.* Материалы к русской сфрагистике // Тр. Моск. нумизмат. об-ва.— М., 1903.— Т. 3.— Вып. 1.

²² *Орешников А. В.* Прикладная печать князя Мосальского-Рубца // Нумизмат. сб.— М., 1911.— Т. 1; *Орешников А. В.* Перстень св. Алексея Митрополита // Сборник статей по археологии и византиноведению.— Прага, 1928.— Т. 2.

²³ *Антипович К.* Київська міська печатка // Ювілей. зб.— К., 1927.— С. 825.

²⁴ *Корнилович М.* Печатки 16 київських цехів XIX віку й характер символіки на них // Ювілей. зб.— К., 1928.— Т. 1.— С. 306—311.

²⁵ *Слабченко М.* Запорізькі печатки XVIII ст.// Зап. іст. фіол. від.— К., б/г. Кн. 19.— (1928).— С. 103—109.

²⁶ *Максимова М.* Античные печати Северного Причерноморья // Вестн. древ. истории.— М., 1937.— С. 251—261.

²⁷ Там же.— С. 261.

²⁸ *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси

- X — XII вв. // Сов. археология. — 1940. — Кн. 6; Рыбаков Б. А. Ремесло // История культуры древней Руси: Домонгольск. период. — М.; Л., 1948. — Т. 1. С. 78—181; Рыбаков Б. А. Древние русы // Сов. археология. 1953. — Т. 17. — С. 23—104.
- ²⁹ Крип'якевич І. Стан і завдання української сфрагістики // Укр. іст. журн. 1959. — № 1. — С. 115—119.
- ³⁰ Каменцева Е. И., Устюгов В. Н. Русская сфрагистика и геральдика. — М., 1963.
- ³¹ Стрельский В. И. Геральдика и сфрагистика в научной работе историков: (по материалам укр. арх. и др. науч. учреждений) // Вопр. архивоведения, 1963, № 2. — С. 34.
- ³² Янин В. Л. Новгородские посадники. — М., 1962.
- ³³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. X — XV вв. — М., 1970. — Т. 1—2.
- ³⁴ Молчанов А. А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение Древнерусской буллы // Вспомогат. ист. дисциплины. — 1976. — 7. — С. 82—104; Молчанов А. А. Об атрибуции личнородовых знаков князей Рюриковичей X — XIII вв. // Там же. — 1985. — 16. — С. 66—83; Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Пробл. истории СССР. — 1974. — Вып. 4.
- ³⁵ Ершевский Б. Д. Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII — начала XIII вв. с изображением княжеских знаков // Вспомогат. ист. дисциплины. — 1978. — 10; Ершевский Б. Д. Древнейшие печати новгородских посадников // Сов. археология. — 1978, № 2.
- ³⁶ Янин В. Л. Изучение древнерусских вислых печатей // Вспомогат. ист. дисциплины. — 1968. — 1. — 32—56; Свердлов М. Б. Сфрагистика // Советское источниковедение Киевской Руси. — Л., 1979. — С. 172—177.
- ³⁷ Дракохруст Е. И. К истории войсковых печатей Левобережной Украины XVII — XVIII вв. // Нумизмат. сб. — 1972. — Ч. 4; Покорна А. А. Печати с гербами украинского дворянства // Нумизматика и сфрагистика. — 1973. — Вып. 4. — С. 68—77; Каменцева Е. И. Две Украинские печати XVIII в. из собрания ГИМ // Там же. — 1963. — Вып. 1. — С. 203—205; Каменцева Е. И. Печати учреждений XVIII в. из собрания Государственного исторического музея // Археогр. ежегодник за 1962 г. — 1963. — С. 279—288.
- ³⁸ Соболева Н. А. О методике изучения сфрагистического материала XV — XVIII вв.: (Историограф. заметки) // Вспомогат. ист. дисциплины. — 1976. — 8. — С. 132—150.
- ³⁹ Демидова Н. Ф. Русские городские печати XVIII в. // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. — М., 1966. — С. 518—529; Демидова И. Ф. Русские таможенные печати XVII — XVIII веков. // Аграрная история Европейского Севера СССР. — Вологда, 1970. — С. 171—195; Демидова Н. Ф. Из истории разработки печати и герба Зауральской Башкирии // Вспомогат. ист. дисциплины. — Свердловск, 1974. — Сб. 1. — С. 32—40.
- ⁴⁰ См. сб.: Нумизматика и сфрагистика; Вспомогат. ист. дисциплины; Ист. джерела та їх використання т. д.
- ⁴¹ Гуковский А. И. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины // Вопр. истории. — 1964. — № 2. — С. 58.
- ⁴² Савицкий М. Ф. Печатка Одеського комітету РСДРП // Ист. джерела та їх використання. — 1964. — Вып. 1. — С. 277—283; Аксёнов А. І., Зайцев Б. П. Перші печатки наркоматів Радянської України // Там же. — 1972. — Вип. 7. — С. 126—133; Бабенко А. Печатки державних установ України перших років Радянської влади // Арх. України. — 1972. — № 6. — С. 66—71; Бережний І. С. Печатки революційних установ Одещини // Ист. джерела та їх використання. — 1966. — Вип. 3. — С. 238—246; Ковальська К. Ф. Печатки революційних комітетів Чернігівщини // Третя респ. наук. конф. з архівознавства. 2-га секція. — С. 309—319; Бабенко А. Печатки установ перших років Радянської влади на Поділлі // Друга респ. наук. конф. 2-га секція. — С. 219—225; Зайцев Б. П. Емблематика печаток профспілок Харківщини першого десятиріччя Радянської влади // Ист. джерела та їх використання. — 1966. — Вип. 3. — С. 261—275; Маркевич О. В. Печатки і штампи партійних органів галицьких і буковинських комуністів (1919—1921 рр.) // Там же. — 1971. — Вип. 6. — С. 188—198;

Сіяртова Г. І. Печатки Закарпатської краївової організації Комуністичної партії Чехословаччини (1921—1938 рр.). Там же.—1966.— Вип. 2.— С. 247—255; и др.

⁴³ *Маркевич О. В.* Значення печаток міст для дослідження міської геральдики // Іст. джерела та їх використання.—1969.— Вип. 4.— С. 246—254; *Маркевич О. В.* Печатки міст Галичини як історичне джерело // Там же.—1966.— Вип. 2.— С. 222—237; *Маркевич О. В.* Документальні матеріали ЦДІА УРСР у м. Львові як джерело для вивчення сфрагістики // Там же.—1964.— Вип. 1.— С. 233—247.

⁴⁴ *Маркевич О. В.* Значення печаток міст...— С. 246—254.

⁴⁵ *Маркевич О. В.* Печатки міст України як джерело для дослідження мистецтва і архітектури // Іст. джерела та їх використання.—1971.— Вип. 6.— С. 371.

⁴⁶ *Румянцева В. В.* Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма.—Кiev, 1986.

⁴⁷ *Гавриленко В. О.* Львівські цехові печатки XIV — XV ст. та питання про час їх використання // Іст. джерела та їх використання.—1964.— Вип. 1.— С. 248—262.

⁴⁸ *Гавриленко В. О.* Про предмет, методи і завдання сфрагістики // Третя респ. наук. конф. з архівознавства. 2-га секція.— С. 292—299; *Гавриленко В. О.* Историография украинской сфрагистики.—Львов, 1971.

⁴⁹ *Гавриленко В. О.* Українська сфрагістика.— С. 152.

⁵⁰ *Соболєва Н. А.* О методике изучения сферагистического материала.— С. 132—150; *Соболєва Н. А.* Развитие отечественной сферагистики.— С. 48—63.

⁵¹ См. в док. этой монографии гл. X: Геральдика.

ГЛАВА XII. ГЕНЕАЛОГИЯ

¹ О складывании понятия «генеалогия» и ее задачах см.: *Бычкова М. Е.* Генеалогия в советской исторической литературе // Вспомогат. ист. дисциплины.—1976.— 7.— С. 43—56; *Бычкова М. Е.* Некоторые задачи генеалогического исследования // Там же.—1983.— Вип. 14.— С. 3—22; *Аксенов А. И.* Генеалогия // Вопр. истории.—1972.— № 10.— С. 207—211.

² «Степенная книга» или «Книга Степенной царского родословия» — памятник русской исторической литературы середины XVI в. В ней сделана попытка изложения русской истории со времен Владимира Святославича до Ивана IV. Основное внимание сосредоточено на вопросах происхождения царского рода и наследственности власти.

³ «Бархатная книга» или «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих» содержит данные о наиболее вельможных боярских и дворянских родах России второй половины XVII в. Условное название происходит от ее бархатного переплета.

⁴ *Долгоруков П.* Российская родословная книга.— Спб., 1854—1857.— Ч. 1—4; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга.— Спб. 1873—1875.— Т. 1—2; *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий.— Спб., 1886—1887.— Т. 1—2.

⁵ *Лазаревский А.* Сулимовский архив: фамильные бумаги Сулим, Скоруп, Войцеховичей XVII — XVIII в.—Кiev, 1884.— С. XIII.

⁶ *Лазаревский А. М.* Из семейной хроники Берлов: Очерки, заметки и док. по истории Малороссии.—Кiev, 1895.— С. 91.

⁷ *Антонович В. Б.* О происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России.—Кiev, 1867; *Милорадович Г. А.* Родословная дворян и князей Кочубеев // Kiev. старина.—1888.— № 8.— С. 46—50; Акты фамилии Полуботок с 1669—1737 гг.: (Из арх. гр. Милорадовича).—Чернигов, 1889; Списки черниговских дворян 1783 года.—Чернигов, 1890; *Фотинский О.* Обыкновенные люди старой Вони.—Житомир, 1890; *Модзалевский В. Л.* К родословной гетмана Даниила Апостола // Kiev. старина.—1904.— № 12.— С. 140—142; *Милорадович Г. А.* Малороссийское дворянство.—Чернигов, 1890; *Милорадович Г. А.* Родословная книга Черниговского дворянства.— Спб., 1901.— Т. 1—2; *Максимович М. А.* Обозрение городовых полков и сотен (Бубнов. сотня).—Кiev, 1890; *Руммель В. В.* Модзалевские (Модзалевские, Модзалевские).— Спб., 1902; *Антонович В. Б., Бец В. А.* Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах (Сост. по коллекции В. В. Тарновского).—Кiev, 1885; и др.

⁸ Лазаревский А. М. Очерки малороссийских фамилий: Материалы для истории об-ва в XVII и XVIII ст. // Рус. арх.—1876.— № 12.— С. 437—455; Лазаревский А. М. Люди Старой Малороссии (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевские, Свечки).— Киев, 1882; Лазаревский А. М. Описание Старой Малороссии.— К., 1902.— Т. 3: Полк Прилуцкий. Генеалогические сведения о варвинских сотниках.— С. 354—379; Лазаревский А. М. Очерки старейших дворянских родов Черниговской губернии.— Чернигов, 1885; Лазаревский А. М. Сулимовский архив.— Киев, 1884.

⁹ Лазаревский А. М. Сулимовский архив.— С. 3.

¹⁰ Подробно о содержании подготовленных к печати, но не опубликованных росписей из невышедшего т. 5, которые хранятся в рукописном отделе ЦНБ АН УССР см.: Белоконь С. И. Генеалогические материалы в архиве В. Л. Модзалевского // Археогр. ежегодник за 1979 г.—1981.— С. 266—273.

¹¹ Модзалевский В. Л. Генеральный судья Иван Черныш и его род.— Киев.—1904; Модзалевский В. Л. Очерки по истории Лохвицкой, Сенчанской, Чорнуской, Куренской и Варвинской сотен, вошедших в состав Лохвицкого уезда.— Киев.—1906; Модзалевский В. Л. Модзалевские: Родословная роспись.— Киев.—1912; Модзалевский В. Л. Догадка о происхождении рода Нахимовых.— М., 1915; и др.

¹² Янин В. Л. Генеалогия и геральдика // Очерки истории ист. науки в СССР.— М., 1963.— Вып. 3.— С. 632—633.

¹³ Савелов Л. М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства.— Острогожск, 1898; Савелов Л. М. Генеалогические редкости.— М., 1904; Ульянинский Д. В. Библиотека Д. В. Ульянинского: Обзор источников и лит. рус. родословия.— Спб., 1887.

¹⁴ Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, чит. в Моск. археол. ин-те: В 2 т.— М., 1908—1909.— Т. 1—2.

¹⁵ Бычкова М. Е. Деятельность Русского генеалогического общества // История СССР.—1982.— № 5.— С. 115—120.

¹⁶ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в.— М., 1977.

¹⁷ Котляр М. Ф. Данило Галицкий.— К., 1979; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси, IX — XIII вв.— Киев, 1985; Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах.— Киев, 1986.

¹⁸ Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси, XI — XIII вв. // Вспомогат. ист. дисциплины.—1979.—11.— С. 222—237.

¹⁹ Кузмин А. Г. К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи // Археограф. ежегодник за 1962 г.—1963.— С. 111—120.

²⁰ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси.— М.; Л., 1947.— Т. 1, ч. 1,2.; Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения // Ист. зап. М., 1944.— Т. 18.; Веселовский С. В. Исследования по истории класса служилых землевладельцев.— М., 1969; Веселовский С. В. Акты Русского государства в 1505—1526 гг.— М., 1975; Веселовский С. Б. Приходно-расходные книги московских приказов, 1619—1621 гг.— М., 1983.

²¹ Зимин А. А. Тысячная книга 1556 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.— М.; Л., 1950; Зимин А. А. Акты феодального землевладения и хозяйства.— М., 1956; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки пол. истории России первой трети XVI в.).— М., 1972; Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в.// Вспомогат. ист. дисциплины.—1973.—5; Зимин А. А. Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI века // История СССР.—1973.— № 3; Зимин А. А. Сузdalские и ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в.// Вспомогат. ист. дисциплины.—1976.— Вып. 7; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI вв.).— М., 1977.

²² Бычкова М. Е. Родословные книги XVI — XVII вв. как исторический источник.— М., 1975; Бычкова М. Е. О социальном составе тысячников // Россия на путях централизации.— М., 1982.— С. 175—178; Бычкова М. Е. Редакция родословных книг

второй половины XVI в. // Археогр. ежегодник за 1962 г.—1963.— С. 126—133; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.— М., 1986; и др.

²³ Каменский А. Б. Книги справок Разрядного архива: история составления и источниковед. значение // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.— М., 1983.— С. 162—172; Каменский А. Б. Изучение истории государственных учреждений Московской Руси во второй половине XVIII в.// Ист. зап.—1982.— Т. 108.— С. 259—272.

²⁴ Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археогр. ежегодник за 1959 г.— М., 1960.— С. 18—92; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного.— М., 1964; Веселовский С. Б. Исследование по истории опричнин.— М., 1963; Веселовский С. Б.— Дьяки и подьячие, XV—XVII вв.— М., 1975; и др.

²⁵ Зимин А. А. Состав боярской думы в XV—XVI веках // Археогр. ежегодник за 1957 г.—1958.— С. 41—87; Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в.// Ист. зап.—1979.— Т. 103.— С. 195—241; Медушевская А. Н. Боярские списки первой четверти XVIII в.// Археогр. ежегодник за 1981 г.—1982.— С. 158—163.

²⁶ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства.— М., 1959; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— М., 1968; Бычкова М. Е. Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в.// Польша и Русь.— М., 1974.— С. 365—377; Бычкова М. Е. Русско-литовские политические контакты XV — начала XVI в.// Россия, Польша и Причерноморье в XV — XVIII вв.— М., 1979.— С. 135—146.

²⁷ Бычкова М. Е. Отдельные моменты истории Литвы.— С. 365.

²⁸ Введенский А. А. Торговый дом XVI — XVII веков.— Л., 1924; Введенский А. А. Крестьяне Строгановых в XVI — XVII вв. // Тр. Тбил. ун-та.— 1939.— Т. 10. Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI — XVII вв.— М., 1962.

²⁹ Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI — XVII вв.— С. 3.

³⁰ В родословной, представленной Строгановыми в 1722 г. в сенат для возведения их в баронское звание, проявилось стремление скрыть свое крестьянское прошлое с помощью сфабрикованной легенды об их якобы аристократическом происхождении.

³¹ Бахрушин С. В. Торговые крестьяне в XVII в.// Науч. тр.—1954.— Т. 2.— С. 118—133; Амосов А. А. Крестьянский архив XVI столетия // Археогр. ежегодник за 1973 г.— С. 206—210—1974; Воскобойникова Н. П. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых // Археограф. ежегодник за 1966 г.—1968; Воскобойникова Н. П. Род крестьян Щепоткиных // Вспомогат. ист. дисциплины.—1983.—15.— С. 129—144; и др.

³² Бычкова М. Е. Некоторые задачи генеалогического исследования.— С. 12.

³³ Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России /«лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.// Вспомогат. ист. дисциплины.—1968.—1.— С. 227—269.

³⁴ Каменский А. Б. К истории изучения генеалогии в России в XVIII веке // Источниковедческие исследования по истории феодальной России.— М., 1981.— С. 150—161.

³⁵ Андреева Т. В. Работы П. М. Строева по генеалогии // Вспомогат. ист. дисциплины.—1983.—15.— С. 148—155.

³⁶ Бычкова М. Е. Юзеф Вольф в Петербурге // История и историки. 1978.— М., 1981.— С. 252—262.

³⁷ Бычкова М. Е. Степан Борисович Веселовский — генеалог // История и генеалогия.— М., 1977.— С. 42—55.

³⁸ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси.— М., 1970.— Т. 1—2; Янин В. Л. Новгородские посадники.— М., 1962; Янин В. Л. Я послал тебе бересту.— М., 1975; Янин В. Л. К вопросу о происхождении Морозовых // История и генеалогия.— С. 189—196; и др.

³⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование.— М., 1981.

⁴⁰ Нечкина М. В. Пушкин и декабристы.— М., 1949; и др. Нечкина М. В.

- Грибоедов и декабристы.— М., 1951; Нечкина М. В. Движение декабристов.— М., 1955.— Т. 1—2; Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова.— М., 1982.
- ⁴¹ Петрова О. В. Генеалогия и поиск документов личного происхождения XIX — начала XX века // Сов. арх.— 1973.— № 2.— С. 33—38; Петрова О. В. О родословных справочниках с рукописными дополнениями и исправлениями генеалогов // Археогр. ежегодник за 1976 г.— 1977.— С. 217—220.
- ⁴² Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. Вспомогательные исторические дисциплины.— М., 1984.— С. 194—207.
- ⁴³ Гуковский А. И. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины // Вопр. истории.— 1964.— № 2.— С. 49—62.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ История и генеалогия.— М., 1977; Аксенов А. И. Генеалогия; Бычкова М. Е. Гереалогия советской исторической литературе; Бычкова М. Е. Некоторые задачи генеалогического исследования; Еллатьевский А. В. О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований // Археогр. ежегодник за 1971 г.— 1972.— С. 73—77; Медушевская О. М. Историческая наука и генеалогия // Вопр. истории.— 1970.— № 2.— С. 187.
- ⁴⁶ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе.— С. 43—47.
- ⁴⁷ Аксенов А. И. Генеалогия.— С. 211.
- ⁴⁸ История рабочих Донбасса: В 2 т.— Киев, 1981; История завода «Арсенал» им. В. И. Ленина.— Киев, 1986; и др.

ГЛАВА XIII. ИКОНОГРАФИЯ

- ¹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР — М., 1962.— Вып. 1.— С. 8.
- ² Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР: Сов. период.— 2-е изд., испр. и доп.— М., 1976.— С. 7—8; Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС.— М., 1973.— С. 340—345; Варшавчик М. А. Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология, методика.— Киев, 1984.— С. 234—235; Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко.— М., 1973.— С. 4.; Санцевич А. В. Джерелознавство з історії Української РСР післявоєнного періоду (1946—1970).— К., 1972.— С. 9, 169; и др.
- ³ Стрельский В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР.— К., 1968.— С. 26—36.
- ⁴ Источниковедение истории СССР XIX — начала ХХ в.— М., 1970.— С. 3.
- ⁵ Санцевич А. В. Методика исторического исследования.— К., 1984.— С. 172.
- ⁶ Буслаев Ф. Мои досуги, собранные из периодических изданий мелкие сочинения: В 2 ч.— М., 1886.— Ч. 2.— С. 70, 77.
- ⁷ Там же.— С. 187.
- ⁸ Кызласова И. У истоков изучения древнерусского искусства // Искусство.— 1979.— № 4.— С. 65—66.
- ⁹ СИЭ.— Т. 7.— Стб. 800.
- ¹⁰ Кызласова И. Л. Становление и развитие иконографического метода в трудах Ф. И. Буслаева и Н. П. Кондакова: Автореф. дис... канд. искусствоведения.— М., 1978.— С. 19.
- ¹¹ Айналов Д. В. Иллюстрации к хронике Амартола // Тр. отд. древнерус. лит. Ин-та лингв.— 1925.— Вып. 3; Владимиров В. М., Аллатов М. В., Георгиевский Г. П. Древнерусская миниатюра.— М., 1930; Щакацыхін М. Гравюры і книжные аздобы у выданнях Францишка Скарны.— Минск, 1926; и др.
- ¹² Аричховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник.— М., 1944.
- ¹³ Там же.— С. 28—29.
- ¹⁴ Там же.— С. 36—37; История Киева: В 3 т.—4 кн.— К., 1982.— Т. 1— С. 107.
- ¹⁵ Аричховский А. В. Указ. соч.— С. 41—43.
- ¹⁶ Там же.— С. 178.
- ¹⁷ Буслаев Ф. И. Сочинения.— Спб., 1910.— Т. 2.— С. 305.
- ¹⁸ Свирик А. Н. Древнерусская миниатюра.— М., 1950.
- ¹⁹ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории рус. лицевого летописания.— М., 1965.

²⁰ Там же.— С. 7—9.

²¹ Арицховский А. В. Миниатюра Синодального списка Никоновской летописи // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова.— Л., 1934.— С. 117—125; Шмидт С. О. Миниатюра Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г.// Пробл. источниковедения.— 1950.— Т. 5.— С. 265—284; Свенцицкий І. Прикраси галицьких рукописів XVI ст. Жовква.— 1922—1923.— Вип. 1—3; Кондаков Н. П. Изображения княжеской семьи в миниатюрах XI в.— Спб. 1906; и др.

²² Логвин Г. Н. З глибин: Давня кн. мініатюра, XI — XVIII ст.— К., 1974.

²³ Українські книги кирилловської печаті XVI — XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Гос. б-ке СССР им. В. И. Ленина / Сост. Т. Н. Каменева, А. А. Гусева.— 1976.— Вып. 1.— С. 6—7.

²⁴ Запаско Я., Ісаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків. вид. на Україні.— Львів, 1981.— Кн. 1.— С. 41.

²⁵ Там же.— 1982—1984.— Кн. 2.— Ч. 1—2.

²⁶ Гусева А. А. Українська книжна графіка второй половины XVII в. в собрании отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина // Книга в России до середины XIX века.— Л., 1978.— С. 205.

²⁷ Українські книги кирилловської печаті XVI — XVIII вв.— С. 6.

²⁸ Запаско Я., Ісаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва.— Кн. 1.— С. 16—18.

²⁹ Ровинский Д. Подробный словарь русских гравированных портретов.— Спб., 1889; Верещагин В. А. Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий.— Спб., 1898; Обольянинов Н. М. Каталог русских иллюстрированных изданий.— М., 1914—1915.— Т. 1—2; Адарюков В. Я., Обольянинов Н. М. Словарь русских литографированных портретов.— М., 1916; Сидоров А. А. Русские портретисты XVIII в.— М., 1923; Сидоров А. А. История оформления русской книги.— М.; Л., 1946; Сидоров А. А. Рисунок русских мастеров (вторая половина XIX в.).— М., 1966; Кузьминский К. С. Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX вв.— М., 1937; и др.

³⁰ Кузьминский К. С. Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX вв.— С. 9.

³¹ Там же.— С. 10.

³² Там же.— С. 20—21.

³³ Сидоров А. А. Русские портретисты XVIII века.— М., Пг., 1923.

³⁴ Адарюков В. Я., Обольянинов Н. М. Словарь русских литографированных портретов.— М., 1916.— Т. 1.

³⁵ Сидоров А. А. Русские портретисты XVIII века.— С. 5.

³⁶ Сидоров А. А. Рисунок русских мастеров.— С. 101—107.

³⁷ Там же.— С. 117.

³⁸ Там же.— С. 216—217.

³⁹ Там же.— С. 226.

⁴⁰ Коваленко А. Н. Передвижники и Украина.— К., 1979.

⁴¹ Там же.— С. 47.

⁴² Ситник К. А. Николай Алексеевич Касаткин.— М., 1965.— С. 184.

⁴³ Оун П. Как я фотографировал В. И. Ленина // Комс. правда.— 1941.— 19 янв.

⁴⁴ Самое важное из всех искусств: Ленин о кино: Сб. док. и материалов.— М., 1963.— С. 123, 125.

⁴⁵ Луначарский А. В. О кино.— М., 1956.— С. 37.

⁴⁶ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР.— М., 1926.— Вып. 7.— С. 47.

⁴⁷ Фесуненко И. С. Значение кинофотодокументов как исторического источника и основные задачи комплектования ими Государственного архивного фонда СССР // Тр. МГИАИ.— 1961.— Т. 16.— С. 7—14; Магидов В. М. Материалы хроникально-документального кино и их историческое значение // Проблемы всеобщей истории.— М., 1971.— С. 261—286; Пушкарев Л. Н. Источниковедческие проблемы кинофотодокументов // Сов. арх.— 1968.— № 2.— С. 89—92; Маркітан Л. П. Кінофотодокументи як історичне джерело // Іст. джерела та їх використання.— 1971.— Вип. 6.— С. 60—67.

⁴⁸ Рошаль Л. М. Некоторые вопросы источниковедческого анализа кинодокумент-

тов // Тр. МГИАИ.—1963.— Т. 17.— С. 39—50; Крюкова Л. Н., Рунге В. Ф., Фролов В. Г. Вопросы источниковедческого анализа кинодокументов и комплектования ими госархивов // Сов. арх.—1969.— № 4.— С. 41—49; Листов В. С. О критике кинодокументальных источников (по материалам советских киносъемок 1917—1920 гг.) // Археограф. ежегодник за 1969 г.—1971.— С. 54—69; Никулаев Н. С. О некоторых критериях отбора кинофотодокументов // Сов. арх.—1968.— № 2.— С. 92—95.

⁴⁹ Слончак Н. М. Кінофотодокументи про дружбу і співробітництво трудящих Української РСР з радянськими народами у побудові соціалізму (1926—1941) // П'ята resp. наук. конф. істориків-архієвітів, присвяч. 50-річчю утворення СРСР.—К., 1972.— С. 157—167; Базанова М. М., Слончак Н. М. Кінофотолітопис про спорудження і відродження Дніпрогесу ім. В. І. Леніна // Арх. України.—1977.— № 2.— С. 50—56; Портнова Л. Ю. Здіслення ленінського плану ГОЕЛРО на Україні: (За документами ЦДАКФД УРСР) // Там же.—1980.— № 6.— С. 27—35; Слончак Н. М. Кінофотодокументи ЦДАКФД УРСР про соціально-економічний розвиток Києва у роки довоєнних п'ятирічок // Там же.—1981.— № 6.— С. 54—62.

⁵⁰ Шелест А. М. Кінофотодокументи ЦДАКФД УРСР про возз'єднання західноукраїнських земель з Українською РСР // Арх. України.—1979.— № 5.— С. 22—31; Шелест А. М. Кінофотодокументи ЦДАКФД УРСР про розквіт Північної Буковини в сім'ї радянських народів // Там же.—1980.— № 3.— С. 17—23.

⁵¹ Базанова М. М. Кінофотодокументи про дружбу і співробітництво радянських республік у період і винутого соціалізму // Там же.—1982.— № 6.— С. 34—42; Шпак Г. П., Філіпова Т. П. Документи ЦДАКФД УРСР про дружбу і співробітництво трудящих Української РСР з трудящими братніх республік // Там же.—1979.— № 1.— С. 27—34; Слончак Н. М. Кінофотодокументи ЦДАКФД УРСР про життєвий і творчий шлях О. Є. Корнійчука // Там же.—1985.— № 3.— С. 33—37.

⁵² Топішко Н. О. Кінофотодокументи ЦДАКФД УРСР про будівництво Байкало-Амурської магістралі // Там же.—1984.— № 6.— С. 42—47; Топішко Н. О. Документи ЦДАКФД УРСР про дружбу і співробітництво колгоспників Генічевського району Херсонської області і Махарадзевського району Грузинської РСР // Там же.—1983.— № 6.— С. 23—28.

⁵³ Слончак Н. М., Ятченко Л. Ф. Комсомол республіки в боротьбі за розвиток промисловості: (За документами ЦДАКФД УРСР) // Там же.—1978.— № 5.— С. 61—69; Портнова Л. Ю., Никитенко О. М. Документи ЦДАКФД УРСР про розвиток пionерського руху на Україні: (до 60-річчя Всесоюзної пionер. орг. ім. В. І. Леніна) // Там же.— № 5.— С. 58—62.

⁵⁴ Слончак Н. М. Кінофотодокументи ЦДАКФД УРСР про визволення Лівобережної України // Там же.—1973.— № 3.— С. 34—39; № 4.— С. 52—56; Базанова М. М. Битва за Дніпро і визволення Радянської України. За кінофотодокументами ЦДАКФД УРСР // Там же.—1973.— № 5.— С. 30—39; Скарбовийчук С. М. Визволення Криму: (За кінофотодокументами ЦДАКФД УРСР) // Там же.—1974.— № 2.— С. 31—41; Пількевич Л. Б. Кінофотодокументи про боротьбу за визволення західних областей України // Там же.—1974.— № 4.— С. 31—41; Базанова М. М. Документи ЦДАКФД УРСР про визволення України від німецько-фашистських загарбників // Там же.—1974.— № 5.— С. 31—39; Пшеничний Г. С. Сторінки фотолітопису Великої Вітчизняної війни: (За матеріалами ЦДАКФД УРСР) // Там же.—1975.— № 2.— С. 24—31; Слончак Н. М., Ятченко Н. М. Увічнення подвигів героїв Великої Вітчизняної війни на Україні // Там же.—1981.— № 3.— С. 33—43; Філіпова Т. П. Відбудова народного господарства у визволених районах Радянської України в 1943—1944 pp.: За кінофотодокументами ЦДАКФД УРСР // Там же.—1974.— № 3.— С. 26—37.

⁵⁵ Магідов В. М. Материалы хроникально-документального кино и их историческое значение // Проблемы всеобщей истории: Сб. науч. работ аспирантов ист. фак. МГУ.— М., 1971.— С. 236—261.

⁵⁶ Листов В. С. Советское документальное кино 1917—1919 гг. как источник для исторического исследования (от Октября до национализации кинематографа): Автограф. дис. ...канд. ист. наук.— М., 1968; Магідов В. М. Кінохроніка Москомітета

фотокиноотдела Наркомпроса как исторический источник: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— М., 1973; *Маркитан Л. П.* Кинофотодокументы как источник по истории строительства социализма на Украине: (По материалам ЦГА кинофонодокументов УССР. 1926— янв. 1937 гг.) Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— К., 1974.

⁵⁷ *Миухина Р. С.* Источниковедение истории нового и новейшего времени.— М., 1970.— С. 266—283; *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС.— М., 1973.— С. 340—345.

⁵⁸ *Евграфов Е. М.* Кинофотодокументы как исторический источник: Учеб. пособие.— М., 1973.

⁵⁹ *Спирин Л. М.* Категориальный аппарат историографии // Вопросы истории современной исторической науки.— М., 1984.— С. 77—78.

⁶⁰ *Листов В. С.* Приемы источниковедческого анализа киносценариев документального кино периода Октябрьской революции и гражданской войны // Тр. МГИАИ.— 1966.— Вып. 2.— С. 11.

⁶¹ *Листов В. С.* История смотрит в объектив.— М., 1973.

⁶² *Листов В. С.* Кадры под лупой // Искусство кино.— 1964.— № 11.— С. 7—9; *Документальное кино глазами историка // Наука и жизнь.*— 1965.— № 6.— С. 61—62; Запечатлено кинолетописью // Искусство кино.— 1965.— № 11.— С. 59—62; Две «Кинонёдели» // Там же.— 1968.— № 5; Начало пути: Подборка документов // Там же.— 1969.— № 8.— С. 141—156; *О критике кинодокументальных источников (по материалам советских киносъемок 1917—1920 гг.) // Археогр. ежегодник за 1969 г.; Как начиналась «Киноправда» // Искусство кино.*— 1972.— № 7.— С. 96—106.

⁶³ *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС.— С. 344—345.

⁶⁴ *Магидов В. М.* Источниковедческий анализ кинофотодокументов в историографии ГДР и ПНР // Сов. арх.— 1975.— № 1.— С. 95—102; Кинодокументы: Пробл. источниковед. анализа и использ. в ист. исслед.// История СССР.— 1983.— № 1.— 92—103.

⁶⁵ *Кинолетопись: Аннотир. каталог киножурналов и документ. фильмов украинских студий (1923—1941).*— К., 1969; *Кинолетопись: УССР в Великой Отеч. войне Сов. Союза 1941—1945 гг.: Аннот. каталог док. фильмов, киножурналов и киносюжетов.*— К., 1975; *Кинолетопись: УССР за 60 героических лет 1917—1977: Аннот. каталог документ. фильмов и журн.*— К., 1977.

⁶⁶ *Искусство кино.*— 1979.— № 6.— С. 21.

⁶⁷ *Магидов В. М., Стрекопытов С. П.* Вопросы экспертизы ценностей видеозаписей телевизионных студий // Материалы Всесоюзной конф. «Архивы СССР периода развитого социалистического общества».— М., 1979.— С. 211.

⁶⁸ *Варшавчик М. А.* Историко-партийное источниковедение: Теория. Методология. Методика.— К., 1984.— С. 234.

⁶⁹ *Искусство кино.*— 1979.— № 6.— С. 3.

⁷⁰ Подробнее об использовании кинофотодокументов в пропаганде ист. науки см.: *Маркитан Л. П.* Кинофотодокументы в системе СМИП и информационном обеспечении общественных наук // Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы взаимодействия и координации СМИП в свете требований июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС», Киев, 18—19 нояб. 1983.— К., 1983.— С. 147—171; *Маркитан Л. П.* Значення кінофотодокументів у пропаганді історичних знань // Укр. ист. журн.— 1985.— № 1.— С. 77—84.

⁷¹ *Обществ. науки.*— 1981.— № 2.— С. 46.

⁷² *Шевченко Ф. П.* До питання про використання кінодокументів в історичній науці // Укр. ист. журн.— 1976.— № 6.— С. 70.

⁷³ *Маркитан Л. П.* Монументальна ленініана на Україні в кінофотодокументах (1922—1941 рр.) // Нар. творчість та етнографія.— 1985.— № 3.— С. 40—45.

⁷⁴ *Маркитан Л. П.* Пам'ятники Т. Г. Шевченку в документальних кінокадрах фотографіях // Там же.— 1984.— № 2.— С. 25—33.

⁷⁵ *Шевченко Ф. П.* Вказ. праця.— С. 69.

⁷⁶ *Иллюстрированная история СССР.*— М., 1987.— С. 5.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив ЮЗР (АЮЗР) — Архив Юго-Западной России
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ГАИМК — Государственный архив Института материальной культуры
ГБЛ — Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗІС ВУАН — Записки історичної секції Всеукраїнської академії наук
ЗНТШ — Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка
ІВГО (Ізв. ІВГО) — Ізвестия Всесоюзного географического общества
ІОРЯС — Ізвестия отделения русского языка и словесности АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛНБ АН УССР — Львовская научная библиотека АН УССР им. В. Стефаника
МИГАиК — Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
СВЭ — Советская военная энциклопедия
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
Сов. арх. — Советские архивы
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
Тр. МГИАИ — Труды Московского государственного историко-архивного института
ЧИОИДР — Чтения императорского общества и древностей российских
ЧИОНЛ — Чтения исторического общества Нестора Летописца
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГАКФД УССР — Центральный государственный архив кинофонодокументов
ЦГИА в Киеве — Центральный государственный исторический архив
ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека АН УССР

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдусин Д. А. 102, 248
Аверьянов А. П. 73
Адарюков В. Я. 267
Адоратский В. В. 45
Айналов 267
Аксенов А. И. (Аксёнов А. И.) 198, 262, 265
Алейнер А. З. 239
Алпатов М. В. 226
Алябьев Д. 250
Амбодик Нестор 210
Амосов А. А. 265
Андреев А. И. 7, 13, 118
Андреева Т. В. 265
Андрияшев А. И. 56
Аненков П. А. 221
Аникиев В. В. 236
Антипович К. Е. 181, 262
Аntonov Г. В. 259
Антонович В. Б. 264
Апанович Е. М. 100, 238, 247
Ардашев Н. Н. 115, 251
Аристов Ю. В. 241
Арсеньев Ю. В. 6, 163, 228, 258
Арциховский А. В. 168, 205—207, 258
Арцыбашев Н. 35, 233
Афанасьев П. 34, 233
Ахматов И. 67
Ахундов М. 223
Ахуп М. 236
Бабенко А. Г. 269
Бабенко А. И. 17, 171, 230, 258, 262
Багалей Д. И. 54, 56, 237, 238
Базанова М. М. 268, 269
Базилевич К. В. 72
Балабушевич Т. А. 4
Балецкий Э. 142, 144, 254
Бантиш-Каменский Д. Н. 259
Барабой А. З. 143, 254
Баранов А. Н. 73
Баранов О. 56, 106, 238
Баранский Н. Н. 75, 241
Баратынский Е. А. 212
Барклай де Толли М. Б. 222
Барсов Н. П. 54, 237, 242
Барсуков Ю. А. 161, 178, 258
Барштейн Ю. А. 173, 260
Батов П. И. 218
Бахрушин С. В. 242, 265
Башмаков Д. 65
Безбородько И. А. 212
Бекенштейн И. С. 163
Бекетов И. П. 256
Белинский В. 164, 258
Белов М. Т. 260
Белоэзерский Н. М. 58
Белоконь С. И. 264
Беляев И. С. 94
Бережков Н. Г. 38, 39, 228, 234
Бережний И. С. 262
Беринда Памво 209
Берков П. Н. 96, 104, 246, 249
Берл Иван 191
Бескровный Л. Г. 53, 56, 76, 237, 238, 241
Бестужев Н. А. 223
Білоус Л. М. 234
Богданов 158
Болсуновский К. В. 155, 179, 256, 261
Болгин И. М. 54, 237
Болховитинов Е. 177, 231, 261
Большаков А. М. 6, 7, 10, 36, 228
Бонч-Бруевич В. Д. 258
Боплан Г. 54, 65, 238
Борковский В. И. 102
Боровиковский В. Л. 212
Бортнянский Д. С. 212
Боряк Г. В. 65, 239
Брандебург Н. Е. 247
Бреимов Адасий 158
Брюллов К. П. 212
Буганов В. И. 10, 229
Бузинный О. 253
Булаховский Л. А. 83, 243

- Булыгин С. 236
 Бурков В. Г. 172, 259, 260
 Буслаев Ф. И. 99, 203—206, 266, 267
 Бутич І. Л. 242, 243
 Бутков П. Г. 131, 254
 Бутурлин П. П. 232
 Бучко Д. Г. 86, 243, 244
 Быковский С. Н. 7, 228
 Бычкова М. Е. 195, 197—199, 263—265
 Вавричин М. Г. 239
 Вагилевич И. М. 34
 Валк С. Н. 7, 9, 13, 117, 118, 251
 Варшавчик М. А. 216, 226, 228, 269
 Васнецов В. М. 221
 Вацлав П. 154
 Введенский А. А. 11, 15, 17, 122, 196
     229, 230, 245, 252—254, 258, 265
 Величко С. 39, 207
 Величковский И..106
 Вербовский Т. (Wierzbowski T.) 134,
     254
 Веревкин В. В. 172, 260
 Верещагин В. А. 267
 Верін В. 260
 Веселовский А. Н. 99
 Веселовский С. Б. 84, 119, 120, 144, 195,
     197, 198, 251, 265
 Вилинбахов Г. В. 167, 173, 174, 229, 260
 Вильбрехт А. М. 66
 Винклер П. П. 163, 258
 Винник В! А. 142, 254
 Владимир Василькович 154
 Владимир Ольгердович 155
 Владимир Святославович 208
 Владимира В. М. 267
 Владимирский-Буданов М. Ф. 55, 238
 Воблый К- Г. 56; 238
 Водарский Я. Е. 76, 241
 Войницкий С. И. 253
 Волков Р. М. 222
 Волков Ф. Г. 212, 222
 Волконская М. Н. 212, 223
 Волконский С. Г. 212
 Вологодцев И. К- 56, 238
 Вольтер 38
 Вольф Юзеф 197
 Воронцова-Вельяминова Б. А. 198
 Воскобойникова Н. П. 265
 Врадий Н. Ф. 252
 Всеволод Мстиславович 177
 Высоцкий С. А. 98, 247
 Гавриленко В. О. 185, 186, 261, 262
 Гадзянский С. С. 245
 Галан И. И. 193
 Галкович Б. Г. 241
 Галятовский И. 106
 Гасс И. П. 240
 Гаттерер И. Х. 163
 Ге Н. Н. 213
 Гейслер 211
 Генсьорський А. І. 252
 Георгі 211
 Георгієвський Г. П. 226
 Герклітов А. А. 101, 248
 Герцен А. И. 212, 213
 ГироуГ. 256
 Гиттис Ю. 34, 233
 Гнидаш В. С. 260
 Гнучева В. Ф. 239
 Голенищев-Кутузов И. Н. 104, 249
 Головацкий З. Я. 232
 Головацкий Я. Ф. 35, 233
 Голубева З. Д. 241
 Голубов С. Н. 253
 Голубовский П. 55, 238
 Голубцов И. А. 72, 190, 264
 Голунская-Баранова Т. 39
 Гольденберг Л. А. 53, 56, 75, 76, 237
     240, 241
 Горбачевский Н. И. 131, 135, 232, 254
 Горский А. Д. 251
 Горький А. М. 200
 Грабянка Г. 39, 261
 Граціанска Л. 254
 Греков Б. Д. 56, 238
 Громыко М. М. "198
 ГронскийМ. С. 87, 244
 Гудавичюс Э. 249
 Гуковский А. И. 15, 16, 184, 199, 230,
     262, 265
 Гулюк Г. И. 241
 Гумовский М. (Gumowski M.) 257
 Гуржий И. А. (Гуржій І. А.) 23, 53, 56,
     237, 238, 241
 Гусева А. А. 267
 Данилевич И. Н. 114
 Дашкевич Я. Р. 67, 122, 123, 239, 240,
     243, 252
 Де-Лазари А. Н. 72
 Демидова Н. Ф. 184, 262
 Демин Л. А. 72, 240
 ДеммениМ. 156, 257
     • •
 Дзендерівський И. (Дзендерів-
     ський И. О.) 142, 254
 Дианова Т. В. 248
 Дидро 212
 Дикарів М. О. 233
 Дмитрий-Корибут Ольгердович 155
 Добиаш-Рождественская О. А. 36 107
     233, 249
 Добрянский А. 34
 Довженко А. П. 24
 Додонова М. И. 253
 Долгоруков П. 190, 264
 Доманк А. С. 259

- Дорошенко В. В. 229
 Дорошкевич В. И. 249
 Дорошкевич Л. 141, 254
 Доу Дж. 222
 Дракохруст Е. И. 183, 262
 Драчук' В. С. 167, 258
 Дробышев В. З. 237
 Дрогенина П. Н. 248
 Дружинина Е. И. 238
 Друзенко А. И. 260
 Дунин-Борковский К. 258
 Дуров В. А. 172, 260
 Дэн Альфонс 99
 Дядиченко В. А. 11, 15, 94, 229, 252, 254,
     258
 Дяченко (Дьяченко) В. Д. 85, 244
 Евграфов Е. М. 215, 269
 Евтихеев А. Ф. 253
 Егоров К. Д. 240
 Екатерина II 163, 191
 Еллатьевский А. В. 265
 Еремин М. П. 216
 Ереско В. И. 238
 Ерисов О. 260
 Ермолаев И. П. 38, 230, 234
 Ерофеев И. Н. (Єрофієв І. Н.) 134, 135,
     254
 Ершевский Б. Д. 183, 262
 Єршов А. 257
 Ефименко П. С. 178, 261
 Ефимов А. В. 73
 Жданович Антон Никитин 193
 Житецкий П. И. 99
 Жуков В. Т. 241
 Жуковская Л. П. 93, 102, 245, 248
 Журавлев Н. В. 235
 Жучкевич В. А. 85, 244
 Зайцев Б. П. 170, 173, 260, 262
 Закревский Н. 247
 Замысловский Е. 68
 Запаско Я. П. 208, 246, 249, 267
 Заремба С. З. 4, 39, 230, 234
 Захаркина А. Е. 235, 246, 249
 Захарчишина П. И. 96, 107
 Звягинцев Е. 258
 Зернова А. С. 248
 Зимин А. А. 10, 13, 121, 195, 198, 228,
     234, 250—252, 265
 Зінич В. 254
 Зиновьев М. В. 72
 Знойко А. 88
 Зубов В. П. 231
 Зубрицкий М. 233
 Зуев Н. 68
 Иванецкая И. Н. 96, 246
 Иванов К. А. 18, 230
 Иванова Л. В. 228
 Іваньков П. О. 241, 244
 Іверсен Ю. (Iversen J.) 155, 257
 Івіна Л. И. 122, 252
 Ігорь Олегович 205, 206
 Ідельсон Н. И. 36, 233
 Іловайский Д. И. 68
 Ільян А. А. 153—155, 256, 257
 Ільинський В. Н. 172, 259
 Ісаєвич Я. Я. 86, 87, 136, 208, 231, 244,
     249, 267
 Кабузан В. П. 59, 238, 241, 243
 Казимира Ян 158
 Калачев Н. В. 114
 Калинин М. И. 224
 Каманин И. М. 92, 107, 108, 114, 245,
     248—250
 Каменева Т. Н. 38, 137
 Каменский А. Б. 195, 265
 Каменцева Е. И. 11, 17, 27, 166, 167,
     182, 184, 228—231, 234, 254, 258
 Канаков Л. 68
 Кантор А. М. 203
 Караваєва З. В. 241
 Караманчев В. 260
 Карамзин Н. 34, 131, 177, 222
 Карапатаев И. 232
 Каргер М. К. 98
 Каринский Н. М. 245
 Кармалюк У. 222
 Карпенко Ю. А. 83, 243, 244
 Карский Е. Ф. 90—92, 99, 245
 Касаткин Н. А. 213
 Касиян Сакович 208
 Каштанов С. М. 26, 111, 121, 123, 230,
     250—253
 Кене Б. 155
 Кипренский О. А. 222, 223
 Кирик 31
 Кирков П. 260
 Киров С. М. 224
 Киселев Г. Ф. 166, 258
 Киселева Л. И. 249
 Кіс' Я. П. 234, 245
 Китицин П. 179, 261
 Кияшко В. Я. 11, 235
 Клеваный Л. 71
 Клепиков С. А. 101, 248
 Клосс Б. М. 252
 Князев А. Т. 163, 197, 258
 Кобрин В. Б. 198, 229, 265
 Коваленко А. Н. 213, 267
 Ковальский Н. П. 122, 249
 Ковальська К. Ф. 262
 Кокоринов А. 212
 Колесников И. Ф. 94, 95, 245, 246, 249
 Колесса Ф. 233
 Компан Е. С. 87, 238, 243, 244

- Комраков Г. Б. 260
 Кондаков Н. П. 4, 203—205
 Кондуфор Ю. Ю. 4, 78
 Копанев А. И. 212, 250—252
 Копержинський К. 234
 Копиевский И. 210
 Кордт В. 59, 69, 238, 240
 Кордуб М. М. 82
 Корзухина Г. Ф. 153, 256
 Корин П. Д. 221
 Корнаков П. К. 174, 260
 Корнилович М. И. 181, 262
 Коробков Н. Н. 119, 120, 251
 Королева Н. Г. 95, 246
 Корольова М. О. 241
 Костинская Н. С. 4
 Костриц И. Б. 240
 Костюхина Л. М. 94, 245, 246
 Котерман Юрий 32
 Котляр Н. Ф. (Kotlar M.) 4, 19, 139,
     154, 157, 159, 195, 230, 238, 239,
     254, 256, 257, 264
 Котлярев Г. М. 117
 Кочерга М. 234
 Кравчук В. 234
 Крамской И. Н. 213
 Кремпольский В. Ф. 239
 Крикун М. Г. 65, 239
 Крип'якевич И. П. (Кріп'якевич І. П.)
     87, 119, 157, 158, 179, 182, 183, 244,
     251, 252, 257—259, 261, 262
 Критский Ю. М. 75, 240, 241
 Кропоткин В. Б. 256
 Кругляк Ю. М. 88, 244
 Крюкова Л. Н. 268
 Кудряшов К. В. 70, 240
 Кузнецов С. К. 134, 254
 Кузьмин А. Г. 195, 234, 265
 Кузьминский К. С. 209, 210, 267
 ҃йбышев В. В. 224
 Кукушкин М. В. 93, 245, 248
 Кулаковский Ю. 239
 Куль В. (Kula W.) 145, 255
 Кунаков Григорий 157—159
 Купчинский О. А. 85—87, 242—244, 249
 Кусов В. С. 239
 Кызласова И. 205, 267

 Лазаревский А. М. 54, 58, 177, 178, 191,
     192, 238, 243, 258, 261, 264
 Лазутка С. 249
 Лакнер А. Б. 162, 177, 178, 258, 261
 Лалош М. 34, 232
 Ламберти А. И. 131, 254
 Лаппо-Данилевский А. С. 13, 115—117,
     179, 250—252, 261
 Ланцев И. П. 101, 113, 248, 250
 Латышев В. В. 242
 Лебедева И. Н. 247

 Левицкий Д. Г. 212
 Левицкий О. И. 114, 250
 Ленин В. И. 35, 36, 42, 43, 45, 47, 49, 57,
     59, 60, 62, 68, 69, 71, 44, 164, 208,
     214, 215, 219, 223, 231, 233, 236, 238
 Леонтьев Г. А. 265
 Леопардов Н. 261
 Лепенко Н. О. 254
 Лепешинский Н. О. 230
 Лермонтов М. Ю. 223
 Лившиц Я. З. 253
 Листов В. С. 215, 268, 269
 Литвинов В. Д. 249
 Лихачев Д. С. 102, 107, 247, 248
 Лихачев Н. П. 6, 48, 101, 114, 180, 182,
     228, 248—251, 261, 262
 Лобанов-Ростовский А. Б. 190, 264
 Лобко А. 131, 254
 Лобода В. В. 83, 244
 Логвин Г. Н. 207, 208, 267
 Ломоносов М. В. 66, 95, 113, 222
 Лосенко А. П. 212
 Лукомский В. К. 164, 165, 180, 184, 193,
     258, 261
 Луначарский А. В. 214, 268
 Луппол А. Н. 166, 258
 Любишева В. А. 166, 258
 Люблинская А. Д. 99, 107, 249
 Любомиров П. Г. 149, 256
 Люценко Е. 261
 Ляскоронский В. Г. 65, 238, 239
 Лятос Я. 32
 Ляшенко К. Г. 235

 Мабийон Ж. 111
 Магидов В. М. 215, 216, 268, 269
 Магницкий Л. Ф. 131, 254
 Мажуга В. И. 249
 Маковский К. Е. 213
 Максаков В. В. 236
 Максимова М. 181, 262
 Максимович Л. М. 243
 Максимович М. А. 36, 54, 65, 82, 233,
     237, 239, 243, 264
 Малинская В. А. 243
 Маллон Ж. 108, 249
 Малов В. Н. 25, 230, 249
 Мальгин Г. 163
 Малютин С. В. 226
 Мамаев К. К. 174
 Маркевич А. В. 170, 185, 259, 262
 Маркитан Л. П. 4, 230, 268, 269
 Марков А. К. 149, 241, 256
 Маркова Е. Е. 4, 241
 Маркс К. 57, 230
 Мартова К. Б. 241
 Маслов С. И. 100, 101, 248
 Матье М. 234
 Махнова Г. П. 59, 238
 Мацюк О. Я. 101, 248

- Медушевская О. М. 76, 198, 239, 241
 265
 Медынцева А. А. 99, 247
 Межлаука В. И. 224
 Меркатор Г. 64
 Микоша В. 216
 Миллер Г. Ф. 189
 Милорадович Г. 261, 264
 Минин 221
 Митяев К. Г. 127, 253
 Миць М. Р. 230, 252
 Мнухина Р. С. 241, 269
 Могила П. 208
 Модзалевский В. Л. 180, 192, 193, 258,
 264
 Молодчиков А. В. 4, 238, 241
 Молчанов А. А. 183, 262
 Московський О. 260
 Мстислав Владимирич 177, 261
 Мудрый Ярослав 221
 Муравьев А. В. 245
 Муравьев Э. М. 243
 Муравьева А. Г. 223
 Мчедлидзе Г. Л. 234
 Мякушев С. Д. 259
 Мясоедов Г. Г. 213
 Навлянская М. Г. 239
 Надеждин Н. И. 243
 Налбандян М. Л. 223
 Наливайко Д. С. 249
 Насонов А. Н. 19, 88, 230, 238, 244
 Наулко В. И. 238
 Нелидов Н. В. 236
 Немировский Е. Л. 97, 246
 Нерод В. А. 4
 Нерознак В. П. 88, 244
 Неронов 158
 Неселовский А. З. 131, 134, 254
 Нестеров М. А. 226
 Нечкина М. В. 198, 265
 Нефедов Г. А. 253
 Нехачкин И. В. 189
 Никитенко О. М. 268
 Никитский А. И. 131, 134, 254
 Никишов М. И. 240
 Николаев Г. Г. 259
 Николаева А. Т. 93, 245
 Никольский В. К. 37, 99, 234
 Никонов В. А. 84, 244
 Никулаев Н. С. 268
 Нимчук В. В. 100, 247
 Новиков Н. И. 111, 189, 222
 Носов А. Е. 12, 13, 121, 197, 229, 252, 265
- Обольянинов Н. М. 267
 Обухов В. В. 260
 Овсієнко О. Ф. 259
 Олег 205
- Ольга 205, 208
 Орджоникидзе К. Г. 224
 Орешников А. В. 150, 180, 182, 262
 Орлов А. С. 8, 98, 247
 Орловский А. 222
 Ортений А. 64
 Острогорский М. 34, 233
 Отин Е. С. 170, 259
 Оцуп П. А. 214, 268
- Павлищев Н. И. 68
 Павлов И. П. 226
 Павлова В. П. 239
 Паллас П. 211
 Панащенко В. В. 4, 95, 246, 249
 Панеях В. М. 251
 Панфилов А. К. 95, 246
 Паньков И. П. 235
 Папеброх Д. 111
 Папковский П. П. 240
 Пасинецкий С. З. 232
 Паулович К. 114
 Пацановский Е. Л. 234
 Пашков А. М. 228
 Пашуто В. Т. 56, 238, 252, 265
 Перецовиков Д. М. 233
 Перетц В. Н. 100
 Перов В. Г. 213
 Першак Д. А. 236
 Петрака Ф. 147
 Петр I 66, 147, 163
 Петри Э. Ю. 69
 Петров В. Г. 213
 Петров В. П. 236
 Петров Н. И. 100, 155, 232, 257, 261
 Петрова О. В. 198, 265
 Петровский Н. Н. 23, 37, 156, 158, 257
 Петрушевич А. С. 233
 Петрушевский Ф. И. 131, 142, 254
 Пилькевич Л. Б. 269
 Погодин М. 11 34, 35, 54, 233, 237
 Подобедова О. И. 207, 227
 Пожарский 221
 Покорна Л. А. 184, 262
 Покровский М. Н. 31, 45, 70, 236, 240
 Полак И. Ф. 36, 233
 Полянский П. Е. 33
 Пономаренко Л. А. 67, 240
 Пономаренко М. Ф. 244
 Попов А. И. 84, 244
 Попов П. Н. 100
 Портнова Л. Ю. 268
 Порфидинов Н. Г. 98, 247
 Посмитный М. А. 225
 Поспелов Е. М. 88, 241, 243, 244
 Постников А. В. 76, 240, 241
 Потей И. 33
 Потин В. М. 198
 Потоцкий С. 158, 159

- Покиличев Д. Л. 136, 254
 Покиличев Л. 243
 Похлебкин В. В. 258
 Потелуев В. А. 168, 258, 259
 Прахов А. В. 247
 Премыслер И. 37
 Пренс Ле 211
 Преображенский А. И. 240
 Приселков М. Д. 7, 93, 245
 Прозоровский Д. И. 131, 254
 Пронштейн А. Н. 11, 229, 235
 Проценко Л. А. 252
 Прянишников И. П. 213
 Пушкарев Л. Н. 268
 Пшеничный Г. С. 269
 Пыпин А. Н. 99
 Пядышев В. П. 67

 Радищев А. Н. 222
 Раду III 155
 Разин Степан 222
 Рапов О. М. 195, 264
 Рейсер С. А. 96, 246, 247
 Репин И. Е. 213, 221
 Рерих Н. К. 221
 Ригельман А. 216
 Ровинский Д. 267
 Розов Н. Н. 96, 100, 242, 246, 247, 259
 Роман Михайлович 156
 Роман Осипович 193
 Романюк Ю. Г. 260
 Рославец П. И. 193
 Россовская В. А. 37, 234
 Рошаль Л. М. 268
 Рублев Андрей 207
 Руденко А. Д. 11
 Рудзутак Я. Э. 224
 Рудницкий С. 55, 238
 Ружицкий Э. И. 107, 249
 Руммель В. В. 190, 264
 Румянцев Н. П. 113
 Румянцева В. В. 4, 169, 259, 260, 262
 Рунге В. Ф. 268
 Русинов Н. В. 253
 Рыбаков Б. А. 56, 75, 76, 97, 98, 102, 143,
     181, 238, 239, 241, 246—248, 254,
     262
 Рымша А. 32
 Рябцевич В. Н. 154, 156, 159, 256, 257

 Саар Г. П. 7, 228
 Савелов Л. М. 264
 Савельев П. С. 148, 149, 256
 Савицкий М. Ф. 262
 Саврасов А. К. 213
 Сагайдачный П. 208
 Саларев С. Г. 113, 250
 Салищев К. А. 239
 Салтыков-Шедрин М. Е. 48

 Самовиц 39
 Самойленко В. И. 252
 Санцевич А. В. 4, 235, 236
 Сапега 158
 Саратов И. Е. 170
 Сарбей В. Г. 74, 57, 238, 241
 Свенцицкий И. (Свенцицький І.) 122,
     252
 Свердлов М. Б. 183, 195, 264
 Свирин П. 211
 Свирин А. Н. 97, 207, 227, 246
 Святский Д. О. 35, 233
 Селешников С. И. 38, 234
 Селищев А. И. 245
 Семенов Л. Н. 198
 Семирадский Г. И. 221
 Сенаторский Н. 232
 Сендик З. О. 242
 Сеник Я. Г. 254
 Сербина К. Н. 81
 Серебренников Б. А. 244
 Середонин С. М. 54, 237
 Серов В. А. 224
 Сецинский Е. И. 243
 Сиверс А. А. 154, 256
 Сигизмунд III 192
 Сидор Б. И. 254
 Сидоренко В. П. 16, 230, 235
 Сидоренко Е. Ф. 4, 254
 Сидоров А. А. 208, 212, 213, 267
 Синайський В. І. 234
 Ситник К. А. 267
 Сіяртова Г. Г. 262
 Скальковский А. А. 33, 54, 237
 Скарбовийчук С. М. 268
 Скариня Францишко 227
 Скишпек Ю. 86
 Скворода Г. 33
 Скопин-Шуйский М. В. 221
 Скурат К. У. 254
 Слабченко М. 179, 181, 258, 261, 262
 Славуцький Г. І. 253
 Слончак Н. М. 268, 269
 Смирнов А. В. 222
 Смирнов В. П. 259
 Смирнов И. И. 119, 251
 Смолицкая Г. Н. 243
 Сморгунова Е. М. 246
 Смотрицкий Г. 32
 Соболева Н. А. 12, 21, 123, 154, 168, 169,
     198, 229, 230, 252, 258, 259, 262
 Соболевский А. И. 82, 90, 91, 243, 245
 Сокова А. Н. 253
 Соловьев И. 232
 Соловьев С. М. 68
 Соломник Э. И. 242
 Сольский Ю. И. 253
 Сотникова М. П. 99, 150, 159, 246—248,
     256

- Софинов П. Г. 230
 Соханевич К. (Sochaniewicz K.) 131, 254
 Спасский И. Г. 148, 150—155, 157, 159, 256, 257, 259
 Сперанский М. Н. 100
 Сперансов Н. Н. 166, 259
 Спирина Л. М. 269
 Срезневский И. И. 88, 90, 245
 Сремец (Добрянский А. И.) 232
 Степанов Н. В. 33, 35, 231—233, 245
 Степанович Е. П. 4
 Стрельский В. И. 10, 15, 17, 136, 166, 167, 182, 203, 226, 229, 230, 234, 245, 252, 254, 258, 259, 262
 Строев П. М. 197
 Строгановы 196
 Стрижак А. С. 83, 242, 244
 Судаков Г. В. 246
 Сукин И. Я. 240, 241
 Сукрух А. 34, 233
 Сулим Иван 192
 Сумароков А. 212
 Сумцов Н. 34, 232
 Суперанская А. В. 242
 Суриков В. И. 213, 221, 222
 Сухов В. И. 240
 Сюзюмов М. Я. 234

 Тамм И. Е. 253
 Татищев В. Н. 34, 53, 82, 232, 237
 Тащицкий В. 84, 244
 Терехов В. И. 259
 Терлецкий К. 33
 Тизенгаузен В. В. 148, 256
 Тимирязев Д. А. 68, 223
 Титаренко П. Г. 234
 Тимофеев И. А. 236
 Типольт П. А. 164, 258
 Тихомиров М. Н. 19, 56, 61, 100 102, 118, 203, 230, 238, 245, 251, 266
 Тихонравов Н. С. 99
 Толстой И. И. 150, 155, 256, 257
 Толстой П. 232
 Томашевский Б. В. 100
 Топіяшко Н. О. 268
 Торнау Н. Н. 69
 Тройницкий С. Н. 164
 Трухан Г. А. 16, 230

 Улящик Н. Н. 228
 Унгер В. 256
 Ураносов А. А. 259
 Устюгов Н. В. 37, 135, 137, 166, 182, 234, 255, 258
 Ухова Т. Б. 97, 246
 Участкина З. В. 248

 Фальковский И. Я. 33, 232

 Фарсобин В. В. 20, 21, 25, 26, 123, 230, 236, 251—253
 Фасмер Р. Р. 149, 256
 Федор Иванович 221
 Федоренко П. К. 87, 244
 Федоров Иван 221
 Федотов-Чеховский А. 114
 Фель С. Е. 240
 Фенглер Х. 256
 Фесуненко И. С. 268
 Филалет Х. 32
 Филиппова Т. П. 268, 269
 Фирстов И. И. 235
 Фонвизин Д. И. 222
 Фотинский О. 264
 Франко И. Я. 36, 100, 233
 Френ Х. М. 148
 Фролов В. Г. 268
 Фурманов Ф. А. 226

 Хавский П. В. 33, 34, 231, 232
 Хвостов В. М. 73
 Хмельницкий Богдан 114, 119, 157—159, 183
 Хомутецька З. С. 246
 Хорошкевич А. Л. 198
 Худаш М. Л. 254

 Цилуйко К. К. 83, 243
 Циolkовский К. Э. 223
 Цыпкин С. 236

 Чаев Н. С. 93, 95, 245, 246
 Чаплин Чарли 216
 Чепига И. П. 244
 Черепнин Л. В. 10, 14, 15, 20, 22, 37, 93, 5, 96, 99, 102, 104, 120, 121, 129, 135, 198, 229, 230, 234, 245—252, 254
 Чернов Н. П. 150
 Черноморский М. Н. 226
 Чубинский П. П. 233
 Чунтулова В. 252
 Чуркин В. Г. 239, 240
 Чучка П. П. 87

 Шабульдо Ф. М. 4
 Шагинян Л. П. 234
 Шамиль 222
 Шапиро А. А. 240
 Шахматов А. М. 35, 43, 233
 Шевелев Л. Е. 13, 14, 229
 Шевченко Т. Г. 212, 218
 Шевченко Ф. П. 4, 218, 220, 269
 Шейн Р. 259
 Шелест А. М. 268
 Шереметьева Л. Д. 233
 Шестаков А. В. 7, 228
 Шибанов Ф. А. 239
 Шилов А. А. 118
 Шишkin И. И. 213

- шицгал А. 95, 246
Шляпкин И. А. 98, 246
Шмельков П. М. 212
Шмидт С. О. 10, 14, 229
Шокальский Ю. М. 9
Шорин П. А. 265
Шостак И. Ф. 235
Шостын Н. А. 143, 254
Шпак Г. П. 268
Штейнгель В. 232
Шувалов И. 212
Шугаевский В. А. 156, 158, 257
Шульце И. Г. 147
Шумаков С. 115, 251
Шумков В. 259
Шур Я. И. 37, 234
Шурыгин Я. 236
Щакацыхин М. 227
Щекатов А. М. 243
Щепкин В. Н. 90, 91, 245, 247
Щербатов М. М. 113, 189
Щукина Е. С. 259
Эгельгаф Г. 35
- Эйлер Л. 66
Энгельман А. 35, 233
Энгельс Ф. 57, 80, 230, 242
Эртель А. Д. 247
- Юон К. Ф. 224
Юрасовский А. В. 250
Юшков С. В. 56
- Яблоновский А. 69
Яворницкий Д. И. 54, 56, 67, 131, 142,
238, 240
Яворский Стефан 106
Ягайло Владислав 191
Яковенко Н. Н. 7, 108, 249
Яковлев М. Т. 260
Яковлев С. А. 10
Якубовская С. И. 8, 228
Янин В. Л. 10, 102, 113, 149, 151—153,
183, 197, 198, 229, 248, 256, 262,
264, 265
Яценко Н. М. 269
Яцунский В. К. 53, 56, 71, 76, 77, 237,
239, 241

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3	
Глава I.	Система вспомогательных исторических дисциплин	5
Глава II.	Хронология	30
	Советские исторические хроники	40
Глава III.	Историческая география	53
Глава IV.	Историческая картография	63
Глава V.	Топонимика	80
Глава VI.	Палеография и сопредельные дисциплины	90
	Латинская палеография	104
Глава VII.	Дипломатика	110
	Документоведение	124
Глава VIII.	Историческая метрология	130
Глава IX.	Нумизматика	147
Глава X.	Геральдика	161
Глава XI.	Сфрагистика	175
Глава XII.	Генеалогия	188
Глава XIII.	Иконография	202
	Кинофотодокументы	214
Примечания	228	
Список сокращений	270	
Именной указатель	271	

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КОНДУФОР Юрий Юрьевич
САНЦЕВИЧ Анатолий Васильевич
РУМЯНЦЕВА Валентина Васильевна и др.

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:
ИСТОРИОГРАФИЯ И ТЕОРИЯ**

Художник обложки *О. М. Коспа*
Художественные редакторы *С. П. Квитка, И. П. Савицкая*
Технический редактор *Л. Н. Муравцева*
Операторы *С. И. Тиховская, И. И. Шиманская*
Корректор *И. В. Антюхов*

ИБ № 8005

Сдано в набор 17.07.87. Подп. в печ. 12.05.88. БФ 41001. Формат 60×84/16. Бум. офс. № 2. Лит. гарн. Офс. печ. Усл. печ. л. 16,28. Усл. кр.-отт. 16,28. Уч.-изд. л. 20,89. Тираж 1120 экз. Заказ 8-379. Цена 3 р. 60 к.

Оригинал-макет подготовлен с использованием диалоговой издательской системы ДИС в издательстве
«Наукова думка». 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.